Въ библіотеку
Моск. Дух. Акад.
12/8/16

Н. Д. Протасовъ,
и. д. доцента Императорской Московской Духовной Академіи

СВ. АП. ПАВЕЛЪ НА СУДѢ

У ФЕСТА И АГРИППЫ.

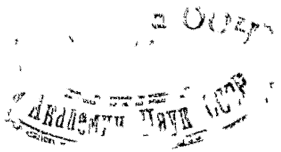
Историко-экзегетическій анализъ содержанія XXV и XXVI главъ книги Дѣяній по греческому тексту

МОСКВА
„Русская Печатня“ (аренд. С. К. Поповъ), Б. Садовая, д. № 14
1913.

По постановленію Совѣта Императорской Духовной Академіи печатать разрѣшается

Ректоръ Академіи *Епископъ Ѳеодоръ*

1913 г мая 20



J17
37

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр

Слово къ читателю III—IX

Введеніе 1—25

Глава I 26—54

Новый прокураторъ Іудеи Порцій Фестъ въ Іерусалимѣ Отказъ іудеямъ въ заочномъ рѣшеніи дѣла ап Павла Дн XXV, 1—5

Глава II 55—95

Судъ надъ ап Павломъ въ Кесаріи предъ Фестомъ Апелляція Апостола къ Кесарю Дн XXV, 6—12

Глава III 96—127

Іудейскій царь Агриппа II съ Вереникой въ Кесаріи Свиданіе съ прокураторомъ Фестомъ Характеристика Фестомъ дѣла Павла Желаніе Агриппы познакомиться съ этимъ дѣломъ Дн XXV, 13—22

Глава IV 128—139

Торжественное собраніе у Феста во дворцѣ Рѣчь прокуратора къ собравшимся съ характеристикой дѣла Павла и обращеніе къ царю Агриппѣ съ особенной просьбой помочь ему въ составленіи litterae dimissoriae Дн XXV, 23—27

Глава V 140—314

Царь Агриппа приглашаетъ ап Павла высказаться о себѣ Рѣчь съ Узника Впечатлѣнія присутствующихъ Дн XXVI глава

Рѣчь ап Павла

Апостолъ проситъ Агриппу, какъ компетентнаго въ іудейскихъ отношеніяхъ, терпѣливо выслушать его (стт 2—3) 147—152

Часть первая Христіанство—надежда Израиля (стт 4—8) 153—178

Стр.

Часть вторая. Какъ Павелъ сдѣлался ученикомъ и апостоломъ Христа (стт. 9—18) . . . . 179—243

Краткій разборъ псилологической теоріи . . . . . 243—254

Часть третья Проповѣдь Павла между язычниками и іудеями (стт. 19—23) . . . . 255—286

Часть четвертая. Окончаніе рѣчи (стт. 24—32). 287—314

Addenda . . . . . 315—366

Къ стр. 31 315

Къ стр. 36. 315

Къ стр. 59 316

Къ стр. 77 . . . . . 316—319

Къ стр. 79 . . . . . 319—321

Къ стр. 86 321

Къ стр. 100 . . . . . 321—322

Къ стр. 108 322

Къ стр. 119 322

Къ стр. 124 322

Къ стр. 138 323

Къ стр. 148 323

Къ стр. 150 324

Къ стр. 154 Культурный Тарсъ и римское гражданство родителей Павла. Національно-іудейское воспитаніе Павла. Іудаистическая церковность современниковъ Павла. Значеніе изученія закона. Домашнее ученіе у іудеевъ. Школьно-синагогальное обученіе. Учитель. Занятія въ синагогальныхъ школахъ. Характеристика учителей въ синагогальныхъ школахъ. Предметы изученія въ школѣ. Раввинистическая методологія. Галаха. Аггада. Мессіанская эсхатологія. Воскресеніе. Мессія . . . . . 325—362

Къ стр. 216 . . . . . 362—366

Index verborum graecorum. . . . . 367—369

Index verborum latinorum . . . . . 370—371

Предметный указатель (русск.) . . . . . 372—378

Указатель именъ . . . . . 379—381

Adjumentum librarium . . . . . 382—386

Corrigenda . . . . . 387—388

Слово къ читателю.

Настоящая книга представляетъ собою анализъ XXV и XXVI главъ книги **Дѣяній**, въ которыхъ св. ев. Лука даетъ достаточно подробное описаніе второй половины кесарійскихъ узъ св. ап. Павла.

Въ послѣднее свое посѣщеніе Іерусалима Великій Апостолъ подвергся нападенію со стороны іудаистовъ, которые давно искали повода отмстить за ренегатство этому нѣкогда знаменитому ревнителю отечественныхъ традицій.

Такимъ поводомъ послужило посѣщеніе имъ храма іерусалимскаго для прекращенія толковъ, будто онъ выступаетъ съ рѣзкой проповѣдью противъ Закона Моисея (**Дн** XXI 21—24). Возбужденная толпа набросилась на Павла, вытащила изъ храма и уже намѣревалась покончить съ нимъ самосудомъ. Но въ этотъ моментъ явился съ воинами римскій хиліархъ, вырвалъ у толпы избитаго Апостола и отправилъ его въ крѣпостную тюрьму. Народъ, подстрекаемый іудаистами, продолжалъ волноваться и требовалъ смерти узника. Это заставило коменданта Іерусалима Клавдія Лизія обратиться къ мѣстному церковному надзору за рѣшеніемъ

недоумѣнія о причинѣ такой ненависти къ этому римскому гражданину. Однако Синедріонъ оказался безсильнымъ дать отвѣтъ, и хиліархъ, узнавъ о замыслѣ нѣсколькихъ фанатиковъ („40“) расправиться съ Павломъ, отправилъ его въ Кесарію съ письменнымъ донесеніемъ къ римскому прокуратору Феликсу.

Съ прибытія въ резиденцію римскаго намѣстника и начинается **первая** половина кесарійскихъ узъ ап. Павла. Феликсъ отнесся къ узнику внимательно, дождался прибытія изъ Іерусалима первосвященника Ананіи во главѣ депутаціи, которая должна была обвинить Павла и добиться его смерти. На судѣ Апостолъ выступилъ съ сильной рѣчью, въ которой доказалъ, что іудеи несправедливо обвиняютъ его въ какихъ-то преступленіяхъ противъ Закона іудейскаго и общественнаго порядка. Прокураторъ вынесъ хорошее впечатлѣніе отъ личности Апостола, ослабилъ надзоръ за нимъ (**Дн** XXIV, 23) и отложилъ рѣшеніе его дѣла до прибытія въ Кесарію Лизія.

Св. Павелъ пробылъ въ дворцовой тюрьмѣ (**Дн** XXIII, 35) послѣ того суда цѣлыхъ два года, въ теченіе которыхъ прокураторъ часто призывалъ къ себѣ узника, бесѣдовалъ съ нимъ и ожидалъ, что тотъ дастъ ему денегъ за свое освобожденіе. Однако Феликсъ ошибся въ своихъ расчетахъ и чрезъ два года послѣ суда надъ ап. Павломъ долженъ былъ уступить свое мѣсто новому прокуратору Порцію Фесту, который засталъ Апостола въ тюрьмѣ.

Съ момента прибытія Феста въ Кесарію начи-

нается **вторая** половина кесарійскихъ узъ св. ап. Павла.

Впервые новый прокураторъ встрѣтился съ дѣломъ Павла въ Іерусалимѣ, куда онъ поспѣшилъ вскорѣ послѣ прибытія въ Кесарію. Въ Іерусалимѣ къ нему являлась многочисленная депутація отъ всего іудейскаго народа и требовала вызова ап. Павла въ Іерусалимъ, замышляя воспользоваться услугами тѣхъ „40“, которые поклялись ни ѣсть, ни пить, пока не убьютъ Павла (**Дн** XXII, 13, 14). Однако прокураторъ отказалъ депутаціи, предложивъ ей прислать въ Кесарію на разборъ этого дѣла тѣхъ, кто могъ бы доказать вину узника. Скоро такая новая депутація прибыла въ резиденцію Феста, и прокураторъ назначилъ судъ надъ ап. Павломъ.

Засѣданіе суда у намѣстника открылось обвиненіями іудаистами Апостола въ преступленіяхъ противъ Закона отцевъ, храма и личности кесаря. Но обвиняемый доказалъ ложность показаній противъ него, и судъ долженъ былъ этимъ закончиться. Однако новый прокураторъ, желая пріобрѣсти популярность у іудейскаго народа, предложилъ ап. Павлу перенести разрѣшеніе его дѣла въ окончательномъ видѣ въ іерусалимскій Синедріонъ, въ рукахъ котораго находился богословскій и церковный надзоръ за жизнью страны. Такое предложеніе Феста исходило изъ характера самого настоящаго дѣла, въ которомъ Апостолъ обвинялся, какъ еретикъ, извращавшій отечественный Законъ, и пр. (**Дн** XXIV, 5). На это св. Павелъ отвѣтилъ аппелля-

ціей къ кесарю, какъ римскій гражданинъ, чѣмъ и прекратилъ самое засѣданіе суда.

Вскорѣ послѣ этого въ Кесарію прибылъ съ визитомъ іудейскій царь Агриппа съ своей сестрой Вереникой. Въ бесѣдѣ съ прокураторомъ онъ узналъ о дѣлѣ Павла и выразилъ желаніе лично познакомиться съ этимъ знаменитымъ проповѣдникомъ ученія Распятаго. На желаніе царя Фестъ отвѣтилъ устроиствомъ торжественнаго собранія у себя во дворцѣ, на которое пригласилъ Апостола. Св. Узникъ произнесъ рѣчь о себѣ, въ которой исповѣдуетъ себя христіаниномъ и доказываетъ, какимъ анахронизмомъ и непониманіемъ самаго смысла пророческихъ писаній вѣетъ отъ современныхъ іудейско-раввинскихъ воззрѣній на Іисуса изъ Назарета. Онъ подробно повѣствуетъ о своей жизни въ „жидовствѣ“, когда уроки въ школѣ знаменитаго іерусалимскаго раввина Гамаліила сдѣлали изъ него яраго гонителя послѣдователей Іисуса Христа. Молодой фарисей готовъ былъ изъ преданности своей школьной религіи истребить самое имя Іисуса, но Промыслъ не допустилъ, чтобы такая богатая натура погибла, не принеся никакихъ плодовъ. Самъ Господь является Савлу на пути въ Дамаскъ, куда тотъ направлялся для преслѣдованія христіанъ, и обращаетъ его въ ревностнаго апостола-миссіонера Своего дѣла среди язычниковъ и іудеевъ. На почвѣ чудесности этого обращенія ап. Павелъ подчеркиваетъ истинность христіанскихъ представленій о Мессіи, полное согласіе съ пророческими антиципаціями и заставляетъ царя іудеевъ констатировать

предъ римскимъ трибуналомъ его полную невиновность вопреки утвержденіямъ представителей Синедріона.

Такъ, въ своей послѣдней на почвѣ Палестины рѣчи Великій Апостолъ доказалъ всю несправедливость, злобу къ себѣ своихъ современниковъ-іудаистовъ, которые оклеветали его предъ римскимъ прокураторомъ и заставили болѣе двухъ лѣтъ томиться въ кесарійской тюрьмѣ.

Изъ даннаго краткаго изложенія второй половины кесарійскихъ узъ св. ап. Павла нетрудно видѣть, что XXV и XXVI главы книги **Дѣяній** представляютъ интересъ не только для богослова, потому что даютъ новые штрихи для образа св. Апостола и его проповѣди, но и для историка культуры и юриста. Этотъ отрывокъ изъ апостольской исторіи даетъ возможность возстановить утерянныя подробности института аппелляціи. Лучшій знатокъ римскихъ юридическихъ древностей Ѳеодоръ Моммзенъ, обратившій вниманіе на судъ св. ап. Павла въ передачѣ ев. Луки, призналъ безусловную цѣнность XXV главы книги **Дѣяній** въ указанномъ отношеніи. Отсюда сама собой вытекала для автора настоящаго изслѣдованія задача—разсмотрѣть данный отрывокъ со стороны культурно-исторической, юридической и чисто-богословской.

Болѣе простымъ и естественнымъ методомъ при раскрытіи поставленной задачи представлялся, конечно, методъ историко-монографическій. Однако я избралъ методъ историко-экзегетическій, имѣя въ виду главнымъ образомъ указанную цѣнность са-

маго повѣствованія о судѣ надъ ап. Павломъ св. ев. Луки, въ подлинности котораго серьезно никто не сомнѣвается. Такъ, греческій текстъ XXV и XXVI главъ книги Дѣяній по рецензіямъ преимущественно Тишендорфа и Бласса (разночтенія указываются только въ экзегетическихъ цѣляхъ) послужилъ канвой для настоящаго изслѣдованія. Этимъ и объясняется неравномѣрное, на первый взглядъ, распредѣленіе подлежащаго матеріала въ исторической (судъ въ Кесаріи у Феста) и богословской (рѣчь Апостола предъ царемъ Агриппой и Фестомъ) частяхъ послѣдняго. Анализъ XXV главы (историческая часть) можно было, по свойству предмета, раздѣлить на четыре главы, тогда какъ часть богословская (XXVI глава) вмѣщена въ одну главу, которая для болѣе удобнаго обозрѣнія расчленена на отдѣлы.

Такимъ образомъ, планъ работы былъ продиктованъ самимъ св. текстомъ, и вниманіе читателя не отвлекается отъ этого послѣдняго. Читатель изучаетъ судъ надъ ап. Павломъ въ представленіи современника и очевидца, сопутствовавшаго св. Страдальцу въ послѣдніе годы его жизни. Отъ этого также изложеніе выигрываетъ въ стройности, и авторъ долженъ былъ особенно позаботиться о томъ, чтобы непосредственность, цѣльность впечатлѣнія не нарушить ненужными подробностями, мелочами. Можно было удѣлить очень много вниманія и мѣста рѣчи о положеніи римской прокуратуры въ Іудеѣ, объ институтѣ аппелляціи, объ обращеніи Савла и пр., но отъ этого подобные вопросы не

выиграли бы въ ясности и отчетливости. Излишнія подробности, которыя не вызывались **содержаніемъ** анализируемаго отрывка, опущены безъ всякаго ущерба для дѣла. Приведено только самое необходимое, исторически точное и несомнѣнное.

Въ заключеніе своего слова обращаюсь къ критикѣ за снисходительнымъ отношеніемъ къ предлагаемой книгѣ, въ которой авторъ даетъ **первую** въ ученой литературѣ попытку систематичнаго изученія **содержанія** XXV и XXVI главъ книги Дѣяній по тексту Κοινη. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приношу глубокую благодарность своимъ любезнымъ рецензентамъ засл. орд. проф. М. Д. Муретову и э.-орд. проф. свящ. В. Н. Страхову за указаніе недостатковъ настоящей диссертаціи въ рукописномъ видѣ.

Авторъ.

Москва.
1913 V / 25.

ВВЕДЕНІЕ.

Римскій намѣстникъ Іудеи Антоній Феликсъ былъ смѣщенъ императоромъ Нерономъ послѣ 8-лѣтнихъ неудачныхъ попытокъ умиротворить страну [1]), его мѣсто занялъ Порцій Фестъ. Съ этого момента начинается вторая половина кесарійскихъ узъ св. Ап. Павла, когда онъ является, какъ преступникъ предъ судомъ въ собственномъ смыслѣ, такъ-какъ, во всякомъ случаѣ, отношеніе Феликса къ дѣлу Апостола нельзя назвать отношеніемъ судьи (**Дн** XXIV, 26.).

Настоящій отрывокъ изъ апостольской исторіи особенно интересенъ тѣмъ, что здѣсь встрѣтились и нашли своеобразное разрѣшеніе интересы римскаго патроната съ одной стороны и іудейскаго законничества — съ другой. Ап. Павелъ, несправедливо оклеветанный (ср. **Дн** XXI, 29 „ἐνόμιζον“) іудейскими фанатиками, избѣжалъ алчныхъ посягательствъ на свою жизнь въ Іерусалимѣ только потому, что своевременно былъ вырванъ у разъяренной черни римскими солдатами и отправленъ въ Кесарію, какъ одинъ изъ нарушителей спокойствія *іудейскаго* общества, который легко могъ вызвать соціальныя волненія. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ содержался въ кесарійской крѣпости въ качествѣ національнаго преступника, наказуемость котораго должна-бы быть опредѣлена по іудейскимъ законамъ. Только *на судѣ* новаго намѣстника Іудеи Порція Феста, послѣ

---

[1]) Ср. Ulpianus—„congruit bono et gravi Praesidi curare, ut pacata atque quieta provincia sit, quam regit“. Dig. 1, 18, 13— здѣсь и ниже цитуемъ Digesta по *Corpus juris civilis* изд. T. Mommsen'a, Berolini. MCMV

того, какъ этотъ послѣдній хотѣлъ примѣнить къ нему jus revocandi domum, желая на первый же разъ показать себя любезнымъ по отношенію къ вождямъ іудейскаго народа, Апостолъ заявляетъ себя римскимъ гражданиномъ и прибѣгаетъ къ jus appellandi Romam. Это обстоятельство и заставляетъ коснуться, хотя самымъ поверхностнымъ образомъ, той культурно-политической почвы, на которой основано содержаніе **Дн** глл. XXV и XXVI.

Эллинизмъ, широкой волной охватившій почти весь міръ въ римскую эпоху, не могъ пройти безслѣднымъ и для Іудеи, хотя она была совершенно ничтожна, незамѣтна предъ міровыми государствами. Постепенно, но прочно римское эллинистическое вліяніе сковывало іудейскую жизнь, вносило въ ея узкія національно-теократическія рамки новый духъ и покоряло этотъ свободолюбивый народъ сильной рукѣ желѣзнаго колосса. Римъ не прибѣгалъ для этого къ насилію, потому что іудейскій народъ самъ отказывался отъ своей политической свободы. Что дѣло обстояло именно такъ, достаточно вспомнить нѣкоторые факты изъ исторіи Іудеи послѣ паденія дома Асмонеевъ и изъ эпохи Ирода Великаго. Какъ извѣстно, послѣ смерти Александры-Саломеи въ 69 г. до Р. Х. Іудея очутилась въ рукахъ младшаго сына Александры съ одной стороны, къ тому времени владѣвшаго цѣлымъ рядомъ крѣпостей, и первосвященника Гиркана II, находившагося подъ вліяніемъ фарисейства, которое вообще пассивно относилось къ политическимъ дѣламъ, съ другой. Образованный, дѣятельный, предпріимчивый Аристовулъ, мечтавшій о воинственномъ прошломъ предковъ, скоро оказался побѣдителемъ въ борьбѣ за тронъ: Гирканъ былъ разбитъ въ сраженіи при Іерихонѣ, выбитъ изъ Іерусалима и долженъ былъ отказаться отъ престола и сана первосвященника. Вслѣдствіе сильной агитаціи нѣкоего Антипатра при аравійскомъ дворѣ, царь Арефа двинулся съ войскомъ противъ Аристовула и заперъ его въ Іерусалимѣ. Аристовулъ отправилъ къ римскому легату Скавру, прибывшему въ Дамаскъ съ порученіемъ отъ Помпея, посольство въ качествѣ делегаціи отъ законнаго іудейскаго царя и просилъ помощи, какъ *младшій союзникъ* великаго Рима. Скавръ понялъ всѣ послѣдствія

этого шага, выгодныя для Помпея, и за нѣкоторую сумму талантовъ далъ Арефѣ строгій приказъ прекратить осаду Іерусалима. Фактически это было первымъ моментомъ подчиненія Іудеи римскому владычеству, такъ какъ характеръ послѣдующихъ дѣйствій Аристовула II вынудилъ Помпея присоединить Іерусалимъ и его округъ къ новой провинціи Сиріи, управленіе которой было поручено легату Скавру [1]).

Нѣтъ нужды слѣдить за событіями послѣдующихъ годовъ (неудачное возстаніе Александра, сына Аристовула II, противъ Габинія, устройство въ Палестинѣ пяти синедріоновъ, освобожденіе изъ Рима Аристовула II при Цезарѣ, убійство Аристовула II и его сына Александра и пр.), для насъ интереснѣе остановиться на ходѣ эллинизаціи Іудеи при Иродѣ Великомъ (37—4 гг. до Р. Х.). Умный, смѣлый, предпріимчивый и честолюбивый Иродъ Великій съ первыхъ шаговъ своего правленія началъ борьбу и оказался побѣдителемъ іудейскаго народа и аристократіи, асмонейской фамиліи и Клеопатры. Сначала— врагъ Рима, онъ вскорѣ обратился за помощью къ Антонію, сражался съ нимъ противъ сирійцевъ и достигъ того, что полководецъ Антонія Созій со всѣмъ своимъ войскомъ перешелъ въ Палестину, присоединился къ полкамъ Ирода и началъ осаду Іерусалима, гдѣ заперся Антигонъ (послѣдній Асмоней). Въ іюнѣ 37 г. до Р. Х. Іерусалимъ палъ, Антигонъ былъ казненъ по приказанію Антонія [2]), и Иродъ, какъ царь, признанный могущественнымъ Римомъ, начинаетъ дѣятельно проводить въ жизнь іудейства эллинистическіе принципы. „Идеаломъ Ирода было введеніе своей страны въ кругъ римской системы права и умственнаго образованія римско-эллинскаго міра. Это былъ, конечно, большей частью потерянный, но, не смотря на то, необходимый трудъ. То іудейство, какого требовали законовѣды Палестины, не было способно поддержать іудейскій государствен-

---

[1]) Schürer *Die Geschichte des Volkes Israels*, 1901, Leipzig, B. 1. ss. 294—301, 304.

[2]) Schürer, ibid. ss. 359 ff., 375 ff.; Гольцманъ *Паденіе іудейскаго государства*, Москва 1899, 224—227.

ный строй среди окружающаго греко-римскаго образованія и могущества. Иродъ, однако, если не считать маленькихъ промаховъ, заботливо берегъ и не оскорблялъ ядра іудейства—религію, но именно тутъ-то онъ и сдѣлалъ положительно геніальную попытку соединить языческія формы съ іудейскими традиціями, построивъ въ Іерусалимѣ храмъ, который долженъ былъ нравиться и іудеямъ и грекамъ... Онъ сумѣлъ добиться для себя и своего маленькаго народа такого вліянія и значенія при императорскомъ дворѣ (Рима), какимъ не пользовался никакой другой царь“ [1]). Вслѣдъ за утвержденіемъ въ Римѣ послѣ битвы при Акціумѣ 2 сент. 31 г. до Р. Х. Октавія, Иродъ вошелъ въ сношенія съ молодымъ императоромъ, оказалъ ему рядъ мелкихъ услугъ въ борьбѣ съ сирійскими князьями и былъ признанъ въ царскомъ достоинствѣ этимъ побѣдителемъ Антонія и Клеопатры. Онъ убиваетъ жену, трехъ сыновей, изгоняетъ другихъ женъ и сына изъ своего дома, преслѣдуя въ этомъ не столько личные интересы, сколько пріобщеніе Іудеи къ культурному міру, чему, конечно, могли препятствовать эти сторонники іудейскихъ традицій. Онъ не боялся нарушать даже прямыя опредѣленія Закона, возобновилъ въ Іерусалимѣ театръ и амфитеатръ, учредилъ блестящія праздничныя игры, повторявшіяся чрезъ каждыя пять лѣтъ, гимнастическія и музыкальныя представленія, состязанія на колесницахъ и лошадяхъ, борьбу со звѣрями, которые выписывались со всѣхъ концовъ свѣта въ святой городъ. Изъ подражанія другимъ провинціямъ Иродъ выстраиваетъ храмъ Цезарю, основываетъ и называетъ его именемъ новые города [2]). Иродъ какъ-бы не хотѣлъ замѣчать, что въ сущности насаждаетъ языческо-греческую культуру, которая, конечно, хотя имѣла положительныя стороны, однако шла въ разрѣзъ съ религіозно-національными воззрѣніями іудейскаго народа. Во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что только въ послѣдніе годы своего царствованія онъ печаталъ монеты съ изображеніемъ

---

[1]) Гольцманъ, 256 и сл.

[2]) Schürer, ibid. ss. 387—394.

орла, раньше же ограничивался невинными символами на нихъ [1]), показываетъ, что онъ щадилъ своихъ соотечественниковъ. Современникамъ казалось, что вернулось блестящее царствованіе Антіоха IV Епифана и первосвященника Язона, при которыхъ греческая партія сдѣлала даже попытку овладѣть правленіемъ [2]). Но если тогда, какъ и еще ранѣе — при Іоаннѣ Гирканѣ (136—105 г. до Р. Х.)—элементы греческой культуры насильственно подавлялись, то со времени Ирода Великаго правящая партія жила мечтами о будущемъ, когда Іудея будетъ вполнѣ культурной страной подъ эгидой всемірной монархіи, и мы вправѣ называть этого знаменитаго іудейскаго царя реформаторомъ. Заложенные имъ корни не погибли совершенно, и хотя нѣкоторые изъ нихъ послѣ него засохли, однако, для эллинизма была протоптана дорожка, и нужно было только ожидать того момента, когда императорскіе орлы на военныхъ знаменахъ появятся въ Іерусалимѣ. Это случилось очень скоро.

Послѣ Ирода В. царское достоинство его преемниковъ начинаетъ все болѣе падать, и Архелай, старшій сынъ Ирода Антипы, правилъ Іудеей, Самаріей и Идумеей съ титуломъ только *этнарха* [3]), но не царя; при немъ Іудея совершенно потеряла свою политическую самостоятельность, и онъ самъ былъ сосланъ Августомъ въ Веенну (Галлія) въ 6 г. по Р. Х. [4]). Іосифъ не опредѣляетъ точно, что послужило ближайшей причиной этого, и только замѣчаетъ: „въ десятый же годъ царствованія Архелая, знатнѣйшіе іудеи и самаряне, не въ силахъ будучи долѣе сносить жестокости его и наглости, принесли на него жалобу Кесарю, надѣясь особенно на то, что Архелай, жестоко съ ними поступая, нарушалъ указъ самого Кесаря, повелѣвавшій ему кротко управлять своими подданными“ [5]). Можно думать, что такой *болѣе* нравственный мотивъ былъ лишь дав-

[1]) Ibid. s. 397.
[2]) Ibid. s. 194.
[3]) Ев. **Мѳ**—II, 22 и Іосифъ Флавій *Antt.* XVIII, IV, 3 неточно называютъ его „βασιλευς“.
[4]) Schürer, ibid. ss. 450—453. Anm.
[5]) *Antt.*, XVII, XII, 2.

но ожидавшимся въ Римѣ поводомъ къ лишенію самостоятельности небольшого, но очень безпокойнаго іудейскаго государства. И понятно, что, когда самъ народъ заявилъ Риму неудовольствіе на своего законнаго правителя, тамъ хорошо поняли значеніе этого момента и не замедлили использовать его въ своихъ интересахъ, назначивъ особаго правителя (намѣстника) изъ *всадниковъ* въ томъ же 6 году. Въ первое время его надзору была подчинена собственно область Архелая, т.-е. Идумея, Іудея, Самарія съ городами Іерусалимомъ, Кесаріей, Іоппе. Какъ видно изъ сословнаго ценза перваго намѣстника Копонія, его область не была въ собственномъ смыслѣ провинціей, а была приписана къ Сиріи, намѣстникъ которой Квиринъ долженъ былъ нѣсколько контролировать іудейскія отношенія [1]).

Въ интересахъ нашего дальнѣйшаго изложенія намъ необходимо коснуться и опредѣлить возможно точнѣе степень подчиненности іудейскаго намѣстника сирійскому легату, потому что тотъ фактъ, что Квиринъ непосредственно послѣ смерти Архелая былъ посланъ въ Іудею изслѣдовать имущественное состояніе жителей новой области, еще не можетъ говорить о *подчиненіи* въ собственномъ смыслѣ Копонія Квирину. Уже одна характеристика личности новаго сирійскаго легата Іосифомъ („сенаторъ, мужъ, прошедшій всѣ государственныя должности и чины, достигшій консульства и ознаменовавшій себя другими многими достоинствами“) [2]) даетъ понять, что въ его лицѣ мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, облеченнымъ *особыми* полномочіями отъ императора.

Въ исторіи римской административной политики особенное значеніе имѣли Юлій Цезарь и Августъ. Въ правленіе Цезаря впервые былъ выдвинутъ вопросъ объ организаціи провинціальнаго управленія. въ виду увеличивавшейся территоріи римскаго государства, которая препятствовала осуществленію централизаціи власти. Нѣсколько мѣропріятій Цезаря въ этомъ направленіи, однако, не оказались особенно жизненными. Въ послѣдую-

---

[1]) *Antt.*, XVIII, 1, 1.
[2]) *Antt.* XVIII 1, 1.

щее время вопросъ этотъ, строго говоря, оставался открытымъ, пока Августъ не пересмотрѣлъ цезаревскій Lex Iulia Municipalis подъ угломъ зрѣнія накопившагося съ того времени матеріала и не составилъ знаменитый Breviarium Imperii въ 727=27 г. до Р. Х. Этотъ годъ былъ годомъ происхожденія неизвѣстнаго дотолѣ въ римской исторіи дѣленія всѣхъ провинцій на императорскія въ собственномъ смыслѣ и сенатскія съ органами управленія, непосредственно зависимыми отъ цезаря или сената. Къ императорскому фиску отошли всѣ провинціи, представлявшія какія-либо затрудненія въ административно-политическомъ отношеніи: такова была, между прочимъ, Сирія съ іудейской областію, одна изъ важнѣйшихъ провинцій, нуждавшаяся въ сильной военной защитѣ съ западной стороны. Наоборотъ, провинціи, наслаждавшіяся полнымъ покоемъ, были предоставлены вѣдѣнію сената [1]). Императорскія провинціи дѣлились на три класса [2]) соотвѣтственно числу и характеру національности туземцевъ: провинціи первыхъ двухъ классовъ обслуживались сенаторами въ званіи консуловъ и преторовъ, третій классъ отличался, такъ сказать, экстраординарнымъ характеромъ: сюда относились чаще небольшія области, недавно покоренныя Римомъ и находившіяся подъ косвеннымъ контролемъ сосѣдняго императорскаго консула или претора. Съ теченіемъ времени онѣ также могли войти въ составъ перваго или второго класса, такъ что назначеніе намѣстниками всадниковъ было только временной мѣрой для лучшаго изученія условій жизни и быта населенія [3]). Въ теоріи императоръ самъ былъ правителемъ въ провинціяхъ, и намѣстники разсматривались лишь въ качествѣ его замѣстителей [4]), которыхъ онъ могъ въ любой

---

[1]) Arnold *The roman system of provincial administration*— Oxford, 1906, pp. 100 ff.

[2]) Ср. Strabo: „εἰς ἃς πέμπει τοὺς ἐπιμελησομένους ὑπατικοὺς ἄνδρας, εἰς ἃς δὲ στρατηγικούς, εἰς ἃς δὲ καὶ ἱππικούς“. *Geograph.* XVII, 3, 25.

[3]) Vgl. Schürer, 1, s. 319, An. b.; Arnold. p. 127.

[4]) Ср. Ulpianus—„praeses provinciae majus imperium in ea provincia habet omnibus post principem“. Dig. 1, 18, 4.

моментъ замѣнить новыми лицами. Поэтому-то было очень трудно говорить объ опредѣленной продолжительности ихъ службы: смерть кесаря всегда могла повлечь за собою замѣну намѣстниковъ, и, вслѣдствіе не особенно точнаго разграниченія своего и государственнаго кесарями императорской эпохи, такая замѣна не бывала удивительной [1]). Намѣстникъ долженъ былъ постоянно находиться въ своей провинціи и не покидать ея даже на однѣ сутки безъ особаго императорскаго разрѣшенія [2]). Это требованіе вытекало съ логической необходимостью изъ самаго названія намѣстниковъ legati Augusti pro praetore [3]); непосредственному надзору ихъ были подчинены всѣ стороны и отношенія провинціальной жизни. Намѣстникъ вѣдалъ разнообразныя области, онъ былъ „praefectus urbi“, совмѣщавшій въ своемъ лицѣ самыя разнородныя должности [4]). Но само собой понятно, что такое внѣшнее сходство не препятствовало намѣстникамъ вырабатывать на мѣстѣ тѣ или другія нормы [5]).

Таковы общія основанія административно-политической организаціи провинцій въ эпоху суда св. Ап. Павла у римскаго намѣстника Іудеи Порція Феста.

Одна изъ важнѣйшихъ римскихъ провинцій—Сирія управлялась консуломъ, приписанная къ ней Іудея—намѣстникомъ

---

[1]) O. Hirschfeld *Die kaiserlich. Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian.*—Berlin, 1905. s. s. 410, 445—446; ср. Arnold, p. 120 f.

[2]) Marcianus—„illud observandum est, ne qui provinciam regit fines ejus excedat, nisi voti solvendi causa; dum tamen abnoctare ei non liceat“. Dig. 1, 18, 15

[3]) Arnold, p 122

[4]) Hermogenianus—„de omnibus causis, de quibus vel Praefectus urbi vel Praefectus praetorio, itemque Consules, et Praetores, ceterique Romae cognoscunt, correctorum et Praesidum provinciarum est notio“; Marcianus—„omnia enim provincialia desideria, quae Romae varios judices habent, ad officium Praesidum pertinent“ Dig 1, 18, 10, 11

[5]) Proculus—„sed licet is, qui provinciae praeest, omnium Romae magistratuum vice et officio fungi debeat, non tamen spèctandum est, quid Romae factum est, quam quid fieri debeat“. Dig. 1, 18, 12.

изъ всадниковъ, носившимъ титулъ procurator, ἐπίτροπος. У Іосифа мы встрѣчаемъ также—ἔπαρχος и ἡγεμών [1]), но со времени императора Клавдія титулъ *прокуратора* сдѣлался обычнымъ, хотя, строго говоря, прилагался къ финансовымъ должностямъ [2]). Цензъ намѣстниковъ третьяго класса обусловливался тѣмъ, что имъ приходилось въ мѣстахъ служенія быть прежде всего imperium militiae, чтобы предотвращать частыя столкновенія между элементами населенія; такъ, наприм., прокуратору Феликсу пришлось рѣшать военной силой споръ іудеевъ и самарянъ изъ-за ἰσοπολιτεῖα [3]). Что касается внѣшняго положенія іудейскаго прокуратора, то, въ связи съ происхожденіемъ изъ всадническаго сословія, оно было очень почтенно, прокураторъ именовался amicus Caesaris, наравнѣ съ первыми сирійскими сановниками и намѣстниками, какъ особенно приближенное къ нему лицо [4]). Конечно, это подчеркивало значеніе прокуратора и вліяніе, какое онъ могъ имѣть на ходъ провинціальной жизни Іудеи, однако, не нужно забывать, что третій классъ намѣстниковъ не былъ вполнѣ самостоятеленъ, и что Іудея послѣ смерти Агриппы I была окончательно присоединена къ Сиріи, консулъ которой въ случаяхъ особой нужды могъ выступать съ своей *высшей* властью. Необходимо замѣтить, что вопросъ о степени зависимости іудейскаго прокуратора отъ сирійскаго консула въ наукѣ не вполнѣ выясненъ, такъ что приходится ограничиться общими предположеніями. Arnold признаетъ подчиненіе прокуратора консулу вполнѣ естественнымъ и логически понятнымъ: консулъ могъ всегда вмѣшиваться въ дѣла Іудеи [5]). Съ этимъ нельзя согласиться въ виду того факта, что послѣ смерти Агриппы I (44 г. по Р. Х.; съ этого времени уже не только Іудея и Самарія, но вся Палестина была сдѣлана римской областью [6])) палестинскимъ намѣстникомъ былъ

---

[1]) См. цитаты у Schürer, 1, s. 455. An. 23.
[2]) Schürer, 1, 473; Hirschfeld, s. 411, An. 4
[3]) Ios *Antt.* XX, VIII, 7.
[4]) Tacitus *Annal.* II,13; Hirschfeld, s. 449, An 1; Гольцманъ, 109.
[5]) Arnold, pp. 127—128.
[6]) Schürer, 1, s. 163 ff.

посланъ Куспій Фадъ. Если же принять взглядъ англійскаго ученаго, то непонятно, почему Палестина не была подчинена хотя на время непосредственному надзору сирійскаго легата, который и долженъ бы озаботиться правленіемъ тамъ, тѣмъ болѣе, что Клавдій имѣлъ въ виду передать престолъ умершаго царя его сыну Агриппѣ II, и только за малолѣтствомъ послѣдняго назначилъ особаго прокуратора: если бы постоянный консульскій надзоръ былъ фактомъ, тогда не было-бы нужды въ такой временной мѣрѣ [1]). Логичнѣе предполагать, что Клавдій этимъ хотѣлъ постепенно подготовить романизацію Палестины для включенія ея въ сирійское консульство. Изъ исторіи извѣстны факты, когда консулы распоряжались въ Іудеѣ, совмѣстно съ прокураторами: напр. прибытіе въ Іудею Петронія для введенія культа Цезаря [2]), позволеніе іудеямъ хранить у себя первосвященническую одежду, данное сирійскимъ консуломъ Кассіемъ Лонгинымъ при прокураторѣ Фадѣ [3]). Однако, самаго бѣглаго знакомства съ контекстомъ достаточно, чтобы видѣть, что Петроній и Лонгинъ дѣйствовали не самовольно, а имѣли порученія отъ Каія и Клавдія. Что же касается консуловъ Сиріи Вителлія, замѣнившаго прокуратора Пилата временнымъ правителемъ Іудеи [4]), и Уммидія Квадрата, отославшаго въ Римъ прокуратора Кумана [5]), то въ этихъ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ фактами не ординарными. Съ одной стороны, Вителлій былъ награжденъ высшей, простиравшейся на смежныя съ Сиріей провинціи востока, властью, [6]) съ другой, Квадратъ получилъ отъ императора Клавдія на указанный случай „jus statuendi etiam de procuratoribus“ [7]). Поэтому, указанныя дѣйствія консуловъ Сиріи нужно разсматривать, какъ особыя полно-

---

[1]) Ios. *Antt.* XIX, IX, 2.
[2]) Ios. *Antt.* XVIII, VIII, 2—9.
[3]) Ios *Antt.* XX, 1.
[4]) Ios *Antt.* XVIII, IV, 2.
[5]) Ios *Antt.* XX, VI, 2.
[6]) Tacitus *Annal.* 6, 32; „cunctis quae apud orientem parabantur L. Vitellium praefecit“.
[7]) Tacitus *Annal.* 12. 54.

мочія, а не прерогативы намѣстничества въ Сиріи [1]). Помимо того, Іосифъ [2]) также не даетъ права заключать о *власти* сирійскаго намѣстника надъ іудейскимъ, потому что говоритъ лишь о приписаніи, прибавленіи Іудеи къ Сиріи, а не о включеніи въ составъ послѣдней, называетъ Іудею „προσθήκη τῆς Συρίας“ [3]). Далѣе, какъ выше мы видѣли, Клавдій не назначилъ Іудею послѣ смерти Агриппы I подъ контроль сирійскаго консула Марса, а послалъ особаго прокуратора Куспія Фада [4]), тогда какъ преемникъ Марса Лонгинъ вмѣшивался въ дѣла іудейскаго намѣстника [5]). Такимъ образомъ, собственно о подчиненіи прокуратора Іудеи консулу Сиріи не можетъ быть рѣчи: только императоръ могъ вызвать къ себѣ провинившагося и такъ или иначе реагировать на его виновность. Schürer совершенно вѣрно говоритъ, что прокураторъ Іудеи обладалъ *военной властью* и *самостоятельной* юрисдикціей, *что* и создавало ему положеніе *вполнѣ зависимаго лишь отъ Рима правителя* [6]). Трудно было бы говорить о подчиненіи сирійскому консулу прокуратора Іудеи—страны съ особой культурой и религіей, противными римскому духу, и необыкновеннымъ фанатизмомъ населенія: чтобы вмѣшиваться въ дѣла такой области, нужно было бы хорошо знать условія и обстановку жизни ея намѣстника. Поэтому, хотя прокураторство въ Іудеѣ было первой степенью государственной карьеры римскаго служилаго человѣка, однако, это еще не говорило о возможности въ обычныхъ случаяхъ быть подчиненнымъ намѣстнику высшаго класса: оба исполняли свои обязанности legati Augusti pro praetore и одному ему были отвѣтственны [7]).

---

[1]) Vgl. Hirschfeld, ss. 406—408.
[2]) *Antt.* 17, 13, 5: „της δὲ Ἀρχελάου χώρας ὑποτελοῦς προσνεμηθείσης τῇ Σύρων“.
[3]) *Antt.* XVIII, 1, 1.
[4]) *Antt* XIX, IX, 2.
[5]) *Antt.* XX, 1, 1.
[6]) Schürer, 1, s. 457.
[7]) Cfr. Arnold, p. 63.

Гражданскимъ административнымъ центромъ Іудеи и—позже—всей Палестины была приморская Кесарія, гдѣ прокураторъ жилъ во дворцѣ Ирода, носившемъ названіе „πραιτώριον τοῦ Ἡρώδου“ (**Дн** XXIII, 25). Въ особенные дни, наприм., въ праздники, когда въ Іерусалимъ стекалось много народа и нужна была сильная рука, чтобы сохранять порядокъ и спокойствіе въ церковномъ центрѣ Іудеи, туда являлся прокураторъ и помѣщался съ своей свитой во дворцѣ Ирода (башня Антонія), расположенномъ въ западной сторонѣ города. Въ случаяхъ особенныхъ народныхъ волненій этотъ дворецъ превращался въ хорошую цитадель и могъ выдержать осаду [1]).

Важнѣйшей стороной прокураторскаго надзора въ Іудеѣ была судебная компетенція, сферу которой, однако, нужно сказать, очень трудно опредѣлить за отсутствіемъ въ юридическихъ памятникахъ того времени прямыхъ данныхъ, такъ что для реконструкціи ея приходится нерѣдко обращаться просто къ анализу фактовъ, часто съ опасностью впасть въ логическій circulus vitiosus. Причину этого слѣдуетъ искать, съ одной стороны, въ томъ, что Іудея была очень недавно присоединена къ Риму, и юристы еще не успѣли кодифицировать ея отношеній,—съ другой и, главнымъ образомъ, такая причина лежала въ своеобразности іудейской жизни, которая рѣзко выдѣляла ее изъ ряда провинцій и сообщала ей особый отпечатокъ. Изъ исторіи Палестины эпохи прокураторовъ извѣстно не мало фактовъ, когда коренное населеніе провинціи протестовало противъ извѣстныхъ распоряженій и мѣропріятій римскаго намѣстника изъ чисто религіозныхъ основаній. Это было вполнѣ понятно: ни одинъ народъ того времени не былъ такъ, какъ народъ еврейскій, проникнутъ теократическимъ духомъ, привязанностью къ своимъ вѣковымъ традиціямъ, многія изъ которыхъ были уже анахронизмами, и только религіозная мысль не позволяла ихъ опустить и создавала особую методологію для искусственнаго оживленія. Только въ послѣдніе моменты своей исторіи онъ началъ жить надеждой на мес-

---

[1]) Ios. *Antt.* XVII, 2—3; *De bello judaico*, 4, 3—4.

сіанское будущее [1]), которое, по его взгляду, могло наступить только при условіи абсолютной вѣрности своему національному закону, имѣвшему свое историческое прошлое. Іудей въ полномъ смыслѣ существовалъ *для* своего закона, и его почти невозможно было оторвать отъ этого корня. Отсюда, уже въ принципѣ романизація іудейскаго народа, обычная для прочихъ провинцій, представлялась contradictio in adjecto и на практикѣ встрѣчалась со многими затрудненіями. Римлянамъ была хорошо извѣстна эта національная консервативность іудеевъ, и они щадили ее, справедливо ожидая, что терпимое отношеніе къ религіознымъ идеаламъ покоренныхъ есть вѣрная гарантія постепеннаго подчиненія. Поэтому, судебная власть прокуратора Іудеи отличалась, такъ сказать, спорадическимъ характеромъ: случаи ординарные подлежали мѣстному іудейскому суду, и прокураторъ выступалъ въ особенныхъ обстоятельствахъ, какъ высшая судебная инстанція [2]). Благодаря этому, іудейское населеніе чувствовало себя не такъ стѣсненнымъ, какъ населеніе другихъ римскихъ провинцій, гдѣ желѣзная рука римскихъ намѣстниковъ сковывала дѣятельность мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ органовъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ іудейскій судъ могъ одинаково привлекать къ отвѣтственности и карать по своимъ теократическимъ правовымъ нормамъ, кромѣ случаевъ, за которые полагалась по послѣднимъ смертная казнь. Всѣ такіе случаи поступали на разсмотрѣніе прокуратора, такъ какъ только ему было вручено jus gladii или potestas gladii—право приводить въ исполненіе смертные приговоры [3]), которое въ существѣ вытекало изъ его военной власти въ странѣ [4]). Іосифъ Флавій опредѣленно говоритъ, что

---

[1]) Schürer *Geschichte d. jüdisch. Volkes*, III Aufl. B. II, Lpz. 1898, s. 505 и вообще см. ss. 419 ff., 522—556.

[2]) Schürer, 1, s. 466; Mommsen *Römisches Staatsrescht.* Lpz. 1877. III, 1, s. 244.

[3]) Ulpianus „qui universas provincias regunt, jus gladii habent, et in metallum dandi potestas eis permissa est". Dig. 1, 18, 6, § 8.

[4]) Hirschfeld, s. 404; Mommsen, cit. op. 2, 1, s. 259, An. 1.

прокураторъ „μέχρι τοῦ κτείνειν ἐξουσίαν“ имѣлъ [1]), іудейскіе представители прямо заявили прокуратору Пилату: „ἡμῖν οὐκ ἔξεστιν ἀποκτεῖναι οὐδένα“ (Ін XVIII, 31). Само собой понятно, что jus gladii простиралось только на іудеевъ (такъ было до 3 столѣтія по Р. Х.), римскій гражданинъ *могъ* всегда аппеллировать къ суду самаго Цезаря въ Римѣ, потому что римляне, жившіе въ провинціяхъ, были подчинены одному римскому *спеціальному* суду, и только въ провинціяхъ, признанныхъ liberae civitates, римскіе граждане должны были полагаться на юрисдикцію неримскаго надзора [2]). Въ прочихъ провинціяхъ, также въ Іудеѣ, jus provocationis или appellationis пріостанавливало приговоръ всякой инстанціи у прокуратора и переносило все дѣло на судъ самого кесаря. Однако не всегда намѣстникъ долженъ былъ отсылать въ Римъ обвиненнаго римскаго гражданина: прокураторъ начинаетъ судить Ап. Павла, хотя и знаетъ о его привилегированности, и Апостолъ не противится этому, аппеллируетъ только чрезъ два года. Слѣдовательно, прокураторъ Іудеи имѣлъ право рѣшающей инстанціи въ случаѣ виновности гражданина предъ туземными правовыми нормами только тогда, когда тотъ соглашался на разбирательство своего дѣла въ мѣстномъ судѣ, но прокураторъ устранялся, какъ только обвиняемый прибѣгалъ къ кесарю, когда видѣлъ не совсѣмъ объективное отношеніе къ себѣ со стороны представителя послѣдняго [3]). Въ особенно затруднительныхъ случаяхъ прокураторъ могъ передавать на судъ кесаря и провинціаловъ; такъ, напримѣръ, консулъ Сиріи Квадратъ отослалъ въ Римъ первосвященника Анапію и градоначальника Анана [4]), Феликсъ, эпитропъ Іудеи, также поступилъ съ мятежникомъ Елеазаромъ [5]).

Мы обрисовали кратко военныя и судебныя полномочія рим-

---

[1]) *Bell. Jud.* II, VIII, 1

[2]) Schürer *Gesch. d. jud V.* III. Aufl B. III Lpz. 1898, ss. 86 ff.

[3]) Schürer, 1, 467 An.; Hirschfeld, s. 405 ff.

[4]) Ios. *Antt.*, XX, VI, 8. 2.

[5]) Ios. *Antt.*, XX, VIII, 5.

скаго намѣстника въ Іудеѣ, и если упомянуть еще, что на его обязанности лежало наблюденіе за правильностью представленія податей въ императорскій фискъ, то мы исчерпаемъ всѣ обязанности прокуратора ex officio.

Само собой понятно, конечно, что и помимо всего этого, жизнь провинцій представляла очень много сторонъ не столь важныхъ съ точки зрѣнія римскаго надзора, но не менѣе важныхъ для самихъ іудеевъ. Вся эта масса отношеній на практикѣ была изъята изъ сферы компетенціи прокуратора и оставалась въ вѣдѣніи мѣстныхъ административныхъ единицъ. Главными изъ нихъ, конечно, были—отношенія религіозныя, городского управленія, судебныя, за исключеніемъ смертныхъ приговоровъ, и др. Все это вѣдали національные органы, такъ что, можно сказать, іудейскій народъ дѣйствительно пользовался внутренней свободой и самоуправленіемъ. Отношенія Рима и Іудеи напоминали скорѣе союзниковъ, чѣмъ побѣдителей и покоренныхъ, жизнь послѣдней текла по своему руслу совершенно независимо отъ прокуратора, всюду чувствовалась сильная рука синедріона въ Іерусалимѣ. Мы коснемся нѣсколько подробнѣе этого самоуправленія іудейскаго народа.

Собственно іудейская область, состоявшая изъ Іудеи, Галилеи, Переи, жила исключительно своими теократическими традиціями, которыя сказывались даже въ системѣ городского управленія. Всѣ іудейскіе неэллинистическіе города имѣли коммунальное устройство: во главѣ стояли „старѣйшины города“—мѣстныя власти, обладавшія и судебной властью, хотя нужно замѣтить, что иногда послѣдняя бывала и особою должностью нѣкоторыхъ старѣйшинъ, участвовавшихъ въ „βουλή“. „Βουλή“ состояло не изъ одинаковаго числа членовъ: въ небольшихъ городахъ бывало только семь старѣйшинъ, въ важнѣйшихъ—двадцать три. Очень можетъ быть, что это вызывалось не столько количественной разницей населенія, сколько строгой субординаціей въ отношеніяхъ городовъ: менѣе значительные города были подчинены важнѣйшимъ. Кажется, что этотъ принципъ особенно послѣдовательно былъ проведенъ въ Іудеѣ: въ римскую эпоху она вся дѣлилась на нѣсколько топархій—большихъ

центровъ съ приписанными къ нимъ меньшими городами и селеніями. Топархіи располагались приблизительно въ такомъ порядкѣ: почти въ срединѣ Іудеи—Іерусалимъ, на сѣверѣ отъ него—Гофна и Акрабата, на сѣверо-западъ—Θамна и Лидда, западъ — Эммаусъ, юго-западъ—Виθелетефа (Пелла), на югъ—Идумея, юго-востокъ—Энгадди и Иродіонъ,—востокъ—Іерихонъ [1]). Такая дифференціація помогала управленію и облегчала сношенія между городами. Каждая топархія представляла собою особую коммунальную единицу съ своими 7 или 23 старѣйшинами. Принципъ субординаціи былъ особенно рельефенъ въ отношеніяхъ всѣхъ топархій къ іерусалимскому округу: послѣдній былъ въ собственномъ смыслѣ „πόλις“ и возвышался надъ всей Іудеей „ὡς βασίλειον“ [2]). Такое положеніе столицы признавалось за Іерусалимомъ и римлянами: императоры адресовали свои эдикты къ іерусалимскому „βουλή“ [3]), старѣйшины котораго иногда совершали поѣздки по городамъ Іудеи въ судебно-административныхъ цѣляхъ [4]). Для насъ въ настоящемъ случаѣ важно подчеркнуть, что со смерти Ирода Великаго іерусалимскій синедріонъ уже не имѣлъ гражданской власти надъ всей Іудейской областью, Галилея и Перея сдѣлались самостоятельными единицами. Но вліяніе іерусалимскаго синедріона однако продолжало существовать за предѣлами собственно Іудеи и Самаріи, и въ дальнѣйшемъ мы опредѣлимъ, въ чемъ оно выражалось въ эпоху процесса Ап. Павла. Это вліяніе исходило отъ административнаго центра іерусалимской топархіи, который собственно съ Ирода В. началъ называться „великимъ синедріономъ“ [5]).

---

[1]) *Bel. jud.* III, III, 3, 5; ср. Schürer *Gesch. d. jüd. V.* 3 Aufl. B. II, ss. 181—185, особ. Anm.

[2]) Ios. *Bel. jud.* III, III, 5.

[3]) Schürer, II, s. 186.

[4]) Mischna, Taanith, 3, 6 о посѣщеніи Аскалона членами іерусалимской „βουλή“ у Schürer, II, 187, An. 47 разсматривается, какъ извѣстіе неисторичное. Однако съ фактомъ подобныхъ поѣздокъ Schürer считается.

[5]) Schürer, II, s. 187 f.

Намъ нѣтъ нужды вмѣшиваться въ сложный вопросъ о составѣ іерусалимскаго синедріона, который Schürer'омъ рѣшается въ смыслѣ преобладанія въ послѣднемъ высшей духовной аристократіи (римская эпоха): саддукейски настроенная духовная знать всегда брала верхъ надъ ученымъ фарисейскимъ меньшинствомъ, которое получило доступъ въ синедріонъ лишь благодаря пренебрежительному отношенію къ первымъ Ирода В., не имѣвшаго съ ними равной знатности рода. Трудно опредѣлить членовъ той и другой партіи, но положительно можно опредѣлять число ихъ въ 70 ч. [1]).

Членство ихъ во всякомъ случаѣ было не срочнымъ, какъ въ демократическихъ коммунахъ эллинистическихъ городовъ, а пожизненнымъ,—требовалась непремѣнно іудейская національность, что̀ вызывалось, конечно, природой самыхъ вещей.

Помимо такого различія между членами Синедріона, существовало еще различіе по степени личнаго вліянія и соціальнаго положенія; таковы были: ἀρχιερεῖς, γραμματεῖς и πρεσβύτεροι.

Въ первую категорію входили вообще знатнѣйшіе священники, пользовавшіеся за свое общественное и часто имущественное положеніе особымъ почетомъ. Здѣсь мы находимъ также іудейскихъ первосвященниковъ—служащаго и заштатныхъ, не терявшихъ фактически своего значенія въ іудейскихъ отношеніяхъ. Подъ γραμματεῖς принято разумѣть членовъ Синедріона съ чисто служебными полномочіями: на ихъ обязанности лежала чисто юридическая функція — чрезъ изученіе правовыхъ іудейскихъ нормъ слѣдить за выполненіемъ традицій и давать своевременную кодификацію жизненно-необходимымъ обычаямъ, практически признаннымъ обязательными. Всѣ они были типичными выразителями современнаго фарисейства и представляли нѣкоторую оппозицію саддукейскимъ ἀρχιερεῖς, часто сводя *на нѣтъ* либеральныя начинанія послѣднихъ указаніемъ на букву закона. Третью категорію составляли πρεσβύτεροι—свѣтскій элементъ, особо уважаемыя въ народѣ лица, составлявшія въ Синедріонѣ собственно пассивное меньшинство, вѣроятно—и безъ рѣшающаго

[1]) Schürer, II, ss. 197 ff.

голоса; обычно къ нимъ относятъ тѣхъ членовъ, которые не подходили подъ первую и вторую категорію [1]).

Само собою понятно, что въ римско-иродіанскую эпоху, когда саддукеи вообще брали верхъ въ Синедріонѣ, предсѣдатель выбирался изъ саддукейской партіи, но не могъ избѣжать увеличивавшагося вліянія фарисейства: только этимъ и можно объяснить сопоставленіе ἀρχιερεῖς съ φαρισαῖοι (**Мѳ** XXI, 45, **Ін** VII, 32 и пр.). Что касается собственно личности предсѣдательствующаго въ Синедріонѣ, то прежде всего нужно сказать, что онъ въ одно и то же время былъ и первосвященникомъ по своему общественному положенію. Schürer называетъ неисторичной догадку іудействующихъ историковъ, которые видятъ въ предсѣдателѣ Синедріона прежде всего человѣка *ученаго*, главу фарисейства—Nasi, который всегда имѣлъ при себѣ вице-президента—Ab-beth-din. Наоборотъ, свидѣтельства вполнѣ авторитетныя (Іосифъ Флавій и Новый Завѣтъ) единогласно подтверждаютъ, что во главѣ народа всегда стоялъ первосвященникъ (ср. Іосифъ —„τὴν προστασίαν τοῦ ἔθνους οἱ ἀρχιερεῖς ἐπεπίστευντο“ [2]). И если иногда заштатный первосвященникъ выступалъ активнымъ дѣятелемъ (Анна—**Ін** XVIII), то это были случаи проявленія личнаго или народнаго желанія [3]). Выше мы упомянули про титулы Nasi и Ab-beth-din, которые встрѣчаются въ Mischn'ѣ: по Schürer'у, первый титулъ должно прилагать къ князю или царю іудейскому, второй—настоящему первосвященнику [4]). Въ дальнѣйшемъ будетъ болѣе подробная рѣчь о положеніи іудейскихъ царей въ разсматриваемую эпоху, пока же слѣдуетъ замѣтить, что съ титуломъ іудейскаго царя соединялось верховное представительство духовныхъ интересовъ народа и право назначенія или утвержденія синедріальныхъ выборовъ первосвященниковъ. Фактически это представительство было только номинальнымъ,—

---

[1]) Schürer, II, s. 201; ср. Арѳаксадовъ *Іерусалимскій Синедріонъ*—Казань, 1903, стр. 65.

[2]) *Antt.* XX, X, 5.

[3]) Schürer, II, s. 203 f.

[4]) Ibid. s. 205.

потомки Ирода въ глубинѣ души были проникнуты языческими понятіями, приноровлялись къ іудейскимъ законамъ лишь изъ политическихъ разсчетовъ и едвали часто занимали свое почетное мѣсто Nasi на засѣданіяхъ Синедріона, обычно узнавая о дѣлахъ отъ дѣйствительнаго предсѣдателя Ab-beth-din. Переходимъ къ компетенціи Великаго Синедріона.

Выше мы имѣли случай говорить о теократическомъ характерѣ или духѣ іудейской жизни въ разсматриваемую эпоху и о гражданской власти іерусалимскаго Синедріона надъ 11 топархіями Іудеи. Но, конечно, къ его распоряженіямъ прислушивалось все ортодоксальное іудейство, хотя отъ личной воли той или другой общины и зависѣла степень примѣнимости у себя послѣднихъ. Главнымъ предметомъ компетенціи Синедріона были отношенія, касавшіяся, такъ сказать, церковнаго или богословскаго надзора. Въ этомъ случаѣ можно сказать, что прямую антитезу свѣтской власти римлянъ и составлялъ Синедріонъ, вѣдавшій всѣми судебными и административными дѣлами, выходившими за предѣлы компетенціи прокуратора и мѣстныхъ низшихъ „βουλαί“. Однако онъ не былъ аппелляціонной инстанціей, но—скорѣе—третейской въ случаяхъ несогласія низшихъ инстанцій, и рѣшенію Синедріона соотвѣтствующія учрежденія должны были подчиняться подъ страхомъ наказанія смертью членовъ ихъ [1]).

Но бывали и особыя преступленія, подлежавшія вѣдѣнію только одного Синедріона, — это преступленія противъ закона іудейскаго: такъ, Спасителя судили за богохульство (**Мѳ** XXV, 65; **Ін** XIX, 7), апп. Петра и Іоанна, какъ ложныхъ пророковъ и повстанцевъ (**Дн** IV и V), Ап. Павла за преступленіе закона (**Дн** XXV). Во всѣхъ такихъ случаяхъ Синедріонъ поднималъ дѣло, квалифицировалъ его по своему іудейскому праву и, если оно подлежало jus gladii, представлялъ свой приговоръ на санкцію прокуратора. Изъ этого видно, что римскій намѣстникъ былъ собственно суверенымъ надзоромъ, Синедріонъ — правителемъ, который могъ быть увѣренъ, что римляне не вмѣшаются во внутреннюю жизнь страны, хотя Іудея и была

[1]) Schürer, II. 207.

неавтономной провинціей, т.-е. не имѣла гарантіи своей полной свободы.

Въ римскихъ неавтономныхъ провинціяхъ особенно сильно затрогивали внутреннюю жизнь требованія, касавшіяся lex Julia majestatis и lex Julia ambitus. Римляне имѣли какое-то особенное, суевѣрное почтеніе къ величію своего государства въ лицѣ императора, и это выражалось въ томъ, что ни одинъ, строго говоря, актъ государственной и частной жизни не проходилъ безъ упоминанія имени Цезаря или римскаго народа.

Если въ позднѣйшее время мы встрѣчаемъ прямое предписаніе—„quodsi in municipio contra hanc legem magistratum aut sacerdotium quis petierit, per senatusconsultum centum aureis cum infamia punitur“ [1]), то въ раннѣйшую эпоху законъ говорилъ: „proximum s a c r i l e g i o crimen est, quod majestatis dicitur“ [2]).

Оскорбленія римскаго народа наказывались смертью. Цезарь считался божествомъ, ему существовалъ цѣлый культъ, который бралъ верхъ надъ всѣми прочими культами, вносился въ чужеземныя культовыя отправленія; всѣ въ одинаковой мѣрѣ были отвѣтственны предъ нимъ [3]). Въ покоренныхъ городахъ римляне ставили на видныхъ мѣстахъ статуи или изображенія Цезаря для публичнаго поклоненія, и „qui status aut imagines Imperatoris jam consecratus conflaverint, aliudve quid simile admiserint, lege julia majestatis tenentur“. [4]). Римскіе намѣстники должны были строго смотрѣть за исполненіемъ этихъ leges въ провинціяхъ, и только прокураторъ Іудеи былъ избавленъ отъ такой сложной работы, потому что Іудея по счастливой случайности была освобождена отъ культа Цезаря. Онъ ограничивался только общимъ требованіемъ молиться за Кесаря, и каждый день въ храмѣ іерусалимскомъ приносилась жертва

---

[1]) Modestinus. *Dig.* XLVII, XIV.
[2]) Ulpianus. *Dig.* XLVIII, IV.
[3]) Ср. Papinianus: „in quaestionibus laesae majestatis etiam mulieris audiuntur“. *Dig.* XLVIII, IV, VIII.
[4]) Venulejus Saturninus. *Dig.* XLVIII, IV, VI.

изъ 2 ягнятъ и одного быка „за Кесаря и римскій народъ“ [1]). Интересно, что даже расходы на такую ежедневную жертву принимались Августомъ на счетъ своего казначейства. На римскихъ динаріяхъ въ Іудеѣ чеканили не обычный портретъ императора, а только его имя [2]).

Все это въ достаточной мѣрѣ подчеркиваетъ, что признаніе Феликса обязательнымъ требованіе іудейскаго закона о недопустимости въ храмъ чужестранца (**Дн** XXI 28—29; XXIV 6: „ὃς καὶ τὸ ἱερὸν ἐπείρασεν βεβηλῶσαι“) не было исключеніемъ, оно вполнѣ отвѣчало характеру римскаго надзора въ Іудеѣ, который преслѣдовалъ романизацію ея скорѣе культурно-бытовую (въ высшихъ кругахъ), чѣмъ національно-политическую.

Итакъ, внутренняя жизнь Іудеи протекала по своимъ традиціоннымъ правовымъ нормамъ, всюду чувствовалась сильная рука аристократическаго Синедріона въ Іерусалимѣ, который руководился національнымъ правомъ, представлявшимъ рядъ библейскихъ темъ, разработанныхъ современными іудейскими юристами. Эти нормы оказывались дѣйствующими и противъ римскихъ гражданъ въ случаяхъ нарушенія ихъ. Завязку такого именно рода мы имѣемъ въ процессѣ Ап. Павла, къ которому, не смотря на римское гражданство, было предъявлено обвиненіе по іудейскому праву, и наказуемость его была перенесена въ сферу римскаго права лишь послѣ аппеллированія. Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ jus appellandi Romam въ цѣляхъ дальнѣйшаго изложенія.

Жившіе въ провинціяхъ римскіе граждане обладали, сравнительно съ провинціалами, двумя преимуществами: они были свободны отъ позорныхъ наказаній, распятія на крестѣ (ср. **Дн** XVI, 37 сл.; XXII, 25 сл.) и имѣли право требовать непосредственнаго суда надъ собой Кесаря въ гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствахъ. Это послѣднее было экстраординарной

---

[1]) Js. Fl.: „Ἰουδαῖοι περὶ μὲν καίσαρος καὶ τοῦ δήμου τῶν Ῥωμαίων δὶς τῆς ἡμέρας θύειν ἔφασαν“. *De bell. jud.* ed. Niese, vol. VI, p. 192 (11, 197).

[2]) Schürer, 1, 483 ff. особ. Anmm.

мѣрой, какъ то видно изъ суда надъ Ап. Павломъ у прокуратора Феста: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ подчинялся тюремному заключенію, терпѣливо относился ко всѣмъ покушеніямъ на свою личность іудеевъ и самого римскаго надзора. И только, когда увидѣлъ, что, не смотря на признанную самимъ прокураторомъ невиновность предъ закономъ, ему угрожаетъ смерть, на которую прокураторъ молча соглашается изъ желанія угодить іудеямъ, онъ потребовалъ суда Кесаря.

Это право, установленное впервые при императорѣ римскомъ Августѣ [1]) свой главный raison d'être имѣло въ установкѣ баланса на вѣсахъ правосудія, исправляя приговоры низшихъ и провинціальныхъ судовъ въ случаяхъ или неопытности судьи или же завѣдомой пристрастности его [2]). Особенно часто прибѣгали къ этому праву римскіе граждане въ провинціяхъ въ случахъ недовольства той или другой судебной инстанціей: словомъ appello они пріостанавливали судопроизводство или же задерживали приведеніе приговора въ исполненіе [3]) до суда въ Римѣ. Въ моментъ приведенія приговора въ исполненіе аппелляція не имѣла значенія, потому что здѣсь преступникъ имѣлъ дѣло не съ судьей, который имѣлъ возможность постановить приговоръ, а съ экзекуторомъ [4]), почему и былъ установленъ трехдневный срокъ для принесенія аппелляціи послѣ приговора. Иногда, какъ видимъ въ процессѣ Ап. Павла, аппеллировали до приговора [5]). Такимъ образомъ, всякая аппелляція

---

[1]) König *Die Echtheit d. Apostelgeschichte*, Breslau, 1867, s. 77; Wieseler *Chronologie d. Apostol. Zeitalt.*, Götting. 1848, s. 384.

[2]) Ulpianus—„appellandi usus quam sit frequens, quamque necessarius, nemo est, qui nesciat, quippe iniquitatem judicantium vel imperitiam recorrigat". *Dig.* XLIX, I, I.

[3]) Macer—„si apud acta quis appellaverit, satis erit, si dicat: appello". *Dig.* XLIX, I, 2

[4]) Macer—„ab executore sententiae appellare non licet.... sed ab eo, qui sententiam male interpretari dicitur, appellare licet (si tamen is interpretandi potestatem habuit, velut Praeses provinciae aut Procurator Caesaris)". *Dig.* XLIX. I, IV.

[5]) Scaevola—„ante sententiam appellari potest, si quaestionem

имѣла, выражаясь юридическимъ терминомъ, чисто суспензивный эффектъ и базировалась на рѣшеніи вопроса: „an jure interpretatum sit“ то или другое дѣло [1]).

Рабъ не имѣлъ права аппеллировать, но законъ дѣлалъ его аппелляцію правомочной при условіи представительства его господина,—личности же завѣдомо преступныя, которыя заслуживали публичнаго наказанія, какъ, напр., разбойники, бунтовщики и пр. были лишены голоса [2]). Это и вызывало опредѣленіе соціальнаго положенія подсудимаго до разбирательства дѣла прокураторомъ [3]).

Судебная инстанція, противъ компетенціи которой подсудимый заявлялъ протестъ, должна была въ тотъ же моментъ кончить *судопроизводство* и перенести дѣло въ высшую инстанцію, такъ какъ аппеллянтъ не былъ обязанъ указывать основаній своей аппелляціи до Praeses высшаго суда. Онъ кончалъ свое дѣло въ низшей инстанціи, и, если бы обосновывалъ

---

in civili negotio habendam judex interlocutus sit, vel in criminali, si contra leges hoc faciat“—Paulus—„intra triduum appellare licet“.—*Dig.* XLIX, V, 2, 3.

[1]) Macer, *Dig.* XLIX, IV.

[2]) Marcellus—„servi appellare non possunt, sed domini eorum ad opem servo ferendam possunt uti auxilio appellationis“—Modestinus—„constitutiones (de appellatione)... locum non habent in eorum persona, quos damnatos statim puniri publice interest, ut sunt insignes latrones“ et ctr. *Dig.* XLIX, I, XV, XVI.

[3]) **Не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположить, что такой именно смыслъ могъ имѣть вопросъ прокуратора Понтія Пилата Спасителю—„откуда Ты“ (Ін XIX, 9). Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что при вторичномъ тайномъ допросѣ Іисуса Христа Пилатъ искалъ повода для освобожденія Узника: всѣ его вопросы говорятъ объ этомъ. Отсюда весьма вѣроятно, что и данный вопросъ также имѣетъ смыслъ не философскій, какъ обычно толкуютъ его, а чисто соціально-политическій. Пилатъ хочетъ имъ какъ бы навести Узника на смягчающія Его вину обстоятельства или узнать, не происходитъ ли Онъ изъ области, жители которой получили права римскаго гражданства, о чемъ Тотъ могъ не знать. Это дало бы Пилату возможность перенести настоящее дѣло въ высшую инстанцію.**

свою аппелляцію предъ нею, это противорѣчило бы существу самой аппелляціи [1]). Наличной praeses было необходимо выполнить двѣ подробности до отправки дѣла: во избѣжаніе аппелляцій неосновательныхъ законъ обязывалъ опредѣлять, не дѣлаетъ ли подсудимый appellatio per saltum, называя ту или другую высшую инстанцію съ обходомъ низшихъ посредствующихъ (такъ, напр., была запрещена подача жалобы императору провинціаломъ третьяго класса [2]) съ обходомъ praeses provinciae слѣдующаго класса въ неавтономныхъ провинціяхъ) [3]). Съ другой стороны, требовалось рѣшить, допустима ли аппелляція по матеріальнымъ основаніямъ (хотя отказъ дать жалобѣ дальнѣйшій ходъ могъ быть въ свою очередь обжалованъ по прямому правилу: „non solere improbari appellationes eorum, qui vel unam causam appellandi probabilem habuerunt [4])).

Если судъ признаетъ аппелляціонную жалобу допустимой, онъ выдаетъ аппеллянту отпускную или препроводительскую грамоту, для представленія высшей инстанціи, съ обозначеніемъ имени аппеллянта и характеристикой самаго дѣла [5]). Эту грамоту (apostoli) самъ аппеллянтъ или экскортирующій его офицеръ долженъ былъ доставить въ высшій судъ. Кажется вѣроятнымъ, что съ apostoli передавались вообще всѣ акты, свидѣтельскія показанія и текстъ самаго рѣшенія, если аппелляція была post factum [6]). Mommsen однако думаетъ, что рѣшеніе низшаго суда въ высшей инстанціи не принималось въ уваженіе формально [7]). По доставленіи всего этого матеріала начинался судъ. Перерѣшеніе

---

[1]) Ulpianus—„appellanti nihil obesse, quod in libellis, a qua parte sententiae appellaret, non significavit“. *Dig.* XLIX, I, 13.

[2]) Ср. выше стр. 7.

[3]) Ср. Ulpianus, *Dig.* XLIX, I, 1.

[4]) Ulpianus. *Dig.* XLIX, I, XIII, § 1.

[5]) Marcianus—„post appellationem interpositam litterae dandae sunt ab eo, a quo appellatum est, ad eum, qui de appellatione cogniturus est, sive principem, sive quem alium; quas *litteras dimissorias* sive *apostolos* appellant“. *Dig.* XLIX, VI, I.

[6]) Ср. Wieseler, cit. op. s. 388, I.

[7]) Mommsen *Romisches Strafrecht*, Leipzig, 1899, s. 472.

приговора провинціальнаго суда могло состояться только при условіи реальности и достаточной вѣскости основаній аппелляціи, такъ какъ въ противномъ случаѣ приговоръ сохранялъ свою силу безъ измѣненія [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этимъ дѣло не кончалось: могло и рѣшеніе императора быть второй, а не единственной инстанціей, если приговоръ произносился не самимъ императоромъ, а его Delegatio, на которую жалоба приносилась Цезарю съ требованіемъ личнаго разбора [2]). Можно думать, что жалоба на делегацію поступала сначала въ своего рода судебную палату (Gerichtshof), а затѣмъ уже къ императору [3]), и на личный императорскій судъ аппеллировать нельзя [4]).

Мы закончимъ изложеніе §§ римскаго права, касавшихся jus appellandi Romam указаніемъ на то, что съ момента произнесенія „appello“ подсудимый принадлежалъ къ императорскому суду. Всякое несчастье съ нимъ съ этого момента могло быть истолковано, какъ слѣдствіе неумѣренныхъ репрессій со стороны оскорбленной компетенціи намѣстника. Поэтому, надзоръ за нимъ особенно усиливался, и praeses ждала ближайшаго случая для отправки экскорта въ Римъ [5]).

---

[1]) Marcianus—„a sententia inter alios dicta appellari non potest, nisi ex justa causa“. *Dig.* XLIX, I, V.

[2]) Mommsen *Römiches Straatsrecht* Lpz, 1877, II, 2, s. 931 ff.

[3]) Lingenthal *Geschichte d. Griech.—Römisch. Rechts*, Berl., 1877, s. 334.

[4]) Mommsen, cit. op. s. 932.

[5]) Mommsen, cit. op. 2, I, s. 258.

ГЛАВА I.

Новый прокураторъ Іудеи Порцій Фестъ въ Іерусалимѣ. Отказъ іудеямъ въ заочномъ рѣшеніи дѣла Ап. Павла. **Дн** XXV, 1—5.

Знаменитый римскій юристъ Ульпіанъ такъ опредѣляетъ задачу провинціальной прокуратуры: „congruit bono et gravi Praesidi curare, ut pacata atque quieta provincia sit, quam regit“ [1]). Тяжесть этого предписанія и сказалась на прокураторѣ Іудеи—Антоніи Феликсѣ, который послѣ 8-лѣтнихъ неудачныхъ попытокъ умиротворить страну, долженъ былъ уступить свое мѣсто новому намѣстнику—Порцію Фесту. Назначеніе послѣдняго совпало съ процессомъ сильнаго патріотическаго подъема въ Іудеѣ насчетъ все увеличивавшейся непріязни къ Риму со стороны націоналистовъ-фанатиковъ. Несомнѣнно, что такому положенію дѣла способствовалъ самъ предшественникъ Феста—Феликсъ, нисколько не старавшійся объ авторитетѣ римскаго государства въ глазахъ провинціи и получившій у историка Тацита справедливую оцѣнку своей низкой натуры [2]). Бездарный правитель, онъ мало заботился о странѣ, и при немъ сдѣлались постоянными бунты и возстанія среди іудейскаго населенія.

Антоній Феликсъ шелъ рѣзко противъ римской политики, которая покупала себѣ покорность неавтономной области назначеніемъ правителя съ ближайшей задачей—охранять и поддерживать интересы прежде всего самой провинціи, чтобы тѣмъ самымъ косвенно способствовать большей закрѣпощенности ея

---

[1]) *Dig.* 1, 18, 13.

[2]) *Hist.* V, 5: „per omnem saevitatem ac libidinem jus regium servili ingenio exercuit“. C. Taciti *Opera*, ed. Ruperti, vol. III, Hannov. 1839, p. 602.

Риму. Онъ какъ бы не понималъ, что за нерадивое отношеніе къ своему долгу прокураторъ можетъ каждый моментъ пострадать, и тѣмъ болѣе—прокураторъ изъ вольноотпущенниковъ, каковымъ и былъ предшественникъ Феста. Выше мы говорили о сословномъ цензѣ прокураторовъ: въ крайнемъ случаѣ они должны были быть всадниками, и если Феликсъ получилъ прокуратуру, то благодаря личному расположенію императора Клавдія и сильному заступничеству своего брата Палласа, фаворита императрицы Агриппины, пользовавшейся своимъ положеніемъ до помѣщенія своего имени (Ἰουλία Ἀγριππίνα) на монетахъ [1]). Можно сказать одно, что назначеніе Феликса на такой важный постъ было вообще въ духѣ царствованія Клавдія, при которомъ были нерѣдки переходы должностей спеціально-военнаго характера къ лицамъ, совершенно непричастнымъ къ военной службѣ [2]). Отсутствіе сильнаго характера, самаго общаго представленія о нуждахъ подчиненнаго населенія, нравственная обезличенность и, наконецъ, сильная поддержка при дворѣ императора—все это, конечно, заставляло Феликса заботиться больше о своей близости къ Риму, заявлять о своей готовности служить ему всѣмъ, старательно маскировать свою неспособность проникать въ существо римской императорской провинціальной политики. Онъ не понималъ, что мирнымъ путемъ, путемъ завоеванія симпатій населенія, легче приближаться къ романизаціи Іудеи, чѣмъ слишкомъ прямымъ путемъ, какимъ онъ шелъ, почти всегда оказываясь противоположенъ національнымъ интересамъ іудеевъ. Слѣдствіемъ всего этого была явно враждебная римской партіи настроенность іудеевъ, фокусомъ которой являлся представитель Рима—Феликсъ.

Долго бурлившее недовольство разрѣшилось въ появленіи нѣсколькихъ патріотическихъ кружковъ, объединенныхъ общей ненавистью къ Риму и различныхъ только по своимъ средствамъ. Съ каждымъ новымъ выступленіемъ прокуратора эти кружки все болѣе ажіотируются и крѣпнутъ въ мысли объ

---

[1]) Schürer, 1, s. 572, An. 19.
[2]) Hirschfeld, cit. op. ss. 422—423.

освобожденіи родины. Однако, дѣло не ограничивалось однимъ пассивнымъ презрѣніемъ къ римлянамъ. Предательски схваченный вожакъ партіи зилотовъ отсылается вмѣстѣ съ сообщниками въ Римъ [1]). Жестокія расправы съ зилотами, послѣдовавшія за этимъ, только ухудшили дѣло, такъ какъ не прямо способствовали образованію особой партіи патріотовъ-сикаріевъ, расправлявшихся ножами съ первымъ встрѣчнымъ сторонникомъ Рима. „Самъ Феликсъ ввелъ убійство въ число средствъ управленія. Такъ, напр., онъ боялся первосвященника Іонафана, заступившагося за свой народъ предъ Квадратомъ и императоромъ и видѣлъ въ немъ опаснаго шпіона. Но, не будучи въ состояніи открыто предпринять противъ него что-либо, онъ сумѣлъ путемъ денегъ и увѣщаній привлечь на свою сторону одного изъ друзей Іонафана. Этотъ другъ далъ, затѣмъ, наемнымъ убійцамъ нужныя указанія. Подъ видомъ благочестивыхъ паломниковъ явились они съ кинжалами подъ одеждой въ городъ и, улучивъ минуту, убили своего противника. Этотъ ужасный пріемъ не остался безъ подражанія: въ храмѣ и на улицахъ города днемъ открыто производились убійства. Ловкость убійцы, съ которою онъ съ невиннѣйшимъ выраженіемъ лица оплакивалъ только-что зарѣзанную жертву свою, большею частью спасала его отъ преслѣдователей; и въ общественную жизнь проникло всюду недовѣріе“ [2]). Наряду съ политической партіей, образуется кружокъ ревнителей на религіозной почвѣ, является іудей-выходецъ изъ Египта, своимъ фанатизмомъ покоряетъ палестинцевъ, ведетъ множество народа въ пустыню, обѣщая показать признаки скораго освобожденія, но спасается бѣгствомъ отъ тяжеловооруженныхъ солдатъ и конницы Феликса, перебившей тысячи его послѣдователей [3]). Какой-то египтянинъ обѣщаетъ „съ Елеонской горы низвергнуть силою своего слова стѣны іерусалимскія, но и толпа его приверженцевъ-мечтателей, состоявшая изъ 600 (4000?) человѣкъ, отчасти была перебита

---

[1]) Jos. *Bel. jud.* II, XIII, 2; *Antt.* XX, VIII, 3.
[2]) Гольцманъ, *Пад. іуд. гос.* стр. 329 ср. *Antt.* XX, VIII, 10.
[3]) Jos. *Bell. jud.* II, XIII, 4.

солдатами Феликса, отчасти захвачена въ плѣнъ; лишь самъ египетскій пророкъ ловко сумѣлъ скрыться. Наконецъ, недовольные повсюду стали собираться въ банды, и было постановлено, что слѣдуетъ насильно принуждать къ свободѣ тѣхъ, кто безъ принужденія предпочиталъ подчиняться римскому игу. Для осуществленія этого рѣшенія стали разгромлять и разграблять дома людей зажиточныхъ и незащищенныя селенія, такъ-что каждый день приносилъ новые ужасы“ [1]).

Нетрудно понять, что всѣ подобныя организаціи въ концѣ концовъ единодушно стремились къ одному—сломить римское владычество и вернуть эпоху іудейскихъ царей. Неудачныя мѣры Феликса только тѣснѣе сплачивали религіозныхъ и политическихъ фанатиковъ. Сторонней помощью для нихъ служили распри между первосвященниками и рядовымъ священствомъ по вопросу о десятинахъ [2]). Завершеніемъ всего такого распада послужилъ національстическій споръ между іудейскими и сирійскими жителями Кесаріи—резиденціи римскихъ намѣстниковъ, изъ-за „ἰσοπολιτεία“. Въ качествѣ своего преимущества, іудеи указывали на основаніе города Иродомъ, сирійцы долгое время не уступали; наконецъ, когда рѣшеніе спора клонилось явно въ сторону іудеевъ, Феликсъ военной силой и разгромомъ нѣкоторыхъ іудейскихъ домовъ заставилъ іудеевъ уступить сирійцамъ. Но, чувствуя себя неправымъ и желая опереться на авторитетъ Рима, онъ посылаетъ туда представителей отъ обѣихъ партій съ тайной надеждой, что императоръ не выдастъ своего любимца [3]). Однако, Феликсу не удалось дождаться реабилитаціи своихъ дѣйствій въ глазахъ народа, потому что онъ былъ отозванъ изъ Іудеи.

Въ такомъ фазисѣ начавшейся исторической драмы находилась Іудея, когда туда прибылъ новый римскій прокураторъ—Порцій Фестъ. О личности Порція Феста іудейскій историкъ

---

[1]) Гольцманъ, стр. 330, ср. Дн XXI, 38 (4000 чел.); *Bell jud.* II, XIII, 5; *Antt.* XX, VIII, 6 (30000 ч.).

[2]) Jos. *Antt.* XX, VIII, 8.

[3]) *Antt.* XX, VIII, 7; *Bell. jud.* II, XIII, 7.

Іосифъ Флавій сообщаетъ очень немногое. Несомнѣнно одно, что Фестъ отличался нравственными качествами, а его происхожденіе изъ всадниковъ говорило за административныя способности и умѣнье тактично, но твердо держать въ рукахъ неспокойные элементы населенія Іудеи [1]). Какъ увидимъ дальше изъ хода процесса суда надъ Ап. Павломъ, это былъ человѣкъ твердаго характера, смотрѣвшій на вещи прямо и болѣе склонный проводить въ жизнь порученной ему провинціи римскіе законы, чѣмъ считаться съ мѣстными установленіями, а его отвѣты іудеямъ ясно говорятъ, что справедливость и точное исполненіе правовыхъ рубрикъ было для него обязательнымъ. Кратко, въ лицѣ Феста предъ нами опытный, спокойный римскій служака [2]).

Намъ остается коснуться вопроса о хронологіи суда надъ Апост. Павломъ, послѣ чего мы можемъ перейти къ анализу самаго текста.

Конечно, проф. Н. Глубоковскій совершенно справедливо говоритъ о большомъ значеніи точной хронологіи, какъ вспомогательнаго средства для истиннаго уразумѣнія Божественнаго водительства [3]). Однако, нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что, съ одной стороны, для вѣрующаго сознанія хронологическія даты не имѣютъ рѣшающаго значенія; а съ другой, абсолютная хронологія большинства библейскихъ событій недоступна для богословской науки, потому что историки-библеисты обращали бо́льшее вниманіе на идейно-историческую сторону того или другого событія, видѣли въ немъ проявленіе Божественнаго Промысла и старались именно съ этой точки зрѣнія указать его смыслъ и значеніе. Они или совершенно опускали точную датировку, или же опредѣляли хронологическія рамки въ понятіяхъ своего времени, которыя теперь можно разгадать съ большимъ трудомъ,

---

[1]) *Antt.* XX, VIII, 9—11; *Bell. jud.* II, XIV, I.

[2]) Vgl. Winer, RWB. Lpz. 1833, B. 1. ss. 435 ff; Herzog, RE. 1855, IV, 394.

[3]) *Хронолог. В. и Н. Зав.* Пер. съ англ. подъ ред. Н. Глубоковскаго. Кіевъ, 1911, стр. 1—2.

приблизительно: для иллюстраціи этого достаточно вспомнить потуги ученыхъ опредѣлить, что такое „императорскіе года“, которыми датируетъ служеніе прокуратора Феликса „Хроника“ Евсевія...

Мы уже упоминали выше, что Фестъ встрѣтился съ дѣломъ св. ап. Павла непосредственно послѣ прибытія въ Іудею, такъ что хронологія суда зависитъ отъ времени вступленія въ должность новаго прокуратора. Комментаторы **Дн** XXV. гл. и историки іудейскаго народа почти единогласно признаютъ себя безсильными „de tempore... plane constare“ [1]), такъ какъ въ самой книгѣ Дѣяній свв. Апостоловъ, нѣтъ для этого опредѣленныхъ данныхъ, и приходится прибѣгать къ относительно точному опредѣленію terminus ad quem на основаніи сопоставленія двухъ-трехъ современныхъ событій и выведенія отрицательнымъ путемъ средней хронологической.

Строго говоря, существуетъ два *типа* рѣшенія настоящаго вопроса: одни ученые принимаютъ дату болѣе позднюю—г.г. 60 и 61, другіе болѣе раннюю—г.г. 55 и 56. Болѣе общепринятой считается въ иностранной и русской богословской литературѣ первая дата, серьезную аргументацію которой мы и передадимъ.

Schürer даетъ, въ качествѣ рѣшающаго аргумента, слѣдующее соображеніе [2]).

Исходнымъ пунктомъ для него служитъ моментъ отозванія Феликса въ Римъ, который не могъ быть *ранѣе лѣта*, потому что св. Павелъ, вскорѣ отправленный Фестомъ въ Римъ, въ день очищенія (октябрь) былъ уже въ Критѣ (**Дн** XXVII, 9). Это лѣто нужно относить къ 60 г. по связи съ вступленіемъ въ должность прокуратора преемника Феста—Альбина: извѣстно, что онъ прибылъ въ Палестину лѣтомъ 62 г. [3]). Если годомъ прибытія Феста считать 61 г., то онъ пробылъ, слѣдо-

---

[1]) Blass. *Acta apostolorum*. Götting. 1895, p. 257. См. *Addenda*.

[2]) B. 1, ss. 577 ff. An. 38.

[3]) Schürer, 1, 583, An. 47.

довательно, въ Іудеѣ всего одинъ годъ, что невѣроятно въ виду событій, совершившихся при немъ по даннымъ Іосифа Флавія (*Antt.* XX, 8, 9—11), но, съ другой стороны, два года вполнѣ достаточно [1]). Schürer удерживаетъ свою дату, хотя Іосифъ Флавій говоритъ, что Неронъ явился прибывшимъ къ нему знатнымъ іудеямъ (61 г.) „τῇ γυναῖκι Ποππήᾳ χαριζόμενος“ (*Antt.* XX, 8, 11), тогда какъ она сдѣлалась его женой только въ 62 году, т. е. въ годъ смерти Феста: по догадкѣ нѣмецкаго ученаго, іудейскій историкъ въ настоящемъ случаѣ умышленно не точенъ, говоритъ такъ „per anticipationem“ [2]).

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть также аргументъ англійскаго ученаго Тернера [3]). „Іосифъ Флавій, упомянувъ о вступленіи на престолъ Нерона, описываетъ все случившееся при Феликсѣ: смерть Азиса, царя Эмесскаго, управленіе Малою Арменіей Аристовула, сына халкидонскаго царя Ирода, и новое увеличеніе владѣній Агриппы Младшаго, непріязнь между Феликсомъ и первосвященникомъ Іонаѳаномъ и господство террора, который, послѣ убійства Іонаѳана, царствовалъ на каждомъ праздникѣ, появленіе разныхъ проходимцевъ и самозванцевъ, особенно нѣкоего египтянина, а въ концѣ концовъ „великая ссора“ между іудеями и сирійцами, жившими въ Кесаріи (Antt. XX, V, 4—8). Говорятъ, что это длинная цѣпь событій не могла совершиться менѣе, чѣмъ въ 5 или 6 лѣтъ, т. е. отъ дня восшествія на престолъ Нерона, въ октябрѣ 54 г. до 60 года,— особенно потому, что возстаніе египтянина было уже „прежде этихъ дней“ (Дн. XXI, 38) во время заключенія ап. Павла, два года послѣ конца службы Феликса“.

Итакъ, вотъ болѣе серьезные аргументы за судъ надъ ап. Павломъ въ 60 году. И если возможно считать послѣдній за

---

[1]) Felten. *Die Apostelgeschichte* Freiburg. 1892, s. 38, с; опроверженіе см. у Meyer—Wendt *Krit-exeg. Hndb. üb. d. Apostgesch.* Götting. 1888, s. 30—31.

[2]) Ср. Knabenbauer *Commentar. in Act. Apost.* Pariis, 1899, p. 15; Felten, s. 40, 2.

[3]) *Хронолог. Ветх. и Нов. Зав.*—цитов. стр. 111 сл.

terminus ad quem, то безполезно, по Schürer'у, идти далѣе этого срока, такъ какъ процессъ начался за 2 года до ухода Феликса; ко времени же заключенія Апостола Феликсъ находился на службѣ „πολλὰ ἔτη“ (**Дн** XXIV, 10): если отнести заключеніе Павла къ 58 году, то, въ такомъ случаѣ, Феликсъ былъ на службѣ 6 лѣтъ (съ 52 г. [1])).

Такъ, въ 58 г. Ап. Павелъ былъ схваченъ въ Іерусалимѣ, отправленъ въ Кесарію, томился тамъ въ узахъ до 60 года, когда выступилъ предъ новымъ прокураторомъ Іудеи—Порціемъ Фестомъ, въ томъ же году лѣтомъ или осенью былъ отправленъ въ Римъ.

Примѣчаніе Болѣе подробный перечень хронологическихъ данныхъ см. у Blass'a *Acta apostol* Götting., 1895, p. 22 ff. (59 г.). Защитники „старой“ хронологіи (60 г.): Felten, cit. op. s.s. 37—42; Meyer—W. cit. op. s.s. 30—31; Olshausen *D. Apostelgeschichte*, Königsb. 1862, s. 14; Meyer *Krit-exeg. Handb. üb. d. Apgesch.* Götting. 1861, § 4 (*Einleit.*); Wieseler, cit. op. ss. 66—99; A. König. cit. op. ss. 116—118; Neander *Geschichte d. Pflanzung und Leitung d. christl. Kirch.*, Hamburg., 1838, s. 385, Ап. I: критика 62 года для отозванія Феликса,—авторъ соглашается съ болѣе раннимъ годомъ; проф. Богдашевскій *Хронологія книги Дѣяній Апостоловъ* въ *Труд. Кіевск. Дух. Академ.* 1911, январь.

Ст. 1.

Φῆστος οὖν ἐπιβὰς τῇ ἐπαρχίᾳ, μετὰ τρεῖς ἡμέρας ἀνέβη εἰς Ἰεροσόλυμα ἀπὸ Καισαρείας,

Варр. ἐπαρχίῳ ℵ*, ἐπαρχείῳ A Tschd. Мы принимаемъ—ίᾳ, согласно съ **Дн** XXIII, 34, не имѣющ. варіантовъ.

ἐπιβαίνειν съ дат. п.; у аттиковъ—τῆς ἐπαρχίας (Blass).

Синод. перев. (1895 г.): „Фестъ, прибывъ въ область, чрезъ три дня отправился изъ Кесаріи въ Іерусалимъ“.

---

[1]) См. у Schürer, 1, s. 571; *Хрон. В. и Н. Зав.* Пер. Глубоковскаго, 111.

Іудея (позже вся Палестина) относилась къ третьему классу императорскихъ провинцій, куда обычно назначался ἐπίτροπος изъ сословія всадниковъ (см. выше стр. 7). Но такой чисто оффиціальный титулъ на практикѣ смѣшивался съ подобными званіями—ἔπαρχος, ἡγεμών: у Іосифа Флавія нѣтъ различія между ἐπίτροπος, ἔπαρχος и ἡγεμών, и первый титулъ параллелизуется вторымъ [1]), въ оффиціальныхъ же документахъ, напр. въ указахъ императоровъ своимъ намѣстникамъ, вездѣ адресаты провинцій третьяго ранга именуются ἐπίτροπος, procurator [2]). Слѣдовательно, въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ не о проконсульской или пропреторской (т.-е. находящейся въ вѣдѣніи Сената), а о прокураторской провинціи [3]). Непрямымъ аргументомъ въ данномъ случаѣ можетъ служить **Дн** XXIII, 34, гдѣ ἐπαρχία служитъ вообще обозначеніемъ области, мѣстности, а не соединяется съ представленіемъ объ опредѣленной географически-административной единицѣ [4]). Нѣкоторые ученые комментаторы (напр. Lange-Lechler) въ ἐπαρχία видятъ метафору, понимая здѣсь не вообще географическую область, а фигуральное названіе должности намѣстника, его правленіе, но параллельнаго этому мѣста нѣтъ въ Н. З. Поэтому, подъ ἐπαρχία нужно разумѣть вообще область, провинцію,—словомъ—понятіе общее по отношенію къ частнымъ—Ἱεροσόλυμα... Καισαρείας.

Порцій Фестъ, какъ человѣкъ, отличавшійся несомнѣнными нравственными качествами, *защитникъ истины и честности*, стремился возможно скорѣе прибыть въ свою резиденцію, чтобы приняться за умиротвореніе области, которая къ тому времени представляла центръ недовольныхъ римскимъ владычествомъ. Очень можетъ быть, что до него дошелъ слухъ

---

[1]) Напр. В. I. II, VIII, 1. IX, 2. XI, 6—ἐπίτροπος=*Antt.* XIX, IX, 2—ἔπαρχος.

[2]) См императ. Клавдій въ *Antt.* XX, 1, 2, Tacit. *Annal.* XV, 44 Opera, ed. Rup. vol. 11, p. 418.

[3]) Ср. Lange-Lechler *Der Apost. Geschicht.* Bielefeld, 1860, s. 330; Meyer *Krit exeget. Hanb. ü. d. Apg.* Götting., 1861, s. 466.

[4]) Holtzmann *Hnb—Kommentar z. N—Test.* Freiburg, 1892, B. I, s. 416.

о такъ называемомъ спорѣ за десятину, о которомъ мы упоминали раньше, какъ о спорѣ, гдѣ противныя стороны не брезговали никакими средствами. Начало этого спора положилъ собственно царь Агриппа II, назначившій первосвященникомъ Измаила. Въ отвѣтъ на это раздались голоса изъ тѣхъ немногихъ высокопоставленныхъ семей, изъ которыхъ происходили прежніе первосвященники, съ требованіемъ сохранить за отставленными іерархами ихъ содержаніе. И такъ какъ законъ ничего не говорилъ на этотъ счетъ, то недовольные начали прибѣгать даже къ насильственнымъ мѣрамъ. Сюда примкнули многіе изъ іерусалимскихъ священниковъ съ требованіемъ улучшенія ихъ матеріальнаго содержанія. Но всего позорнѣе для носителей высокой теократической идеи въ іудейскомъ народѣ было то, что многіе изъ первосвященническихъ семей стали во главѣ разбойничьихъ бандъ и начали грабить поселянъ, вымогая себѣ ту десятину, на которую имѣли право рядовые священники. Насилія, грабежи, убійства алчныхъ вымогателей повсюду вызывали народный ропотъ, грозившій перейти въ возмущеніе [1]). Конечно, дѣло это не могло не заинтересовать прокуратора. И онъ, быть можетъ, поэтому, прибывъ въ Кесарію, которая была наиболѣе удобнымъ мѣстомъ прихода кораблей изъ Италіи, уже чрезъ три дня спѣшитъ въ Іерусалимъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ мѣстныхъ іудейскихъ дѣлъ.

Ст. 2.

ἐνεφάνισαν τε αὐτῷ οἱ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ πρῶτοι τῶν Ἰουδαίων κατὰ τοῦ Παύλου, καὶ παρεκάλουν αὐτὸν,

ὁ ἀρχιερεύς HP; большинство варр. за οἱ ἀρχιερεῖς ℵ A B C E L и пр. см. у Knabenbauer'a, p. 403.

τε—δέ E H L P; въ H. З. эти двѣ частицы часто мѣшаются—см. у Blass *Grammat d Nt-en Griechisch.* Götting. 1896, s. 258, Ап. 2—**Дн** 1, 15: ἦν τε ℵ A B, вмѣсто ἦν δέ: см. ib. также s. 261, 12.

---

[1]) Jos. *Antt.* XX, VIII, 8.

Энклитическая частица τε (=лат. que) въ противоположн. καί служитъ для показанія внутрен., логич. отнош. между соединенн. объектами (Blass, ib. s. 258): св. Дѣписатель въ настоящемъ случаѣ хочетъ подчеркнуть, что выступленіе съ жалобой на Павла было обусловлено явленіемъ Феста въ Іерусалимъ. Тамъ, очевидно, давно ожидали этого момента, такъ что приходъ Феста и явленіе обвинителей—тѣсно связаны между собой. См. *Addenda.*

„Тогда первосвященникъ и знатнѣйшіе изъ Іудеевъ явились къ нему съ жалобою на Павла и убѣждали его",

Русскій текстъ передаетъ ἐνεφανισαν—„явились", тогда какъ глаголъ ἐμφανίζειν имѣетъ такое значеніе лишь въ формахъ страдательнаго залога, напр. **Мѳ** XXVII, 53 ἐνεφανίσθησαν πολλοῖς; въ дѣйствительномъ же залогѣ онъ значитъ „дѣлать видимымъ", „показывать" τινὶ κατά τινος [1]). Дѣйствительный залогъ ἐνεφάνισαν говоритъ просто о фактѣ *показанія* Фесту на (κατά) Павла (ср. Felten, s. 435) [2]). Славянскій текстъ оказывается здѣсь наиболѣе точнымъ: „сказаша... на..".

Не смотря на двухгодичный промежутокъ съ момента ареста ап. Павла въ Іерусалимѣ (**Дн** XXIV, 27), фанатизмъ толпы, возбуждаемый представителями іудейской аристократіи, не остылъ. Іудеи были полны ненависти къ тому, кто былъ такимъ ревностнымъ исполнителемъ синедріальныхъ предписаній объ истребленіи послѣдователей Господа Христа и по непонятнымъ причинамъ сдѣлался такимъ восторженнымъ поклонникомъ и защитникомъ дѣла Христа. Глухая ярость и злоба кипѣли въ нихъ при одной мысли, что такъ ловко придуманный планъ

---

[1]) Schirlitz—Eger *Griech. deutsch. Wrtb. z. N—T.* Giessen, 1908, s. 139.

[2]) Отсюда, странно, почему Knabenbauer (p. 402) принимаетъ „adierunt"? Meyer вѣрно переводитъ аналогичное выраженіе **Дн** XXIV, 1 „ἐνεφάνισαν τῷ ἡγεμ. κατὰ τοῦ Παύλου"—„они представили прокуратору показанія на Павла" (s. 492; vgl. Holtzmann, s. 416; Lange-Lechler, s. 322).

мщенія за плодотворную проповѣдь о Распятомъ, не ограничившуюся узкими предѣлами Іудеи, но прозвучавшую по всему тогдашнему греко-римскому міру, не удался, благодаря неумѣстному вмѣшательству прокураторскаго надзора въ лицѣ Лизія, который подъ сильнымъ экскортомъ отправилъ Апостола изъ Іерусалима въ Кесарійскую тюрьму (**Дн** XXIII—XXIV глл.). И само собой понятно, что когда извѣстіе о прибытіи новаго прокуратора въ Кесарію достигло Іерусалима, фанатичные ревнители законническихъ традицій рѣшили добиться прекращенія дѣятельности ненавистнаго имъ Савла. Несомнѣнно, они разсчитывали на благопріятный исходъ дѣла, если прокуратора удастся поразить докладомъ о преступленіяхъ узника, *не смотря на которыя, тотъ фактически не терпитъ наказанія* (**Дн** XXIV, 23). Новый намѣстникъ, казалось имъ, еще незнакомый съ мѣстными порядками, конечно, приметъ сторону іудеевъ—или самъ казнитъ, или же отдастъ его на судъ Синедріона, который сумѣетъ воспользоваться услугами тѣхъ „40“, поклявшихся убить Павла (**Дн** XXIII, 12).

Наконецъ, настаетъ этотъ желанный день: новый прокураторъ прибываетъ въ Іерусалимъ. Синедріонъ не дремлетъ, спѣшитъ выполнить задуманный планъ, и выразителями жалобы предъ прокураторомъ являются οἱ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ πρῶτοι τῶν Ἰουδαίων. Кого разумѣлъ подъ ними св. Дѣписатель?

Русскій текстъ, не считаясь съ большинствомъ варріантовъ за οἱ ἀρχιερεῖς, передаетъ это слово—„первосвященникъ“. Наоборотъ, славянскій текстъ и большинство комментаторовъ видятъ здѣсь указаніе на нѣсколькихъ первосвященниковъ. Blass совѣтуетъ отбросить варіантъ *ед. числа*, потому что въ такомъ случаѣ пришлось бы разумѣть здѣсь Ананію („de Ananias cogitandum sit“, p. 257) по связи контекста, начиная съ **Дн** XXIII, 2. Между тѣмъ въ то время Ананія былъ уже лишенъ первосвященническаго достоинства, и на его мѣсто Агриппа II возвелъ Измаила, сына Фабія [1]). Въ 47 году Иродъ Халкид-

---

[1]) *Antt.* XX, VIII, 8; Schürer *Gesch. d. jüd. Volk.* 3 Aufl. B. II, Lepz. 1898, s. 219.

скій сдѣлалъ первосвященникомъ Ананію, сына Недебаія; въ 59 г. послѣдній долженъ былъ уступить, по приказу Агриппы II, свое мѣсто Измаилу, сыну Фабія, служившему до 61 года. Ананія пользовался уваженіемъ за свое большое богатство, и свое вліяніе на дѣла Іудеи оказывалъ и послѣ своей отставки, тѣмъ болѣе, что по традиціи заштатный первосвященникъ сохранялъ фактически свое положеніе въ Синедріонѣ [1]). Со времени Антіоха Епифана и іродіанъ-князей первосвященническое достоинство перестало быть пожизненнымъ, и отставленные первосвященники отрѣшеніемъ отъ должности отнюдь не принуждались не участвовать въ жизни Іудеи. Іосифъ Флавій говоритъ о первосвященникахъ Ананѣ и Іосифѣ (отставленныхъ), что они „незадолго передъ смертью были облачены въ священную одежду, первенствовали въ общественномъ богослуженіи (τῆς κοσμικῆς θρησκείαν κατάρχουσι) и были чтимы приходящими изъ всей вселенной“ [2]). Въ это время первосвященническая одежда, которой такъ дорожили римляне, что долгое время держали у себя, находилась у іудеевъ, поэтому первосвященникъ могъ надѣвать ее при богослуженіяхъ во всѣ субботы и праздники. Если мы обратимся къ Мишнѣ, то найдемъ тамъ въ трактатѣ Hogajoth (III, 4) интересное указаніе. Такъ говорится тамъ о положеніи первосвященниковъ—настоящаго и отрѣшеннаго отъ службы: „оба подобны другъ другу въ отношеніи службы въ День Очищенія; оба могутъ вступить въ бракъ только съ дѣвицей; оба не могутъ взять за себя вдову, мстить за умершаго кровнаго родственника, отпускать волосъ на головѣ, разрывать одеждъ для выраженія печали и оба своей смертью даютъ право возвращенія на родину для невольныхъ убійцъ“ [3]). Слѣдовательно, въ римскую эпоху заштатный первосвященникъ не становился простымъ іудеемъ, сохранялъ свой санъ и могъ всегда не только замѣнить настоящаго церковнаго главу, но и

---

[1]) Schürer, II, s. 221.

[2]) *Bell. jud.* IV, 5, 2.

[3]) См. у Аѳаксадова *Іерусалимскій Синедріонъ*, Казань, 1903, стр. 94 сл.; ср. Schürer, II, s. 221, An 26.

самостоятельно, съ согласія, конечно, послѣдняго, совершать службы, надѣвать первосвященническую одежду. Это уже само собой заставляло народъ относиться съ почетомъ къ заштатнымъ первосвященникамъ, даже поручать имъ иногда главное управленіе въ Іерусалимѣ. Въ Іерусалимѣ всегда бывало нѣсколько такихъ заштатныхъ первосвященниковъ [1]). Изъ Н. З. извѣстно, какое вліяніе оказывалъ на дѣла отставленный первосвященникъ Анна, жившій во время суда надъ Христомъ въ Іерусалимѣ и пользовавшійся честью, наравнѣ съ оффиціальнымъ первосвященникомъ Каіафой. Сынъ Анны Іонафанъ, отставленный въ 39 году, участвовалъ въ посольствѣ 52 г. къ сирійскому консулу Уммидію Квадрату. Ананія, уже извѣстный намъ, господствовалъ долгое время послѣ 59 г., какъ „деспотъ“ въ Іерусалимѣ, и былъ убитъ расходившимся народомъ въ началѣ іудейской войны [2]).

На основаніи приведенныхъ фактовъ нельзя ли подъ „οἱ ἀρχιερεῖς“ анализируемаго стиха разумѣть нѣсколькихъ первосвященниковъ во главѣ съ настоящимъ Измаиломъ? И это блестящее представительство могло имѣть своимъ raison d'être'омъ желаніе оказать сильнѣйшее давленіе на новаго прокуратора въ пользу исполненія просьбы іудеевъ. Исторически такое допущеніе вполнѣ возможно, потому что въ моментъ пребыванія Феста въ Іерусалимѣ (т.-е. августѣ—сентябрѣ 60 г.) тамъ былъ и дѣйствовалъ неутомимый Ананія, вмѣстѣ съ Измаиломъ [3]).

Однако и помимо того можно предполагать, хотя и не зафиксированное документами, пребываніе въ іерусалимѣ нѣсколькихъ отставленныхъ первосвященниковъ.

Knabenbauer (p. 403) въ οἱ ἀρχιερεῖς хочетъ видѣть просто

---

[1]) Ср. у Jos. *Bell. jud.* II, XII, 6: τοὺς ἀρχιερεῖς Ἰωνάθην καὶ Ἀνανίαν. *B. j.* IV, III, 7: ὁ γεραίτατος τῶν ἀρχιερέων Ἄνανος. *B. j.* IV, IV. 3: ὁ μετὰ Ἄνανον γεραίτατος τῶν ἀρχιερέων Ἰησοῦς. *B. j.* IV, III, 9: οἵ δοκιμώτατοι τῶν ἀρχιερέων, Γαμάλα μὲν υἱὸς Ἰησοῦς Ἀνάνου δὲ Ἄνανος.

[2]) *Bell. jud.* II, XVII, 6. 9—ср. Schürer, II, ss. 221—224.

[3]) Jos. *Antt.* XX, IX, 2—4, ср. Schürer, II, s. 219; также B. I, ss. 584, 603.

знатнѣйшихъ членовъ Синедріона, происходившихъ изъ рода того или другого первосвященника и имѣвшихъ шансы на кандидатуру въ должность церковнаго главы. Ученый ссылается на **Дн** IV, 6: ὅσοι ἦσαν ἐκ γένους ἀρχιερατικοῦ. Отчасти съ этимъ можно согласиться. Евангелисты неоднократно говорятъ о наличности въ Іерусалимѣ многихъ первосвященниковъ (**Мѳ** XXVII, 1: πάντες οἱ ἀρχιερεῖς; **Мр** XIV, 53: καὶ ἀπήγαγον τὸν Ἰησοῦν πρὸς τὸν ἀρχιερέα καὶ συνέρχονται αὐτῷ πάντες οἱ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ πρεσβύτεροι καὶ οἱ γραμματεῖς). Св. Лука, говоря о судѣ надъ апп. Петромъ и Іоанномъ (**Дн** IV, 5—6), называетъ первосвященниками Іоанна и Александра, которые никогда не занимали этой должности [1]). Поэтому, есть основаніе предположить, что на языкѣ того времени въ категорію οἱ ἀρχιερεῖς входили лица, фактически никогда не бывшія первосвященниками, но происходившія изъ фамилій, которыя поставляли кандидатовъ для этой должности: фамиліи Фабія, Боэта, Каѳара, Анана, Камита. Члены этихъ фамилій назывались οἱ ἀρχιερεῖς, хотя не были, быть можетъ, никогда ими. На правахъ родственниковъ бывшихъ церковныхъ вождей іудейскаго народа они пользовались почетомъ, вліяніемъ, иногда въ явный ущербъ народнымъ интересамъ: Іосифъ бенъ-Ханинъ жалуется: „о, горе мнѣ отъ рода Боэта, о, горе за ихъ копья. О, горе мнѣ отъ рода Каѳара, о, горе за ихъ перо. О, горе мнѣ отъ рода Анана, о, горе за ихъ шипѣніе. О, горе мнѣ отъ рода Измаила бенъ-Фаби, горе за ихъ кулакъ. Они сами первосвященники, ихъ сыновья казначеи, ихъ зятья смотрители храма, ихъ слуги бьютъ народъ палками“ [2]).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ основаніе къ οἱ ἀρχιερεῖς относить не только фактическаго и отрѣшенныхъ отъ должности первосвященниковъ, но и вообще членовъ первосвященническихъ фамилій, большею частью участвовавшихъ въ Синедріонѣ и способныхъ принять на себя роль представителей мѣстнаго богословскаго надзора.

---

[1]) Schürer, II, s. 216—220.
[2]) См. у Арѳаксадова, стр. 85.

Такъ, въ депутаціи предъ Фестомъ участвовали, возможно, первосвященникъ Измаилъ, Ананія и другіе члены первосвященническихъ фамилій.

Вмѣстѣ съ этими духовными представителями были „οἱ πρῶτοι τῶν Ἰουδαίων“. Blass, ссылаясь на **Дн.** IV, 5, хочетъ видѣть здѣсь „ἄρχοντες“, членовъ Великаго Синедріона, равныхъ „οἱ ἀρχιερεῖς“ (pp. 72, 257) по чести, но не по дѣятельности: активными членами Синедріона были только первосвященники, которые въ перечисленіи синедріальнаго состава всегда (за исключеніемъ **Мѳ** XVI, 21=**Мк** VIII, 31=**Лк** XX, 19) стоятъ на первомъ мѣстѣ. Какъ равнозначущее, замѣняется иногда οἱ ἄρχοντες (**Дн** IV, 5 и 8), и только дважды оба титула встрѣчаются вмѣстѣ (**Лк** XXIII, 13; XXIV, 20). Іосифъ Флавій никогда не ставитъ рядомъ оба эти титула, но часто οἱ ἀρχιερεῖς замѣняетъ οἱ ἄρχοντες [1]). Это даетъ основаніе Schürer'у [2]) видѣть въ лицѣ послѣднихъ знатнѣйшихъ изъ всего священническаго сословія, участвовавшихъ въ синедріальныхъ засѣданіяхъ и имѣвшихъ нѣкоторое вліяніе на дѣла.

Отсюда ясно, что Blass склоненъ представлять депутацію исключительно синедріальнаго состава (ср. **Дн** IV, 23 ἀρχιερεῖς καὶ πρεσβύτεροι; XXIV, 1 ἀρχιερεῖς и πρεσβύτεροι), главной задачей которой было, конечно, поставить дѣло Павла на церковную почву.

Иначе представляютъ дѣло другіе комментаторы. Они видятъ здѣсь просто свѣтскихъ представителей іудейскаго народа, пользующихся особымъ уваженіемъ за свое общественное или служебное положеніе, которые въ настоящемъ случаѣ являются выразителями дѣла чисто національнаго (Felten, Lange); быть можетъ, многіе изъ нихъ были и членами Синедріона (Meyer). Извѣстно положительно, что въ число членовъ Синедріона избирались лучшіе люди страны бывшіе *чистокровными* Іудеями [3]).

---

[1]) *Bell. jud.* II, XVI, 1; XVII, 1; XXI, 7
[2]) Schürer II, ss. 200.
[3]) Аѳаксадовъ, стр. 125.

Это, конечно, совершенно мѣняетъ физіономію депутаціи: предъ прокураторомъ были представители мѣстнаго богословскаго надзора, вмѣстѣ съ представителями народной массы, такъ что депутація носила характеръ нѣсколько принудительный, потому что Фесту приходилось имѣть дѣло съ народомъ Іудеи, а не съ мѣстнымъ только богословскимъ центромъ. И этому не противорѣчатъ слова самого Феста (**Дн** XXV, 15), что къ нему являлись ἀρχιερεῖς и πρεσβύτεροι, такъ какъ онъ могъ здѣсь подъ первыми понимать вообще духовныхъ, а подъ вторыми— старѣйшинъ, почтенныхъ, старцевъ, имѣя въ виду римскихъ сенаторовъ, которые носили почетный титулъ „senes“, какъ знакъ уваженія благодарнаго народа [1]).

Такъ, οἱ πρῶτοι τῶν Ἰουδαίων въ настоящемъ стихѣ можетъ имѣть непосредственный смыслъ указанія на свѣтскій элементъ въ составѣ депутаціи.

Уже изъ самаго характера повѣствованія ев. Луки о представленіи депутаціи Фесту можно заключить, что жалобы были принесены устно, на аудіенціи (παρεκάλουν, αἰτούμενοι — видно, что Фестъ отказывалъ имъ, а они настаивали). Это подтверждается и филологическимъ анализомъ. Imperf. παρεκάλουν, несомнѣнно, служитъ здѣсь для обозначенія вообще вида несовершеннаго, выражаетъ продолжительность, частое повтореніе дѣйствія — ср. **Дн** II, 45 „τα κτήματα ἐπίπρασκον καί διεμέριζον αὐτὰ πᾶσιν“ [2]). И если въ стихѣ 1 и здѣсь аористъ (ἐνεφάνισαν) служитъ средствомъ показанія эпическаго спокойствія, какъ modus narrativus, то въ послѣднемъ случаѣ посредствомъ Imperf. (παρεκάλουν) Дѣписатель хочетъ указать на многократность и интенсивность устныхъ просьбъ со стороны враговъ Апостола. Іудеи нѣсколько разъ просили Феста о дѣлѣ Павла, но просьба ихъ во всѣхъ случаяхъ (Imperf. многократности) сводилась собственно къ одному, что Писатель Дѣяній очень точно выражаетъ въ ст. 3 при помощи partic. praesent. αἰτούμενοι.

---

[1]) Арѳаксадовъ, стр. 65.
[2]) Blass, *Grammatik*, s. 186, 2, 5.

Ст. 3.

αἰτούμενοι χάριν κατ᾽ αὐτοῦ, ὅπως μεταπέμψηται αὐτὸν εἰς Ἰερουσαλήμ, ἐνέδραν ποιοῦντες ἀνελεῖν αὐτὸν κατα τὴν ὁδόν.

χάριν αἰτ. Gig. (παρ᾽ αὐτοῦ C, *adversus Paulum* Gig,) ἔνεδρον 137 Chrys., ср. XXIII, 16 (*ut eum interf.* vulg. Gig,) τὸν μὲν Π. τηρ. по Gig. Lucif. Ph. (mg.) прибавляетъ къ концу: *illi qui votum fecerunt quomodo obtinerent ut in manibus suis esset* (см. у Knabenbauer'a).

Загадочнымъ является сочетаніе κατ᾽αὐτοῦ. Кто́ здѣсь разумѣется: Фестъ-ли, *у* (ср. παρ᾽ αὐτοῦ C) котораго выпрашиваютъ милости іудеи, или же Павелъ,—*къ*, *на* (κατ᾽αὐτοῦ) котораго просятъ милости? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ лишь мѣстоименіе αὐτοῦ: если относить его къ Фесту, то придется и слѣдующее αὐτόν также относить къ нему, но это уже абсурдъ въ виду ὅπως, поясняющаго, въ чемъ же должна заключаться χάριν. Такимъ образомъ, вар. Gigas-*adversus Paulum* вполнѣ правильно выражаетъ мысль св. Дѣписателя,

„прося, чтобы онъ сдѣлалъ милость, вызвалъ его въ Іерусалимъ; и злоумышляли убить его на дорогѣ".

Partic. praes. вообще выражаетъ одновременность обозначаемаго дѣйствія съ дѣйствіемъ главнаго (личной формы) глагола (verb. finit.). Слѣдовательно, форма αἰτούμενοι при Imperf. παρεκάλουν подчеркиваетъ однородность или тожественность объекта просьбы (μετ. αὐτ. εἰς Ἱεροσ.): являясь къ прокуратору нѣсколько разъ, представители населенія Іерусалима не измѣняли своей просьбы, а настойчиво (αἰτούμενοι) повторяли ее. Они просили, какъ милости къ Павлу, чтобы (ὅπως съ сослагательн. накл. послѣ выраженій просьбы, желанія, приказанія, см. Schirlitz, s. 296) прокураторъ отослалъ его въ Іерусалимъ [1]).

[1]) Слова κατ᾽ αὐτοῦ при χάριν показываютъ, что іудеи просили перевода Павла не какъ *милости къ нимъ*, *іудеямъ*, а знакъ *милости* именно *къ узнику*, снисхожденія къ его виновности, которую, по предполож. іудеевъ, могли достаточно изобразить приближен. Феста.

Они выступаютъ подъ маской благожелательности къ узнику, какъ-бы говорятъ, что суду прокуратора подлежатъ дѣла болѣе важныя, граничащія съ jus gladii, къ которымъ нельзя причислить настоящаго. Поэтому, пусть онъ помилуетъ Павла,—отдастъ его на судъ іудейскихъ инстанцій въ Іерусалимѣ (ср. Blass). Но является вопросъ, какъ понимать въ такомъ случаѣ слова самого Феста о томъ, что іудейская депутація требовала у него осужденія Павла на смерть. (стт. 15—16, 24)? Изъ стиха 3, наоборотъ, видно, что она добивалась помилованія Павла („χάριν κατ' αὐτοῦ"). Нѣтъ надобности подозрѣвать св. Дѣписателя въ пропускѣ такого важнаго момента въ словахъ депутаціи, потому что дѣло можно объяснять очень просто на почвѣ чисто психологической. Вполнѣ допустимо, что іудеи, озлобленные на св. Узника и имѣя въ виду насильственную смерть его (ἀνελεῖν αὐτ. κ. ὁδόν), дѣйствительно, старались представить себя людьми доброжелательными къ ап. Павлу, котораго безъ большихъ основаній предшественникъ Феста фактически осудилъ на смерть заключеніемъ въ кесарійскую тюрьму Ирода. Въ настоящихъ случаяхъ депутація проситъ о перемѣнѣ судебной инстанціи. Ни одного слова не услышалъ Фестъ отъ представителей іудеевъ о казни узника, но онъ былъ слишкомъ тонкій юристъ и образованный человѣкъ, чтобы не задаться вопросомъ о причинѣ столь настойчивыхъ просьбъ. Онъ могъ по одному тону рѣчи, по одной внѣшности просителей, по ихъ, несомнѣнно, возбужденному виду догадаться, что дѣло обстоитъ вовсе не такъ просто, какъ это хотятъ представить іудеи (ср. Wendt къ ст. 15; Felten къ ст. 4). Могло показаться страннымъ, что такая важная депутація отъ всего іудейскаго народа проситъ за какого-то бѣднаго узника...

Такая загадочность обстановки, конечно, заставила Феста не сразу согласиться на просьбу іудеевъ, а постараться стороной узнать объ этомъ дѣлѣ. Онъ могъ обратиться за соотвѣтствующими справками къ окружающей средѣ или же къ своему штату во дворцѣ Ирода, къ тому же тысяченачальнику Лизію, который вырвалъ Апостола изъ рукъ разъяреннаго іудейства (**Дн** XXI, 33) и отослалъ къ Феликсу (XXIII, 24).

Клавдій Лизій хорошо зналъ всѣ обстоятельства дѣла Павла вплоть до замысла „40“ на жизнь его (**Дн** XXIII, 13—22), и можно думать, что онъ-то и разсказалъ Фесту о всѣхъ замыслахъ іудейскаго населенія. Тотъ сопоставилъ свои наблюденія съ словами Лизія и убѣдился, что, дѣйствительно, въ данномъ случаѣ Павелъ является объектомъ задней мысли у депутаціи, слова которой о χάριν служатъ просто ширмой. Мы знаемъ, что депутація являлась нѣсколько разъ, такъ что Фестъ имѣлъ время разузнать объ этомъ у Лизія. Фестъ понялъ, что іудеи ищутъ убить Павла и потому просятъ о переводѣ его въ Іерусалимъ, и если онъ не сказалъ имъ это прямо (ср. ст. 4—5), то это объясняется просто тонкостью политики римскаго юриста, который не могъ, конечно, позволить себѣ оффиціально выражать то, что узнано имъ конфиденціально въ видѣ догадокъ и предположеній.

Св. ев. Лука поясняетъ, что подъ расположеніемъ къ Павлу на словахъ іудеи скрывали замыселъ (ἐνέδραν)—убить (ἀνελεῖν ср. Schirlitz, s. 28) его на дорогѣ [1]), очевидно, руками тѣхъ злоумышленниковъ, которые „поклялись ни ѣсть, ни пить, пока не убьютъ Павла“ (**Дн** XXIII 12; ср. выше добавленіе къ ὁδόν syr^{p} mg.: *illi qui votum fecerant se pro virili facturos esse ut in manibus suis esset*). Blass предполагаетъ, что многіе изъ сикаріевъ и вообще разбойниковъ находились на службѣ у Синедріона, такъ что тому ничего не стоило выполнить свой планъ (см. выше о сикаріяхъ и *Antt.* XX, 8, 10).

Такимъ образомъ, фанатичные первосвященники и выборные отъ іудейскаго населенія Іерусалима, надѣясь на свое вліяніе и свое положеніе, выступали нѣсколько разъ предъ новымъ прокураторомъ съ настойчивыми просьбами о переносѣ дѣла Павла въ ихъ мѣстный судъ, представляя Фесту, что это дѣло касается исключительно компетенціи церковнаго над-

---

[1]) Ἐνέδρα встрѣчается еще лишь въ **Дн** XXIII, 16; больше въ Н. З. нѣтъ. По Wendt'у, ἐνέδραν ποιοῦντες является ближайшимъ опредѣленіемъ παρεκάλουν, слѣдовательно, ἐνέδρα означаетъ засаду не въ собственномъ смыслѣ (какъ у аттиковъ), а заднюю мысль, лукавое намѣреніе

зора. Имъ думалось, что Фестъ исполнитъ просьбу, отправитъ узника изъ Кесаріи въ Іерусалимъ, и въ тотъ моментъ, когда онъ будетъ на пути изъ прокураторской резиденціи, сикаріи легко освободятъ руки Синедріона, напавъ на небольшой сопроводительный отрядъ. И тѣмъ легче было-бы скрыть слѣды этого преступленія, что въ то время подобныя убійства были очень часты.

Однако, такому ужасному и ловко задуманному плану не суждено было осуществиться: Промыслу Божію, согласно начертанному плану пути въ явленіи Господа Павлу въ тюрьмѣ (**Дн** XXIII, 11), угодно было, чтобы великій Апостолъ языковъ побывалъ еще въ Римѣ. И замѣчательно, что съ послѣдняго момента, на которомъ мы остановились, судъ принимаетъ такое направленіе, которое дѣйствительно приводитъ къ осуществленію повелѣнія Господа Своему Апостолу.

Ст. 4.

ὁ μὲν οὖν Φῆστος ἀπεκρίθη, τηρεῖσθαι τὸν Παῦλον εἰς Καισάρειαν, ἑαυτὸν δὲ μέλλειν ἐν τάχει ἐκπορεύεσθαι.

ἐν Καισαρείᾳ HLP (μέλλειν опуск. E, Gig., Luc.)—ἐκπορεύ. ἐν τάχει—ℵ^{c}.

Blass говоритъ, что μὲν οὖν здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не служитъ для оттѣненія противоположности (Grammatik, ss. 261, 267).

У аттик., вмѣсто ἑαυτόν, было-бы αὐτός.

Обращаетъ вниманіе εἰς Καισάρειαν, вмѣсто ἐν Καισαρείᾳ (какъ HLP): вин. пад. на вопросъ—гдѣ? Blass утверждаетъ, что такое смѣшеніе, невозможное у классиковъ, очень часто въ народномъ яз. Κοινη LXX: напр. ἐβαπτίσθη εἰς τὸν Ἰορδάνην (**Мр** 1, 9). См. Gram. ss, 119—120.

„Но Фестъ отвѣчалъ, что Павелъ содержится въ Кесаріи подъ стражею, и что онъ самъ скоро отправится туда:“

Для Феста была ясна задняя мысль іудеевъ, просившихъ о переводѣ ап. Павла изъ Кесаріи въ Іерусалимъ, но, какъ тонкій политикъ, онъ не могъ слухъ (Лизій) или собственныя предположенія поставить на видъ просителямъ. Не сходя съ точки зрѣнія юридической, онъ своимъ отвѣтомъ показываетъ безповоротность (Knabenbauer) своего рѣшенія. „Павелъ содержится въ Кесаріи, я самъ намѣренъ скоро отправиться туда“. Онъ какъ-бы хочетъ сказать, что въ Кесаріи находится прокураторскій трибуналъ, предъ которымъ и можно разобрать настоящее дѣло, столь интересное и, очевидно, важное для іудейской депутаціи. Knabenbauer думаетъ, что τηρεῖσθαι на первомъ мѣстѣ характеризуетъ авторитетность словъ Феста (vgl. Meyer). Іудеи, конечно, знали, гдѣ находится Павелъ, такъ что слова Феста „τηρεῖσθαι τὸν Π. εἰς Καισάρειαν“ лишь говорятъ, что онъ и *долженъ тамъ находиться*, пока не явится туда прокураторъ, тѣмъ болѣе, что на переходъ Павла потребовалось-бы время, въ теченіе котораго и самъ Фестъ будетъ уже въ Кесаріи (Felten).

Самъ Фестъ говорилъ впослѣдствіи, когда былъ уже въ Кесаріи (ст. 16), что въ своемъ отвѣтѣ іудеямъ онъ указалъ на невозможность по римскому обычаю отдавать обвиняемаго произволу обвинителей (депутація требовала у него осужденія Павла безъ разбора дѣла.—См. ниже къ ст. 15). Несомнѣнно, этого онъ не говорилъ оффиціально, такъ какъ объ этомъ св. Дѣписатель сказалъ бы въ настоящемъ стихѣ. Возможно предположить, что Фестъ сказалъ это неоффиціально кому-нибудь изъ депутатовъ,—или же въ присутствіи Агриппы (стт. 15—16) онъ высказалъ лишь свои мысли, которыя имѣлъ послѣ представленія іудеевъ и негласнаго разузнанія дѣла Павла.

Ст. 5.

„οἱ οὖν ἐν ὑμῖν“ φησιν „δυνατοὶ συγκαταβαντες, εἴ τι ἐστὶν ἐν τῷ ἀνδρὶ ἄτοπον, κατηγορείτωσαν αὐτοῦ“.

δυνατοὶ ἐν ὑμῖν φησιν — HLP; опуск. φησιν Gig. Lucif. καταβάντες ℵ Gig. Luc. | ἄτοπον] τοῦτω — HLP.

Версія συγκαταβάντες преимуществуетъ предъ καταβάντες, потому что сильнѣе выражаетъ мысль Феста: онъ приглашаетъ идти не просто въ Кесарію (κατα —т. к. она лежала ниже Іерусалима), но именно—*съ* (συν) нимъ (ср. ст. 17).

Варіантъ τούτω (HLP) вполнѣ замѣненъ опредѣленнымъ членомъ τῷ, такъ что лучше оставить ἄτοπον,—оно даетъ больше разнообразія и оттѣнковъ словамъ Феста: „если есть что̀ необычайнаго у этого человѣка“; онъ какъ-бы хочетъ сказать, что они могутъ идти только въ случаѣ наличности особыхъ преступленій.

Меуег считаетъ ἄτοπον дополненіемъ къ фразѣ (ср. Wendt).

„итакъ, сказалъ онъ, которые изъ васъ могутъ, пусть пойдутъ со мною, и если есть что-нибудь за этимъ человѣкомъ, пусть обвиняютъ его“.

Съ этого стиха св. Дѣписатель мѣняетъ свою рѣчь, переходя съ описательной къ діалогической. Можно думать, что имъ руководила въ этомъ случаѣ общая идея своего литературнаго произведенія, именно, во второй части, субъектомъ которой былъ ап. Павелъ. Обрисовка личности послѣдняго, конечно, ярче выступаетъ при свѣтѣ его собственныхъ рѣчей. Поэтому, св. Лука кратко передаетъ ту историческую канву, на которой разыгралось дѣло суда надъ ап. Павломъ, но когда доходитъ до выступленія личности самого апостола, онъ измѣняетъ свой методъ, и предъ нами развертывается подробная картина самаго суда. Мы слышимъ рѣчи Феста, Апостола и т. д. Такимъ образомъ, вопроса о неподлинности въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть, дѣло объясняется чисто психологически. Для св. Писателя въ видахъ большаго назиданія адресата книги внѣшняя исторія имѣла гораздо менѣе смысла, чѣмъ вырисовка на почвѣ этой послѣдней вдохновенной фигуры и личности Апостола языковъ, и потому-то онъ такъ мало удѣляетъ вниманія и мѣста изложенію историко-культурной стороны.

Фестъ назначаетъ разбирательство дѣла Узника въ Кесаріи и приглашаетъ съ собою іудеевъ въ это засѣданіе.

Начальническій тонъ и сухое обращеніе съ депутатами не смотря на заискивающее поведеніе ихъ, ясно говорятъ, что Фесту были непріятны подобныя назойливыя просьбы, и эта вполнѣ восточная настойчивость, несомнѣнно, заинтересовала его. Естественно, какъ мы видѣли, это навело его на мысль, что здѣсь есть *что-то неясное*, что, конечно, для администратора должно представлять интересъ. Онъ обратился за разспросами къ окружающимъ, но что могъ онъ получить въ отвѣтъ по связи съ исторіей ареста Павла, какъ не то, что обрисовывало физіономію послѣдняго, какъ бѣднаго апостола новой религіи, за которымъ не было никакихъ политическихъ и соціальныхъ преступленій? Конечно, образованному язычнику это ничего не говорило за казнь Павла, и онъ рѣшилъ не дѣлать опрометчиваго шага по этому дѣлу. Быть можетъ, ему былъ извѣстенъ и фактъ распятія Христа и тотъ незаконный ходъ дѣла, веденный при этомъ Пилатомъ въ ущербъ римской юрисдикціи. Фестъ не вѣритъ іудеямъ, будто дѣло Павла не связано съ jus gladii, и хочетъ самъ провѣрить его, призывая на судъ и δυνατοί.

Кого разумѣлъ Фестъ подъ словами „οἱ ἐν ὑμῖν δυνατοί“? Большинство комментаторовъ понимаетъ δυνατοὶ, какъ эпитетъ людей знатныхъ, занимающихъ видное общественное положеніе. Но одни изъ нихъ полагаютъ, что эти δυνατοί должны быть изъ среды настоящей депутаціи (Blass), вообще знатные, предполагая незнакомство Феста съ сословнымъ составомъ представительства (Knabenbauer). Другіе думаютъ, что Фестъ разумѣлъ вождей или старѣйшинъ народа, которые обязаны стоять за интересы своего народа (Felten, Wendt, Olshausen, Schirlitz), или же, что Фестъ, еще не удостоенный личными отношеніями, говоритъ, какъ римлянинъ, впервые прибывшій въ страну, который хочетъ имѣть дѣло съ лицами, облеченными оффиціальными полномочіями (Holtzmann). Наоборотъ, Lange-Lechler утверждаетъ, что Фестъ зналъ аристократическій составъ депутаціи, зналъ, что это—лица высокія по происхожденію, богатству и проч.

Такимъ образомъ, почти всѣ комментары ἐν ὑμῖν относятъ

не къ депутаціи, стоящей предъ прокураторомъ, а къ народу іудейскому, который въ настоящемъ случаѣ долженъ прислать для присутствія при разборѣ дѣла Павла людей, оффиціально компетентныхъ въ послѣднемъ. Конечно, несомнѣнно, что δυνατός можетъ означать лицо, обладающее властью, высокимъ положеніемъ и пр. По крайней мѣрѣ, съ такимъ значеніемъ мы встрѣчаемъ его у Іосифа Флавія: „οἵ τε ἀρχιερεῖς καὶ δυνατοὶ τό τε γνωριμώτατον τῆς πόλεως“ [1]); „οἱ δυνατοὶ συν τοῖς ἀρχιερεῦσι“ [2]); „οἱ τε ἀρχιερεῖς ἅμα τοῖς δυνατοῖς καὶ ἡ βουλή“; [3]) „οἱ δυνατοὶ τοῖς ἀρχιερεῦσιν... καὶ τοῖς τῶν Φαρισαίων γνωρίμοις“ [4]); „οἱ δυνατοὶ σὺν τοῖς ἀρχιερεῦσιν“ [5]); „τῶν δυνατῶν καὶ τῶν ἀρχιερέων“ [6]). Что въ данномъ случаѣ δυνατός значитъ „знатный“, „именитый“, это видно изъ сопоставленія Іосифомъ δυνατός съ ἄρχων: „τοὺς ἄρχοντας ἅμα τοῖς δυνατοῖς“ [7]); „οἱ δυνατοὶ καὶ τῶν ἀρχόντων τίνες“ [8]). Ἄρχων у нашего историка вездѣ означаетъ свѣтскую, городскую администрацію [9]). Слѣдовательно, съ ἄρχοντες, т.-е. вліятельными людьми по своему общественно-административному положенію, онъ въ двухъ приведенныхъ примѣрахъ сопоставляетъ людей вліятельныхъ по происхожденію, имущественному и образовательному цензу и пр., словомъ, лицъ не оффиціальныхъ, но вліятельныхъ.

Итакъ, подъ δυνατοί Іосифъ Флавій подразумѣваетъ свѣтскихъ лицъ, пользующихся вліяніемъ и авторитетомъ независимо отъ своего оффиціальнаго положенія, и это объясняетъ, почему іудейскій историкъ ставитъ ихъ на ряду съ ἀρχιερεῖς. Выше мы имѣли случай говорить, что подъ οἱ ἀρχιερεῖς разумѣлись вообще лица изъ первосвященническихъ фамилій, хотя бы они никогда не занимали этой высокой должности [10]). Можно даже

---

[1]) *Bel. jud.* II, XIV, 8.
[2]) *B. I.* II, XV, 2.
[3]) *B. I.* II, XVI, 2.
[4]) *B. I.* II, XVII, 3.
[5]) *B. I.* II, XVII, 5.
[6]) *B. I.* II, XVII, 6.
[7]) *B. I.* II, XVII, 1.
[8]) *B. I.* II, XXI, 7.
[9]) Schürer, II, s. 200 Anm. ср. III, s. 41.
[10]) См. выше стр. 38 сл.

съ вѣроятностью предположить, что этимъ именемъ называлось вообще духовное сословіе, т.-е. οἱ ἀρχιερεῖς получило уже значеніе terminus technicus (=русск. вульгарн. „попы“, малорусск.— „батьки“). Въ этомъ особенно убѣждаютъ насъ слова Іосифа Флавія: „οἵ τε ἀρχιερεῖς καὶ δυνατοὶ τό τε γνωριμώτατον τῆς πόλεως“ (см. выше), гдѣ, несомнѣнно, οἱ ἀρχιερεῖς и δυνατοί означаютъ членовъ Синедріона [1])—духовныхъ и свѣтскихъ, а τό τε γνωριμώτατον τῆς πόλεως вообще знатнѣйшихъ горожанъ, неоффиціальныхъ лицъ, которые въ данномъ случаѣ присутствовали предъ прокураторомъ Флоромъ для болѣе полнаго представительства св. города. Говоря другими словами, на языкѣ Іосифа Флавія οἱ ἀρχιερεῖς и οἱ δυνατοί служатъ терминами для духовнаго и свѣтскаго сословія вообще.

Если іудейскій историкъ придаетъ чисто внѣшній смыслъ слову δυνατός, то св. ев. Лука въ своихъ трудахъ пользуется имъ для обозначенія *субъекта, который что-нибудь можетъ по своей тѣлесной или духовной силѣ*, или который *на что-нибудь посланъ*. Мы встрѣчаемъ въ Евангеліи у Луки δυνατός три раза: δυνατός (1, 49) въ примѣненіи къ Богу—„сильный“,—„δυνατὸς ἐν ἔργῳ καὶ λόγῳ“—(XXV, 19)—„сильный, въ словѣ и дѣлѣ“—въ приложеніи ко Христу,—„δυνατὰ παρὰ τῷ θεῷ ἐστίν“ (XVIII, 27)—„невозможное для человѣка, возможно для Бога“. Ясно, что въ приведенныхъ цитатахъ изъ ев. Луки δυνατός относится къ внутренней, духовной силѣ Божіей или человѣческой, характеризуетъ соотвѣтствующій субъектъ со стороны его духовной мощи. Такой же опредѣленный смыслъ мы встрѣчаемъ и во второмъ трудѣ св. ев. Луки—въ книгѣ Дѣяній. Тамъ δυνατός употребленъ шесть разъ, и изъ нихъ только въ анализируемомъ стихѣ можетъ возбуждать наше недоумѣніе. Въ остальныхъ мы опять имѣемъ дѣло съ коррелятами морального порядка: ев. Лука говоритъ или о безсиліи (δυνατός) смерти удержать Христа въ адѣ (II, 24), или о мощи (δυνατός) Моисея въ словахъ и

[1]) По мнѣнію Ареаксадова, δυνατοί=πρεσβύτεροι, послѣдній же титулъ примѣнялся къ мірянамъ въ Синедріонѣ. Цит. соч. стр. 62, 65.

дѣлахъ (VII, 22), или о невозможности для человѣка (δυνατος) препятствовать Богу (XI, 17), или объ образованіи (δυνατὸς ων ταῖς γραφαῖς) Аполлоса (XVIII, 24), или просто о достиженіи опредѣленной цѣли (εἰ δυνατὸν εἴη αὐτῷ... γίνεσθαι εἰς Ἱερουσαλήμ) Павломъ (XX, 16). Такимъ образомъ, св. ев. Лука терминомъ δυνατός охватываетъ чисто-моральные моменты, и является вопросъ—нельзя ли въ такомъ именно значеніи понимать и δυνατοὶ ἐν ὑμῖν анализируемаго стиха?

Предполагать, будто Фестъ не зналъ, что предъ нимъ—люди знатные по своему происхожденію и, съ другой стороны, что между ними находятся также ἄρχοντες, т.-е. облеченные административными полномочіями, невозможно уже вслѣдствіе серьезности дѣла. Изъ обстановки самаго дѣла онъ могъ видѣть, что представителями интересовъ народа могли быть лишь люди знатные, образованные, знакомые съ юридическими нормами, чтобы выступать съ опредѣленными требованіями предъ намѣстникомъ самого Цезаря. Если бы въ настоящемъ случаѣ ев. Лукѣ нужно было показать, что Фестъ разумѣлъ оффиціальныхъ лицъ по должности, то онъ употребилъ бы не δυνατοί, а ἄρχοντες, какъ это видно изъ **Лк** XII, 58 (ὡς γὰρ ὑπάγεις μετὰ τοῦ ἀντιδίκου σου ἐπ᾽ ἄρχοντα) или **Дн** VII, 27 (τίς σε κατεστησεν ἄρχοντα καὶ δικαστὴν ἐφ᾽ ἡμῶν) и XXIII, 5 (ἄρχοντα τοῦ λαοῦ σου οὐκ ἐρεῖς κακῶς), гдѣ ἀρχῶν имѣетъ значеніе вообще власти, начальства безъ опредѣленія ранга. Съ другой стороны, вліятельныхъ лицъ по имущественному или образовательному цензу и происхожденію онъ означаетъ терминомъ πρῶτοι съ gen. partit. [1]) **Дн** XIII, 50 (οἱ δὲ Ἰουδαῖοι παρώτρυναν... τοὺς πρώτους τῆς πόλεως), XVII, 4 (τινες ἐξ αὐτῶν ἐπίσθησαν... γυναικῶν τε τῶν πρώτων οὐκ ὀλίγαι), XXV, 2 (πρῶτοι τῶν Ἰουδαίων), XXVIII, 17 (ἐγένετο... συγκαλέσασθαι αὐτὸν τοὺς ὄντας τῶν Ἰουδαίων πρώτους) и т. д.

Эти данныя показываютъ, что терминъ δυνατοί въ анализируемомъ стихѣ св. ев. Лука понимаетъ не въ смыслѣ ἄρχοντες или πρῶτοι, т.-е. не для характеристики чисто внѣшняго поло-

[1]) Blass, Grammatik, s. 95.

женія въ извѣстной средѣ, а въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ принимаетъ его и въ другихъ мѣстахъ, т.-е. въ смыслѣ terminus naturae или facultatis извѣстнаго субъекта, въ настоящемъ случаѣ—обвинителей Павла. Косвеннымъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія служитъ выраженіе условія: εἴ τι ἐστὶν ἐν τῷ ἀνδρὶ ἄτοπον. Фестъ зоветъ въ Кесарію δυνατοὶ ἐν ὑμῖν для повторенія обвиненій предъ лицомъ самого узника по римскому обычаю (ст. 16), и ему незачѣмъ было ставить имъ условіе εἴ τι ἐστὶν ἐν τῷ ἀνδρὶ ἄτοπον, потому что вина Павла была фактомъ въ глазахъ депутатовъ. Наоборотъ, это условіе необходимо въ качествѣ поясненія δυνατοὶ въ указанномъ значеніи: Фестъ хочетъ сказать,—„если есть что-нибудь необычайное (ἄτοπον ср. **Лк** XXIII, 41, **Дн** XXVIII, 6), преступное въ нравственномъ отношеніи за этимъ человѣкомъ, то пусть способные изъ васъ доказать это, отправившись со мною, представятъ суду обвиненія его“ (κατηγορείτωσαν [1])). Слѣдовательно, εἴ... ἄτοπον служитъ прямымъ опредѣленіемъ δυνατοί, а не условіемъ συγκαταβάντες. Фестъ обращается съ предложеніемъ явиться на судъ въ Кесарію не ко всему народу, какъ думаютъ нѣкоторые комментаторы, а лишь къ способнымъ, имѣющимъ доказательства дѣйствительной виновности Павла, членамъ депутаціи, такъ какъ, судя по его позднѣйшему заявленію (ст. 24 „βοῶντες“ и т. д.), депутація вела себя предъ нимъ очень бурно, приставала съ требованіями, не слушала увѣщаній, такъ что ему было трудно разобраться въ хаосѣ обвиненій узника. Прокураторъ надѣется, что съ малочисленной депутаціей изъ членовъ съ серьезными представленіями онъ скорѣе и лучше разберетъ дѣло на мѣстѣ заключенія Павла.

Такъ замыселъ враговъ св. ап. Павла не удался.

Выше мы достаточно подробно говорили о сферѣ компетенціи прокураторскаго надзора въ Іудеѣ. Мы видѣли, что, въ силу какой-то непонятной ludus fati, эта небольшая сравнительно область была въ существѣ совершенно автономной въ римскую эпоху своей исторіи. Это сказывалось, какъ мы видѣли, не

[1]) См. Schirlitz, s. 225.

только въ сохраненеіи status quo іудейской религіи и обычаевъ, иногда явно отрицающихъ ambitus civitatis romanae, но и въ признаніи полной легальности за національнымъ правомъ почти во всемъ его объемѣ и широтѣ. Синедріонъ могъ судить не только іудея, прозелита, но даже римлянина. Онъ былъ полновластенъ почти во всѣхъ гражданскихъ и церковныхъ преступленіяхъ, могъ судить, приговаривать къ позорнымъ наказаніямъ, смерти на крестѣ и пр. Римская praeses молча соглашалась съ этимъ, признавала нормы іудейскаго права и отмежевала себѣ сравнительно небольшую область—утвержденіе и неутвержденіе смертныхъ приговоровъ иа основаніи квалификаціи преступленія по jus gentium (см. ниже).

Такое положеніе дѣла національной юрисдикціи и послужило своего рода исходнымъ пунктомъ для депутаціи къ Фесту въ Іерусалимѣ.

Свой ужасный замыселъ—убить Павла, фанатичные соотечественники думали осуществить на счетъ двухъ возможностей: они хотѣли воспользоваться неопытностью новаго прокуратора, представить ему дѣло Апостола, какъ совершенно неважное по своему существу, которое можетъ рѣшить и мѣстный судъ, куда тотъ и долженъ бы перевести узника, и, во вторыхъ, поразить прокуратора блестящимъ составомъ депутаціи. Ихъ планъ, несомнѣнно, удался бы, если бы отсутствовалъ этотъ второй моментъ. Достаточно было бы просто представить доказательства Фесту, что въ дѣлѣ Апостола нѣтъ ничего, относящагося къ jus gladii, и Фестъ исполнилъ бы просьбу. Но когда онъ увидѣлъ, что, говоря о маловажности этого дѣла, іудеи въ то же время являются къ нему не разъ, притомъ съ импонирующей обстановкой, онъ уже не могъ повѣрить искренности и отказалъ имъ въ просьбѣ.

Вотъ, собственно, въ какихъ чертахъ представляется начало второй половины кесарійскихъ узъ св. Павла.

Быть можетъ, если бы іудеи поняли свой ложный шагъ, ихъ дѣло могло увѣнчаться успѣхомъ, но здѣсь мы лишній разъ видимъ, какъ Промыслъ Божій хранилъ св. Узника и создавалъ серьезныя препятствія на пути враговъ его.

ГЛАВА II.

Судъ надъ ап. Павломъ въ Кесаріи предъ Фестомъ. Аппелляція Апостола къ Кесарю. (**Дн.** XXV, 6—12).

Ст. 6.

διατρίψας δὲ ἐν αὐτοῖς ἡμέρας οὐ πλείους ὀκτὼ ἢ δέκα, καταβὰς εἰς Καισάρειαν, τῇ ἐπαύριον καθίσας ἐπὶ τοῦ βήματος ἐκέλευσεν τὸν Παῦλον ἀχθῆναι.

δὲ—οὖν—Gig. Lucif. | οὐ πλείους ἡμέρας ℵ; ἡμέρας послѣ δέκα Luc. (не Gig.); οὐ опуск. E. οὐ πλείους опуск. 137, syr^{p} и ^{sch}, οὐ и ὀκτὼ оп. HLP. | ἀχθῆναι τὸν Παῦλον—E, Luc. (adducere P. Gig).—Оборотъ οὐ πλείους ὀκτὼ ἢ δέκα читается по ℵABC, большинству минускулъ, вульгат. армян. (Тиш.), вмѣсто редакціи πλείους ἢ δέκα. Такъ какъ древніе кодексы, въ которыхъ числа означались словами, и всѣ древнѣйшія версіи (изъ которыхъ впрочемъ однѣ опускаютъ οὐ, другія— οὐ πλείους) имѣютъ ὀκτὼ, то позднѣе η (8) была поглощена слѣдующей ἤ, такъ-то и образовался пропускъ ὀκτὼ (HLP). Wendt говоритъ, что пропускъ οὐ (EHLP) соотвѣтствуетъ ἐν τάχει ст. 4, тогда какъ διατρίψας—δέκα противорѣчитъ ст. 4.

„Пробывъ же у нихъ не больше восьми или десяти дней, возвратился въ Кесарію и на другой день, сѣвъ на судейское мѣсто, повелѣлъ привести Павла".

Пробывъ немного болѣе недѣли въ Іерусалимѣ, Фестъ спѣшитъ въ Кесарію къ очереднымъ дѣламъ, быть можетъ, извѣщенный о близкомъ визитѣ Агриппы и Вереники (стт. 13 и

23). Его сопровождаютъ и нѣкоторые члены уже извѣстной намъ депутаціи, какъ это видно изъ контекста (ст. 7).

Knabenbauer хочетъ видѣть въ способѣ повѣствованія (8—10 дней) указаніе на автора, который присутствовалъ при самомъ дѣлѣ. Съ этимъ можно вполнѣ согласиться. Косвенное доказательство мы имѣемъ въ томъ, что все происходящее въ Іерусалимѣ передается косвенной рѣчью, а бывшее въ Кесаріи—прямою, какъ-будто авторъ про Іерусалимъ писалъ со словъ другихъ, а кесарійскій процессъ могъ передать, такъ сказать, стенографически, потому что былъ въ то время около Апост. Павла [1]).

---

[1]) A. Harnack сомнѣвается, чтобы ев. Лука былъ при ап. Павлѣ въ Кесаріи. Онъ говоритъ, исходя изъ своеи „Wir-theorie“ (*Lukas der Arzt*, Leipzig, 1906, ss. 1—86), что Лука и не выставляетъ себя очевидцемъ того, что происходило съ Апостоломъ въ Іерусалимѣ и Кесаріи. Основаніемъ для него здѣсь служитъ, несомнѣнно, та посылка, что во всѣхъ случахъ, гдѣ ев. Лука былъ при Павлѣ, онъ ведетъ повѣствованіе въ первомъ лицѣ „мы“, тогда какъ въ гл. XXV этого мы не видимъ (cit. op. ss. 105).

Однако, есть основанія не согласиться съ нѣмецкимъ ученымъ, потому что его аргументъ слишкомъ произволенъ по своему объему: онъ не хочетъ различать между пребываніемъ ев. Луки *непосредственно* съ Апостоломъ (въ тюрьмѣ, на кораблѣ въ трюмѣ) и простымъ *сопутствіемъ*, когда онъ только жилъ въ городѣ, гдѣ находился тотъ, спорадически навѣщалъ его, но не жилъ вмѣстѣ съ нимъ. Такая произвольность и узость для насъ будутъ очевидны, если мы обратимся къ самому тексту апостольской исторіи. Ев. Лука встрѣтился съ ап. Павломъ въ Троадѣ, гдѣ послѣднему было видѣніе предъ отправленіемъ въ Македонію. „Послѣ этого видѣнія“,—говоритъ св. Лука,—„тотчасъ *мы* положили отправиться въ Македонію“ (Дн XVI, 10). По прибытіи въ Филиппы случилось одно событіе, которое разлучило ученика отъ учителя· Ап. Павла и Силу за исцѣленіе одной служанки посадили въ темницу (XVI, 23). Съ этого момента ев. Лука уже не говоритъ въ первомъ лицѣ, хотя и не прекращаетъ своей подробной рѣчи. Изъ этого можно заключить не то, что изъ Филиппъ ев. Лука скрылся въ другой городъ, какъ слѣдовало бы по логикѣ Harnack'a, а лишь, что онъ не былъ съ заключенными въ темницѣ, а только навѣщалъ ихъ.

Обратимся къ нашей перикопѣ. Самъ Harnack, сказавъ, что сомнѣвается въ присутствіи Луки въ Кесаріи, признаетъ, однако, что изъ

Фестъ провелъ (διατρίψας) въ Іерусалимѣ *всего* 8 или 10 дней, а не со времени посѣщенія депутаціи, такъ какъ ἐν αὐτοῖς указываетъ, несомнѣнно, на іудеевъ (Meyer, s. 467). И такъ какъ св. Дѣписатель не говоритъ, чѣмъ еще занимался прокураторъ въ эти дни, кромѣ пріема депутаціи, можно думать, что въ это время іудейскіе представители являлись *не разъ* съ своими жалобами на Павла.

Мѣстомъ суда прокуратора въ Кесаріи слѹжилъ его дворецъ—πραιτώριον τοῦ Ἡρώδου (**Дн** XXIII, 35), въ одной изъ залъ котораго обычно ставилась sella curulis судьи, считавшаяся необходимой формальностью, безъ которой приговоръ былъ бы недѣйствительнымъ [1]). Обыкновенно sella носилась всюду за прокураторомъ и ставилась тамъ, гдѣ онъ производилъ судъ и расправу. Такъ, Пилатъ выслушиваетъ просьбы іудеевъ—вынести изъ Іерусалима воинскія знамена—въ Кесаріи на площади, сидя на sella [2]), прокураторъ Флоръ принимаетъ въ Іерусалимѣ депутацію отъ возставшаго народа на sella, поставлен-

---

Кесаріи Лука сопровождалъ Павла (**Дн** XXVII, 2), который въ то время былъ очень боленъ и нуждался во врачебной помощи Луки, такъ что тотъ и оставался съ нимъ въ Римѣ (ів.) Но въ такомъ случаѣ, откуда же появился въ Кесаріи ев. Лука? Неумѣстный буквализмъ мѣшаетъ нашему ученому предположить, что со временн прибытія ап. Павла съ Лукой въ Іерусалимъ (**Дн** XXI, 17), когда началась эпоха постоянныхъ мученій Великаго Апостола, евангелистъ былъ все время, вплоть до отправленія въ Римъ (**Дн** XXVII гл.), при Апостолѣ, и если онъ не говоритъ объ этомъ ясно („мы“ съ XXI, 18 до XXVII гл. не встрѣчается), лично, то, несомнѣнно, хочетъ показать этимъ, что не испытывалъ вмѣстѣ съ нимъ стѣсненій, которымъ тотъ подвергался. Онъ, вѣроятно, жилъ сначала въ Іерусалимѣ, гдѣ-нибудь въ частномъ домѣ, а когда ап. Павелъ былъ отправленъ къ Феликсу въ Кесарію, онъ и перешелъ туда и также жилъ тамъ не съ Апостоломъ, посѣщая его въ мѣстѣ заключенія и оказывая нужную помощь, какъ врачъ и человѣкъ вообще состоятельный, тѣмъ болѣе, что въ тюрьмѣ св. Узникъ пользовался относительной свободой (**Дн** XXIV, 23).

[1]) Schürer, I, s. 429, Anm. 8. Подобная sella (βῆμα), въ видѣ особаго возвышенія, находилась и въ синагогахъ для чтенія. Ср. Schürer, II, s. 450.

[2]) *Bell. jud.* II, IX, 3.

ной предъ дворцомъ царскимъ, т.е. — Ирода [1]). Судейское мѣсто прокуратора въ Іерусалимѣ называлось λιθόστρωτος (ср. **Iн** XIX, 13; точно неизвѣстно, было ли это слово простымъ переводомъ евр. Γαββαθᾶ—мѣсто суда Пилата въ Іерусалимѣ надъ Христомъ, или же оно вообще служило обозначеніемъ судебнаго кресла прокуратора [2])). Техническимъ названіемъ его было— βῆμα (отъ βαίνω) — возвышенное мѣсто, тронъ, судилище [3]), θρόνος — кресло, высокій стулъ [4]). Что касается собственно обстановки суда, то точно извѣстно, что прокуратора всегда окружалъ въ такихъ случаяхъ συμβούλιον (**Дн** XXV, 12), его совѣтъ, comites—высшія должности его свиты, или же просто—молодые люди, присутствовавшіе при разбирательствѣ дѣла въ интересахъ своей карьеры.

Римляне—юристы по природѣ—высоко чтили свою Немезиду и во всѣхъ случаяхъ обставляли судъ очень торжественно.

Любое судебное дѣло представляло собой не только рѣшеніе того или другого спорнаго вопроса, но и турниръ для ораторовъ, слушать которыхъ сходилась публика. Римскіе намѣстники, конечно, въ большинствѣ случаевъ не имѣли возможности вполнѣ точно перенести свой классическій процессъ въ мѣста служенія, часто въ совершенно дикія страны съ фанатичнымъ населеніемъ, непріязненно относившимся къ владычеству римлянъ. Но изъ чувства прирожденнаго порядка и національной гордости они старались хотя немного приблизить судопроизводство къ формамъ родины. Поэтому, на судѣ намѣстника присутствовалъ по возможности весь штатъ свиты, высшіе представители военные, гражданскіе и частныя лица, имѣвшія близкій доступъ къ представителю Цезаря—его кліенты. На особенно торжественныя собранія, какъ увидимъ ниже, публика собира-

---

[1]) B. J. II, XIV, 8.

[2]) Schirlitz, cit. op. s. 249.

[3]) **Мѳ** XXVII, 19; **Iн** XIX, 23; **Дн** VII, 5; XII, 21; XVIII, 21; XVIII, 16; XVIII, 17; XXV, 10, 17.

[4]) **Мѳ** XIX, 28; **Лк** XXII, 30 **Дн** XX, 4 ср. Jos. *Antt.* XVIII, IV, 6—Филиппъ Трахонидскій приказывалъ носить за собою такой тронъ, стулъ и ставить его на мѣстѣ разбирательства дѣла.

лась особымъ приглашеніемъ судьи. Изъ лицъ, имѣвшихъ вѣсъ въ такихъ дѣлахъ, обычно бывали quaestor, завѣдующій расходомъ денегъ, отпускаемыхъ на содержаніе трибунала, и legati— особо довѣренныя лица Принципала, которыя могли даже слѣдить за дѣйствіями намѣстника, хотя съ другой стороны, они были подчинены ему: онъ могъ поручать имъ юрисдикцію, военное дѣло и пр. [1]). Свидѣтельства объ этихъ лицахъ мы имѣемъ въ приговорѣ проконсула Сардиніи отъ 68 года по Р. Х. (сохранился на бронзовой пластинкѣ и сообщенъ Mommsen'омъ). Въ этомъ протоколѣ есть замѣчаніе: „in consilio fuerunt M. Julius Romulus leg. pro pr., M. Stertinius Rufus f., Sex. Aelius Modestus, P. Lucretius Clemens, M. Domitius Vitalis, M. Lusius Fidus, M. Stertinius Rufus". Слѣдовательно, кромѣ легата и квестора, были еще шесть членовъ, съ которыми прокураторъ совѣщался о рѣшеніи суда [2]). Что касается самаго процесса суда, то немного извѣстно о немъ изъ римскихъ собственно источниковъ. Филонъ Легатъ разсказываетъ Каію, что проконсулъ Сиріи Петроній въ одномъ случаѣ суда, вставши, совѣтовался съ наличнымъ составомъ своего consilium'а; одни согласны были съ нимъ, другіе оспаривали, и когда выяснились мнѣнія, Петроній приказалъ записать все писцамъ (ἐπεξανάστας δὲ μετὰ τῶν συνέδρων ἐβουλεύετο τα πρακτέα... τίνες οὖν ἦσαν αἱ γνῶμαι... ἀποδεξαμένων δε την ἐπίνοιαν τῶν συνέδρων κελεύει γράφεσθαι τὰς ἐπιστολάς) [3]). Ниже мы скажемъ подробнѣе о формѣ судопроизводства въ дѣлѣ ап. Павла.

На слѣдующій же день по прибытіи въ Кесарію (τῇ ἐπαύριον—ср. **Мѳ** XXVII, 62; **Мк** XI, 12 и др.) Фестъ, сидя на судейскомъ мѣстѣ (ἐπὶ τοῦ βήματος), приказалъ привести на судъ (ἀχθῆναι—ср. XII, 19) Павла.

---

[1]) Проф. Хвостовъ *Исторія римскаго права*, Москва, 1911, стр. 153 сл.

[2]) Schürer, I, s. 469, An. 82.

[3]) Ibid. **См. Addenda.**

Ст. 7.

παραγενομένου δὲ αὐτου, περιέστησαν αὐτὸν οἱ ἀπὸ Ἱεροσολύμων καταβεβηκότες Ἰουδαῖοι, πολλὰ καὶ βαρέα αἰτιώματα καταφέροντες, ἃ οὐκ ἴσχυον ἀποδεῖξαι,

αὐτόν опуск. HP. (Ἰουδαῖοι καταβ. Gig. Lucif.) αἰτιάματα — мног. минуск. φέροντες κατὰ τοῦ Π. HP, но также—κατ᾽ αὐτοῦ L. | ἀποδεῖξαι οὐκ ἴσχυον—Gig. Lucif.).

περιέστησαν αὐτόν читается въ ℵABCL, большинствѣ минускулъ, вульгат. сир., арм. Lucif. (Tisch.); E 13 др. имѣютъ αὐτῷ.

Αὐτόν относится не къ βῆμα, какъ думаютъ нѣкоторые, а къ περιγ. αὐτοῦ, т.е. Павл. (ср. Meyer, s. 467).

Согласно Tisch., нужно читать не αἰτιάματα, а αἰτιώματα: единств. разъ встрѣчается въ H. 3.

Καταφέροντες по ℵABC 13. 40. 61 вульг. арм. Lucif (Tisch.). Редакція φέροντες κατὰ τοῦ Π. HP. является уже толкованіемъ обычной редакціи. Редакція ἐπιφέρ. τῷ Π. у E—чисто классическій оборотъ (Blass).

„Когда онъ явился, стали кругомъ пришедшіе изъ Іерусалима Іудеи, принося на Павла многія и тяжкія обвиненія, которыхъ не могли доказать".

Несомнѣнно, что выраженіе παραγενομένου αὐτοῦ относится не къ Фесту, который въ этотъ моментъ уже занималъ мѣсто судьи, а къ Павлу, такъ что слѣдующее αὐτόν также относится къ Павлу, а не прокуратору. Дѣло представляется такъ, что іудеи уже занимали мѣста около Феста, и лишь появился Павелъ, они быстро окружили (см. выше объ аористѣ стр. 42) его.

Противъ Павла выступили не новыя лица, а члены той же депутаціи, которой было предложено Фестомъ (ст. 5) выдѣлить изъ своей среды способныхъ представить серьезныя обвиненія на узника. Они, несомнѣнно, вмѣстѣ съ нимъ и явились въ Кесарію (ср. συν—ἐλθόντων—ст. 17). Предлагая эту мѣру въ

видахъ большей отчетливости и объективности при рѣшеніи настоящаго дѣла, Фестъ, конечно, думалъ, что его мѣра принесетъ плоды, т. е. въ конечномъ результатѣ дастъ возможность свести все дѣло къ римскому судебному процессу, гдѣ обычно наблюдался строгій порядокъ въ высказываніи обвиненій, мнѣній и анализа ихъ предсѣдательствующимъ, что́ гарантировало дѣлу бо́льшую закономѣрность. Тамъ каждая часть, каждый моментъ суда носилъ строго опредѣленный видъ, всякая рѣчь выслушивалась до конца, обвинители точно излагали свои тезисы, которые сейчасъ же записывались, такъ что можно было не только по памяти воспроизводить ихъ при составленіи приговора. Споры съ обвиняемымъ обвинителей, не приводившіе къ успѣху, а только запутывавшіе дѣло и утомлявшіе вниманіе присутствующихъ, не допускались, процессъ суда былъ строго дифференцированъ вопросами судьи и пр. Этого, несомнѣнно, ожидалъ и Фестъ, но ошибся.

Какъ мы видѣли, іерусалимская депутація состояла изъ наиболѣе знатныхъ и вліятельныхъ представителей іудейской аристократіи. Нужно думать, что въ такомъ же блестящемъ составѣ предстала депутація и въ Кесаріи. Однако, подъ роскошной одеждой и цивилизованной внѣшностью продолжало биться чисто-восточное мстительное сердце, которое готово было сорваться съ путъ и уничтожить врага...

Лишь только воины привели Павла, іудеи окружили его и начали бросать ему въ лицо „πολλὰ καὶ βαρέα αἰτιώματα“, не дожидаясь даже собственно оффиціальнаго открытія самаго засѣданія. Нужно стать образованнымъ грекомъ, какимъ былъ ев. Лука, чтобы понять всю интенсивность, силу, тяжесть и грубость этихъ „πολλὰ καὶ βαρέα αἰτιώματα“....

Предъ прокураторомъ, такимъ образомъ, была не депутація, которой онъ спокойно ожидалъ, а безпорядочная дикая толпа фанатиковъ, не стѣсняющаяся ничѣмъ, лишь-бы сильнѣе очернить Павла предъ трибуналомъ, не дать ему самому разобраться въ взводимыхъ обвиненіяхъ и добиться его осужденія на смерть. На Апостола обвиненія сыпались градомъ, обвиненія многія по количеству и тяжелыя качественно. Еще прокуратору Феликсу

въ моментъ ареста Павла были представлены три обвиненія: *язва общества, возбудитель мятежа между іудеями, живущими по вселенной, и представитель назорейской ереси* (**Дн** XXIV, 5). Какъ увидимъ ниже, здѣсь повторилось то же самое.

Однако, напрасно изливали іудеи всю свою желчь, ожесточенность и ненависть къ этому бѣдному и смиренному проповѣднику... Все, что̀ накопилось давно противъ Павла, что̀ подогрѣвалось пыломъ его послѣдователей изъ іудеевъ, чувство оскорбленія и обиды за разрушеніе отеческихъ идеаловъ, все это съ быстротой гейзера вылилось наружу при видѣ того, кто не переставалъ быть предметомъ ненависти послѣдніе 2 года. Іудеи не жалѣли словъ... Но напрасно гордая саддукейская знать и ученые фарисеи сыпали ему въ лицо проклятія и старались запутать его и прокуратора въ софизмахъ... Ихъ стремительный натискъ, желчное краснорѣчіе таяло подобно первому снѣгу на лучахъ жаркаго солнца: св. Лука говоритъ, что своихъ обвиненій они „οὐκ ἴσχυον ἀποδεῖξαι“—не могли подтвердить основательными аргументами.

Является вопросъ, какъ обнаружилось это безсиліе іудеевъ? Требовалъ-ли Фестъ подтвержденія обвиненій, или же самъ Павелъ, защищаясь отъ нихъ, предлагалъ обвинителямъ доказать свои слова—неизвѣстно, но можно догадываться изъ самаго контекста рѣчи св. Дѣписателя, что послѣднее ближе къ истинѣ. Синтаксическій строй стиховъ 7, 8, 9 [1]) говоритъ, что въ сжатой формѣ Писатель передалъ цѣлое сложное, долговременное дѣйствіе, и, чтобы понять взаимоотношеніе частей его, нужно распутать эту схему указаніемъ связей между отдѣльными элементами этой сжатой рѣчи.

Главное предложеніе ст. 7 „περιέστησαν Ἰουδαῖοι“ управ-

---

[1]) Родительн. самост. (παραγ....αὐτοῦ), управляющее имъ и слѣдующимъ опредѣлительн. предложеніемъ (ἃ...ἀποδεῖξαι)—(περιέστησαν..... Ἰουδαῖοι), родительный самостоятельн. (τοῦ Π ἀπολογουμένου), дополнительное предложеніе къ нему (ὅτι...ἥμαρτον), управляющее (ὁ Φ..... εἶπεν) послѣдними двумя оборотами (δὲ...καταθέσθαι и ἀποκριθ.....Π.).

ляетъ непосредственно оборотомъ родительнаго самост. (παραγ... αὐτοῦ), приложеніемъ (πολλὰ... κατὰ т. П.) и косвенно-опредѣлительнымъ предложеніемъ (ἃ....ἀποδεῖξαι). Второе самостоятельное предложеніе (ὁ Ф.....εἶπεν) управляетъ двумя придаточными (τοῖς Ἰουδ... καταθ. и ἀποκρ....П.). Куда же относится оборотъ—„τοῦ П ἀπολογουμένου, ὅτι“ οὔτε εἰς τὸν νόμον τῶν Ἰουδαίων οὔτε εἰς τὸ ἱερὸν οὔτε εἰς Καίσαρα τι ἥμαρτον“? Родительн. самост. въ этомъ 8 стихѣ можетъ означать или время, или причину; ни то, ни другое не можетъ относиться къ слѣдующему „ὁ Ф.... εἶπεν“, такъ какъ рѣчь Феста совершенно не связана органически съ логическимъ ходомъ мыслей предшествующихъ, а есть заключеніе или конецъ самого процесса. Слѣдовательно, „του П.....ἥμαρτον“ относится къ содержанію ст. 7, какъ причина—почему „οὐκ ἴσχυον ἀποδεῖξαι.“

Итакъ, *безсиліе* фанатиковъ-іудеевъ доказать свои многочисленныя и тяжкія обвиненія вскрылъ самъ св. Узникъ. Онъ не могъ молчать, когда видѣлъ, что дутое краснорѣчіе его противниковъ цѣликомъ основано на самой беззастѣнчивой и грубой лжи, которой готовъ былъ повѣрить прокураторъ. И Апостолъ на каждое обвиненіе отвѣчалъ требованіемъ подтвердить это послѣднее.

Св. ев. Лука не говоритъ намъ ничего о настроеніи св. Узника. Но если самъ Господь Іисусъ Христосъ по человѣчеству раздражался на своихъ враговъ, то и для ап. Павла было бы неестественно сверхъ силъ человѣческихъ сохранять ровность духа и молчаніе. Онъ не могъ молчать, потому что его враги іудеи чернили, искажали его дѣло, дѣло спасенія человѣчества по заслугамъ Его Божественнаго Учителя, грязными ногами топтали самое дорогое, высокое въ его жизни—его вѣру, глумились предъ языческимъ обществомъ, портили его дѣло проповѣди.... Какъ онъ могъ молчать? Но среди шума, криковъ спокойной рѣчи не могло быть, и онъ, конечно, имѣя отъ природы слабый голосъ, могъ только громко требовать доказательствъ, вскрывая тѣмъ самымъ всю фальшь іудеевъ.

Такимъ образомъ, безсиліе іудеевъ доказать свои обвиненія обнаружилось послѣ защиты Апостола.

Ст. 8.

τοῦ Παύλου ἀπολογουμένου, ὅτι „οὔτε εἰς τὸν νόμον τῶν Ἰουδαίων οὔτε εἰς το ἱερὸν οὔτε εἰς Καίσαρά τι ἥμαρτον“.
τοῦ δὲ Π. ἀπολογ —E, Gig. Lucif., др. лат.; ἀπολογ. αὐτοῦ—H. P. наоборотъ, τοῦ Π. ἀπολογ —ℵABC, нѣкотор. минуск., верс. (Tisch.).

„онъ же въ оправданіе свое сказалъ: я не сдѣлалъ никакого преступленія ни противъ закона Іудейскаго, ни противъ храма, ни противъ кесаря“.

Св. Лука схематизируетъ защиту Апостола.

Изъ настоящихъ словъ св. Павла, что онъ не виновенъ предъ *закономъ іудейскимъ*, *святилищемъ и Кесаремъ*, виденъ составъ тѣхъ тяжелыхъ и многочисленныхъ обвиненій, которыя сыпались градомъ со стороны озлобленныхъ іудеевъ.

Въ сущности, эти обвиненія были не новы: во многихъ мѣстахъ проповѣди Павла они раздавались изъ устъ лицемѣрныхъ іудеевъ-фанатиковъ. Еще въ Коринѳѣ іудеи кричали, что Павелъ проповѣдуетъ противозаконное ученіе (παρὰ τὸν νόμον ἀναπείθει οὗτος τοὺς ἀνθρ. σεβέσθαι τ. θεόν — **Дн** XVIII, 13). Азійскіе іудеи возмутили противъ него народъ въ іерусалимскомъ храмѣ, указывая на то, что онъ учитъ противъ закона (οὗτος ἐστὶν ὁ κατὰ...τοῦ νόμου ...διδάσκων — **Дн** XXI, 28).

Несомнѣнно, что въ основѣ такихъ обвиненій лежала его смѣлая проповѣдь христіанства, въ которой онъ не считался съ традиціями и ученіемъ фарисеевъ, а давалъ объективное освѣщеніе ветхозавѣтному ученію примѣнительно къ ученію Спасителя [1]). Что касается обвиненія въ оскорбленіи храма (ἱερὸν не въ смыслѣ ναός, т.-е. Святаго Святыхъ, какъ у **Мѳ** XXVII, 51, а какъ весь храмъ вообще со всѣми отдѣльными частями [2]), то въ этомъ случаѣ іудеи повторили старыя обви-

---

[1]) Neander *Gesch d. Pfl. u. Leit. d. chr. K.*, Hamb. 1838, II, s. 693.

[2]) См. Schirlitz, s. 199.

ненія, которыя раздавались въ іерусалимскомъ храмѣ (κεκοίνωκεν τὸν ἅγιον τόπον τοῦτον—**Дн** XXI, 28), у Феликса на судѣ (ὃς καὶ τὸ ἱερὸν ἐπείρασεν βεβηλῶσαι—**Дн** XXIV, 6). На судѣ у Феликса Апостолъ опровергъ эти обвиненія, раскрывъ предъ прокураторомъ смыслъ и характеръ своей дѣятельности и отношенія къ отечественному закону и храму. Феликсъ удовлетворился его объясненіями и не призналъ виновнымъ, указавъ, что онъ не считаетъ себя достаточно знакомымъ съ религіозными ученіями іудеевъ, на почвѣ которыхъ состоялось такое осужденіе Павла (**Дн** XXIV, 11—21, 22). Быть можетъ, такими же пріемами воспользовался ап. Павелъ и въ настоящемъ случаѣ предъ Фестомъ (Knabenbauer).

Такъ какъ обвиненія на религіозной почвѣ оказались недостаточными уже предъ Феликсомъ, іудеи прибѣгаютъ на сей разъ къ новому очень серьезному средству: они обвиняютъ Павла въ нарушеніи lex laesae majestatis—оскорбленіи личности Кесаря, подобно Ѳессалоникійцамъ (**Дн** XVII, 6—7). Выше мы говорили (стр. 20), какимъ суевѣрнымъ почтеніемъ была окружена личность Кесаря у римлянъ. Онъ считался божественнымъ, ему существовалъ культъ, и, естественно, оскорбленія его карались очень строго. Въ провинціяхъ это должно было сказываться со всею тяжестью, потому что говорило о возстаніи, бунтѣ противъ римскаго владычества. Іудеи знали силу и важность обвиненія въ такомъ національномъ оскорбленіи римлянъ и обратились къ нему въ критическую минуту. Быть можетъ, они догадывались, что Фестъ ожидалъ обвиненій политическаго характера, о чемъ онъ позже самъ высказалъ (ст. 18).

Расчетъ іудеевъ, конечно, отчасти былъ вѣренъ, потому что имъ было очень хорошо извѣстно, въ какихъ бы преступленіяхъ противъ своей религіи они ни обвиняли Павла, римскій трибуналъ, индифферентный вообще къ религіознымъ вопросамъ, не могъ понять всей тяжести обвиненій. Что́ было страшнымъ преступленіемъ въ глазахъ фанатичнаго фарисея, то вызывало улыбку недоумѣнія на устахъ трезваго римскаго всадника. Мнѣнія самыхъ знаменитыхъ іудейскихъ раввиновъ для него были

совсѣмъ неубѣдительны. Члены депутаціи должны были считаться съ тѣмъ, что прокураторъ можетъ дать отпоръ указаніемъ на компетенцію въ этомъ дѣлѣ Синедріона (**Дн** IX, 1 и сл.; XXIV, 5).

Такъ, вѣдь этого и добивались, повидимому, іудеи: имъ давно хотѣлось перенести дѣло въ Іерусалимъ, чтобы, какъ мы видѣли выше, воспользоваться услугами „40“? Зачѣмъ обращаются они къ политикѣ, когда къ ихъ цѣли ведетъ ближе иной путь: достаточно имъ было заявить о неподсудности настоящаго дѣла римскому прокуратору, и они—у цѣли: трибуналъ откажется судить Павла и передастъ его имъ? Однако, дѣло обстояло иначе.

Достаточно самаго поверхностнаго сравненія стт. 3 и 7, чтобы замѣтить большую разницу между депутаціями іудеевъ въ Іерусалимѣ и въ Кесаріи. Тамъ іудеи стояли на точкѣ зрѣнія компетенціи Синедріона, какъ мѣстнаго богословскаго надзора, которому дѣло Павла, какъ нарушителя закона, по ихъ представленію, подлежитъ непосредственно. Опираясь на это, они требовали только одного—перевести дѣло Апостола въ Іерусалимъ для суда въ Синедріонѣ. Наоборотъ, кесарійская депутація имѣетъ совершенно иную физіономію. Здѣсь мы уже не видимъ „жалобъ“, „просьбъ“ (стт. 2—3), здѣсь іудеи выступаютъ, какъ *обвинители*, главная задача которыхъ—представить Узника важнымъ преступникомъ. Изъ состава же самыхъ обвиненій, изъ того, что они говорятъ не только о религіозныхъ преступленіяхъ, имѣвшихъ въ глазахъ римской praeses второстепенное значеніе, но и о преступленіяхъ высшаго ранга, которыя подлежатъ уже jus gladii и грозятъ виновному смертью, видны послѣднія потуги добиться своей цѣли—освободиться отъ Павла. Нельзя предполагать, будто іудеи не знали, куда могутъ повести ихъ политическія обвиненія. Поэтому, мы должны принять, что это послѣднее они дѣлали намѣренно, поставивъ своей задачей непремѣнно добиться своего. Въ сущности говоря, для нихъ было, вѣдь, совершенно безразлично, кто освободитъ ихъ руки отъ такого *опаснаго* человѣка: прокураторъ или сикаріи.

Если въ Іерусалимѣ они просили перевода Павла въ Синед-

ріонъ, чтобы убить его на дорогѣ, то въ Кесаріи они обвиняли его для того, чтобы подвести подъ мечъ римскаго солдата (римскіе граждане были свободны отъ позорныхъ наказаній, см. выше стр. 21 сл.). И если, далѣе, цѣль въ томъ и другомъ случаѣ была одна, то изъ этого логически слѣдовало, что депутаціи не было нужды въ Кесаріи продолжать, такъ сказать, іерусалимскую политику, а должно обратиться къ новому средству, которымъ въ настоящемъ случаѣ и было обвиненіе въ политической преступности, каковую каралъ мечъ.

Wendt говоритъ, что политическимъ преступникомъ представляли Павла іудеи еще раньше, когда жаловались на него, какъ на бунтовщика, возмущающаго народъ и, такимъ образомъ, идущаго противъ общественнаго порядка, который поддерживался рукой Кесаря („κινοῦντα στασιν“ и „κατὰ τ. οἰκουμένην“ **Дн.** XXI, 28; XXIV, 5). Теперь-же это обвиненіе было высказано прямо уже съ опредѣленнымъ намѣреніемъ, какъ мы говорили выше. Однако и это обвиненіе не достигло своей цѣли, потому что Апостолъ опровергъ его (οὔτε....τι ἥμαρτον...).

Ст. 9.

ὁ Φῆστος δὲ θέλων τοῖς Ἰουδαίοις χάριν καταθέσθαι, ἀποκριθεὶς τῷ Παύλῳ εἶπεν· „Θέλεις εἰς Ἱεροσόλυμα ἀναβὰς ἐκεῖ περὶ τούτων κριθῆναι ἐπ᾽ ἐμοῦ“;

οὖν, вмѣсто δέ, A | τοῖς Ἰουδαίοις θέλων — HLP; volens gratiam praestare Judeis—Gig. | χάριτα—A, ср. XXIV, 21 | dixit Paulo безъ ἀποκριθείς—Gig. | ἀναβὰς εἰς Ἱεροσ.—Gig. | κρίνεσθαι — HLP | ἐπ᾽ ἐμοῦ кр. по Gig.—κριθῆναι читается въ ℵABCE, нѣкотор. минуск. (Tisch.), вмѣсто κρίνεσθαι.

χάριν — accusat. отъ χάρις, имѣющій значеніе предлога — „изъ любви“—ср. выше ст. 3, **Лк** XVII, 9—„μὴ χάριν ἔχει τῷ δούλῳ ἐκείνῳ.“

Passiv κρίνομαι имѣетъ значеніе—*быть объектомъ судебнаго разбирательства изъ-за чего-нибудь*, и чаще причина этой подсудности означается чрезъ περί (τινος—XXIII, 6; XXIV, 21; XXVI, 6), а субъектъ суда—ἐπί (τινος—*въ*

присутствіи кого-нибудь, какъ въ наст. случаѣ, ср. 1 **Кор** VI, 6: „ἀδελφὸς μετὰ ἀδελφοῦ κρίνεται ἐπὶ ἀπίστων“,—ср. **Дн** XV, 2; XXIV, 22).

„Фестъ, желая сдѣлать угожденіе Іудеямъ, сказалъ въ отвѣтъ Павлу: хочешь ли идти въ Іерусалимъ, чтобы я тамъ судилъ тебя въ этомъ?“

Св. ап. Павелъ вскрылъ предъ римскимъ трибуналомъ всю вздорность, фальшь, безсодержательность и беззастѣнчивость обвиненій іудеевъ. Въ отвѣтъ на это оправданіе Фестъ предлагаетъ ему отправиться въ Іерусалимъ, чтобы тамъ судиться въ его присутствіи.

Какая связь между тѣмъ и другимъ, или—какой смыслъ имѣло предложеніе прокуратора?

Само собою подсказывается предположеніе, что обращеніе прокуратора къ просьбѣ іерусалимской депутаціи вызвано слѣдующимъ. Фестъ еще раньше убѣдился, что главная причина ненависти іудеевъ къ Павлу лежитъ въ разногласіи по религіознымъ вопросамъ, такъ какъ ссылка на политическія преступленія, выдвинутая только теперь, оказалась слишкомъ вздорной. Вотъ именно потому-то, что узникъ оставался въ атмосферѣ религіознаго іудаистическаго чада нареканій, Фестъ предлагаетъ ему обратиться въ подлежащую спеціальную инстанцію.

Однако, этотъ красивый силлогизмъ оказывается неосновательнымъ, если обратиться къ тексту.

Прежде всего, св. ев. Лука, бывшій очевидцемъ всего этого процесса въ Кесаріи (ср. выше стр. 57_1 сл.), прямо заявляетъ, что Фестъ дѣлаетъ такое предложеніе Павлу, „θέλων τοῖς Ἰουδαίοις χάριν καταθέσθαι“.

Далѣе. Опроверженіемъ ложныхъ обвиненій іудейскихъ представителей Павелъ поставилъ, собственно говоря, прокуратора въ неловкое положеніе: осудить его на казнь, т. е. показать его реальную подсудность jus gladii, у Феста не было основаній; съ другой стороны, признать его невиновнымъ и

освободить—значило, просто говоря, обидѣть іудеевъ, показать, что ихъ лжесвидѣтельства, игнорированіе средствами, ясны. Такимъ образомъ, на первый-же разъ произошло-бы охлажденіе отношеній между Фестомъ и его новыми подчиненными. Конечно, можно и нужно было въ настоящемъ случаѣ дѣйствовать прямо, т.-е. освободить узника на основѣ его защиты и наказать жалобщиковъ. Однако, не такъ поступилъ Фестъ. Позднѣе въ своей рѣчи предъ Агриппой и Вереникой онъ открыто заявилъ, что іудеи „не представили на Павла ни одного изъ обвиненій, какія онъ предполагалъ „(οὐδεμίαν αἰτίαν ἔφερον ὧν ἐγὼ ὑπενόουν πονηρῶν—ст. 18), т. е. обвиненія въ преступленіяхъ уголовнаго характера, смертный приговоръ за которыя утверждалъ прокураторъ. И, однако, онъ не отпустилъ его на свободу, а предлагаетъ идти въ Іерусалимъ и тамъ быть судиму предъ Синедріономъ.

Ясна увертка и ловкая предпосылка Феста...

Онъ не хочетъ поступить de jure, чтобы не повредить своей популярности у іудеевъ, но и не хочетъ также открыто осудить Павла на смерть, чего такъ добивались его враги... Онъ избираетъ средній путь, чтобы и интересы римскаго государства сохранить и іудеевъ не раздражить.—Подтвердивши, что Павелъ невиновенъ, прокураторъ заявляетъ, что онъ предлагаетъ ему идти въ Іерусалимъ и тамъ предъ высшимъ богословско-цензурнымъ органомъ страны судиться за свои религіозныя мнѣнія.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, отказомъ осудить Павла онъ призналъ его невиновнымъ, съ другой—предложеніемъ синедріальнаго суда онъ признаетъ его виновнымъ, такъ какъ не даетъ ему свободы. Felten старается освободить Феста отъ обвиненія въ пристрастности къ Павлу указаніемъ на то, что онъ и дѣйствительно могъ быть увѣренъ, что такіе религіозные спорные вопросы (ст. 19) подлежатъ компетенціи не свѣтской власти Іудеи, а синедріальной. Но въ такомъ случаѣ опять приходится повторить вопросъ—почему же онъ, признавая невиновнымъ Павла съ точки зрѣнія potestas gladii, тѣмъ не менѣе хочетъ, чтобы тотъ подвергся церковному суду? Вѣдь,

онъ въ послѣднемъ случаѣ долженъ бы былъ отпустить Павла на свободу, а его поведеніе, наоборотъ, прямо говоритъ, что онъ искалъ причинъ для его осужденія, хотѣлъ воспользоваться здѣсь единственной возможностью: быть можетъ, предъ судомъ Синедріона тотъ окажется виновнымъ въ серьезныхъ преступленіяхъ, исходъ которыхъ, конечно, можно было отчасти предвидѣть.

Фестъ спрашиваетъ у Павла—желаетъ ли онъ воспользоваться перемѣной судебной инстанціи (θέλεις εἰς Ἱεροσόλυμα ἀναβάς ἐκεῖ περὶ τούτων κριθῆναι), исходя изъ господствовавшаго обычая, по которому римскій гражданинъ только въ случаѣ *личнаго желанія* могъ судиться предъ іудейскимъ Синедріономъ и по іудейскимъ законамъ [1]), а о сословномъ цензѣ Павла онъ, несомнѣнно, былъ освѣдомленъ еще въ Іерусалимѣ чрезъ предварительныя разслѣдованія (см. выше стр. 44 сл., ср. **Дн** XXII, 25 сл.; XXIII, 27). Ясно, во всякомъ случаѣ, что Фестъ разумѣлъ именно судъ синедріальный: это видно изъ εἰς Ἱεροσ. ἀναβάς и ἐκεῖ: предлагаетъ идти въ Іерусалимъ и тамъ быть судиму. Выше мы видѣли, что въ Синедріонѣ обычно разбирались такія дѣла, которыя по своему содержанію не подходили подъ компетенцію мѣстныхъ мелкихъ судебныхъ единицъ, но требовали разоваго судебнаго приговора, что бывало въ случаяхъ богохульства (**Мѳ** XXVI, 65; **Iн** XIX, 7), выдаванія себя за пророка (**Дн** IV, V глл.). Дѣло Павла относилось къ разряду такихъ процессовъ (ср. **Дн** XXIII гл.) [2]).

Выраженіе прокуратора ἐπ' ἐμοῦ нуждается въ нѣкоторомъ разъясненіи. Выше мы замѣтили вскользь объ ограниченіи власти Синедріона прокураторскимъ надзоромъ въ римскую эпоху, теперь необходимо добавить, что собранія Синедріона разрѣшалъ прокураторъ [3]). Послѣ этого ясно, что Фестъ могъ явиться въ Іерусалимъ, созвать членовъ Синедріона и въ своемъ присутствіи вновь разслѣдовать дѣло.

По мнѣнію Meyer'a, Фестъ не могъ сомнѣваться въ харак-

---

[1]) См. выше стр. 13 сл.
[2]) См. выше стр. 19 сл.
[3]) *Antt.* XX, IX, I. Schürer, II, 208—210.

терѣ отвѣта на его вопросъ со стороны Павла, но своимъ θέλεις онъ хочетъ показать іудеямъ свою готовность все сдѣлать для нихъ. Св. Іоаннъ Златоустъ подчеркиваетъ эту услужливость новаго прокуратора, говоря, что онъ „угождаетъ іудеямъ, всему народу и городу“ (Διότι καὶ αὐτὸς τοῖς Ἰουδαίοις χαρίζεται, διωγμῷ ὁλοκλήρῳ καὶ πόλει) [1]).

Римское гражданство св. Павла было большимъ препятствіемъ для Феста. Онъ не могъ прямо отдать его фанатичнымъ іудеямъ, какъ это сдѣлалъ Понтій Пилатъ съ Христомъ—простымъ іудеемъ по происхожденію (ср. Ин XVIII, 31; XIX, 6). Поэтому-то, Фестъ и хочетъ самъ отправиться съ нимъ въ Іерусалимъ для суда, какъ бы желая сгладить впечатлѣніе отъ такого явно несправедливаго поступка по отношенію къ ложно обвиненному узнику—римскому гражданину. Быть можетъ, также, что онъ своимъ присутствіемъ хочетъ подчеркнуть авторитетъ римскаго государства (Knabenbauer).

— Трудно представить себѣ, чтобы Фестъ предложилъ Павлу такой исходъ, если бы зналъ о всей ненависти къ нему и рѣшимости на всё іудеевъ. Онъ едвали бы пожелалъ отдѣлаться такимъ способомъ отъ непріятнаго дѣла, чтобы только доставить удовольствіе евреямъ, которые съ такой настойчивостью просили у него перевода заключеннаго.

Ст. 10.

εἶπεν δὲ ὁ Παῦλος „Ἑστὼς ἐπὶ τοῦ βήματος Καίσαρός εἰμι, οὗ με δεῖ κρίνεσθαι. Ἰουδαίους οὐδὲν ἠδίκηκα, ὡς καὶ σὺ κάλλιον ἐπιγινώσκεις.

ἑστώς послѣ Καίσαρος — почти всѣ; послѣ ἐπί ℵ* B. | οὗ—ibi Gig. vulg. *clem* syr *sch* | ἠδίκησα ACEHLP | ἠδίκηκα по ℵB | ἀδικέω τινά τι—*кому-нибудь въ чемъ-либо дѣлать несправедливость*. Ср. Schirlitz, s. 8.

„Павелъ сказалъ: я стою предъ судомъ кесаревымъ, гдѣ мнѣ и слѣдуетъ быть судиму; іудеевъ я ничѣмъ не обидѣлъ, какъ и ты хорошо знаешь;“

[1]) *Catenae gr. patr. in act. apost.*, Oxonii, 1844, III, p. 383.

Для ап. Павла былъ ясенъ тотъ результатъ, какой произвели на Феста его оправданія. Онъ понялъ, что тотъ фактически призналъ его невиновнымъ и свободнымъ отъ лжесвидѣтельствъ. На основѣ этого св. Узникъ и строитъ свой отвѣтъ прокуратору, очевидно, послѣ того, какъ іудеи исчерпали весь запасъ обвиненій и должны были замолчать.

Апостолъ отказывается отъ предложенія Феста о перемѣнѣ инстанціи свѣтской на духовную и выставляетъ два основанія: онъ уже стоитъ предъ судебнымъ кресломъ (βῆμα ср. выше стр. 58 слл.) Кесаря [1])—это положительное основаніе. Далѣе—отрицательное—у него нѣтъ никакихъ дѣлъ съ іудеями и, слѣдовательно, незачѣмъ обращаться къ компетенціи іудейскаго Синедріона. Второе основаніе Апостолъ усиливаетъ смѣлымъ указаніемъ на то, что самъ Фестъ знаетъ о совершенной неприкосновенности его, Павла, іудейской юрисдикціи. Этимъ послѣднимъ св. ап. Павелъ, очень тонкій знатокъ римскаго права, сводитъ на нѣтъ попытку Феста подвести настоящій процессъ подъ jus revocandi domum, по которому обвиняемый имѣлъ право требовать, чтобы его дѣло разбиралось въ отечественномъ судилищѣ. Онъ зналъ коварные замыслы синедріаловъ погубить его и въ Іерусалимѣ не могъ надѣяться на объективное отношеніе къ себѣ.

Апостолъ смѣло (*libere*—Blass) заявляетъ, что онъ стоитъ предъ судомъ Кесаря.

Выше мы видѣли, что основная мысль, лежавшая въ институтѣ римскихъ императорскихъ намѣстниковъ, была—помощь Кесарю въ управленіи многочисленными объектами его личнаго фиска. Каждый намѣстникъ являлся вполнѣ довѣреннымъ лицомъ Кесаря, отъ имени и авторитетомъ котораго управлялъ соотвѣтствующей областью. По своей идеѣ, каждый намѣстникъ

---

[1]) Это выраженіе можетъ служить лишнимъ доказательствомъ подлинности повѣствованія ев. Луки, такъ какъ въ то время дѣйствовалъ законъ: „quae acta gestaque sunt a procuratore Caesaris, sic ab eo comprobantur, atque si a Caesare ipso gesta sint“ (Ulpianus *Digest.* 1, 19, 1) въ примѣненіи къ Сиріи и Палестинѣ—непосредствен. императорск. провинціямъ (ср. Wieseler *Chronolog. d. Apost. Zeitalt., ss.* 225, 383).

замѣнялъ вполнѣ своего Принципса, и по словамъ Ульпіана—„quae acta gestaque sunt a procuratore Caesaris, sic ab eo comprobantur, atque si a Caesare ipso gesta sint“ (Ulpianus *Dig.* 1, 19 1). Онъ считался даже другомъ Кесаря *(amicus Caesaris)*, и такія отношенія совершенно довѣреннаго человѣка, фактически—второго Кесаря, ярко просвѣчиваютъ даже въ документахъ оффиціальнаго характера. Траянъ пишетъ Плинію: „Pompeium Plantam praefectum Aegypti *amicum meum*“, Плиній отвѣчаетъ ему: „Pompeium Plantam praef. Aegypti *amicum tuum*“. Въ кодекс. Юстиніана—„Domitii Ulpiani praefecti annonae juris consulti *amici mei*“. Вообще „префекты изъ всадниковъ въ силу своего положенія были друзья Кесаря“ [1]). И если со времени Августа существовало jus appellandi Romam [2]), то это было единственнымъ указаніемъ на матеріальную зависимость намѣстника отъ Кесаря. До этой границы онъ былъ совершенно самостоятеленъ даже въ случаяхъ приговора римскихъ гражданъ на смерть [3]). Онъ судилъ, какъ Кесарь, и, подобно тому, вступавшемуся лишь въ наиболѣе серьезныя дѣла, намѣстникъ объектомъ своей судебной компетенціи имѣлъ отношенія, только граничившія съ приговорами уголовнаго характера. Высшей *рѣшающей* инстанціи не было, такъ какъ Кесарь могъ только *исправлять* приговоръ намѣстника, но отнюдь не отмѣнять. Въ случаѣ же наличности въ извѣстномъ дѣлѣ момента для совершеннаго уничтоженія приговора намѣстника, послѣдній долженъ былъ отказаться отъ своей должности, такъ какъ чрезъ это очень сильно подчеркнулось бы его рѣзко противоположное отношеніе къ главной идеѣ римскаго судопроизводства—*объективность прежде всего,* или же выяснилась бы его неспособность къ юрисдикціи, этой главной сторонѣ намѣстнической службы.

Своимъ заявленіемъ „ἑστὼς ἐπὶ τοῦ βήματος Καίσαρός εἰμι, οὗ με δεῖ κρίνεσθαι“—Апостолъ хочетъ сказать, что онъ, какъ

[1]) Vgl. Hirschfeld *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian*—2 Aufl. Berlin, 1905, s. 449, An. 1, 2.

[2]) Wieseler *Chronologie des Apost. Zeitalt.*, cit. op. s. 384.

[3]) Vgl. Schürer, I, ss. 388—9.

римскій гражданинъ, находится предъ судомъ самого Кесаря, судомъ высшимъ и объективнымъ, приговоръ котораго создается на почвѣ анализа низшихъ судебныхъ инстанцій. Эти-же послѣднія имѣютъ право лишь на почвѣ изученія дѣла постановлять приговоръ, но не утверждать его; иначе говоря, судъ намѣстника уже проходитъ стадію синедріальнаго обсужденія, которую могли представлять собою уполномоченные Синедріономъ въ Кесаріи депутаты съ задачей—представить доводы за смерть Павла. И дѣломъ прокуратора въ настоящемъ случаѣ является активная часть судопроизводства. Онъ долженъ или привести приговоръ Синедріона въ исполненіе, или-же отвергнуть его, Павла, виновность, какъ недоказанную, и тѣмъ кончить дѣло. Какъ инстанція послѣдняя, онъ можетъ или согласиться, или не согласиться, но онъ не имѣетъ права возвращать это дѣло предыдущей инстанціи, такъ какъ это означало бы, что прокураторъ признаетъ обвиняемаго невиновнымъ, но хочетъ имѣть, тѣмъ не менѣе, доказательства его виновности. Это послѣднее Апостолъ точно выразилъ въ своемъ дальнѣйшемъ положеніи о необъективномъ отношеніи Феста къ его дѣлу (ст. 11).

Фестъ видѣлъ (κάλλιον ἐπιγινώσκεις—*убѣжденъ послѣ изслѣдованія дѣла* [1])) всю неосновательность обвиненій іудеевъ, понялъ почву, на которой узникъ преданъ ему для приведенія приговора въ исполненіе, и если онъ непрямо хочетъ имѣть сильнѣйшія основанія для исполненія требованій іудеевъ, то не говоритъ-ли это за пристрастность судьи, который приноситъ въ жертву своей популярности у такого непостояннаго и легкомысленнаго народа, какъ іудеи, высокія начала римской справедливости.

Такимъ образомъ, св. ап. Павелъ въ своемъ тонкомъ, но глубокомъ отвѣтѣ вскрываетъ политику Феста, обнаруживая его пристрастность и угодливость іудеямъ, подчеркивая, что своимъ θέλεις онъ противорѣчитъ голосу своей совѣсти и логикѣ фактовъ.

---

[1]) Ср. Schirlitz, s. 157.

Ст. 11.

„εἰ μὲν [οὖν] ἀδικῶ καὶ ἄξιον θανάτου πέπραχά τι, οὐ παραιτοῦμαι το ἀποθανεῖν· εἰ δὲ οὐδὲν ἐστιν ὧν οὗτοι κατηγοροῦσί μου, οὐδείς με δύναται αὐτοῖς χαρίσασθαι. Καίσαρα ἐπικαλοῦμαι“.

μὲν γάρ — HLP, также (non expresso μέν) vulg. Gig.; μέν syr^{sch} | καὶ] ἢ E vulg. syr^{sch} Gig. | θαν. ἄξ. Gig | τι πέπρ. vulg. Gig | τὸ ἀποθ] *me morte dignum* Gig | *accusant aut dicunt de me* Gig, | χαρίσ. αὐτοῖς Gig. |

Wendt предлагаетъ читать οὖν согласно ℵABCE 61 al. копт. арм. (Tisch), вмѣсто чтенія γάρ. Казалось-бы, что прежнему οὐδὲν ἠδίκ. противорѣчитъ εἰ μὲν οὖν ἀδικῶ. Въ настоящемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, μὲν οὖν не имѣетъ значенія противоположенія, подобно μὲν δέ, такое сочетаніе встрѣчается просто въ отрывистой рѣчи, и μὲν οὖν или указываетъ на то, что дальше случилось, или-же *даетъ выводъ изъ предыдущаго* (Blass, *Grammat.* ss. 261, 267). И въ настоящемъ стихѣ св. Лука не противополагаетъ содержаніе ст. 11 стиху 10, а просто усиливаетъ μέν, нѣсколько разрывая рѣчь и давая новый выводъ (Wendt, s. 510).

Весь оборотъ съ настоящимъ ἀδικῶ (имѣющимъ значеніе аттич. nocens sum) нужно переводить: „а если я поступаю не право“ (=я вреденъ)—ср. Blass.

Въ τὸ ἀποθανεῖν членъ является показателемъ обстрактности существительнаго (смерть)—см. Felten, s. 437, An. 1.

„ибо если я неправъ и сдѣлалъ что-нибудь достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нѣтъ, въ чемъ сіи обвиняютъ меня, то никто не можетъ выдать меня имъ; требую суда Кесарева.“

Апостолъ Павелъ, сказавъ о своей совершенной невиновности, засвидѣтельствованной и самимъ прокураторомъ, дѣлаетъ такой выводъ изъ этого (οὖν): „но если я въ чемъ-нибудь виновенъ (ἀδικῶ) и совершилъ достойное смерти (—опредѣленіе степени ἀδικῶ), то не отказываюсь умереть“.

Раньше онъ заявилъ, что ни въ чемъ невиновенъ предъ іудеями, теперь же добавляетъ, что если-бы былъ виновенъ, то не отказался-бы понести заслуженное наказаніе. Этимъ Апостолъ благородно и смѣло выказываетъ себя поборникомъ правды. Онъ отказывается отъ мѣры прокуратора—идти въ Іерусалимъ, которая по существу, какъ мы видѣли, была-бы преданіемъ его на насильственную смерть отъ рукъ озлобленныхъ іудеевъ, но отказывается потому, что не видитъ основаній для нея. Онъ согласился-бы на предложеніе Феста и вообще на карательную мѣру, если-бы ему представили дѣйствительныя обвиненія. Коротко говоря, Апостолъ требуетъ по отношенію къ себѣ примѣненія закона, строгой римской юрисдикціи, лозунгомъ которой была желѣзная безпристрастность, поэтически воплощенная классиками въ лицѣ богини Немезиды.

И далѣе изъ этой мысли онъ дѣлаетъ новый выводъ, высказываетъ свою раннѣйшую мысль (Ἰουδαίους οὐδὲν ἠδίκηκα) но въ другой формѣ, примѣненной къ окончательному аргументу: „если-же изъ того (ὧν=τούτων ἅ—ср. **Дн** XXIV, 8; **Лк** XXIII, 14), въ чемъ обвиняютъ меня они (οὗτοι), нѣтъ ничего, т. е. нѣтъ ничего достойнаго наказанія, то никто не смѣетъ отдать меня произволу ихъ (χαρίσασθαι)“. „Онъ хорошо зналъ, что Фестъ пытался оказать услугу іудеямъ (ст. 9) и не боится говорить открыто объ этомъ“ (Felten). И непосредственно за этимъ Апостолъ требуетъ суда надъ собой самого Кесаря (Καίσαρα ἐπικαλοῦμαι).

Выше мы говорили, что въ настоящемъ случаѣ рѣчи Павла и всѣхъ присутствующихъ передаются въ очень сжатой формѣ, поэтому многое вызываетъ недоумѣніе и принуждаетъ обращаться къ контексту. Такъ точно является совершенно естественный вопросъ о связи или послѣдовательности между заявленіемъ Апостола о томъ, что никто не смѣетъ отдать его произволу обвинителей и аппелляціей къ Кесарю. Чѣмъ была вызвана послѣдняя? Вѣдь Фестъ только спросилъ о желаніи узника перемѣнить инстанцію суда, но не принималъ ничего рѣшительнаго въ этомъ направленіи?

Отвѣтъ на это мы находимъ въ рѣчи Павла къ знатнѣй-

шимъ іудеямъ въ Римѣ послѣ прибытія туда. Изъ нея мы узнаемъ нѣкоторыя интересныя подробности о судебномъ процессѣ въ Кесаріи. Апостолъ говоритъ тамъ: **„мужи-братья! Не сдѣлавъ ничего противъ народа и отеческихъ обычаевъ, я въ узахъ изъ Іерусалима былъ преданъ въ руки римлянъ. Они, судивши меня** (рѣчь, очевидно, идетъ о πολλά καὶ βαρέα αἰτιώματα), **хотѣли освободить** (это, несомнѣнно, относится къ голосу совѣсти Феста, т. е. къ тому, что онъ фактически, своимъ предложеніемъ перемѣны инстанціи судебной, заявилъ о невиновности узника), **потому что нѣтъ во мнѣ никакой вины, достойной смерти. Но такъ какъ іудеи противорѣчили** (ἀντιλεγόντων—*говорить противное, отрицать* ср. **Лк** XX, 27—οἱ ἀντιλέγοντες ἀνάστασιν μὴ εἶναι,—слѣдовательно, говорили противное прокуратору, т.-е. отрицали невиновность Павла, настаивали на своихъ требованіяхъ, и прокураторъ былъ склоненъ, вѣроятно, измѣнить своему представленію о дѣлѣ Павла [1]), **то я принужденъ былъ потребовать суда у Кесаря“** (**Дн** XXVIII, 17—19). Такимъ образомъ, слова Павла, что никто не смѣетъ выдать его іудеямъ, не остались безъ отвѣта со стороны ихъ: они начали волноваться, требовать его казни. Доказывали право прокуратора казнить узника. Быть можетъ, и здѣсь они кричали, что Фестъ—„не другъ Кесаря“, какъ то было на судѣ Спасителя (**Ін** XIX, 12). Возможно, что прокураторъ уже готовъ былъ уступить имъ, но здѣсь ап. Павелъ обращается къ jus Romam appellandi.

Выше мы охарактеризовали это право (стр. 21—25), и въ настоящій разъ намъ остается рѣшить вопросъ: имѣлъ ли Апостолъ право обращаться къ этой привилегіи римскихъ гражданъ и какъ онъ воспользовался ею?

Только свободные римскіе граждане имѣли право аппеллировать къ суду Кесаря; поэтому, прежде всего нужно рѣшить—былъ ли св. Павелъ римскимъ гражданиномъ?

---

[1]) Можно думать, что слова Феста въ ст. 9 были сказаны имъ именно послѣ этого ἀντιλεγόντων.

Э. Ренанъ подозрѣваетъ ап. Павла въ намѣренномъ присвоеніи себѣ званія римскаго гражданина съ цѣлью освобожденія изъ рукъ мѣстныхъ судовъ въ Іерусалимѣ и Филиппахъ [1]).

Вопросъ объ источникѣ гражданства Ап. Павла является однимъ изъ самыхъ темныхъ въ области его біографическихъ данныхъ [2]), такъ какъ нѣтъ ничего опредѣленнаго для рѣшенія его въ ту или другую сторону. Положительно и вполнѣ точно извѣстно, что въ эпоху ап. Павла въ Іерусалимѣ и вообще въ Малой Азіи жили тысячи іудеевъ съ правами римскаго гражданства [3]). Извѣстно, что напр. Митридатъ въ 88 году до Р. Х. въ Малой Азіи перебилъ всѣхъ римскихъ гражданъ съ женами и дѣтьми, которыхъ Валерій Максимъ исчисляетъ въ 80,000; но черезъ сорокъ лѣтъ мы встрѣчаемъ извѣстіе, что консулъ Лентулъ въ 49 году до Р. Х. могъ составить два легіона (т. е. по 5000—6000 человѣкъ [4])) изъ римскихъ гражданъ, жившихъ въ Малой Азіи [5]). Эти факты ясно говорятъ о распространенности римскихъ гражданъ въ М. Азіи, и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ фактѣ, что родители ап. Павла владѣли этимъ званіемъ, такъ какъ обстоятельства ихъ личной жизни намъ неизвѣстны, и очень можетъ быть, что или они, или ихъ предки получили его за какія-нибудь особенныя заслуги предъ римскимъ государствомъ [6]). Исторически можно считать вполнѣ установленнымъ, что не только частныя лица, но многіе провинціальные города и даже цѣлыя провинціи получаютъ отъ принцепсовъ I и II вѣковъ права гражданства или jus Latii. Нѣкоторые города въ Сиріи, Малой Азіи и др. про-

---

[1]) Ренанъ *Апостолъ Павелъ*. Москва, 1907 г., стр. 363, прим. 3.

[2]) Neander, cit. op. s. 235, An. 2; Фарраръ, цит. соч., стр. 18.

[3]) Въ Эфесѣ—*Antt.* XIV, 10, 13, 16, 19; Сардахъ—*Antt.* XIV. 10, 17; Делосѣ—*Antt.* XIV, 10, 14.

[4]) Schürer, I, s. 382, 458.

[5]) Schürer, III, s. 85, An. 26.

[6]) Mommsen *Das römisches Staatsrecht*, Leipzig, 2, II, s. 855 ff; Winer *Realwörterbuch*, Leipz., 1838, B. I. s. 235 и B. II, s. 245.

винціяхъ были сдѣланы колоніями и получили jus Italicum [1]). Во всякомъ случаѣ, правъ Neander, непризнающій возможности полученія предками Апостола римскаго гражданства въ числѣ жителей города Тарса Киликійскаго, который нѣкогда, по словамъ Діона Хризостома, былъ награжденъ имп. Августомъ особыми правами за вѣрность римскому престолу въ періодъ гражданской войны [2]). Между этими правами не упоминается это высокое право (вотъ эти права: νόμοι, τιμή, ἐξουσία τοῦ ποταμοῦ, τῆς θαλάσσης, τῆς κατ᾽ αὐτήν.) [3]). Возможно предположить также, что родители или предки Апостола, помимо личныхъ заслугъ предъ государствомъ, за которыя иногда принцепсы щедро награждали туземныхъ жителей покоренныхъ областей, могли просто купить права римскаго гражданства. Въ то время это не было рѣдкостью. Тысяченачальникъ Клавдій Лизій, принявшій нѣкоторое участіе въ св. Павлѣ въ Іерусалимѣ, съ большимъ удивленіемъ услышалъ, что этотъ проповѣдникъ, къ которому съ такой ненавистью относились его соплеменники, римскій гражданинъ. Съ гордостью, понятной для римлянина, онъ заявилъ: „я за большія деньги пріобрѣлъ это гражданство“ (**Дн** XXII, 28). То же самое могли сдѣлать и предки ап. Павла въ виду тѣхъ привилегій, какія соединялись съ правомъ римскаго гражданства [4]).

Косвеннымъ опроверженіемъ, къ которому мы должны прибѣгнуть за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, взгляда Ренана можетъ служить уже то обстоятельство, что слова Павла о своемъ привилегированномъ положеніи находятся въ той части книги **Дѣяній**, которая никѣмъ не подозрѣвается въ подлинности [5]).

---

[1]) Хвостовъ *Исторія римскаго права*, стр. 184 сл., 248; Schürer III, ss. 78—90.

[2]) Neander, cit. op. s. 235, An. 2.

[3]) Арх. Иннокентій *Сочиненія* т. IX. М. 1872 г., стр. 358, пр.******

[4]) Ср. Ramsay *St. Paul the tra eller and the roman citizen*, 1910, London, p. 32.

[5]) Schürer, III, s. 85, An. 24.

Но обратимся къ самому тексту.

Св. ев. Лука сообщаетъ намъ, что ап. Павелъ дважды, кромѣ настоящаго случая, заявлялъ о своей гражданской привилегированности: въ Филиппахъ (**Дн** XVI, 37—38) и въ Іерусалимѣ (**Дн** XXII, 25). Кромѣ того, о ней же свидѣтельствуетъ и комендантъ (тысяченачальникъ) Іерусалима Лизій въ донесеніи къ Феликсу (**Дн** XXIII, 27). Для насъ особенно интересной является обстановка, въ которой Павелъ обнаружилъ свое гражданство въ Филиппахъ. Ап. Павелъ и Сила навлекли на себя негодованіе римлянъ и вообще населенія города, и, какъ нарушители спокойствія и проповѣдники чуждыхъ римлянамъ обычаевъ, были заключены въ темницу послѣ жестокаго наказанія палками. Но случившееся внезапно землетрясеніе, убѣдившее темничника въ сверхъестественной силѣ новыхъ узниковъ, привело къ освобожденію ихъ сначала неоффиціальному, которое, нѣкоторое время спустя, было подтверждено и распоряженіемъ „στρατηγῶν“, которые, очевидно, убѣдились въ ихъ невинности и освободили изъ предварительнаго заключенія. Однако ап. Павелъ съ своимъ спутникомъ отказался исполнить распоряженіе и потребовалъ, *какъ римскій гражданинъ*, почетнаго, а не тайнаго освобожденія изъ тюрьмы, имѣя въ виду, несомнѣнно, исправить впечатлѣніе въ народѣ отъ ареста проповѣдниковъ христіанства. И, дѣйствительно, στρατηγοί (очевидно, городъ управлялся военнымъ начальникомъ) [1]) пришли въ тюрьму и извинялись предъ заключенными, потому что должны были опасаться за послѣдствія своего неразборчиваго отношенія къ несправедливо заключеннымъ въ тюрьму римскимъ гражданамъ. Наукѣ неизвѣстно, какимъ путемъ тогда подтверждалась личная неприкосновенность, но во всякомъ случаѣ для насъ остается фактомъ: по первому требованію какихъ-то бѣдныхъ путниковъ въ темницу являются знатнѣйшіе городскіе администраторы съ извиненіями.

---

[1]) Интересный анализъ происшествія въ Филиппахъ даетъ Ramsay *St. Paul the trav. and rom. cit.* pp. 217 ff., выясняющій, между прочимъ, и значеніе στρατηγοί.

Ясно, что гражданство заключенныхъ не возбуждало ни малѣйшаго сомнѣнія, оно было ясно, потому что въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить возможность узурпаціи каждымъ проходимцемъ. И особенно интересно здѣсь то, что въ Филиппахъ личная неприкосновенность Павла, *какъ римскаго гражданина,* была признана *именно римлянами,* которые, какъ извѣстно документально, ревниво относились къ этому jus Latii, которое Сенатъ давалъ въ видѣ особой льготы общинамъ, подававшимъ надежду на романизацію [2]). Въ Іерусалимѣ гражданство Павла не только было принято во вниманіе (**Дн** XXII, 25—29), но о немъ же хиліархъ Лизій послалъ оффиціальное донесеніе римскому прокуратору Феликсу, конечно, какъ о вполнѣ достовѣрномъ фактѣ, потому что въ противномъ случаѣ Лизій за невѣрное донесеніе могъ пострадать, какъ за преступленіе по службѣ (XXIII, 27). И, конечно, если jus Latii производило такія серьезныя послѣдствія въ судьбѣ арестованнаго, какъ совершенное или смягченное освобожденіе, то подлежащій надзоръ долженъ былъ быть въ такихъ случаяхъ очень остороженъ, и, поэтому, мы не можемъ не довѣрять тому же Лизію. Кромѣ того, замѣчательно, что нигдѣ— ни въ Филиппахъ, ни въ Іерусалимѣ, іудеи не оспаривали привилегированности Павла.

Переходимъ къ анализируемой перикопѣ.

И здѣсь мы должны сказать, что если бы обращеніе ап. Павла на судѣ въ Кесаріи къ jus Romam appellandi не базировалось на фактической почвѣ, то, несомнѣнно, окружавшіе его враги изъ іудеевъ, хорошо знавшіе обстоятельства Павловой жизни и воспитанія (**Дн** XXVI, 4—5), не преминули бы заявить о его самозванствѣ предъ прокураторомъ, такъ какъ они, конечно, были знакомы съ условіями аппелляціи къ Кесарю. Наоборотъ, нужно думать, что гражданство Павла и не возбуждало сомнѣнія въ наличномъ составѣ суда прокуратора, какъ это видно изъ повѣствованія св. Луки. И если Ренанъ сомнѣвается, то въ этомъ нужно видѣть просто его обычный

[2]) Хвостовъ, *цит. соч.*, стр. 155.

пріемъ обращенія съ священными для христіанина лицами, и, конечно, только такой невѣрующій романистъ можетъ прямыя слова величайшаго изъ Апостоловъ подозрѣвать во лжи....

Однако, нетрудно убѣдиться, что этотъ „талантливый безбожникъ", сомнѣваясь въ честности Апостола, самъ путается въ противорѣчіяхъ и теряетъ, вслѣдствіе этого, всякое довѣріе къ своимъ словамъ.—На самомъ дѣлѣ. Представимъ себѣ, какъ говоритъ Ренанъ, что ап. Павелъ неправильно воспользовался правомъ аппелляціи. Тогда необходимо, какъ мы видѣли выше, іудеи должны были бы заявить протестъ предъ прокураторомъ, и, во всякомъ случаѣ, эта узурпація могла бы повлечь за собою очень тяжелыя слѣдствія, такъ какъ это носило бы чисто уголовный характеръ. Такой результатъ и должно бы получить дѣло Павла, если бы согласиться съ французскимъ романистомъ,—иначе говоря, Апостолъ никогда не былъ бы отправленъ въ Римъ. Между тѣмъ, Ренанъ признаетъ фактъ отправки его на судъ Кесаря (стр. 373)... Слѣдовательно, онъ или не зналъ, что́ такое jus appellandi Romam, или же, говоря о слѣдствіи, забылъ сказанное о причинѣ... Поэтому, у Ренана отправка Павла въ Римъ является совершенно непонятной, этотъ фактъ его жизни стоитъ обособленнымъ отъ событій его послѣднихъ моментовъ, и читатель справедливо долженъ недоумѣвать: почему же узникъ, обманъ котораго, несомнѣнно, долженъ былъ быть вскрытъ, не только не понесъ наказанія, но вполнѣ пожалъ плоды привилегированности, которой, на самомъ дѣлѣ, не существовало?...

Слѣдующій вопросъ, на которомъ намъ нужно остановиться, касается адресата аппелляціи.

Мы видѣли выше (стр. 24), что была запрещена appellatio per saltum, т. е. аппелляція къ высшей инстанціи съ обходомъ низшей посредствующей. Является вопросъ, почему же Апостолъ обращается къ Кесарю, обходя, повидимому, компетенцію римскаго намѣстника Сиріи, по отношенію къ которой Іудея находилась въ *нѣсколько подчиненномъ* положеніи? Мы выяснили характеръ этого подчиненія, выражавшееся въ томъ,

что въ нѣкоторыхъ случаяхъ консулы Сиріи привлекали къ отвѣтственности, контролировали прокураторовъ Іудеи. Во всѣхъ такихъ случаяхъ первые дѣйствовали въ силу особыхъ, спеціальныхъ полномочій отъ Кесаря, но не на основѣ собственныхъ прерогативъ. Оба—консулъ и прокураторъ были одинаково довѣренныя лица, кліенты Кесаря, различавшіеся на практикѣ географическимъ объемомъ своихъ областей, въ зависимости отъ чего находились консульство и прокуратура. Въ остальномъ это были совершенно самостоятельные императорскіе чиновники, не имѣвшіе права вмѣшиваться въ дѣла чуждой области. И если иногда императоры поручали консуламъ Сиріи обслѣдовать положеніе дѣлъ въ іудейской прокуратурѣ, то въ этомъ не было ничего особеннаго: ex officio консулъ, какъ сенаторъ, былъ выше прокуратора изъ всадниковъ, поэтому естественно было поручать ревизію прокуратора консулу, а не наоборотъ (стр. 9 сл.). Такимъ образомъ, св. ап. Павелъ правильно аппеллируетъ непосредственно къ Кесарю, обходя консула Сиріи.

Судъ у прокуратора формально кончился тѣмъ, что Фестъ призналъ обвиненнаго невиновнымъ съ точки зрѣнія jus gladii и готовъ былъ освободить его. Однако перспектива потери популярности у подвластнаго ему народа заставила обратиться къ новому средству—предложенію Павлу воспользоваться jus revocandi domum, по которому узника могли бы переслать, какъ іудея, въ высшую мѣстную судебную инстанцію въ Іерусалимѣ, гдѣ онъ уже судился бы не какъ политическій преступникъ, а какъ въ извѣстномъ смыслѣ сектантъ. И на такой ходъ мыслей самъ Фестъ указалъ послѣ, когда заявилъ, что изъ споровъ іудеевъ между собою и съ Павломъ для него сдѣлалась ясной религіозная подкладка обвиненій его со стороны іудейскихъ ревнителей закона (**Дн** XXV, 19—20). Формально Фестъ, конечно, былъ неправъ въ такомъ предложеніи, потому что римская юрисдикція ничего не говорила о такой передачѣ преступника изъ высшей инстанціи, какой являлась въ данномъ случаѣ трибуна кесарійскаго намѣстника, въ низшую—іудейскій Синедріонъ. Выше мы видѣли, что намѣстникъ имѣлъ наблю-

деніе и за функціями Синедріона, слѣдилъ за его дѣлами, дѣлалъ иногда указанія и, главнымъ образомъ, такъ или иначе санкціонировалъ смертельные приговоры его, какъ это подтверждаетъ судъ Спасителя у Пилата, который, хотя и молчаливо, привелъ Синедріальный приговоръ въ исполненіе. Изъ римскаго криминальнаго статута извѣстно, что, если намѣстникъ былъ некомпетентенъ въ извѣстномъ дѣлѣ, или если обвинители не дали достаточно аргументовъ за смертельный приговоръ, то онъ долженъ былъ отпускать отъ своего трибунала обвиняемаго свободнымъ и не предпринимать никакихъ мѣръ къ новому осужденію. Конечно, Синедріонъ имѣлъ право опять самъ арестовать его и судить по своимъ теократическимъ нормамъ, но это было бы уже *новымъ дѣломъ*, а *не продолженіемъ стараго*.

Въ анализируемой перикопѣ мы наблюдаемъ именно полное нарушеніе этого постановленія. Фестъ зналъ, почему такъ настойчиво іудеи просили о переводѣ Павла въ Іерусалимъ, почему въ Кесарію явилась такая сильная и авторитетная депутація, для него была ясна задняя мысль участниковъ ея. Очень можетъ быть, что своими словами κριθῆναι ἐπ' ἐμου (ст. 9) Фестъ хотѣлъ нѣсколько смягчить такое убійство изъ-за угла, успокоить Павла, что въ дорогѣ съ нимъ ничего не случится, онъ хотѣлъ не потерять своей популярности въ народѣ, уже рѣшилъ согласиться на тайную мысль іудеевъ, но разыграть роль Пилата, молчаливо умывшаго руки въ страшномъ злодѣяніи. Вообще, Фестъ своимъ поведеніемъ явно показываетъ, что ему хочется угодить іудеямъ, уничтожить этого ненавистнаго имъ Павла, но въ то же время ему желательно сдѣлать это такъ, чтобы не быть слишкомъ открытымъ нарушителемъ права.

Ап. Павелъ находился предъ дилеммой: или согласиться на предложеніе прокуратора и идти на вѣрную смерть отъ рукъ и ногъ разъяренной черни въ Іерусалимѣ, или же прибѣгнуть къ какому-нибудь экстраординарному средству для спасенія своей жизни и выполненія повелѣнія Господа Христа—проповѣдывать въ Римѣ (ср. **Дн** XXIII, 11). Такимъ средствомъ

и было jus appellandi Caesarem, къ которому Апостолъ и обратился.

Заявивъ о своей формальной невиновности въ проступкахъ, въ которыхъ обвиняютъ его іудеи, и сказавъ, что никто, даже прокураторъ, не смѣетъ отдать его на произволъ іудейскихъ законниковъ, Апостолъ аппеллируетъ къ Кесарю, не дожидаясь оффиціальнаго приговора и занесенія его въ судебный протоколъ, потому что зналъ, что приговоръ уже не можетъ имѣть никакого значенія въ процессѣ дѣла, и съ нимъ не будутъ считаться въ Римѣ [1]). Всякая аппелляція имѣла, употребляя точный юридическій терминъ, чисто суспензивный эффектъ, т. е. немедленно останавливала реализацію приговора подлежащей исполнительной властью, и если Павелъ не дожидается въ данномъ случаѣ формальнаго рѣшенія суда, то изъ этого нельзя выводить заключенія о его юридической неопытности. Такая поспѣшная, повидимому, intercisio показываетъ, что для Апостола было ясно, куда будетъ клониться conclusio Феста, и онъ двумя словами совершенно мѣняетъ физіономію и характеръ судебнаго процесса.

Предъ Фестомъ уже не бѣдный іудей, обвиняемый на смерть представителями и ревнителями іудейскаго благочестія, членъ презрѣнной въ глазахъ блестящихъ римлянъ націи, а римскій гражданинъ, членъ великаго римскаго государства, свободный отъ всякихъ мѣстныхъ судовъ, имѣющій право на судъ самого Кесаря. Онъ теперь, какъ воинъ, оскорбленный нападками мелочного іезуитизма и разъяреннаго самолюбія, требуетъ не милости, не снисхожденія къ себѣ, а точнаго и справедливаго суда въ послѣдней инстанціи. Обращаясь къ императору, онъ не дѣлаетъ appellatio per saltum, потому что praeses provinciae была непосредственно подчинена императору.

Однако, почему ап. Павелъ прибѣгаетъ къ такому внѣшнему средству для спасенія своей жизни, а не идетъ на страданія и смерть за Спасителя? Св. Іоаннъ Златоустъ великолѣпно разрѣшаетъ это: „можетъ быть, кто скажетъ при этомъ: ему

---

[1]) *Dig.* XLIX, V, 2; Mommsen *Staatsrecht*—2, I, s. 258; 2; vgl. Mommsen *Römisches Strafrecht*, Leipzig, 1899, s. 472.

сказано было: подобаетъ ти и въ Римѣ свидѣтельствовати, яже о Мнѣ (**Дн** XXIII, 11); почему же онъ поступаетъ такъ теперь, какъ бы не вѣруя (этимъ словамъ)? Нѣтъ, напротивъ, онъ крѣпко вѣровалъ. Скорѣе значило бы искушать Бога, если бы онъ, полагаясь на это предсказаніе, сталъ самъ подвергать себя безчисленнымъ опасностямъ и говорить: посмотримъ, можетъ ли Богъ избавить меня отъ нихъ? Но Павелъ не дѣлаетъ этого, а всецѣло ввѣряя себя Богу, принимаетъ всѣ мѣры и съ своей стороны“ [1]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что весь процессъ Павла, закончившійся аппеллированіемъ къ Кесарю, былъ веденъ вполнѣ согласно по статутамъ римскаго права. König на основаніи этого даже строитъ характерный аргументъ за подлинность книги **Дѣяній** [2]).

Ст. 12.

τότε ὁ Φῆστος συλλαλήσας μετὰ τοῦ συμβουλίου, ἀπεκρίθη „Καίσαρα ἐπικέκλησαι, ἐπὶ Καίσαρα πορεύσῃ“.
συλλαλ. послѣ συμβ. по vulg Gig. (συνεδρίου C) ἀπεκρίθη = *ait* Gig См. **Addenda.**

„Тогда Фестъ, поговоривъ съ своимъ совѣтомъ, отвѣчалъ: ты потребовалъ суда кесарева, къ кесарю и отправишься“.

Фестъ не возражаетъ на аппеллированіе Павла къ суду Кесаря и этимъ подтверждаетъ его правомочность въ этомъ отношеніи [3]). Очевидно, онъ зналъ о гражданствѣ узника еще раньше, и его совѣщаніе съ συμβούλιον своимъ предметомъ имѣло опредѣленіе степени допустимости аппелляціи, согласно твердому правилу, что подлежащая судебная власть должна обсудить, допустима ли аппелляція, и оформить это дѣло въ осо-

---

[1]) *Бесѣды на Дѣянія*, 11, стр. 355; ср. также Cramer *Catenae*, cit. op. p. 383.
[2]) König *Die Echtheit der Apostelgeschichte*, Breslau, 1867, ss. 77 ff.
[3]) Wieseler, cit. op. s. 386, Anm. 1.

бомъ донесеніи къ аппеллируемой инстанціи (*Digest.* XLIX, VI) [1]). Прокураторъ долженъ былъ внимательно и тщательно пересмотрѣть все дѣло, разобрать весь настоящій процессъ, не допущена ли съ его стороны какая-нибудь неправильность въ веденіи самаго дѣла, даже въ обстановкѣ суда. Формальная сторона послѣдняго у римлянъ имѣла большое значеніе, и изъ исторіи римскаго судопроизводства извѣстны случаи, когда обвиняемый аппеллировалъ только потому, что считалъ неправильной обстановку суда и формулу обращенія къ себѣ. Особенная бдительность въ этомъ отношеніи со стороны прокуратора требовалась также особенно потому, что аппеллянтъ не былъ обязанъ раскрывать основаній своей аппелляціи въ низшемъ судѣ. Поэтому, нельзя согласиться съ Knabenbauer'омъ, который говоритъ, что Фестъ быстро соглашается на желаніе Павла, такъ какъ оно освобождало его отъ непріятнаго дѣла: освободить Павла значило пріобрѣсти себѣ враговъ въ средѣ высшаго класса іудейскаго населенія; осудить на смерть онъ не могъ съ спокойной совѣстью (ср. ст. 25). Фестъ долженъ былъ взвѣсить здѣсь каждое свое слово, зная, что судъ императора слишкомъ прямолинеенъ...

Послѣ краткаго совѣщанія о допустимости аппелляціи, Фестъ обращается къ Павлу и въ риторической фигурѣ (ср. I **Кор** VII, 18, 21, 28) даетъ свое согласіе на желаніе Павла отправиться въ Римъ: „ты аппеллируешь къ Кесарю, къ Кесарю и долженъ отправиться“ (πορεύσῃ — сосл. для выраженія повелѣнія, ср. Blass *Grammat.*, s. 204).—Въ такой лаконической формулѣ высказывается нѣкоторое и негодованіе на Павла, который своимъ обращеніемъ къ Кесарю пренебрегъ компетенціей прокуратора, не пожелалъ воспользоваться его предложеніемъ отправиться въ Іерусалимъ, не смотря на обѣщаніе Феста лично присутствовать на судѣ въ Синедріонѣ. Намѣстникъ своимъ отвѣтомъ какъ бы хочетъ сказать—„аппеллируешь къ Кесарю, но ты, видно, не знаешь, что такое судъ Кесаря послѣ моего суда“...

---

[1]) Wieseler, ibid. s. 385 ff.; Blass, s. 259.

По римскому уголовному праву, въ случаѣ аппелляціи мѣстная судебная инстанція съ момента произнесенія „appello“ теряла свою правомочность надъ подсудимымъ, и онъ, такъ сказать, *метафизически* былъ подвластенъ уже высшей единицѣ. Прокураторъ былъ обязанъ всячески оберегать его, такъ какъ всякое несчастье съ нимъ могло быть разсматриваемо, какъ результатъ репрессій со стороны оскорбленной компетенціи намѣстника [1]).

Практически судъ низшей инстанціи при аппелляціи заканчивался тѣмъ, что аппеллянтъ получалъ отъ настоящей власти особую отпускную или препроводительскую грамоту — litterae dimissoriae или apostoli для представленія высшей инстанціи съ обозначеніемъ имени аппеллянта и обжалованнаго рѣшенія (*Dig.* XLIX, VI[3]). Эту грамоту онъ обязанъ былъ самъ доставить по назначенію въ опредѣленный срокъ. Такъ какъ отправка въ Римъ аппеллятора экскортировалась казеннымъ путемъ, то обычно грамота вручалась наканунѣ отправки экскорта, время котораго отсрочивалось часто для того, чтобы можно было въ одинъ разъ отправить нѣсколькихъ аппеллянтовъ. Часто задерживалась также отправка и вслѣдствіе трудности формулировки текста litterarum dimissoriarum, какъ это случилось и въ дѣлѣ ап. Павла (ниже).

Такимъ образомъ, ап. Павелъ избѣжалъ рукъ іудейскихъ законниковъ [2]) и отправляется въ Римъ на судъ Нерона, въ то время еще не того кровожаднаго, историческаго Нерона, какимъ онъ оказался впослѣдствіи.

Послѣ всего сказаннаго перейдемъ къ историко-юридической обстановкѣ дѣла ап. Павла на судѣ въ Кесаріи по даннымъ исторіи римскаго права.

Выше мы сказали, что къ Апостолу было предъявлено обвиненіе іудескими законниками по національному праву, ко-

---

[1]) Mommsen *Staatsrecht*, 2, I, s. 258.

[2]) Икуменій—Migne *Patrol. curs. compl.* ser. gr. t. 118, col. 285.

торое требовало предать его смерти за нарушеніе святости храма. Намъ нѣтъ нужды много говорить о томъ, что такую физіономію придали поступку его іудеи не предъ магистратомъ въ первый моментъ: наоборотъ, чернь во главѣ съ законниками растерзала бы его въ храмѣ безъ всякаго отношенія къ соотвѣтствующей власти, если бы римскій офицеръ не вырвалъ его изъ рукъ разъяренной толпы и не отослалъ въ Кесарію къ praeses cum potestate gladii. Апостолъ былъ переданъ въ кесарійскую тюрьму, какъ преступникъ, заслуживающій смерти, народный приговоръ надъ которымъ могъ быть исполненъ только представителемъ juris gladii въ странѣ. Слѣдовательно, мы присутствуемъ здѣсь при не совсѣмъ ординарномъ случаѣ: отсутствуетъ не только litis contestatio, но и litis denuntiatio. Весь процессъ in jure состоялъ, повидимому, въ крикахъ народа о виновности Апостола предъ національнымъ закономъ (**Дн** XXI, 27—36, XXII, 22—24, 30, XXIII, 7—10). Возбужденность толпы и возможность насилія надъ беззащитнымъ человѣкомъ вынудили стражу принять на себя роль истца, который долженъ былъ бы послѣ процесса in jure обратиться къ прокуратору для приведенія приговора въ исполненіе (**Дн** XXIII, 13—35). Такова чисто формальная сторона „проступка“ Ап. Павла.

Для насъ интереснымъ представляются въ настоящемъ случаѣ чисто административно-юридическія полномочія прокуратора Феста въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, на основаніи которыхъ ему пришлось дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ. Представимъ себѣ, на самомъ дѣлѣ, что онъ встрѣтилъ передачу Ап. Павла въ кесарійскую тюрьму, назначилъ разсмотръ его дѣла. Но является вопросъ, въ какомъ направленіи и въ какихъ рамкахъ должно было пойти самое судопроизводство? Гипотеза суда Фестомъ по іудейскому праву должна остаться иллюзіей, потому что она предполагаетъ хорошее знакомство его съ правовыми нормами іудеевъ, въ то время представлявшими собою такое обиліе самыхъ мелкихъ и косвенныхъ предписаній съ соотвѣтствующими комментаріями, какое было по плечу только выдающимся книжникамъ, всю жизнь посвящавшимъ на изученіе ихъ. Кур-

совъ же по іудейскому праву въ Римѣ въ то время еще не существовало, и едва-ли самъ новый прокураторъ Іудеи, Фестъ, которому непосредственно послѣ прибытія въ резиденцію пришлось разбираться въ дѣлѣ Апостола языковъ, имѣлъ возможность познакомиться съ іудейскимъ правомъ.

Болѣе основательно—признать, что Фестъ отнесся къ дѣлу Ап. Павла съ точки зрѣнія римскаго права.

Эпоха кесарійскихъ узъ св. ап. Павла совпадала съ такъ называемымъ вторымъ періодомъ въ исторіи римскаго права, рамками котораго служатъ, съ одной стороны—первая пуническая война (264—242 гг. до Р. Х.) и съ другой—воцареніе Діоклетіана (284 г. по Р. Х.). Въ этотъ промежутокъ начинается ростъ римскаго принципата на счетъ Сената, параллельно съ распространеніемъ вліянія и господства римлянъ по всему побережью Средиземнаго моря. Перемѣна политическихъ (ростъ провинцій) и соціально-экономическихъ отношеній отражается на правѣ, которое дѣлается болѣе сложнымъ, является такъ называемый *формулярный процессъ,* культъ судебнаго слова падаетъ, и является власть письма (acta, gesta и пр.). Какъ мы упоминали выше, ростъ провинціальной территоріи римскаго государства въ эту эпоху вынуждалъ правительство задумываться надъ рѣшеніемъ многихъ вопросовъ относительно романизаціи этой территоріи. Первымъ—былъ вопросъ о томъ, какъ быть съ національнымъ правомъ той или другой стороны: считаться съ нимъ и требовать отъ намѣстника его развитія значило признавать всѣ провинціи одинаково civitates foederatae et liberae, что противорѣчило бы самой природѣ вещей. Кромѣ того, въ самомъ Римѣ начинаетъ теперь проживать много чужестранцевъ, съ которыми римляне ведутъ торговыя сношенія. Эти послѣднія требовали извѣстную юридическую защиту интересовъ своихъ представителей, заключать же особые международные договоры было бы слишкомъ затруднительнымъ. Съ другой стороны, давать всѣмъ иностранцамъ commercium по jus civile не позволяла національная гордость гражданъ Великаго Города. Нуженъ былъ какой-нибудь исходъ, и римскіе юристы этого времени нашли его въ выработкѣ осо-

баго jus gentium [1]). Нѣтъ возможности точно опредѣлить моментъ происхожденія этого права, но можно предполагать, что оно явилось съ особымъ наплывомъ иностранцевъ въ Римъ послѣ Пуническихъ войнъ, когда была учреждена должность второго претора—praetor peregrinus—для разбора тяжбъ, въ которыхъ участвовали жители сосѣднихъ и покоренныхъ странъ (242 г. до Р. Х.). Это назначеніе само собой уже опредѣляло содержаніе и источникъ jus gentium. Дѣйствительно, оно представляло систему нормъ, лишенныхъ національной окраски, такъ что въ противоположность древнему jus civile, новое право одинаково примѣнялось къ римлянамъ и перегринамъ. Субъектомъ этого права былъ вообще *свободный человѣкъ*, проживающій на римской территоріи, отвѣтственный предъ судомъ разума и совѣсти. Каждое право въ принципѣ было prorogatio juris gentium, поэтому, римскіе магистраты могли не стѣсняться въ квалификаціи того или другого проступка чужестранца. Однако, нужно сказать, что при всѣхъ видимыхъ удобствахъ этого jus gentium, его существеннымъ недостаткомъ было игнорированіе сферы религіозныхъ интересовъ, что очень часто ставило римскихъ администраторовъ въ большія затрудненія. Прокураторъ Фестъ совсѣмъ отказался отъ квалификаціи вины Апостола, потому что не имѣлъ никакихъ руководственныхъ началъ для оріентировки въ массѣ обвиненій представителей іудаизма.

Правители провинцій настоящее право приняли также въ своихъ областяхъ, такъ какъ имъ приходилось имѣть дѣло съ приговорами мѣстныхъ судовъ. соприкасавшимися съ jus gladii. Обычно въ такихъ случаяхъ они, конечно, выслушивали подлежащее дѣло въ національно-правовой постановкѣ, но тотчасъ же переводили его на языкъ jus gentium, и этимъ же опредѣлялось ихъ санкціонированіе или перерѣшеніе представленнаго

---

[1]) Ср. Cicero: „itaque majores aliud jus gentium, aliud jus civile esse voluerunt; quod civile, non idem continuo gentium, quod autem gentium, idem civile esse debet“. *De officiis*, 3, 17, 69.

судопроизводства. Изъ этого само собою ясно, что римскій намѣстникъ и безъ знакомства съ національнымъ правомъ той или другой области могъ реагировать въ судебномъ отношеніи, примѣняя jus gentium не только къ римскимъ гражданамъ, но и туземцамъ. Такимъ образомъ, римскій гражданинъ могъ оказаться виновнымъ предъ іудейскимъ правомъ, подвергнуться приговору, но избѣжать послѣдняго, если прокураторъ найдетъ, что съ точки зрѣнія jus gentium то же преступленіе оказывается болѣе легкимъ въ криминальномъ отношеніи.

На основаніи сказаннаго мы можемъ утверждать, слѣдовательно, что прокураторъ Фестъ не могъ отступить отъ принятаго въ провинціальной политикѣ Рима и квалификацію дѣла ап. Павла долженъ былъ выполнить на основаніи нормъ jus gentium, чтобы рѣшить вопросъ о степени виновности его. Мы видѣли выше, что прокураторъ оказался въ большомъ затрудненіи, потому что не могъ допустить, чтобы туземное право налагало наказаніе смертью за отступленія отъ оффиціальной религіи. Онъ отказался утвердить приговоръ массы, и этимъ мы лишній разъ убѣждаемся, что онъ игнорировалъ іудейское право въ цѣломъ его объемѣ и принималъ изъ него только то, что находило себѣ юридическій эквивалентъ въ jus gentium. Въ противномъ случаѣ онъ примѣнилъ бы potestas gladii на основаніи прямого предписанія іудейскаго права о храмовой чистотѣ. Чтобы вполнѣ отвѣтить на поставленный вопросъ объ административно-юридическихъ полномочіяхъ Феста въ болѣе узкомъ смыслѣ, намъ необходимо коснуться еще вопроса о самой формѣ судопроизводства, которая въ то время была обычной и имѣла мѣсто при обсужденіи дѣла Апостола прокураторомъ Фестомъ. И здѣсь мы вынуждены опять подчеркнуть, что, хотя истцы-іудеи матеріальную сторону процесса вели по своему національному праву, однако формальная сторона, несомнѣнно, очень отступала отъ судопроизводства въ „βουλή“, которое, въ связи съ *матеріей* процесса, должно было имѣть особый видъ, чего, однако, въ повѣствованіи св. ев. Луки мы не находимъ. Наоборотъ, помимо заявленія самого Феста, что онъ намѣренъ дѣло Павла рѣшить только послѣ разбирательства въ *римскомъ* духѣ

(οὐκ εστιν ἔθος Ῥωμαίοις χαρίζεσθαί τινα ἄνθρωπον εἰς ἀπώλειαν, πρὶν ἢ ὁ κατηγορούμενος κατὰ πρόσωπον ἔχοι τοὺς κατηγόρους; τόπον τε ἀπολογίας λάβοι περὶ τοῦ ἐγκλήματος. **Дн** XXV, 16), слишкомъ простая форма суда у Феста говоритъ за то, что въ настоящемъ случаѣ она не отступала отъ обычной формы судопроизводства, къ какой прибѣгали правители провинцій въ то время.

Что же это была за форма?

Реформа 27 года, о которой мы говорили подробно, произведенная Октавіаномъ Августомъ въ провинціальномъ управленіи, отразилась и произвела коренной переворотъ почти во всѣхъ органахъ государственнаго порядка. Съ этого момента въ римскомъ государствѣ образовалась, собственно говоря, діархія: Сенатъ и Принцепсъ (какъ называлъ себя самъ Октавіанъ) были почти самостоятельными и независимыми правителями (въ силу jus proconsulare императоръ *могъ* имѣть надзоръ за сенатскими провинціями) въ частяхъ—республиканской и императорской. За дѣленіемъ провинцій послѣдовало дѣленіе казны на aerarium и fiscus, должностныхъ лицъ—на magistratus и помощниковъ Принцепса, источниковъ права—на старые республиканскіе и constitutiones principum, самаго судебнаго процесса—на *ordo judiciorum privatorum* и *cognitio extra ordinem*. Это послѣднее и должно остановить наше вниманіе теперь.

Въ эпоху до пуническихъ войнъ Римъ зналъ одну форму судопроизводства—ordo judiciorum privatorum, которое обычно дѣлилось на два момента: процессъ in jure и процессъ in judicio. Въ процессѣ in jure тотъ или другой магистратъ, завѣдующій процессомъ, не беретъ на себя рѣшенія дѣла по существу, онъ только подготовляетъ дѣло in jure, самое же рѣшеніе даетъ особый присяжный судья—judex pedaneus—въ процессѣ in judicio. Этотъ, такъ называемый—*формулярный процессъ*, требовалъ строгой разграниченности функцій должностныхъ лицъ, между которыми возможны были частыя разногласія, и пр. Въ послѣдующее время римская юриспруденція начинаетъ вырабатывать иную форму суда—*cognitio extra ordinem*, которая вполнѣ вытѣсняетъ формулярный процессъ къ третьему столѣтію

по Р. Х. Въ этой новой формѣ прежній judex pedaneus устраняется, вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и самое дѣленіе процесса на jus и judicium. Магистратъ самъ разбираетъ все дѣло и произноситъ рѣшеніе. Бывали, конечно, случаи участія особаго judex datus, но онъ дѣйствовалъ, не какъ самостоятельный судья, а по порученію назначившаго его магистрата. Въ это время возникаетъ и институтъ аппелляціи, который мы охарактеризовали выше, тогда какъ при ordo judiciorum privatorum sententia судьи тотчасъ же вступала въ силу и не подлежала обжалованію.

Такимъ образомъ, при cognitio extra ordinem порядокъ судопроизводства значительно облегчился, сталъ проще, потому что судебныя и административныя функціи были сосредоточены въ рукахъ одного лица—юриста и экзекутора. Онъ не былъ стѣсняемъ условіями времени и пространства, могъ творить судъ и расправу въ любой моментъ. Такія удобства новой формы заставили принцепса ввести ее въ своихъ провинціяхъ, потому что общій недостатокъ романизаціи ихъ населенія препятствовалъ вообще проведенію вполнѣ формы ordo judiciorum privatorum, прочно укрѣпившейся въ сенатскихъ провинціяхъ, гдѣ правитель находился совнѣ въ лучшихъ условіяхъ и могъ соблюдать всѣ процессуальныя подробности судебнаго разбора и рѣшенія. Cognitio давала бо̀льшій просторъ судебно-административнымъ дѣйствіямъ намѣстниковъ, потому что не связывало ихъ опредѣленными formulae, они могли на мѣстахъ, смотря по характеру самого дѣла, выработать ту или другую форму судопроизводства. Чаще порядокъ послѣдняго бывалъ таковъ: 1) призваніе отвѣтчика на судъ *самимъ* магистратомъ, а не истцомъ; 2) разборъ дѣла послѣ изложенія претензій истца и возраженій отвѣтчика съ постановкой рѣшенія; 3) исполненіе рѣшенія. Часто, однако, какъ мы видѣли выше, отвѣтчикъ аппеллировалъ до постановки рѣшенія въ случаяхъ сомнительныхъ, и процессъ переносился въ высшую судебную инстанцію.

Достаточно самаго бѣглаго знакомства съ анализируемой перикопой (**Дн** XXV, 1—12), чтобы видѣть, что процессъ суда надъ ап. Павломъ у Феста вполнѣ соотвѣтствуетъ указан-

ной cognitio extra ordinem. Прокураторъ выслушиваетъ въ Іерусалимѣ жалобщиковъ-іудеевъ, отказываетъ имъ изъ соображеній римско-юридическихъ, назначаетъ судъ надъ узникомъ, вызываетъ его въ засѣданіе, выслушиваетъ истцовъ, произноситъ рѣшеніе и т. д., однимъ словомъ—дѣйствуетъ единолично, совмѣщая роли in jure и in judicio. Это явное отсутствіе особаго judex datus и заявленіе Феста, что онъ долженъ всякое дѣло вести по римскимъ правовымъ нормамъ (**Дн** XXV, 16) убѣждаетъ насъ, что дѣло Апостола разбиралось не по іудейской традиціи, а въ новой формѣ римскаго судопроизводства — cognitio extra ordinem.

Резюмируемъ изложенныя данныя для отвѣта на вопросъ, поставленный выше, объ административно-юридическихъ полномочіяхъ прокуратора Феста при судѣ надъ ап. Павломъ.— Ап. Павелъ былъ обвиненъ, какъ іудей по національному праву, въ такой окраскѣ его дѣло было представлено и Фесту. Но римскій намѣстникъ судебное разслѣдованіе велъ по формѣ римской cognitio extra ordinem и рѣшеніе сдѣлалъ не по іудейскому праву, которое требовало примѣнить къ осужденному potestas gladii, а по jus gentium римлянъ, не каравшему такъ строго за одно вступленіе въ храмъ иновѣрца. Такимъ образомъ, чисто аналитическимъ путемъ мы подошли къ тому, что высказали въ видѣ простого тезиса: настоящій отрывокъ изъ апостольской исторіи интересенъ тѣмъ, что здѣсь встрѣтились и нашли своеобразное разрѣшеніе интересы римскаго патроната съ одной стороны и іудейскаго законничества—съ другой.

ГЛАВА III.

Іудейскій царь Агриппа II съ Вереникой въ Кесаріи. Свиданіе съ прокураторомъ Фестомъ. Характеристика Фестомъ дѣла Павла. Желаніе Агриппы познакомиться съ этимъ дѣломъ (**Дн** XXV, 13—22).

Ст. 13.

Ἡμερῶν δὲ διαγενομένων τινῶν, Ἀγρίππας ο βασιλεῦς κα Βερνίκη κατήντησαν εἰς Καισάρειαν ἀσπασόμενοι τὸν Φῆστον.

Большое недоумѣніе комментаторовъ и филологовъ всегда возбуждало это сочетаніе *аор. изъяв.* κατ|ντ. съ *причастіемъ аор.* ἀσπασάμ. во всѣхъ почти греческихъ текстахъ: ℵ A B E_2 H_2 L_2 P_2 13 31 68 95 102 105 180 и др. Hort, согласно съ Blass'омъ, называетъ такую конструкцію очень тяжелой и предполагаетъ здѣсь возможное искаженіе въ очень раннюю эпоху. По его мнѣнію, версія ἀσπασόμενοι *(fut.)*—по vulg. Gig syr^{utr} исправляетъ авторизованную редакцію (Westcott and Hort *The new Testament in original greek.* Oxford, 1907, t. 2, Notes). Knabenbauer думаетъ, что соединеніемъ *причаст. аориста* съ *изъяв. аор.* св. Дѣепис. хочетъ пояснить, въ чемъ выразилось дѣйствіе, обозначаемое *изъяв. аор.* κατήντ. Но съ этимъ нельзя согласиться въ виду того, что *partic. aor.* означаетъ дѣйствіе уже исполнившееся, прошедшее, такъ что подобное сочетаніе означало бы, что ἀσπασάμ. случилось раньше κατήντησαν, т. е. что *Агрипна и Вереника поздравили и затѣмъ уже прибыли въ Кесарію* (ср. Felten). Болѣе подходилъ бы подъ мысль Knabenbauer'а *аор.* κατήντ. *съ настоящ. partic.* ἀσπαζόμενοι (ср. Blass *Grammat.* s. 193, 4).—Наоборотъ, въ цѣляхъ чисто

экзегетическихъ лучше воспользоваться редакціей вульгаты, Gigas и сир. кодексовъ ἀσπασόμενοι *(fut.),* которая въ **Дѣян** всегда служитъ дополненіемъ смысла главнаго глагола въ качествѣ опредѣленія *цѣли*, напр. **Дн** VIII, 27—„ἐληλύθει προσκυνήσων“ и др. Въ такомъ именно значеніи, несомнѣнно, и принимаетъ редакцію ἀσπασόμενοι Вульгата: *Агриппа и Вереника „advenerunt salutaturi“ — прибыли съ намѣреніемъ засвидѣтельствовать свое почтеніе*, такъ какъ ἀσπάζομαι можетъ значить не только „поздравлять“, но и—„придти къ кому-нибудь на короткое время для свиданія“ (Schirlitz).

Редакц. ἀσπασόμ. принимаетъ Икуменій (Migne *Patr. curs. compl.,* ser. gr. t. 118, col. 285), Cramer (*Catenae,* p. 384).

„Чрезъ нѣсколько дней царь Агриппа и Вереника прибыли въ Кесарію поздравить Феста“.

Мы оставили ап. Павла заключеннымъ подъ стражу въ кесарійской темницѣ въ ожиданіи отправки экскорта въ Римъ. Очень можетъ быть, что послѣдняя замедлилась потому, что прокураторъ затруднялся въ составленіи apostoli, такъ какъ, дѣйствительно, отъ него требовалось изложить сущность самаго дѣла съ ожидавшимся рѣшеніемъ. Но что могъ сказать объ этомъ Фестъ, совершенно непонимавшій даже предмета разногласій обвиняемаго съ обвинителями, и какое рѣшеніе могъ онъ дать этому дѣлу, совершенно отличному отъ круга дѣлъ прокураторскаго надзора? Фестъ справедливо могъ ожидать себѣ серьезнаго выговора по службѣ отъ самого императора послѣ явки Павла въ Римъ. Тамъ, несомнѣнно, прежде всего бросилось бы въ глаза то обстоятельство, что дѣло узника *спеціальнаго* характера, съ областью римской юрисдикціи не имѣетъ ничего общаго, и, однако, узникъ аппеллировалъ на судъ прокуратора! Между тѣмъ, судя по содержанію процесса, прокураторъ долженъ былъ только разобрать жалобы истцовъ, увидать, что оно направлено не по адресу, и отпустить обвиняемаго на свободу. Изъ этого самъ собою напрашивался выводъ,

что прокураторъ, насилуя свои судебно-административныя полномочія и не принимая во вниманіе, быть можетъ, протестовъ узника, судилъ его, постановилъ строгое наказаніе, которое и вынудило обвиняемаго обратиться къ суду Кесаря. Фестъ долженъ былъ сознавать себя виновнымъ, потому что, какъ мы видѣли, не былъ вполнѣ безпристрастенъ въ этомъ дѣлѣ, склонялся къ осужденію Апостола, хотя самъ, на основаніи фактовъ, думалъ иначе. Конечно, онъ былъ бы радъ взять свою нерѣшительность обратно и повести себя вновь de jure. Но моментъ былъ упущенъ съ произнесеніемъ appello, и прокураторъ долженъ былъ теперь прибѣгать ко всякимъ попыткамъ и средствамъ, чтобы хотя немного реабилитировать себя въ глазахъ Кесаря и оформить дѣло апелляціи указаніемъ тѣхъ или другихъ основаній ея, лежавшихъ *въ природѣ самого процесса узника* или *въ обстановкѣ свидѣтельскихъ показаній*, но отнюдь не въ *отношеніи* къ дѣлу *его*, Феста. Послѣднее могло бы вскрыть политику преступнаго угожденія іудейской массѣ, что́, конечно, шло въ разрѣзъ съ интересами романизаціи этой своевольной области.

Трудно, конечно, представить себѣ, что̀ могъ придумать въ этихъ затрудненіяхъ даже и римскій юристъ? Однако не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположить, что въ качествѣ основаній апелляціи со стороны Апостола Фестъ могъ выставить характеръ свидѣтельскихъ показаній на обвиняемаго отъ его соотечественниковъ, которыя можно было представить, какъ очень оскорбительныя для личности Павла. Прокураторъ могъ указать, что настоящую апелляцію можно разсматривать, какъ жалобу Апостола на іудейскій народъ (соотвѣтственно характеру депутаціи къ прокуратору), питавшій такую ненависть къ узнику за представленіе въ иной формѣ національныхъ религіозныхъ вопросовъ. Конечно, это было бы очень рискованной защитой прокуратора, и она могла имѣть тяжелыя послѣдствія.

Во всякомъ случаѣ для насъ ясно, что Фестъ долженъ былъ подумать надъ составленіемъ отпустительной грамоты, и что это было такъ, мы узнаемъ впослѣдствіи.

По истеченіи нѣкотораго времени послѣ апелляціи, въ те-

ченіе котораго Павелъ содержался подъ усиленной стражей и готовился къ свиданію съ римскими христіанами, случилось обстоятельство, которое вызвало его опять въ залы дворца прокуратора и даже дало ему возможность выступить съ рѣчью и исповѣданіемъ себя ревностнымъ послѣдователемъ Распятаго Спасителя.

Промыслъ Божій, несомнѣнно, устроилъ такъ, что христіанство въ лицѣ Величайшаго изъ апостоловъ раскрылось предъ іудействомъ въ лицѣ царя Агриппы II, номинальнаго верховнаго вождя и представителя іудейскаго народа. Царь Агриппа II въ настоящій историческій моментъ былъ оффиціальнымъ хранителемъ религіозныхъ интересовъ іудейства. И какое замѣчательное совпаденіе: Апостолъ Павелъ, кровный іудей, проповѣдуетъ христіанство *послѣднему* изъ іудейскихъ царей....

Полное имя этого послѣдняго царя изъ рода Иродовъ было—Маркъ Юлій Агриппа II.

По желанію своего отца—Ирода Агриппы I, онъ получилъ образованіе и воспитаніе въ Римѣ при дворѣ императора Клавдія, который очень хорошо относился къ нему и думалъ назначить на мѣсто отца—Агриппы I, умершаго въ 44 году [1]). Однако 17-лѣтній юноша остался еще въ Римѣ, гдѣ пользовался общими симпатіями за свои личныя качества и связи при дворѣ, которыя позволяли ему уже тогда вмѣшиваться въ іудейскія дѣла [2]). Только послѣ смерти дяди—Ирода Халкидскаго—онъ получилъ въ 50 году его область около Ливана и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надзоръ за храмомъ и право утверждать синедріальные выборы первосвященника; но вступить на почву Палестины ему удалось лишь въ 53 году. Въ томъ же 53 году къ его области присоединилась также тетрархія Филиппа, тетрархія Лизанія и область Вара. Послѣ смерти Клавдія Неронъ присоединилъ къ владѣніямъ Агриппы значительную часть Галилеи и Переи [3]).

---

[1]) *Antt. XIX, IX, 1, 2.*

[2]) Ср. Jos. *Antt.* XX, 1, XV, 11, 4, XX, 6, 3. См. у Schürer, 1, ss. 564, 565, 570, 587.

[3]) *Antt. XX, VIII, 4.*

Агриппа жилъ въ Кесаріи Филипповой, которую назвалъ въ знакъ благодарности къ своему царственному покровителю *Неронидой* [1]). Съ нимъ жила его старшая сестра Вереника [2]), вдова (48 г.) послѣ Ирода Халкидскаго — своего родного дяди по отцу. Для прекращенія разговоровъ о связи съ роднымъ братомъ Вереника рѣшила выйти за Полемона, царя Киликійскаго, который для этой цѣли, по ея настоянію, долженъ былъ подвергнуться обрѣзанію, какъ іудей [3]). Однако очень скоро эта порочная женщина снова вернулась къ брату, не побоявшись возбудить въ обществѣ толки своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ (св. Іоаннъ Златоустъ прямо называетъ ее *женою* Агриппы [4])). Въ концѣ концовъ она была конкубиной императоровъ Веспасіана и Тита [5]).

Агриппа II, этотъ послѣдній изъ фамиліи Иродовъ царь іудейскій, заслужилъ презрѣніе не только за свой нравъ, но и за тѣ средства, къ которымъ прибѣгалъ для достиженія своихъ низкихъ цѣлей. Народъ и священники не любили его за то рѣзко отрицательное отношеніе къ національнымъ интересамъ и за ту унизительную роль, которую онъ игралъ предъ римлянами. Несомнѣнно, что полная безхарактерность и умственная ограниченность, не смотря на образованіе въ Римѣ, послужили главными мотивами назначенія его на постъ іудейскаго царя. Императоры Клавдій и Неронъ отлично понимали, что Агриппа можетъ быть хорошимъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ римской провинціальной политики, чѣмъ и объясняется сосредоточеніе въ его власти многихъ большихъ областей. Но это былъ несчастный потомокъ славныхъ Иродовъ, получившій отъ своихъ предковъ гибельные ферменты, которые успѣшно культивирова-

---

[1]) *Antt. XX, IX, 4.*

[2]) Βερενίκη—македон. происхожд.=Φερενίκη, какъ Βίλιππος=Φίλιππος; формы Βερονίκη и Βερνίκη—искаженныя вульгарнымъ нарѣчіемъ. Blass.

[3]) *Antt. XX, VII, 3.*

[4]) *Бесѣды*, II, стр. 357.

[5]) Blass, 260; Felten, 439; Schürer, 1, s. 596; Kautsky *D. Ursprung d. Christent.* Stuttg. 1908, s. 270. См. Addenda.

лись въ немъ на почвѣ замѣны отечественныхъ завѣтовъ дешевыми цѣнностями легкой жизни при римскомъ дворѣ. Падкій на всякій внѣшній блескъ, Агриппа не замѣчалъ, что его и безъ того ничтожная царская власть, падавшая съ каждымъ днемъ, находилась въ постоянной борьбѣ съ первосвященнической властью, пользовавшейся благоволеніемъ римскаго императорскаго двора за тѣ деньги, которыя церковныя главы іудеевъ щедро бросали всякимъ вліятельнымъ чиновникамъ въ Римѣ въ интересахъ національныхъ и личныхъ. Особенно характернымъ примѣромъ слабости и неспособности къ твердой власти служитъ столкновеніе царя Агриппы II съ непосредственными блюстителями храмовой чистоты, которые выстроили громадную стѣну предъ дворцомъ Агриппы, заслонившую прекрасный видъ изъ оконъ на городъ и храмъ съ его Святилищемъ [1]).

Что касается собственно религіозныхъ убѣжденій Ирода Агриппы, то, хотя онъ и выдалъ своихъ сестеръ Друзиллу и Веренику за Азиса Эмескаго и Полемона Киликійскаго подъ условіемъ обрѣзанія [2]), однако, Schürer справедливо сомнѣвается въ томъ, что онъ сдѣлалъ это безъ политическихъ разсчетовъ [3]). Какъ бы ни было, легкомысленная, индифферентная къ запросамъ духа придворная жизнь Рима создавала въ іудейскихъ принцахъ, посылавшихся туда для воспитанія, нѣкоторое отвращеніе къ національнымъ религіознымъ обычаямъ. Они впитывали въ себя то насмѣшливое отношеніе ко всему тому, что̀ нѣкогда сообщало такую почти міровую мощь іудейскому народу. Живая жизнь именно въ соединеніи съ религіозными институтами іудеевъ, атмосфера близости къ Богу—все это было чуждо послѣднимъ иродіанскимъ царямъ. Они были далеки отъ національно-церковнаго сознанія, дорожили болѣе блесками вниманія Рима, чѣмъ сохраненіемъ и проведеніемъ въ жизнь своего народа того теократическаго принципа, которымъ жили нѣкоторые истинные іудеи—чтители Іеговы.

---

[1]) *Antt. XX, VIII, 11.*
[2]) *Antt. XX, VII, 1, 3.*
[3]) Schürer, 1, 591.

Вся жизнь этихъ жалкихъ царьковъ въ бумажныхъ коронахъ проходила въ томъ, чтобы не нарушать милостивыхъ отношеній къ себѣ со стороны сильныхъ римскихъ чиновниковъ— этихъ фактическихъ надсмотрщиковъ за успѣхами „мирной“ романизаціи страны, чему, конечно, прежде всего могли препятствовать потомки царей іудейскихъ, жившіе воспоминаніями блестящаго прошлаго родины [1]).

Поэтому-то, нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что Агриппа счелъ нужнымъ сдѣлать визитъ новому прокуратору Іудеи— Фесту, не смотря на свой громкій титулъ іудейскаго царя... Смерть Агриппы послѣдовала въ 100 году послѣ частыхъ скитаній изъ Палестины въ Римъ съ Вереникой, гдѣ она дѣлалась конкубиной императоровъ [2]).

Ст. 14.

ὡς δε πλείους ἡμέρας διέτριβον ἐκεῖ, ὁ Φῆστος τῷ βασιλεῖ ἀνέθετο τὰ κατὰ τὸν Παῦλον λέγων· Ἀνήρ τις ἐστὶν καταλελειμμένος ὑπὸ Φήλικος δέσμιος,

„И какъ провели они тамъ много дней, то Фестъ предложилъ царю дѣло Павлово, говоря, здѣсь есть человѣкъ, оставленный Феликсомъ въ узахъ“,

Царь Агриппа и Вереника оказали большую честь своимъ посѣщеніемъ Фесту, который, какъ человѣкъ мягкій, достаточно искренній, въ чувствѣ довольства настоящей честью, несомнѣнно, подѣлился съ высокими гостями впечатлѣніями послѣ знакомства съ страной и обычаями своего прокураторства. Онъ не былъ тонкимъ дипломатомъ и хитрымъ политикомъ, который скрывалъ бы свои ходы передъ своимъ подчиненнымъ, какимъ и являлся, въ сущности говоря, іудейскій номинальный царь.

---

[1]) Baeda называетъ Агриппу, *„semper Romanis amicus et ab omni illa Judaeorum seditione tutissimus“*—Migne, t. 92, col. 991.

[2]) Schürer, 1, 599 ff.

И это особенно ясно изъ того, что Фестъ посвящаетъ его въ свои дѣла, даже проситъ у него совѣта (ст. 25), хотя самъ не нуждается въ посторонней помощи для рѣшенія настоящаго вопроса. Фестъ не считалъ унизительнымъ для себя обращаться за помощью, хотя и формальной, къ Агриппѣ даже въ такомъ незначительномъ, повидимому, дѣлѣ, какимъ представлялся для римскаго намѣстника процессъ Павла. И если онъ такъ дѣлаетъ, то въ этомъ сказывается просто его любезность, хотя, быть можетъ, онъ и дѣйствительно видѣлъ въ лицѣ Агриппы авторитетъ для опредѣленія подлинной физіономіи дѣла Апостола. Какъ бы то ни было, онъ излагаетъ передъ іудейскимъ царемъ въ частной бесѣдѣ дѣло Павла, подробно передавая всѣ его отдѣльныя фазы. Его сообщенія (стт. 15—21) представляютъ лучшее доказательство **подлинности** первой половины **Дн** XXV главы, гдѣ ев. Лука повѣствуетъ намъ то же самое въ приблизительно хронологическомъ порядкѣ.

Въ отвѣтъ на слова Феста объ Узникѣ, Агриппа изъявляетъ желаніе познакомиться съ нимъ. Св. Іоаннъ Златоустъ видитъ въ этомъ желаніи указаніе на дѣйствіе Промысла Божія, Который употребляетъ всѣ средства къ обращенію людей на путь истины [1]). На самомъ дѣлѣ, общественная разница положенія ап. Павла, бѣднаго іудея, хотя и римскаго гражданина, и царя іудейскаго изъ блестящаго дома Иродовъ, не представляла рѣшительно никакихъ поводовъ къ свиданію этихъ двухъ іудеевъ и къ просвѣщенію Агриппы свѣтомъ христіанства. Правда, царь іудейскій былъ оффиціальнымъ блюстителемъ іудейскаго культа и могъ назначать даже первосвященника изъ наличныхъ кандидатовъ Синедріона. Однако, онъ не участвовалъ въ *церковной жизни* своей страны, и если бы ап. Павелъ вынужденъ былъ выступить передъ верховнымъ Судилищемъ въ Іерусалимѣ, онъ не встрѣтилъ бы тамъ своего царя. Такимъ образомъ, настоящая встрѣча у Феста въ Кесаріи была самымъ удобнымъ случаемъ, когда Великій Апостолъ языковъ могъ познакомить послѣдняго изъ Иродовъ съ началами христіанства.

---

[1]) *Творенія* указ. изд. стр. 357.

Прежде чѣмъ представить узника царю, Фестъ знакомитъ его съ отношеніемъ къ этому дѣлу іудеевъ.

Blass и Meyer задаются вопросомъ, откуда св. ев. Лука узналъ содержаніе разговора Феста съ Агриппой о Павлѣ (ст. 14)? Рѣшить этотъ вопросъ можно на почвѣ рѣшенія подобнаго же вопроса — откуда узналъ св. Дѣписатель содержаніе письма коменданта Іерусалима Лизія къ Феликсу (**Дн** XXIII, 10). König устанавливаетъ подлинность этого письма филологически и путемъ констатированія его соотвѣтствія подлежащимъ обстоятельствамъ и обстановкѣ. По его даннымъ, оно сдѣлалось извѣстнымъ Лукѣ не изъ письменныхъ, конечно, источниковъ, потому что подобный, важный въ юридическо-административномъ отношеніи, документъ не могъ быть показанъ частному лицу, хотя бы и заинтересованному въ этомъ дѣлѣ, а путемъ устной передачи [1]).

То же самое можно сказать и о содержаніи стт. 15—22 анализируемой главы.

Св. ев. Лука продолжалъ въ это время находиться около Апостола, конечно, не въ узахъ, но въ Кесаріи, какъ его вѣрный ученикъ и сподвижникъ въ проповѣди Евангелія (см. выше стр. 56 сл.). Мы говорили, что въ Троадѣ ап. Павелъ встрѣтился съ Лукой (**Дн** XVI, 10) и предпринялъ съ нимъ путешествіе въ Филиппы. Здѣсь ев. Лука оставался, пока Апостолъ (**Дн** XX, 5) опять не приблизился сюда въ своемъ третьемъ миссіонерскомъ путешествіи. Лука поспѣшилъ къ нему, встрѣтился съ нимъ въ Троадѣ и отсюда сопровождалъ его въ Іерусалимъ и, несомнѣнно, въ Кесарію, — по крайней мѣрѣ иначе трудно объяснить появленіе Луки въ **Дн** XXVII, 1 и его путь въ Римъ съ ап. Павломъ [2]). Что же касается того, что обычная форма рѣчи Луки, когда онъ говоритъ о событіяхъ, происшедшихъ на его глазахъ (личное мѣстоименіе „мы“), здѣсь не встрѣчается, то это, какъ мы уже говорили (стр. 57), можно объяснить просто тѣмъ, что ев. Лука въ этомъ случаѣ былъ не вмѣстѣ

---

[1]) König, cit. op. ss. 185 ff.
[2]) König, ss. 236, 465.

съ Апостоломъ, хотя и въ томъ же городѣ. Онъ, конечно, видался съ своимъ Учителемъ, такъ какъ Феликсъ позволилъ приходить къ нему близкимъ (XXIV, 23), но эти свиданія были спорадическими общеніями, а не постояннымъ пребываніемъ *съ* узникомъ. Въ минуты свиданій св. Страдалецъ сообщалъ своему жизнеописателю и ученику свѣдѣнія о себѣ, передавалъ то, что слышалъ отъ другихъ относительно себя и т. д. Очень возможно, что кто-нибудь изъ тюремщиковъ зналъ о свиданіи Феста съ Агриппой [1]) и могъ передать въ общихъ чертахъ содержаніе разговора Павлу. Не надо, конечно, забывать также и того, что книга Дѣяній написана подъ водительствомъ Св. Духа, такъ что узнанную схему явленія св. Дѣписатель могъ по внушенію св. Духа распространить въ точный разговоръ.

Но что Евангелистъ не выдумалъ самъ разговора Феста съ Агриппой, какъ этого хочется Blass'у, Меуег'у и др., за это говорятъ нѣкоторыя уклоненія содержанія стт. 15—21 отъ содержанія стт. 7—12. Напр., изъ стиховъ 2 и 3 видно, что іудейская депутація вообще жаловалась на Павла, обвиняла его, тогда какъ въ стт. 15—16 Фестъ опредѣленно заявляетъ, что она требовала его осужденія на смерть. Такая индивидуальность словъ прокуратора именно и подчеркиваетъ, что Евангелистъ сообщаетъ правду, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ не допустилъ бы такой серьезной разницы въ передачѣ самаго явленія и послѣдующаго разсказа о немъ, а постарался бы согласить то и другое даже въ деталяхъ.

Намъ необходимо коснуться одной подробности въ исторіи посѣщенія Феста іудейскимъ царемъ, на которой нѣкоторые комментаторы останавливаются своимъ вниманіемъ. Это вопросъ о томъ, чѣмъ было вызвано свиданіе ап. Павла съ іудейскимъ царемъ? Выше мы сказали, что Фестъ не нуждался, собственно, ни въ какой помощи со стороны прибывшаго Агриппы въ дѣлѣ ап. Павла, и если посвятилъ его въ обстоятельства этого дѣла, то просто изъ любезности. Наоборотъ, многіе склонны представ-

---

[1]) При кесарійскомъ дворцѣ была тюрьма, въ которой ап. Павелъ и могъ содержаться это время.

лять это такъ, что не успѣлъ Агриппа осмотрѣться въ Кесаріи, какъ Фестъ старается *добиться* у него опредѣленнаго совѣта въ этомъ процессѣ. Эта натяжка ясна уже изъ одного того, что совѣта у Агриппы тотъ испрашиваетъ не въ моментъ передачи обстоятельствъ процесса (ст. 15—21), а послѣ, когда самъ Агриппа, быть можетъ, въ отвѣтъ на любезность, желая выказать передъ намѣстникомъ Рима свою причастность и компетентность въ дѣлѣ, касавшемся по словамъ прокуратора, религіозныхъ вопросовъ (ст. 19), пожелалъ безъ всякаго приглашенія со стороны его познакомиться съ узникомъ (ἐβουλόμην καὶ αὐτὸς τοῦ ἀνθρώπου ἀκοῦσαι—ст. 22). И весьма вѣроятно, что если бы Агриппа не высказалъ такого пожеланія, Павлу не пришлось бы выступать въ роли христіанскаго проповѣдника передъ такимъ блестящимъ обществомъ. Замѣчательно, что это же подчеркивается синтаксическимъ строемъ анализируемаго нами въ настоящій моментъ стиха. Тотъ случайный оборотъ дѣла, о которомъ мы только что сказали, св. Дѣписатель особенно хорошо подчеркиваетъ связкой ὡς, съ которой начинается предложеніе придаточное къ главному ὁ Φῆστος.....τὸν Παῦλον. Если бы ев. Лукѣ нужно было поставить это предложеніе въ отношеніи причины къ главному предложенію, то онъ, несомнѣнно, выразилъ бы его въ формѣ gen. absol. (ср. ст. 21—τοῦ δὲ Παύλου ἐπικαλεσαμένου...). Связка же ὡς имѣетъ скорѣе значеніе союза времени „какъ“, „когда“, „въ продолженіе“, ср. напр. **Лк** I, 23—καὶ ἐγένετο ὡς ἐπλήσθησαν αἱ ἡμέραι τῆς λειτουργίας αὐτοῦ, ἀπῆλθεν εἰς τὸν οἶκον αὐτοῦ — указывается просто продолжительность извѣстнаго обстоятельства, которая дала возможность совершиться другому, параллельному же дѣйствію. Изъ этого слѣдуетъ, что Фестъ передалъ обстоятельства процесса Павла Агриппѣ не потому, что тотъ прибылъ къ нему въ Кесарію и искалъ у него, какъ компетентнаго человѣка, отвѣта, а потому, что онъ вообще дѣлился съ Агриппой своими впечатлѣніями о той странѣ, въ которую недавно прибылъ и гдѣ сразу же столкнулся съ важными и интересными дѣлами. По ходу разговора задѣлъ вопросъ о Павлѣ, обстановка котораго и заинтересовала іудейскаго царя, пожелавшаго остановиться на

немъ своимъ вниманіемъ.—Правда, св. Дѣписатель представляетъ дѣло вообще такъ, что Фестъ по прибытіи въ Іудею непосредственно столкнулся съ процессомъ Апостола и имъ занимался вплоть до прибытія Агриппы, не обращаясь къ другимъ очереднымъ дѣламъ, которыхъ, конечно, за отъѣздомъ Феликса накопилось не мало, какъ это обычно бываетъ при вступленіи администратора на новую должность. Но если св. Лука, имѣвшій строго опредѣленную цѣль при написаніи книги **Дѣяній,** не говоритъ о другихъ дѣлахъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что ихъ не было. На самомъ дѣлѣ, процессъ Павла не представлялъ изъ себя чего-нибудь экстраординарнаго въ практикѣ римскаго намѣстника въ Іудеѣ,—такія дѣла случались часто, когда прокураторъ наталкивался на аппелляцію, что можно видѣть хотя бы изъ промедленія съ отправкой Павла въ Римъ: несомнѣнно, прокураторъ дожидался партіи такихъ аппеллянтовъ, чтобы разовая экскортировка по морю обошлась дешевле и безопаснѣе.

Такимъ образомъ, простая случайность, что Агриппа заинтересовался дѣломъ Павла больше, чѣмъ другими дѣлами, и попросилъ Феста познакомить его съ физіономіей этого узника, интереснаго постольку, поскольку обычно привлекаетъ наше вниманіе человѣкъ, готовый за проповѣдуемое новое ученіе отдать свою жизнь. Но во всякомъ случаѣ изъ чисто историческихъ рамокъ это обстоятельство выходило въ область промышленія Божія, которое руководило Агриппой въ цѣляхъ особенныхъ, какъ объ этомъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ.—Итакъ, Фестъ въ частной бесѣдѣ съ іудейскимъ царемъ Агриппой, разсказывая о себѣ, о своемъ прибытіи въ Палестину, бѣгломъ знакомствѣ съ Іерусалимомъ, его населеніемъ, по ходу рѣчи разсказалъ и о процессѣ ап. Павла. Онъ передаетъ ему только то, что случилось при немъ, поэтому—не касается причинъ заключенія въ узы Павла, потому что не понималъ ихъ, онъ только замѣчаетъ, что узникъ находится въ темницѣ еще съ момента ухода его предшественника Феликса.

Ст. 15.

περὶ οὐ γενομένου μου εἰς Ἱεροσόλυμα ἐνεφάνισαν οἱ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ πρεσβύτεροι τῶν Ἰουδαίων, αἰτούμενοι κατ᾽ αὐτοῦ καταδίκην.

HLP—имѣютъ δίκην, т. е., повидимому, представляютъ дѣло такъ, что іудеи требовали просто правового рѣшенія настоящаго дѣла, но изъ контекста выясняется большая правильность редакціи καταδίκην (Wendt, s. 511, An. 1; Olshausen приним. καταδίκην по соотвѣтствію съ κατ᾽ αὐτοῦ ст. 3. s. 293). **См. Addenda.**

„на котораго въ бытность мою въ Іерусалимѣ, съ жалобою явились первосвященники и старѣйшины Іудейскіе, требуя осужденія его".

Фестъ продолжаетъ свой разсказъ о Павлѣ. Ему на ауді-енціи въ Іерусалимѣ приносили жалобу на Павла члены отъ Синедріона и вообще отъ всего народа іудейскаго (см. выше стр. 42, сл.) съ требованіемъ осудить узника (см. выше стр. 44, сл.); требованія эти были очень настойчивы, потому что депутація надѣялась на успѣхъ.

Ст. 16.

πρὸς οὓς ἀπεκρίθην, ὅτι οὐκ ἔστιν ἔθος Ῥωμαίοις χαρίζεσθαι τινα ἄνθρωπον, πρὶν ἢ ὁ κατηγορούμενος κατὰ πρόσωπον ἔχοι τοὺς κατηγόρους, τόπον τε ἀπολογίας λάβοι περὶ τοῦ ἐγκλήματος.

ἄνθρ. εἰς ἀπώλειαν—HLP, Gig. (безъ τινα), syr^{p}, C*, syr^{sch}: мысль текста здѣсь выражена сильнѣе—„отдав. человѣка на смерть"—см. у Schirlitz, s. 52, a; τόπον δὲ—BE.
λάβοι послѣ ἐγκλήμ.—Gig.

„Я отвѣчалъ имъ, что у Римлянъ нѣтъ обыкновенія выдавать какого-нибудь чело-

вѣка на смерть, прежде нежели обвиняемый будетъ имѣть обвинителей налицо и получитъ свободу защищаться противъ обвиненія".

Не смотря на настойчивыя требованія смерти Павла, которыя, какъ мы видѣли (см. стр. 43, сл.), имѣли очень благовидную форму протеста противъ преданія узника суду прокуратора, Фестъ, понимая заднюю мысль такого протеста, отказываетъ депутаціи, указывая на то, что римская юридическая практика не позволяетъ отдавать обвиняемаго произволу обвинителей (χαρίζεσθαι; варіантъ HLP сильнѣе выражаетъ эту мысль: εἰς ἀπώλειαν—на смерть), пока обвиняемый не выскажется (τόπον τε ἀπολογίας λάβοι—не получитъ *возможности* защиты—**Евр** XII, 17: *Antt.* XVI, 8, 5) въ свою защиту въ присутствіи (κατὰ πρόσωπον=*coram* **Дн** III, 13; XVI, 9, варіантъ β у Blass'a) обвинителей [1]). Фестъ разумѣетъ здѣсь такъ называем. litis contestatio—деталь классическаго процесса, состоявшую въ томъ, что истецъ излагалъ передъ судьей свои притязанія, а отвѣтчикъ дѣлалъ на нихъ возраженія [2]).

Изъ этихъ гордыхъ словъ римскаго прокуратора для іудейскаго царя Агриппы было ясно, какъ высоко смотритъ его собесѣдникъ на римское судопроизводство и какъ низко на Іудею, въ которой возможны, якобы, случаи, когда обвиняемый головой выдается обвинителямъ безъ судебнаго разбирательства, т. е. безъ всякой защиты.

Конечно, если смотрѣть на буквальный смыслъ просьбы іудеевъ—„ὅπως μεταπέμψηται αὐτὸν εἰς Ἰερουσαλήμ" (ст. 3), то Фестъ не имѣлъ права такъ говорить, потому что рѣчь идетъ не объ осужденіи преступника, а о перемѣнѣ судебной инстанціи,—не признавать же судебной компетенціи за Синедріономъ онъ не имѣлъ права, такъ какъ, конечно, зналъ его

---

[1]) Cfr. „post narrationem propositam et contradictionem objectam"—*Corp. jur. civil.* Cod. III, tit. I, lib. XIV, §1.

[2]) Хвостовъ *Истор. римск. прав.* стр. 423.

судебныя прерогативы [1]). И если, тѣмъ не менѣе, Фестъ выразился такъ, то онъ имѣлъ, несомнѣнно, въ виду тайный замыселъ іудейской депутаціи—„ἀνελεῖν αὐτὸν κατὰ τὴν ὁδόν“ (ст. 3), до котораго онъ самъ или со словъ окружающихъ добрался (см. выше стр. 44 сл.), и теперь въ частной бесѣдѣ съ незаинтересованнымъ человѣкомъ раскрываетъ свой ходъ предъ іудейской депутаціей. Ей въ Іерусалимѣ онъ просто заявилъ, что считаетъ ненужнымъ мѣнять инстанцію, а назначить судебное разбирательство на мѣстѣ заключенія Павла въ Кесаріи.

Быть можетъ, зная о столкновеніяхъ Агриппы съ первосвященнической властью, заинтересованной въ этомъ дѣлѣ, Фестъ хотѣлъ выказать себя предъ нимъ несторонникомъ этой послѣдней, отказавъ ей въ требованіяхъ, по существу законныхъ, такъ какъ Синедріонъ могъ всегда потребовать къ себѣ на судъ для разслѣдованія дѣло, касавшееся его богословско-юридическаго надзора, хотя и не имѣлъ права привести своего приговора въ исполненіе. Во всякомъ случаѣ, предъ Агриппой выступалъ человѣкъ, примѣнившій рамки римской юрисдикціи къ иноземному дѣлу, юрисдикціи, которая была основана на принципѣ—индивидъ для государства. Въ силу этого принципа всякій преступникъ даже противъ частнаго лица разсматривался съ точки зрѣнія государственнаго благополучія и могъ быть караемъ только тогда, когда само государство, а не оскорбленное частное лицо заявитъ протестъ противъ него. Въ римскомъ законодательствѣ было строго опредѣлено, что безъ осужденія государствомъ въ подлежащихъ инстанціяхъ наказаніе извѣстнаго преступника невозможно. Сначала долженъ былъ пройти процессъ, а затѣмъ уже могло послѣдовать наказаніе [2]). Конечно, Фестъ могъ рисоваться предъ Агриппой стройностью и справедливостью римскаго права, но онъ тѣмъ самымъ подчеркивалъ недоразвитость и низкую ступень іудейскаго права, такъ

---

[1]) Schürer, II, s. 206 ff.

[2]) Vgl. Mommsen *Römisches Strafrecht*, Leipzig, 1899, s. 897 ff.

какъ предъ нимъ находился въ этотъ моментъ именно представитель, хотя и номинальный, этого послѣдняго. Онъ не договорилъ, но было ясно, что если бы онъ согласился на просьбу іудеевъ,—онъ отдалъ бы преступника на произволъ частнаго лица, т. е. совершилъ бы актъ обычный въ отношеніяхъ дикихъ народовъ.

Прокураторъ говоритъ, что по римскому обычаю нельзя никого отдавать произволу (χαρίζεσθαι), прежде чѣмъ (πρὶν ἤ) обвиняемый въ судебномъ процессѣ не выскажется въ свою защиту. Однако изъ этого отнюдь нельзя выводить, что послѣ суда въ случаѣ осужденія преступникъ отдавался частному лицу. Глаголъ χαρίζεσθαι здѣсь просто относится къ той задней мысли просьбы, которую понялъ прокураторъ, и, поэтому, слова Феста нужно понимать такъ, что преступникъ никогда не отдавался во власть обвинителя, а съ нимъ государство поступало такъ, какъ того хотѣлъ (т. е. карало въ случаѣ реальности преступленія) обвинитель, который уже фактомъ своей жалобы подчеркивалъ желаніе, чтобы его обидчикъ былъ наказанъ.

Громко, гордо и самодовольно высказалъ прокураторъ похвалу своему римскому праву. Но онъ совершенно не помнилъ тѣхъ нарушеній этого права, и именно въ затронутомъ пунктѣ, которыя бывали всегда и особенно сильно сказались 30 лѣтъ назадъ, когда Понтій Пилатъ, римскій прокураторъ Іудеи, отдалъ Іисуса Христа произволу іудеевъ, т. е. совершилъ кровавое дѣло, нарушивъ судъ Божій,—и какъ разъ вопреки этому римскому обычаю—по словамъ Блаж. Θеофилакта [1]).

Ст. 17.

συνελθόντων οὖν αὐτῶν ἐνθάδε, ἀναβολὴν μηδεμίαν ποιησάμενος, τῇ ἑξῆς καθίσας ἐπὶ τοῦ βήματος ἐκέλευσα ἀχθῆναι τὸν ἄνδρα.

„Когда же они пришли сюда, то, безъ всякаго отлагательства, на другой же день сѣлъ я на судейское мѣсто и повелѣлъ привести того человѣка“.

---

[1]) Migne *Patrol. curs. compl.* ser. gr. t. 125, c. 817.

Фестъ продолжаетъ разсказывать далѣе, какъ на слѣдующій же день, когда собрались обвинители, онъ занялъ свое судейское мѣсто и приказалъ привести обвиняемаго.

Его разсказъ хотя выпускаетъ опредѣленіе времени пребыванія въ Іерусалимѣ (ст. 6), однако подробнѣе передаетъ самый ходъ процесса суда. И эта подробность отлично подтверждаетъ данное нами толкованіе словъ ев. Луки о томъ же самомъ событіи.

Ст. 18.

περὶ οὗ σταθέντες οἱ κατήγοροι οὐδεμίαν αἰτίαν ἔφερον ὧν ἐγὼ ὑπενόουν πονηρῶν,

ἐπέφερον HP; *affer. causam*—Gig. | ὑπενόουν ἐγὼ—EHLP, Gig. опуск. ἐγώ | πονηράν AC*, vulg. (malam, часть кодексовъ—malum—испорченн.) Gig. (causam m. sicut. suspicabar), syr ^{utr}; πονηρά C^2, πονηρῶν ℵ^{c}BE, опуск. HLP. περὶ οὗ нужно относить не къ σταθέντες (Wendt, Meyer и др.), а къ ἔφερον, потому что περὶ съ род. п. значитъ—„о“ (de): τὰ περὶ τοῦ Ἰησοῦ“—„ученіе *объ* Іисусѣ“—**Дн** XVIII, 25; что́ же касается σταθέντες, то этотъ глаголъ, имѣющій значеніе въ дѣйствит. з.—„ставить“, въ страдательномъ означаетъ—„появляться“, „подходить“, „становиться“ (Schirlitz, s. 204). Поэтому, вполнѣ естественно считать περὶ οὗ дальнѣйшимъ опредѣленіемъ „ἔφερον οὐδεμίαν αἰτίαν“—на вопросъ—*о комъ* или *на кого* было принесено обвиненіе (αἰτία=accusatio, какъ ст. 27—Blass) явившимися предъ судомъ обвинителями.

ὧν—аттракція=ἐκείνων ἅ, см. XXI, 24 (Felten); πονηρῶν ℵ^{c}BE нужно предпочесть, такъ какъ этотъ *genit. partit.* лучше передаетъ среднее понятіе вообще *злого*, *преступнаго*, чѣмъ accusativ. πονηράν AC* и пр. код., да и странно было бы при ἅ встрѣт. accus. един. ч.

„Обступивши его обвинители не представили ни одного изъ обвиненій, какія я предполагалъ“;

Прокураторъ характеризируетъ подробно обстановку, въ которой явился ап. Павелъ, и дополняетъ **Дн** XXV, 7.

Онъ былъ разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ. Въ Іерусалимѣ пышная депутація съ такими большими полномочіями отъ всего іудейскаго народа представляла Апостола важнымъ преступникомъ, требовала предать его спеціальному суду націи— Синедріону. Явившіеся въ Кесарію ея члены обвиняли его въ страшныхъ преступленіяхъ, выставляя врагомъ государства, національнаго закона и самого Кесаря; эта депутація не боялась отвѣтственности, если бы ея доводы оказались ложными. Сама коварная мысль—добиться осужденія Павла на смерть—все это естественно заставляло Феста ожидать чего-нибудь особеннаго въ лицѣ объекта страшнаго фанатизма іудейскаго общества, видѣть въ немъ, дѣйствительно, опаснаго члена, заслуживающаго быть исключеннымъ изъ этого общества. Обстановка обвиненій принуждала ожидать со стороны обвинителей крупныхъ данныхъ за преступность этого человѣка, вполнѣ достойную примѣненія jus gladii. Эти данныя представляли чисто бытовой интересъ для римлянина, хотя немного образованнаго юридически, такъ какъ они могли характеризовать поле служенія Феста, вскрывая нить отношеній въ этой незнакомой для него странѣ. Онъ могъ ожидать, что предъ нимъ самъ предводитель знаменитыхъ, нашумѣвшихъ своими злодѣяніями, сикаріевъ, которые такъ долго терроризовали страну, задерживали правильность торговыхъ операцій, вмѣшивались въ область административную и заставляли подъ угрозой смерти слѣпо повиноваться велѣніямъ невидимой руки какого-то бандита...

Является въ Кесарію блестящая депутація отъ іудеевъ, не стѣсняющаяся ни временемъ, ни пространствомъ [1]), которая должна вскрыть предъ столь заинтересованнымъ прокураторомъ физіономію этого страшнаго преступника. Депутація предстаетъ предъ судомъ. И что же? Съ первыхъ ея словъ оказывается, что дѣйствительность отнюдь не отвѣтила ожиданіямъ.

Узникъ—преступникъ, обвиняемый въ политическомъ пре-

---

[1]) Ср. Златоустъ *Бесѣды* II, 358.

ступленіи, религіозномъ и пр. Но все это еще недостаточно для смертнаго приговора, такъ какъ самое преступленіе недостаточно ярко обрисовано, не все ясно въ самыхъ обвиненіяхъ, есть что-то недоговоренное, скрытое, не совсѣмъ понятное, что заставляетъ судью теряться въ массѣ догадокъ, заключеній.

И Фестъ понялъ, что дѣло это совершенно пустячное съ римской точки зрѣнія въ виду отсутствія соотвѣтствующихъ уликъ, которыя давали бы право на смертный приговоръ. Эти іудеи не привели ни одного серьезнаго обвиненія, чего такъ ждалъ прокураторъ, не вскрыли предъ нимъ ни одной интересной для юриста-практика стороны жизни Іудеи.

Въ чемъ же однако, по существу были эти обвиненія или о чемъ вообще были пренія у членовъ депутаціи съ ап. Павломъ?

Ст. 19.

ζητήματα δέ τινα περὶ τῆς ἰδίας δεισιδαιμονίας εἶχον πρὸς αὐτόν, καὶ περὶ τινος Ἰησοῦ τεθνηκότος, ὃν ἔφασκεν ὁ Παῦλος ζῆν. *de propria religione* Gig.—τινος Ἰησοῦ—vulg. Gig.

„но они имѣли нѣкоторые споры съ нимъ объ ихъ Богопочитаніи и о какомъ-то Іисусѣ умершемъ, о Которомъ Павелъ утверждалъ, что Онъ живъ“.

Мы видѣли выше, что политическая неблагонадежность Павла въ устахъ іудеевъ въ Кесаріи осталась недоказанной. Прокураторъ понялъ всю безпочвенность обвиненій, и въ предыдущемъ стихѣ мы имѣли возможность показать, какое разочарованіе постигло его. Въ его глазахъ узникъ освободился отъ обвиненія въ соціальныхъ замыслахъ, къ которымъ прибѣгали его враги для сильнѣйшаго впечатлѣнія на прокуратора. И это, конечно, вполнѣ понятно: они не могли указать ни времени, ни мѣста, гдѣ бы Павелъ собирался съ своими послѣдователями для соціальныхъ реформъ, отъ него не слыхали проповѣдей на эту тему, наобо-

ротъ, онъ выступалъ всегда и вездѣ защитникомъ существовавшаго политическаго и соціальнаго строя, убѣждалъ своихъ послѣдователей подчиняться наличной власти, доказывалъ происхожденіе власти отъ Бога и т. д. Однимъ изъ главныхъ его тезисовъ было то, что христіанинъ свободенъ отъ всякихъ внѣшне-историческихъ условій, духовный характеръ его свободы позволяетъ ему быть гражданиномъ Небеснаго Царства при различныхъ, самыхъ, повидимому, разнородныхъ формахъ правленія. Апостолъ повелѣваетъ молиться за представителей власти, ничѣмъ не ограничивая этого требованія. Во всей такой матеріальной сторонѣ оправданій ап. Павла прокураторъ былъ способенъ разобраться и повѣрить ихъ искренности, потому что іудеи, несомнѣнно, не могли опровергнуть узника.

Но это была одна сторона обвиненій депутаціи. Была другая сторона, отъ которой, несмотря на всѣ оправданія, Павелъ не могъ освободиться въ глазахъ трибунала, потому что тотъ былъ некомпетентенъ даже въ языкѣ, терминологіи послѣдней. Это—обвиненія религіознаго характера.

Самъ Фестъ усиленно подчеркивалъ, что онъ некомпетентенъ въ религіозной сторонѣ настоящаго дѣла (ст. 20), такъ какъ jus gentium (см. выше стр. 91) не давало ему ничего руководящаго, но, къ сожалѣнію, и не освобождало его отъ того или другого впечатлѣнія по поводу религіозныхъ обвиненій Павла іудеями. Въ этомъ случаѣ вполнѣ сказывался психологическій законъ, по которому все новое, незнакомое заинтересовываетъ насъ, производитъ сильное впечатлѣніе, если употребляется, какъ аргументъ. Достаточно, напр., привести для подтвержденія какой-нибудь идеи новое соображеніе, чтобы вниманіе слушателя, не знакомаго съ этимъ послѣднимъ, остановилось на немъ, отстранившись отъ старыхъ, уже извѣстныхъ доказательствъ. Слушатель старается сосредоточиться на новомъ аргументѣ, ему начинаетъ казаться, что противная позиція падаетъ, ея доказательства блѣднѣютъ, хотя черезъ моментъ можетъ оказаться и вздорность его. Въ такомъ приблизительно положеніи мы наблюдаемъ Феста предъ кесарійской депутаціей. Обвиненія соціально-политическаго характера не произвели на него сильнаго

впечатлѣнія: ап. Павелъ разсѣялъ ихъ, и прокураторъ понялъ почву, на которой стояли жалобщики въ этомъ случаѣ. Но вотъ они выдвигаютъ обвиненія религіозныя. Независимо отъ ихъ качества, римлянинъ, незнакомый съ сущностью вѣроисповѣдной разницы Павла и іудеевъ, долженъ былъ необходимо остановиться на нихъ своимъ вниманіемъ. Онъ слышитъ какія-то новыя слова, понятія, логическія заключенія, посылки которыхъ совершенно неизвѣстны ему, хочетъ разобраться во всей массѣ новаго матеріала, столь обильно, повидимому, представленнаго жалобщиками, но не можетъ понять, въ чемъ дѣло. Въ воображеніи его мелькаютъ недоконченныя фразы, будто сказанныя на совершеннно непонятномъ для него языкѣ, умъ силится проникнуть въ сущность спора, но оказывается безсильнымъ. Узникъ оправдывается, но, кажется, правда не на его сторонѣ, потому что противники укоряютъ его въ какихъ-то новшествахъ, извращеніяхъ смысла какихъ-то писаній и т. д. Однако, перейдемъ къ тексту, потому что прокураторъ самъ кое-что говоритъ относительно сказаннаго нами.

По словамъ Феста, въ присутствіи суда возникъ чисто-научный, богословскій споръ (ζητήματα—**Дн** XV, 2; XVIII, 15), предметомъ котораго было „ἰδία δεισιδαιμονία“, споръ членовъ депутаціи съ обвиняемымъ.

Авторитетный Gigas говоритъ, что споръ былъ *de propria religione*, передавая ἰδία δεισιδαιμονία опредѣленнымъ *religio*.

Терминъ δεισιδαιμονία имѣетъ два значенія: „боязнь божества“ и „религія, какъ суевѣріе“ [1]). Въ какомъ значеніи употребилъ римскій намѣстникъ этотъ терминъ предъ Агриппой?

Если-бы Фестъ соединялъ съ нимъ первый смыслъ, то онъ этимъ словомъ вообще характеризовалъ бы наличность у іудеевъ вѣры въ Трансцендентное Существо и признанія нравственнаго критерія за его волей. Наоборотъ, вторымъ значеніемъ онъ выразилъ бы свое личное отношеніе къ религіи іудеевъ, отношеніе отрицательное, такъ какъ, съ его точки зрѣнія, она пред-

[1]) Schirlitz, s. 89.

ставлялась бы просто суевѣріемъ, собраніемъ непровѣренныхъ разсудкомъ ряда заблужденій, индивидуальныхъ переживаній, снабженныхъ пробой сверхопытнаго значенія.

Большинство комментаторовъ (Felten, Meyer-Wendt и др.) принимаютъ δεισιδαιμονία въ первомъ значеніи и находятъ основаніе этого въ томъ, что Фестъ, какъ образованный римлянинъ, свѣтскій человѣкъ, не могъ позволить себѣ оскорбить въ присутствіи іудейскаго царя іудейскую же религію, назвавъ ее „суевѣріемъ“. Это было бы верхомъ невоспитанности и, конечно, невозможно уже по одному тому откровенному и искренно-дружественному обращенію Феста съ Агриппой, которое, мы видѣли выше, сквозило въ его посвященіи того въ свои личныя административно-судебныя дѣла. Если въ продолженіе многихъ дней Фестъ былъ съ Агриппой вмѣстѣ, бесѣдовалъ съ нимъ о своихъ дѣлахъ и впечатлѣніяхъ, посвящалъ въ особенно интересныя дѣла прокуратуры, то было бы совершенно неожиданно услышать отъ такого гостепріимнаго, радушнаго и тонко-воспитаннаго римлянина оскорбленіе въ лицѣ соотечественниковъ гостя. И уже, конечно, болѣе, чѣмъ странно, предполагать, что Фестъ видѣлъ въ Агриппѣ такого же язычника, какъ и онъ самъ (Lange-Lechler, s. 334). Онъ, несомнѣнно, не могъ забыть, что предъ нимъ іудейскій царь, представитель народности, которая была извѣстна именно за свои религіозныя вѣрованія, представлявшія для классическаго человѣка нѣчто непонятное въ силу своей какой-то особенной замкнутости, при которой и самая религіозная пропаганда іудеевъ получила своеобразный отпечатокъ [1]). Римскій прокураторъ не могъ забыть, что предъ нимъ блюститель и верховный выразитель религіозныхъ интересовъ именно іудейской націи, который, какъ бы ни былъ самъ лично индифферентенъ къ своей области, однако, почувствовалъ бы оскорбленіе, такъ сказать, по должности, даже—оскорбленіе гостя отъ хозяина.

Такимъ образомъ, по чисто психологическимъ основаніямъ Фестъ не могъ въ присутствіи Агриппы употребить терминъ

---

[1]) Ср. Schürer, III, s. 420 ff.; Kautsky, cit. op. s. 260 ff.

δεισιδαιμονία въ дурномъ смыслѣ, хотя бы лично и смотрѣлъ такъ на іудейскую религію.

Къ тому же результату мы придемъ, если посмотримъ на дѣло съ другой стороны.

На самомъ дѣлѣ, могъ ли Фестъ, какъ римлянинъ вѣка Августа, Тиверія и др., объективно, безъ національстической гордости, назвать іудейскую религію, вопросы научнаго богословія іудейства—суевѣріемъ?

Въ то время римское образованное общество въ области религіозныхъ вопросовъ представляло съ психологической стороны очень интересное явленіе. Римская религія въ собственномъ смыслѣ представляла жалкіе обломки послѣ критической работы раціонализированной, развитой въ сношеніяхъ со всѣмъ міромъ и знакомствѣ съ интеллектуальными богатствами востока и—отчасти—запада мысли. Національная религія была признана неудовлетворительной въ виду новыхъ и общественныхъ запросовъ, выдвинутыхъ на первый планъ расширеніемъ территоріальныхъ границъ римскаго государства. Римское государство постепенно начало дѣлаться интернаціональнымъ, терять свою классическую физіономію. Въ этомъ нивеллированіи римская религія также измѣнила свой узконаціональный характеръ, становилась болѣе эластичной и снисходительно смотрѣла на увлеченія своихъ адептовъ продуктами восточной философской мысли, болѣе углубленной съ теоретической стороны, чѣмъ узкопрактическая мысль Рима. Въ эту брешь съ теченіемъ времени широкой рѣкой полились чужеземныя вѣрованія, даже прямо цѣлые культы. Въ 43 году до Р. Х. тріумвиры строятъ храмъ Серапису и Изидѣ для открытаго культа, и почитаніе египетскихъ божествъ становится на ступень почти государственной обязательности. Нѣсколько позднѣе являются въ Римъ культы малоазійскіе, сирійскіе и персидскіе. Антоній ревностно заботится о распространеніи среди римскаго населенія почитанія сирійскаго бога солнца. Однако, ни одинъ культъ не пользовался такимъ широкимъ признаніемъ и симпатіями въ Римѣ, какъ персидскій культъ Миѳры съ его таинственными, полными захватывающаго интереса мистеріями, въ которыхъ участвовало все тогдашнее обра-

зованное общество. Болѣе внимательный анализъ содержанія этихъ культовъ открываетъ намъ причины ихъ успѣха въ Римѣ: они вполнѣ отвѣчали запросамъ римской религіозной души. Римлянинъ уже не удовлетворялся миѳологіей своихъ боговъ, безсодержательными повѣствованіями о подвигахъ боговъ и богинь, онъ искалъ всеобъединяющаго философскаго центра и практическаго содержанія, чтобы удовлетворить сознаніе своего безсилія и безпомощности, наряду съ нравственной нечистотой, среди міровыхъ явленій. Восточные культы именно и предлагали римскому обществу съ одной стороны монотеистическій элементъ въ своихъ религіозно-философскихъ построеніяхъ, а съ другой—свою практическую тенденцію очищенія грѣховной нечистоты и требованіемъ нравственной святости чрезъ ту или другую, быть можетъ, абсурдную аскезу [1]).

Но, говоря вообще, тому же самому отвѣчала и іудейская религія съ своимъ безусловнымъ монотеизмомъ и требованіемъ нравственной чистоты, которое было доведено до nec plus ultra.

Поэтому, мы вправѣ сказать, что Фестъ, какъ образованный римлянинъ, возможно, знакомый съ *общимъ* характеромъ и содержаніемъ іудейской религіи, не имѣлъ нравственнаго права называть ее суевѣріемъ, т.-е. принимать δεισιδαιμονία въ дурномъ смыслѣ, какъ комплексъ всякихъ абсурдныхъ измышленій. Въ этомъ же самомъ насъ убѣждаетъ и славяно-русскій авторизованный текстъ, передающій терминъ δεισιδαιμονία—„богопочитаніе“, въ какомъ, несомнѣнно, употребилъ его и ап. Павелъ предъ аѳинскимъ ареопагомъ (κατὰ πάντα ὡς δεισιδαιμονεστέρους ὑμᾶς θεωρῶ **Дн** XVII, 22), обращаясь къ грекамъ съ похвалой [2]).

Такимъ образомъ, прокураторъ употребилъ терминъ δεισιδαιμονία въ смыслѣ вообще религіи, спорные вопросы которой были предметами преній іудейской депутаціи съ ап. Павломъ. По его словамъ, іудеи спорили о своей религіи, но о чемъ именно, онъ не могъ понять, и только запомнилъ, что упоминалось имя Іисуса.

---

[1]) Schürer, III, s. 109 ff.; Kautsky, s. 165 ff.

[2]) См. **Addenda.**

Мы можемъ приблизительно догадаться о предметахъ этихъ преній.

Если обратиться къ содержанію посланія св. ап. Павла къ евреямъ, то нетрудно замѣтить, что все посланіе развиваетъ собственно тему о значеніи пришествія на землю Іисуса Христа, Сына Божія, и объ отношеніи принесеннаго Имъ благовѣстія къ Ветхому Завѣту. Апостолъ подробно говоритъ тамъ объ условіяхъ участія въ новомъ Царствіи, которое представляетъ собою не что-нибудь абсолютно новое, а только исполненіе уже предсказаннаго еще пророками отъ Господа. Онъ говоритъ о духовномъ характерѣ Новаго Завѣта и Скиніи, съ которою явился на землю Искупитель, доказываетъ преходящее значеніе Моисеева закона и его непониманіе іудеями. Ясно, конечно, что все это представляло собой кардинальнѣйшіе вопросы для іудея, который признавалъ своимъ критеріемъ только одинъ Законъ съ раввинскими толкованіями и жилъ мечтой о Мессіи, Котораго не призналъ въ Лицѣ Іисуса Христа.

Трудно, конечно, сказать, что всѣ эти вопросы и служили предметами преній депутаціи съ Павломъ, но очень возможно, даже необходимо предположить, что подъ ζητήματα.....περὶ τ. ἰδίας δεισιδαιμονίας Фестъ разумѣлъ споры о пониманіи ветхозавѣтныхъ пророчествъ въ примѣненіи къ Іисусу изъ Назарета, такъ какъ главнымъ соблазномъ для іудеевъ въ христіанскомъ ученіи было то, что его адепты признаютъ Мессіей этого Проповѣдника изъ Галилеи, столь позорно казненнаго на крестѣ. Имъ казалось невозможнымъ примѣнять пророческія черты къ этому, непризнанному Синедріономъ, Основателю новаго ученія, не смотря на явно неземной характеръ Его дѣйствій. Господь Іисусъ Христосъ и Его Апостолы старались показать повязку на глазахъ іудеевъ, которая мѣшаетъ имъ видѣть полное осуществленіе мессіанскихъ пророчествъ и надеждъ въ Новомъ Завѣтѣ. „Назорейская ересь“ была въ глазахъ іудеевъ совершенно безпочвеннымъ явленіемъ, не имѣвшимъ историческихъ корней, потому что ея адепты произвольно подложили ветхозавѣтныя пророчества подъ исторію дѣятельности своего главы. Отсюда, слѣдовательно, для іудеевъ особенно выпукло выступала неисторич-

ность христіанства, его случайный характеръ и преходящее значеніе, такъ какъ, по ихъ логикѣ, съ смертью Основателя кончилось и все Его дѣло. Поэтому, и проповѣдническая дѣятельность ап. Павла казалось имъ нарушеніемъ чисто логическихъ законовъ преемства явленій.

Такимъ образомъ, одна тема преній могла быть у Павла съ іудейской депутаціей, это—оправданіе историческаго христіанства, указаніе его генезиса на почвѣ анализа пророческаго матеріала съ указаніемъ реализаціи всего мессіанскаго въ Лицѣ и дѣятельности Іисуса Христа. Обсужденіе такой принципіальной разницы Фестъ и называетъ ζητήματα... τινα περὶ τῆς ἰδίας δεισιδαιμονίας. Онъ не могъ понять сущности спора и ограничился общей передачей его темы (ζητήματα... τινα).

Мы говорили, что терминъ δεισιδαιμονία прокураторъ употребилъ въ смыслѣ вообще религіи іудейской. Но этому, повидимому, противорѣчитъ его пренебрежительный тонъ, съ которымъ онъ произноситъ περί τινος Ἰησοῦ. Однако это не такъ. Если Фестъ изъ желанія не оказаться некорректнымъ въ отношеніи къ гостю употребилъ терминъ δεισιδαιμονία въ хорошемъ смыслѣ, то ему нечего было стѣсняться въ выраженіяхъ относительно личности, хотя и имѣющей что-то общее съ іудейской религіей, но не признанной церковнымъ авторитетомъ. Несомнѣнно, онъ не зналъ о Христѣ, иначе онъ не былъ бы такъ индифферентенъ къ „какому-то Іисусу“, который въ его воображеніи былъ просто какимъ-нибудь религіознымъ сектантомъ, проповѣдникомъ новаго ученія, какихъ въ то время появлялось очень много.

Св. Лука не говоритъ намъ, когда ап. Павелъ употребилъ имя Іисуса, но можно согласиться съ Felten'омъ, что св. Узникъ или самъ произнесъ это слово при своемъ исповѣданіи вѣры въ воскресеніе (**Дн** XXIV, 15, 21), или же эту вѣру поставили ему въ вину его враги. Несомнѣнно одно, что на судѣ тѣмъ или другимъ путемъ выяснилась принадлежность Павла къ Іисусу, который былъ обвиненъ іудеями за объявленіе Себя царемъ и за это осужденъ на распятіе, какъ въ нѣкоторомъ смыслѣ политическій преступникъ. Это и дало іудеямъ поводъ

поставить ему въ упрекъ его принадлежность къ обществу Распятаго и требовать отъ Феста его наказанія. Говоря объ Іисусѣ, какъ Основателѣ христіанства, Апостолъ не могъ, конечно, не сослаться для доказательства неслучайности Его дѣла на Его воскресеніе и Его духовное царство (Knabenbauer). Это въ настоящемъ случаѣ и дало возможность Фесту сказать Агриппѣ, что этотъ узникъ, очевидно, какой-то сектантъ, не совсѣмъ нормальный, который о явно умершемъ человѣкѣ говоритъ, что онъ живъ (Ἰησοῦ τεθνηκότος, ὃν ἔφασκεν ὁ Παῦλος ζῆν) Такая рѣчь была вполнѣ понятна въ устахъ римлянина, хотя и образованнаго, который, однако, былъ далекъ отъ такихъ высокихъ идей, какъ духовное царство, воскресеніе плоти, богочеловѣчество и пр. Такимъ образомъ, по словамъ Феста, іудейская депутація обвиняла Павла въ какихъ-то неправильныхъ взглядахъ на нѣкоторые богословскіе вопросы и въ упрямомъ (ἔφασκεν) констатированіи существованія человѣка, явно умершаго. Что же касается обвиненій въ особыхъ преступленіяхъ, дѣлавшихъ Павла опаснымъ человѣкомъ общества, изъ котораго его нужно удалить, то о нихъ не было и рѣчи, такъ что прокураторъ увидѣлъ себя въ положеніи некомпетентнаго судьи, который и долженъ былъ отказаться отъ дѣла.

Ст. 20—21.

20. ἀπορούμενος δὲ ἐγὼ εἰς τὴν περὶ τούτων ζήτησιν ἔλεγον, εἰ βούλοιτο πορεύεσθαι εἰς Ἱεροσόλυμα κἀκεῖ κρίνεσθαι [περὶ τούτων].

21. τοῦ δὲ Παύλου ἐπικαλεσαμένου τηρηθῆναι αὐτὸν εἰς τὴν τοῦ Σεβαστοῦ διάγνωσιν, ἐκέλευσα τηρεῖσθαι αὐτόν, ἕως οὗ ἀναπέμψω αὐτὸν πρὸς Καίσαρα“.

20. εἰς τὴν περὶ—CEL, εἰς опуск. ℵABHP *(de hujus modi quaestione* (ibus)—vulg. Gig.) | ἔλεγον *(interrogavit)*—Gig. | περὶ τούτων опуск. Gig.

21. τηρηθῆναι] τηρεῖσθαι C | πέμψο—HLP, *mittam*—vulg. *(remittam*—Gig.) | Blass указываетъ на запутанность и синтаксическую неправильность (съ ἐπικαλεῖσθαι не соединяется accus. c. infin.) придаточнаго предложенія—„τοῦ δὲ.....διάγνωσιν“

и предлагаетъ редакцію: „τότε ὁ Παῦλος ἐπεκαλέσατο τὸν Καίσαρα, καὶ ᾐτήσατο τηρηθῆναι αὐτὸν εἰς τὴν τοῦ Σεβαστοῦ διάγνωσιν. καὶ ἐπειδὴ αὐτὸν οὐκ ἐδυνάμην κρῖναι“, транскрибированную имъ съ лат. ред. Gigas: „*tunc P. appellavit Caesarem et petiit ut reservaretur ad Augusti cognitionem. Cumque eum non posset* (l.—em) *judicari ut remittam eum Caesari.*“

20. „Затрудняясь въ рѣшеніи этого вопроса, я сказалъ: хочетъ ли онъ идти въ Іерусалимъ и тамъ быть судимымъ въ этомъ?“

21. „Но какъ Павелъ потребовалъ, чтобы онъ оставленъ былъ на разсмотрѣніе Августово, то я велѣлъ содержать его подъ стражею до тѣхъ поръ, какъ отправлю его къ кесарю“.

Фестъ не прибавляетъ ничего новаго къ тому, что сказалъ ев. Лука о предложеніи прокуратора Павлу идти въ Іерусалимъ и его аппеллированіи (см. выше стр. 68 сл.).

Для Феста послѣ пріема іудейской депутаціи въ Кесаріи сдѣлалось ясно, что дѣло узника выходитъ изъ предѣловъ его компетенціи. Исходомъ изъ создавшагося положенія для него послужила просьба іудейскихъ представителей о переводѣ ап. Павла въ Іерусалимъ на судъ мѣстной спеціальной инстанціи—Синедріона, хотя, какъ мы видѣли выше, если бы онъ стоялъ на строго-юридической почвѣ, то долженъ бы былъ просто отпустить этого узника на свободу, а не передавать въ низшую инстанцію (см. выше стр. 74; ср. Knabenbauer, p. 410).

Въ нѣсколько пренебрежительномъ тонѣ онъ говоритъ, что Павелъ, вмѣсто отвѣта на вопросъ, аппеллировалъ къ Кесарю, заявивъ желаніе быть содержимымъ въ заключеніи (τηρηθῆναι Felten разсматриваетъ, не какъ infinit. цѣли, а какъ опредѣленіе содержанія аппелляціи) до судебнаго приговора (διάγνωσιν—Schirlitz, s. 94) Его Величества (τοῦ Σεβαστοῦ) [1]). Со-

[1]) Впервые Σεβαστός=Augustus было дано Сенатомъ Октавіану

гласно этому требованію, Фестъ приказалъ содержать Павла въ узахъ, пока не отправится транспортъ съ узниками въ Римъ, такъ какъ римскій законъ опредѣленно говорилъ: „integer, status esse videtur, provocatione interposita“ [1]).

Ст. 22.

Ἀγρίππας δὲ πρὸς τὸν Φῆστον. „Ἐβουλόμην καὶ αὐτὸς τοῦ ἀνθρώπου ἀκοῦσαι“. „Αὔριον“ φησὶν „ἀκούσῃ αὐτοῦ“.
Ἔφη—послѣ Φῆστ. CEHLP. | ὁ δὲ предъ αὔριον — CEHLP.
Аттич. греч. яз. для выраженія желанія посредствомъ особаго глагола имѣетъ двѣ формы: βουλοίμην ἄν—(желаніе исполнимое, скромно выраженное) и ἐβουλόμην ἄν (неисполнимое желаніе). Въ Н. З. обѣ эти формы смѣшиваются въ одну ἐβουλόμην или ἤθελον, какъ въ настоящемъ случаѣ, когда глаголъ ἐβουλόμην выражаетъ вполнѣ исполнимое желаніе (ср. Blass, *Grammat.* s. 202).

„Агриппа же сказалъ Фесту: хотѣлъ бы и я послушать этого человѣка. Завтра же, отвѣчалъ тотъ, услышишь его“.

Разсказъ намѣстника произвелъ впечатлѣніе на царя Агриппу.

Ясно, какъ предъ глазами, вырисовалась предъ нимъ картина ярости іудеевъ (ст. 24) даже противъ одного имени узника Павла....

Не скрылась отъ него также безплодность только что законченнаго суда.

Изъ словъ прокуратора Агриппа увидалъ, что, какъ бы ни старались іудеи искажать сущность настоящаго дѣла, было

и примѣнялось затѣмъ ко всѣмъ римскимъ императорамъ. Что касается Caesar, первоначально—имени Юліевъ, то оно было принято Октавіаномъ, какъ пріемнымъ сыномъ Юлія Цезаря и пріемнымъ сыномъ Октавіана Тиверіемъ, а отъ нихъ—ихъ преемниками. Felten, Wendt; vgl. Schürer, I, ss. 366_8, 719. См. **Addenda.**

[1]) *Digest.* XLIX, 7, 3 ср. выше стр. 25.

очевидно, что она состояла въ тонкостяхъ Моисеева Закона, а также въ вопросѣ о „какомъ-то Іисусѣ, о Которомъ ап. Павелъ говорилъ, что Онъ живъ“,—т. е. дѣло шло о предметахъ, не входившихъ въ сферу юрисдикціи римскаго надзора.

Что представлялъ собою въ то время царь Агриппа?

Мы видѣли выше, что царская власть въ Іудеѣ при римлянахъ постепенно теряла свое величіе, и св. ев. Лука, всегда точный историкъ, называетъ Агриппу II не „царемъ іудеевъ“, а просто „царемъ“, какъ бы подчеркивая номинальность и фиктивность этого титула, потерявшаго всякія политическія прерогативы. Римляне справедливо опасались оставлять послѣднія представителямъ туземнаго правившаго класса, такъ какъ по опыту знали, что такая власть можетъ быть оружіемъ противъ нихъ самихъ же. Но, заботясь о своемъ престижѣ въ покоренныхъ странахъ чрезъ сохраненіе титуловъ правящихъ классовъ, они оставляли имъ также такія прерогативы, которыя были совершенно безвредны для Рима.

Это самое мы видимъ въ лицѣ Агриппы II.

Этотъ послѣдній изъ дома Иродовъ не обладалъ никакой властью, онъ носилъ только титулъ, который давалъ ему право на участіе при торжественныхъ церемоніяхъ въ праздники. Что же касается собственно оффиціальнаго положенія въ ряду національныхъ іудейскихъ отношеній, то Агриппа II, по примѣру своихъ царственныхъ предшественниковъ, имѣлъ прикосновеніе къ храму и Синедріону. Въ 50 году [1]) онъ наслѣдовалъ отъ своего дяди Ирода Халкидскаго право охраненія храма съ его священными одеждами, которое усиливалось также правомъ назначать или, лучше сказать, утверждать синедріальные выборы кандидатовъ въ первосвященники [2]). Этимъ и исчерпывалось оффиціальное положеніе царя іудейскаго эпохи прокураторовъ, признанное Римомъ. Римъ вообще не вмѣшивался въ религіоз-

---

[1]) Schürer, 1, 587 ср. s. 723.

[2]) Jos. *Antt.* XX. V, 2; *B. J.* II, XII, 1 ср. *Antt.* XX, IX, 7: „ὁ βασιλεὺς δ' ἐπεπίστευτο... ὑπὸ Κλαυδίου Καίσαρος τὴν ἐπιμέλειαν τοῦ ἱεροῦ“. Ср. Schürer, 1, 482 f.

ныя отношенія покоренныхъ странъ, оставлялъ ихъ безъ измѣненій, такъ какъ отлично видѣлъ, насколько неопасно было, напр., указанное полномочіе іудейскихъ царей. Наукѣ извѣстны факты, которые достаточно рельефно рисуютъ отношеніе къ послѣднимъ ихъ, строго говоря, подчиненныхъ. Такъ, Агриппа II, по словамъ Іосифа Флавія, выстроилъ неподалеку отъ храма въ Іерусалимѣ высокое зданіе, несомнѣнно, съ намѣреніемъ наблюдать за всѣмъ совершавшимся въ Святилищѣ. Отвѣтомъ на это со стороны іерусалимскихъ старѣйшинъ была стѣна, воздвигнутая какъ разъ передъ окнами постройки Агриппы, совершенно загородившая видъ на храмъ и окружавшія строенія. И интересно, что ни Агриппа, ни прокураторъ не могли ничего сдѣлать противъ этого, такъ какъ имп. Неронъ въ угоду своей женѣ Поппеѣ, симпатизировавшей іудейской религіи, не только простилъ іудеямъ ихъ поступокъ, но и позволилъ оставить въ цѣлости стѣну предъ дворцомъ [1]). Ясно, такимъ образомъ, что народъ не очень считался съ своимъ „царемъ“, не смотря даже на то право назначать первосвященника, которымъ онъ былъ облеченъ отъ Рима. Но, несомнѣнно, что самъ Агриппа высоко ставилъ свои полномочія, и это особенно ярко выступило въ его заявленіи Фесту. Когда прокураторъ въ своемъ разсказѣ замѣтилъ: „ἀπορούμενος δὲ ἐγὼ εἰς τὴν περὶ τούτων ζήτησιν“ (ст. 20), такъ какъ дѣло касалось религіознаго объекта, то этого было достаточно, чтобы Агриппа понялъ все значеніе настоящаго момента. Черезъ признаніе прокураторомъ своей некомпетентности, была оставлена для царя іудейскаго возможность вмѣшаться въ дѣло Павла, даже въ качествѣ, такъ сказать, нѣкотораго эксперта или судьи, какой и при фиктивности власти можетъ обнаружить свою причастность къ дѣлу. Это льстило тщеславію призрачнаго царька Агриппы, этого позолоченнаго орудія сохраненія порядка для римлянъ [2]), и онъ скромно заявляетъ свое желаніе Фесту „послушать“ (ἀκοῦσαι), т. е. лично познакомиться съ узникомъ, о которомъ онъ, быть

---

[1]) *Antt. XX, VIII, 11.*

[2]) Фарраръ *Жизнь и труды св. ап. Павла*, стр. 667.

можетъ, уже раньше слышалъ (Felten), хотя книга **Дѣяній** и ничего не говоритъ объ этомъ.

Почтительность іудейскаго царя и вообще льстивость, выразившіяся уже въ одномъ визитѣ, склонили симпатіи Феста къ Агриппѣ, и онъ охотно соглашается на его желаніе, такъ какъ оно не противорѣчило римской судебной практикѣ, допускавшей видныхъ лицъ очень часто къ личному знакомству съ самыми страшными преступниками (см. объ этомъ ниже).

Весьма возможно, что уже въ своихъ словахъ „ἄϋριον ἀκούσῃ“ прокураторъ скрывалъ свою мысль—не поможетъ ли ему Агриппа, хорошо знакомый съ обычаями и тонкостями іудейскаго права и закона, въ составленіи litterae dimissoriae къ императору Нерону (ст. 26). Самъ онъ застигнутъ врасплохъ аппелляціей ап. Павла, не знаетъ, въ чемъ виноватъ тотъ, а долженъ, однако, аттестовать его Верховному Надзору, какъ преступника по jus publicum.

ГЛАВА IV.

Торжественное собраніе у Феста во дворцѣ. Рѣчь прокуратора къ собравшимся съ характеристикой дѣла Павла и обращеніе къ царю Агриппѣ съ особенной просьбой помочь ему въ составленіи litterae dimissoriae (**Дн** XXV, 23—27).

Ст. 23.

τῇ οὖν ἐπαύριον ἐλθόντος τοῦ Ἀγρίππα καὶ τῆς Βερνίκης μετὰ πολλῆς φαντασίας, καὶ εἰσελθόντων εἰς τὸ ἀκροατήριον, σὺν τε χιλιάρχοις καὶ ἀνδράσιν τοῖς κατ᾽ ἐξοχὴν τῆς [πόλεως, καὶ κελεύσαντος τοῦ Φήστου ἤχθη ὁ Παῦλος.

Blass недоволенъ конструкціей text. recept. и, пользуясь редакціями—сирской позднѣйшей и Gigas (XIII в.), даетъ свой переводъ: „πόλεως καὶ τοῖς καταβεβηκότες ἀπὸ τῆς ἐπαρχίας“ (по syr^{p} „*qui descendissent de provincia* [ср. у Knabenbauer'a, p. 408—полнѣе]) ἐκέλευσεν ὁ Φῆστος ἀχθ. τὸν Π“—(по syr^{p} и Gigas).

Темное сочетаніе—„τοῖς κατ᾽ ἐξοχὴν τῆς πόλεως разъясняется редакціей EHLP, ставящей послѣ ἐξοχήν—„οὖσι“—дат. п. прич. наст. вр. отъ глагола „εἰμί“, такъ что мысль становится понятной: „οἱ κατ᾽ ἐξοχὴν ὄντες τῆς πόλεως“, т. е. знатнѣйшіе люди города Кесаріи. Добавленіе ред. syr^{p}—„т. καταβεβ. ἀπὸ т. ἐπαρχίας“—вноситъ новую подробность, именно, что въ ἀκροατήριον были также нѣкоторые провинціалы, собравшіеся для поздравленія прокуратора (Knabenbauer, p. 410) или же вообще жители другихъ городовъ, попавшіе въ число гостей Феста [1]).

„На другой день, когда Агриппа и Вереника пришли съ великой пышностью и вошли въ судебную палату съ тысяченачальниками и знатнѣйшими гражданами, по приказанію Феста, приведенъ былъ Павелъ“.

---

[1]) Ср. Tregelles *The greek N. T.* London, 1870, p. 600.

На другой день послѣ разговора Феста съ Агриппой объ ап. Павлѣ царь іудейскій получилъ возможность познакомиться съ личностью знаменитаго узника.

Св. Дѣписатель не говоритъ, гдѣ состоялась эта знаменательная встрѣча двухъ іудеевъ, такъ какъ слово „ἀκροατήριον“ (встрѣчается въ Н. З. только здѣсь) указываетъ не на спеціальное зданіе, а на одну изъ залъ какого-то обширнаго помѣщенія, въ которой могли происходить всякія торжественныя собранія, пріемы и пр. Такимъ помѣщеніемъ въ Кесаріи былъ дворецъ прокуратора, построенный Иродомъ Великимъ (πραιτώριον τοῦ Ἡρώδου — **Дн** XXIII, 35). Намъ неизвѣстны ни размѣры, ни планъ этого зданія, но на основаніи того, что Иродъ вообще былъ страстный поклонникъ римской культуры и подражалъ въ своихъ строеніяхъ современной римской архитектурѣ [1]), мы можемъ не безъ основанія предполагать, что этотъ дворецъ не отличался въ своемъ планѣ отъ тогдашняго, такъ называемаго *эллинскаго* типа построекъ [2]). Этотъ послѣдній хорошо извѣстенъ намъ изъ сохранившихся почти той же эпохи домовъ Пансы и Саллюста въ Помпеѣ. Оба эти дома, по общепринятому взгляду, представляютъ господствовавшій тогда въ Римѣ и провинціяхъ стиль жилыхъ помѣщеній. Мы не будемъ подробно останавливаться на анализѣ указанныхъ построекъ, ограничимся въ своихъ цѣляхъ только схемой ихъ архитектуры [3]). Римскій домъ эпохи ап. Павла дѣлился обычно на двѣ части: переднюю, болѣе оффиціальную, которая назначалась для пріема хозяиномъ своихъ кліентовъ, разныхъ чиновныхъ лицъ, съ которыми тотъ совершалъ тѣ или другія сдѣлки и пр., и заднюю, назначавшуюся для интимной жизни семьи. Передняя часть носила названіе атріума, это было открытое сверху помѣщеніе или—точнѣе—зала съ устроеннымъ въ центрѣ водоемомъ для собиранія дождевой воды. Эта часть дома

---

[1]) Ср. Jos. *Bell. jud.* I, XXI, II.
[2]) Ср. Schürer, II, ss. 47 ff.
[3]) Lübke-Semrau *Die Kunst des Altertums*, Stuttgart. 1899, ss. 318 ff.

всегда бывала сравнительно небольшая, убранная, по этрусскому обычаю, очень просто, чтобы придать ей, такъ сказать, чисто дѣловой характеръ. Наоборотъ, задняя—перистиль—поражала своимъ греческимъ роскошнымъ убранствомъ, которое говорило о вкусѣ и богатствѣ хозяина. Очень часто она бывала окружена коллонадой (перистиль) изъ чуднаго мрамора, подчасъ покрытаго символическими и миѳологическими сюжетами мозаичными или фресочными [1]).—Несомнѣнно, что такой же планъ имѣлъ и дворецъ Ирода въ Кесаріи.

Является вопросъ: гдѣ же могло происходить то торжественное собраніе у Феста, на которомъ іудейскій царь Агриппа встрѣтился съ ап. Павломъ?

На первый взглядъ кажется правдоподобнымъ предположеніе, что своихъ высокихъ гостей римскій прокураторъ принялъ во второй половинѣ дома, болѣе роскошной и просторной, чѣмъ первая. Однако съ этимъ нельзя согласиться въ виду того, что эта половина, состоявшая обычно изъ множества комнатъ, группировавшихся около триклинія и таблинія, была назначена для сна и вообще помѣщенія членовъ семьи, такъ что ни одной изъ этихъ комнатъ нельзя было придать такой оффиціальный характеръ, который былъ необходимъ для пріема постороннихъ. Что же касается таблинія и триклинія, то первый былъ слишкомъ малъ, и его назначеніе—служить своего рода залой для фамильныхъ портретовъ и храненія разныхъ дѣловыхъ бумагъ—не позволяло обратить его въ пріемную залу. Второй—никогда не служилъ для оффиціальныхъ пріемовъ, потому что римляне въ очень рѣдкихъ случаяхъ приглашали къ домашнему столу (мы не говоримъ про званные обѣды, совершавшіеся въ первой части дома) публику. Остается предположить, что Фестъ могъ устроить собраніе въ передней половинѣ. Но противъ этого могутъ указать на небольшіе сравнительно размѣры ея, которые не позволяли большому стеченію публики. Отвѣтить на этотъ во-

---

[1]) Ср. F. Bénoit *L'Architecture. Antiquité.* Paris, 1911, pp. 452 sq.; Б. Флетчеръ *Исторія архитектуры.* Перев. съ англ. Т. I. СПБ. 1911, стр. 198 сл.

просъ мы можемъ только послѣ опредѣленія того, кто былъ на этомъ собраніи.

Агриппа и его сестра Вереника явились въ ἀκροατήριον съ большимъ блескомъ и помпой (μετὰ πολλῆς φαντασίας), соотвѣтствующей іудейскому царю (Baeda у Knabenbauer'a). Этотъ блескъ выражался, конечно, какъ въ роскошныхъ одеждахъ царственныхъ особъ, такъ и въ истинно царскомъ величіи, съ которымъ они вошли въ залу. Здѣсь, кромѣ прокуратора, были члены свиты Агриппы и Феста съ рѣзко выраженными національными особенностями одежды и вооруженія іудеевъ и римлянъ, начальники одной ala всадниковъ и пяти когортъ пѣхоты, находившихся тогда въ Кесаріи [1]). Наряду съ блескомъ позолоченныхъ шлемовъ и мѣдныхъ нагрудниковъ и латъ хиліарховъ и свитскихъ, между зрителями виднѣлись также штатскіе костюмы особенно знатныхъ лицъ г. Кесаріи (ἀνδράσιν τοῖς κατ' ἐξοχὴν τ. πόλεως) и окрестностей (если слѣдовать интерполяціи syr^{p} „τοῖς καταβεβηκότες ἀπὸ τῆς ἐπαρχίας"), которые, быть можетъ, случайно находились въ Кесаріи и получили приглашеніе, какъ лично знакомые прокуратора, на это торжественное собраніе, чтобы тѣмъ самымъ почтить іудейскаго царя. Этихъ послѣднихъ неоффиціальныхъ лицъ, конечно, не могло быть очень много, такъ какъ Фестъ еще не имѣлъ времени завести большихъ знакомствъ въ своей столицѣ и другихъ городахъ, и цифра 10—15, вѣроятно, приближается къ истинѣ. Изъ характера рѣчи Апостола видно, что, кромѣ Агриппы и Вереники, въ залѣ были еще іудеи (ср. **Дн** XXVI, 8 „ἄπιστον κρίνεται παρ' ὑμῖν"). Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдніе находились въ свитѣ іудейскаго царя и между знатнѣйшими г. Кесаріи и окрестностей. Но несомнѣнно, что между ними не было членовъ депутаціи, съ которой имѣлъ дѣло прокураторъ здѣсь въ Кесаріи,

---

[1]) χιλίαρχος собственно значитъ начальникъ отряда въ 500—1000 человѣкъ (когорты или ala), но употребляется также въ значеніи вообще военной власти, командира, напр. **Ін** XVIII, 12; **Дн** XXI, 31 и др. Слѣдовательно, въ залѣ было шесть-семь хиліарховъ. Ср. Schürer, I, ss. 458 ff., II, 209, An. 71.

такъ какъ иначе св. Дѣписатель отмѣтилъ бы это, и мы имѣли бы возможность видѣть, что эти фанатичные враги Апостола выступали и предъ своимъ царемъ противъ ненавистнаго проповѣдника. Однако, этого не было (ср. ст. 30 гл. XXVI—„ἀνέστη ὁ βασιλεὺς καὶ ὁ ἡγεμών, ἥ τε Βερνίκη, καὶ οἱ συγκαθήμενοι αὐτοῖς. . λέγοντες· Ὅτι οὐδὲν θανάτου ἄξιον ἢ δεσμῶν πράσσει ὁ ἄνθρωπος οὗτος“).

На основаніи приведенныхъ данныхъ мы можемъ сказать приблизительно точно, что на собраніи у Феста было не болѣе 40—50 человѣкъ. Такое немноголюдное собраніе, конечно, могло съ удобствомъ умѣститься въ atrium tuscanicum (передняя половина римскаго дома) прокураторскаго дворца, такъ какъ здѣсь, несомнѣнно, было достаточно мѣстъ и для сидѣнія (ср. **Дн** XXVI, 30 „ἀνέστη ὁ βασιλεὺς καὶ ὁ ἡγεμών, ἥ τε Βερνίκη, καὶ οἱ συγκαθήμενοι αὐτοῖς“), и вообще—оффиціальная обстановка, болѣе подходящая къ настоящему случаю. Здѣсь съ удобствомъ могли происходить различные пріемы и даваться рѣшенія по общественнымъ дѣламъ. Хотя св. Дѣписатель, несомнѣнно, присутствовавшій на этомъ собраніи, что́ видно изъ его очень детальнаго описанія обстановки, и не говоритъ, что нѣсколько дней назадъ въ этой залѣ происходилъ судъ надъ узникомъ при іудейскихъ представителяхъ, но можно это предположить безъ особенныхъ натяжекъ. Во всякомъ случаѣ, мы не можемъ согласиться съ Meyer-Wendt'омъ, который думаетъ, что подъ этимъ ἀκροατήριον разумѣется особая зала, *спеціально* отведенная подъ настоящій случай,—въ этомъ не было никакой надобности.

Такимъ образомъ, въ ἀκροατήριον собралось блестящее общество, представители разныхъ сословій, званій, и предъ ними іудейскій царь Агриппа могъ явиться съ помпой, какъ іудейскій царь въ должности духовнаго судьи, хотя и безъ рѣшающаго голоса (Olshausen, s. 294)...

И въ такой-то торжественной обстановкѣ, предъ такимъ блестящимъ обществомъ, знающимъ, что виновникомъ настоящаго собранія является какой-то Павелъ, узникъ изъ Іерусалима, по исповѣданію іудей, проповѣдующій о Какомъ-то Іисусѣ, появляется

онъ, закованный (XXVI, 29) въ узы, изможденный отъ долгаго пребыванія въ подземельяхъ тюрьмы.

Яркій солнечный свѣтъ, отражающійся на облицовкѣ стѣнъ залы и металлическихъ деталяхъ одежды военныхъ, нѣсколько ослѣпляетъ его. Онъ на мгновенье останавливается, но затѣмъ, по зову прокуратора, становится съ горящими глазами, одушевленный одной любовью къ Спасителю, которая, по слову Того, должна поставлять Его послѣдователей на проповѣдь предъ сильными міра сего (**Me** X, 18; **Mp** XIII, 9), готовый на все...

Ст. 24.

καὶ φησιν ὁ Φῆστος] „Ἀγρίππα βασιλεῦ καὶ πάντες οἱ συμπαρόντες ἡμῖν ἄνδρες, θεωρεῖτε τοῦτον, περὶ οὗ ἅπαν τὸ πλῆθος τῶν Ἰουδαίων ἐνέτυχόν μοι ἔν τε Ἱεροσολύμοις καὶ ἐνθάδε, βοῶντες μὴ δεῖν αὐτον ζῆν μηκέτι.

τοῦτον τὸν ἄνδρα— Gig.; мягче—text. rec. Редакція syr^{p} дополняетъ text. rec. нѣкоторыми интересными подробностями, касающимися содержанія требованій іудеевъ въ Іерусалимѣ: *ut traderem eum eis ad tormentum sine defensione* (версія богемская—petentes ut eum in mortem traderem). *Non potui autem tradere eum* (sed in accusat. non. pot. eum tradere—верс. бог.), *propter mandata, quae* (praeceptum quod—бог.) *habemus ab Augusto* (a Caesare—бог.). *Si autem quis eum accusaturus esset* (si quis autem velit eum eo judicio contendere—бог.), *dicebam, ut sequeretur me in Caesaream* (вмѣсто dic. и т. д. <sequatur eum> бог. верс.), *ubi custodiebatur* (опуск. бог. верс.). *Qui cum venissent, clamaverunt ut tolleretur e vita* (et acclamarunt non oportere—бог.—которая отсюда согласна съ text. rec. Blass.). Приведенную сирскую редакцію Blass такъ транскрибируетъ: „ἵνα παραδῶ αὐτὸν αὐτοῖς εἰς βάσανον (?) ανευ ἀπολογίας. οὐκ ἠδυνήθην δὲ παραδοῦναι αὐτόν, διὰ τὰς ἐντολὰς ἃς ἔχομεν παρὰ τοῦ Σεβαστοῦ. ἐὰν δὲ τις αὐτοῦ κατηγορεῖν βούληται, ἔλεγον ἵνα συνέλθῃ μοι εἰς Καισάρειαν, οὗ ἐφυλάσσετο. ἐλθόντες δὲ ἐβόησαν αἴρεσθαι αὐτόν“.

Gigas—*non opportet eum vivere.*

„И сказалъ Фестъ: царь Агриппа и всѣ присутствующіе съ нами мужи! вы видите того, противъ котораго все множество Іудеевъ приступали ко мнѣ въ Іерусалимѣ и здѣсь и кричали, что ему не должно болѣе жить“;

Св. Узникъ въ сопровожденіи солдатъ прокуратора останавливается посреди залы подъ пристальными взглядами зрителей. Фестъ, немного привставъ со своего сидѣнія, по римскому обычаю, открываетъ собраніе, обращаясь сначала къ Агриппѣ, какъ занимающему первое мѣсто, и, затѣмъ, къ остальной публикѣ. Онъ говоритъ публично совсѣмъ не то, что передавалъ частнымъ образомъ Агриппѣ, его рѣчь кратка и передаетъ только самые главные моменты процесса ап. Павла.

Прокураторъ обращается къ царю Агриппѣ и всѣмъ собравшимся „съ нами“ (т.-е. съ Фестомъ и съ Агриппой—συμπάρειμι—быть съ кѣмъ при чемъ) и говоритъ—„вы видите (θεωρεῖτε—indicat.—*videtis, quem videre voluistis,* Blass) предъ собой того, насчетъ кого все множество іудеевъ (ἅπαν τὸ πλῆθος—повидимому, находится въ противорѣчіи съ стт. 2 и 7, гдѣ рѣчь шла только о духовныхъ и свѣтскихъ представителяхъ отъ іудейскаго населенія. Но можетъ быть, что эту депутацію сопровождало не мало неоффиціальныхъ представителей, и вся эта толпа могла представиться Фесту, какъ выразительница общаго голоса іудеевъ [1])) являлось ко мнѣ (ἐνέτυχόν μοι—нужно отличать отъ ἐντυγχάνειν ὑπέρ—**Рим** VIII, 34; **Евр** VII, 25; дат. п. μοι означаетъ здѣсь общность при рѣшеніи или обсужденіи дѣла Павла (Meyer); что же касается plur. ἐνέτυχον и sing. ἐνέτυχεν—ВН, то подобное формальное согласованіе подлежащаго въ ед. ч. и сказуемаго во мн. ч. встрѣчается въ. **Дн** XVI, 22 въ редакціи D: „καὶ πολὺς ὄχλος συνεπέστησαν“, VI, 11 „πολύς τε ὄχλος τῶν ἱερῶν ὑπήκουον“) въ Іерусалимѣ и здѣсь, громко крича (syr^{p} относитъ это къ суду въ Кесаріи),

---

[1]) Арх. Михаилъ *Дѣянія свв. Апостоловъ*, Москва, 1876, стр. 590.

что онъ не долженъ жить (μὴ...μηκέτι — ср. VIII, 39—οὐκ..... οὐκέτι—усиливаетъ простое отрицаніе. Blass).

Редакція сирская (маргинальная) вставляетъ много подробностей (см. выше критич. аппаратъ). Она представляетъ собою, несомнѣнно, простую интерполяцію изъ разговора Феста съ Агриппой (стт. 15 и сл.), такъ какъ говоритъ, что іудеи просили передать имъ Павла *ad tormentum sine defensione* (—in mortem—бог. верс.), но прокураторъ отказалъ, потому что не могъ исполнить этого (бог. верс. in accusat. non. p. e. t.), вслѣдствіе инструкцій (praeceptum—бог. в.), какія были даны ему Августомъ (a Caesare—бог. в.). *Если же кто намѣренъ обвинять его* (si quis autem velit cum eo judicio contendere—бог. в.), *тотъ*, говорилъ Фестъ, *долженъ слѣдомъ отправиться за нимъ въ Кесарію, гдѣ содержался узникъ. Когда желающіе обвинять его пришли въ Кесарію, начали кричать, что нужно лишить его жизни.* Эта интерполяція, начинаясь со словъ „ἐνέτυχόν μοι ἔν τε Ἱεροσολύμοις“, разсказываетъ о томъ, что происходило въ Іерусалимѣ=стт. 2—5 и 15—16. Тамъ іудеи требовали предать имъ Павла на мученія и смерть (*ad tormentum* Blass переводитъ εἰς βάσανον въ соотвѣтствіи съ терминомъ **ев. Луки**, употребленнымъ имъ въ Евангеліи XVI, 23 и 28), но Фестъ отказалъ имъ, такъ какъ это выходило за рамки компетенціи іудейской юрисдикціи (**Ін** XVIII, 31).

Выраженіе syr^{p}—„tolleretur e vita“—Blass считаетъ параллелью „αἶρε ἀπὸ τῆς γῆς“ **Дн** XXII, 22 [1]).

Ст. 25.

ἐγὼ δὲ καταλαβόμενος μηδὲν ἄξιον αὐτὸν θανάτου πεπραχέναι, αὐτοῦ δὲ τούτου ἐπικαλεσαμένου τὸν Σεβαστόν, ἔκρινα πέμπειν.

---

[1]) Настоящая интерполяція относится къ VII вѣку, когда Ѳома Харкеленскій въ 616 году къ сирійской вульгатѣ, сравненной съ двумя греческими кодексами, прибавилъ свои собственныя чтенія съ характеромъ не корректуры текста, а толкованія его. Ср. Blass, p. 25 ff.; Knabenbauer, p. 21.

καταλ.] *HLP. Gig: κατελαβόμην ℵ^{c}ABCE | αὐτ. послѣ θαν. HLP, vulg^{clem} (Gigas послѣ ἐγὼ δέ; затѣмъ, θαν. ἄξ.) | καὶ αὐτ. δὲ HLP (Gig. съ проп. *autem ipso*) | *transmitti*—Gig., αὐτόν прибавл. EHLP. |

Редакція syr^{p}(mg) продолжаетъ текстъ: „*cum autem hanc et alteram partem audivissem, comperi quod in nullo reus esset mortis. Cum autem dicerem: Vis judicari cum iis Hierosolymae? Caesarem appellavit. De quo nihil certum scribere domino meo* (т. κυρ. μου даже редакц. syr^{p} съ интерполяціей въ текстѣ и нѣкоторыя минускулы) *habeo*=Blass перед.: „ἀκούσας δὲ ἀμφοτέρων, κατελαβόμην ἐν μηδενὶ ἔνοχον αὐτὸν θανάτου εἶναι. λέγοντος δέ μου· „Θέλεις κρίνεσθαι μετ᾽ αὐτῶν ἐν Ἱεροσολύμοις“· Καίσαρα ἀπεκαλέσατο“.

„но я нашелъ, что онъ не сдѣлалъ ничего достойнаго смерти, и какъ онъ самъ потребовалъ суда у Августа, то я рѣшилъ послать его къ нему;“

Не смотря на требованія и очень настойчивыя со стороны іудеевъ, Фестъ не нашелъ, что Павелъ сдѣлалъ что-нибудь достойное смерти. Интерполяція въ сирской редакціи приводитъ предложеніе прокуратора Павлу—отправиться въ Іерусалимъ для *суда* съ обвинителями. Это и объясняетъ, почему прямо послѣ констатированія невиновности узника со стороны римскаго трибунала (какъ представляетъ дѣло авторизованный текстъ) Апостолъ обращается съ аппелляціей къ Кесарю, которая и принуждаетъ Феста принять рѣшеніе послать Павла въ Римъ. Слѣдуетъ подчеркнуть тотъ особенно почтительный тонъ, съ которымъ Фестъ произноситъ имя Кесаря-Августа: Blass думаетъ, что первое было священно въ глазахъ римлянина, а не второе.

Ст. 26.

περὶ οὗ ἀσφαλές τι γράψαι τῷ κυρίῳ οὐκ ἔχω. διὸ προήγαγον αὐτὸν ἐφ᾽ ὑμῶν, καὶ μάλιστα ἐπὶ σοῦ, βασιλεῦ Ἀγρίππα, ὅπως τῆς ἀνακρίσεως γενομένης σχῶ τὶ γράψω.

τι ἀσφαλὲς γράψω—vulg. Gig.; τί γράψο—syr^{sch} | οὐχ εὑρίσκω—по Gig. | Ἀγρ. оп. Gig. | τι γράψαι **EHLP**.

„я не имѣю ничего вѣрнаго написать о немъ государю; посему привелъ его предъ васъ и особенно предъ тебя, царь Агриппа, дабы, по разсмотрѣніи, было мнѣ что написать“;

Изъ предшествующихъ словъ мы видѣли, въ какомъ искаженномъ видѣ передалъ Фестъ обстоятельства дѣла Павла въ Кесаріи. По его словамъ, св. Узникъ оказался невиновнымъ и, однако же, аппеллируетъ къ Кесарю. Невольно долженъ былъ возникнуть вопросъ о причинѣ такого actum ex abrupto, которую могли видѣть даже въ нѣкоторой ненормальности обвиняемаго: его оправдали, а онъ хочетъ продолжать судъ...

И интересно, что словами настоящаго стиха Фестъ оставляетъ своихъ слушателей въ томъ же недоумѣніи, даже, какъ бы хочетъ подчеркнуть, что и онъ, прокураторъ, не понимаетъ причины такой аппелляціи, почему и обращается къ присутствующимъ.

Такимъ образомъ, Фестъ совершенно мѣняетъ физіономію аппелляціи Апостола. Въ разговорѣ съ Агриппой онъ причину аппеллированія видѣлъ, несомнѣнно, въ нежеланіи обвиняемаго согласиться на разбирательство дѣла въ низшей инстанціи (ср. стт. 20—21); здѣсь же публично онъ скрываетъ свое незаконное предложеніе, потому что могъ встрѣтить протестъ со стороны присутствующихъ, и тѣмъ самымъ намѣренъ, несомнѣнно, оправдать свое затрудненіе въ опредѣленіи причины аппеллированія. Конечно, въ его постановкѣ дѣло Павла заканчивается по винѣ послѣдняго очень смѣшно: аппелляція вызывается не обстоятельствами самого дѣла, а какими-то личными соображеніями узника. Тотъ безъ всякаго повода вдругъ обращается къ такой экстраординарной мѣрѣ...

Конечно, при такомъ освѣщеніи присутствующіе были всецѣло на сторонѣ затрудненія прокуратора и были вполнѣ готовы помочь ему.

Итакъ, по словамъ Феста, съ формальной стороны процессъ ап. Павла, веденный по нормамъ римскаго права, кончился

аппеллированіемъ узника къ суду самого Кесаря. Фестъ не добавляетъ, eo ipso подразумѣваемой детали—обсужденія качества аппелляціи съ συμβούλιον (см. выше стр. 87 сл.), послѣ котораго св. Павла было рѣшено отправить подъ соотвѣтствующимъ экскортомъ въ Римъ (ἔκρινα πέμπειν). Но здѣсьто и возникло серьезное затрудненіе для praeses provinciae, о которой мы выше немного говорили (стр. 97 сл.). Дѣло въ томъ, что римское уголовное право требовало, въ случаѣ признанія положительнаго содержанія за аппелляціей, выдавать аппеллянту особую грамоту—litterae dimissoriae съ обозначеніемъ его вины, которую тотъ долженъ былъ доставить въ Верховный судъ со всѣми документами свидѣтельскихъ показаній, протокольныхъ записей и пр. (см. выше стр. 24, 87). Но въ чемъ была вина ап. Павла, для Феста было неясно (см. выше стр. 97, 114 сл.), не смотря на всѣ старанія іудеевъ представить того страшнымъ преступникомъ (стт. 7, 27). Теперь Фестъ пользуется настоящимъ случаемъ, когда предъ нимъ такое блестящее общество во главѣ съ оффиціально компетентнымъ въ іудейскихъ дѣлахъ царемъ Агриппой II, чтобы помогли ему въ составленіи apostoli. Трудно, разумѣется, сказать, въ чемъ именно ожидалъ прокураторъ помощи отъ присутствующихъ, но, судя по заключительнымъ словамъ Агриппы на этомъ собраніи (XXVI, 32), Фестъ ожидалъ подтвержденія своего заключенія о невиновности узника, что для него было важно въ качествѣ авторитетнаго голоса предъ высшей инстанціей.

Такъ, Фестъ публично обращается ко всему собранію и особенно къ царю Агриппѣ, какъ компетентному, вслѣдствіе своего происхожденія и положенія, въ дѣлахъ іудейскаго народа, что подчеркнетъ позже и самъ ап. Павелъ (XXVI, 3), и заявляетъ, что онъ не имѣетъ ничего вполнѣ опредѣленнаго и достовѣрнаго (ἀσφαλές τι—**Дн** XXI, 34) о винѣ узника, съ чемъ, въ качествѣ litterae dimissoriae, тотъ могъ бы явиться предъ Кесаремъ (κυρίῳ) [1]). Поэтому-то онъ вызвалъ его изъ

[1]) Такое названіе римскаго императора получило свое начало съ Калигулы, но Августъ, Тиверій и Александръ Северъ не приняли этого

тюрьмы (προήγαγον—ср. XVI, 30) и поставилъ предъ собраніемъ (ἐφ' ὑμῶν—ср. выше къ ст. 9 стр. 70 — ἐπ' ἐμου), чтобы послѣ обсужденія дѣла (ἀνάκρισις—ср. ἀνακρίνειν—IV, 9; XXIV, 8 и др.; это слово употреблено, несомнѣнно, не въ узко-юридическомъ смыслѣ разбора и рѣшенія дѣла, а скорѣе въ смыслѣ самаго общаго отвѣта на вопросъ—*„въ чемъ виновенъ этотъ человѣкъ“*? Blass) имѣть матеріалъ для письма Кесарю.

Ст. 27.

ἄλογον γάρ μοι δοκεῖ, πέμποντα δέσμιον μὴ καὶ τὰς κατ' αὐτου αἰτίας σημᾶναι“.

„Ибо мнѣ кажется, неразсудительно послать узника и не показать обвиненій на него“.

Фестъ поясняетъ, что̀ онъ разумѣлъ подъ ἀσφαλές: онъ считаетъ безсмысленнымъ (ἄλογον) посылать узника и не обозначить точно причинъ отсылки его (τὰς κατ' αὐτοῦ αἰτίας).

Говоря точнымъ юридическимъ языкомъ, прокураторъ, зная со словъ іудеевъ преступныя дѣянія Павла, не понимаетъ ихъ смысла и значенія, не знаетъ ихъ юридическаго эквивалента наказуемости и не можетъ доложить его императору.

Этимъ обращеніемъ Фестъ заканчиваетъ свою рѣчь, и наступаетъ новый, важный моментъ, когда обвиняемый св. Страдалецъ является въ роли апологета христіанства.

титула изъ нежеланія очутиться въ народномъ воображеніи на мѣстѣ божества. Домиціанъ охотно принялъ наименованіе dominus, и распоряженія его прокураторовъ обычно начинались такъ: „dominus et deus noster sic fieri jubet“. Friedländer *Sittengeschichte des Roms*, Leipzig, 1873, I. 6, ss. 442 ff.; Blas, pp. 115, 263; Knabenbauer, p. 411; Lange, s. 334. Deissmann подчеркиваетъ τῷ κυρίῳ, какъ доказательство полной историчности **Дн** XXV, 26. См. *Licht vom Osten*—Das N. T. und neuendeckte Texte der hellen.—röm. Welt. Tübing. 1905, s. 263. См. **Addenda.**

ГЛАВА V.

Царь Агриппа приглашаетъ ап. Павла высказаться о себѣ. Рѣчь св. Узника. Впечатлѣнія присутствующихъ (**Дн** XXVI глава).

Ст. 1.

Αγρίππας δε προς τον Παῦλον ἔφη· „ἐπιτρέπεταί σοι ὑπὲρ σεαυτοῦ λέγειν“. τότε ὁ [Παῦλος] ἐκτείνας τὴν χεῖρα ἀπελογεῖτο.

Послѣ ἐπιτρ.—γάρ по Gig. | ὑπέρ—BLP vulg.: περὶ ℵACEH, Gig. *(rationem reddere* [=ἀπολογεῖσθαι] *de te;* λεγ. ὑπ σ по vulg.) | ἐκτ. τ. χ послѣ ἀπελ. HLP. | *coepit rationem reddere*—vulg. Gig.; *dicens* прибавл. Gig. *syr*^{sch}. | *syr*^{p} (mg.)—*„tunc ipse P. confidens et in spiritu s. consolationem accipiens extendit manum“*,—Blass пер.: „Π. θαρρῶν καὶ ἐν τῷ ἁγίῳ πνεύματι παράκλησιν λαβών“.

„Агриппа сказалъ Павлу: позволяется тебѣ говорить за себя. Тогда Павелъ, простерши руку, сталъ говорить въ свое защищеніе“:

Царь Агриппа занимаетъ предсѣдательское мѣсто по своему высокому, хотя и номинальному титулу, и, какъ гость, получаетъ отъ хозяина честь быть первымъ,—открываетъ и закрываетъ это собраніе. Однако Агриппа сознаетъ свое нѣсколько неопредѣленное положеніе, положеніе безправнаго въ присутствіи римскаго прокуратора, который изъ любезности окружаетъ его такимъ почетомъ, и онъ говоритъ не ἐπιτρέπω σοι, а ἐπιτρέπεταί σοι, позволяя *(=мы согласны выслушать тебя;* ср. ст. 12—

ἐπιτροπῆς) тѣмъ самымъ отъ имени всего собранія Павлу выступить съ рѣчью о себѣ (περὶ σεαυτοῦ λέγειν, [ℵACEH], а не за себя, какъ передаетъ съ апологетическимъ оттѣнкомъ BLP vulg. „ὑπὲρ σεαυτοῦ“: Фестъ не нашелъ ничего достойнаго для наказанія по римскому праву, и теперь Павелъ выступаетъ не какъ обвиняемый [1]). См. ниже).

Ап. Павелъ протягиваетъ руку—обычный ораторскій жестъ, подчеркивающій торжественность настоящаго момента и необходимость вниманія со стороны публики, хотя на его рукахъ были цѣпи (ст. 29), впрочемъ не настолько тяжелыя, чтобы помѣшать этому движенію руки (ср. Calm. у Knabenbauer'a, p. 414 [2]), и начинаетъ свою „защиту“ (ἀπελογεῖτο = ἀπολογούμενος εἶπεν—Blass).

Мы должны болѣе подробно остановиться на этомъ послѣднемъ глаголѣ „ἀπολογεῖσθαι“, потому что отъ такого или иного пониманія его зависитъ также пониманіе *характера* настоящаго собранія, на которомъ мы намѣренно не останавливались доселѣ.

Мы уже встрѣчали глаголъ ἀπολογεῖσθαι съ значеніемъ—защищаться, оправдываться (XXV, 8). Въ какомъ смыслѣ употребляетъ его св. Лука въ настоящемъ стихѣ?

Понятіе защиты само собой предполагаетъ обвиненія, искъ и пр. аттрибуты судебнаго разбирательства. Основываясь на такомъ значеніи ἀπολογεῖσθαι, нѣкоторые видятъ въ настоящемъ собраніи у Феста именно это послѣднее, *вторичный судъ* надъ Апостоломъ, на которомъ еще разъ была подтверждена его невиновность [3]). Однако св. Лука употребляетъ этотъ гла-

---

[1]) Tischendorf читаетъ: „ἐπιτρέπεταί σοι περὶ σεαυτοῦ λέγειν“. См. его *Novum Testamentum Graece*. Ed. octava critica major. Vol. II, fasc. I. Lips. 1872, p. 223.

[2]) Ап. Павелъ дѣлаетъ этотъ жестъ безъ всякой аффектированности, обычной въ риторикѣ того времени (ср. Apul. *Metam.* II, p. 54: „porrigit dextram et ad instar oratorum conformat articulum, duobusque infimis conclusis digitis ceteros eminentes porrigit“—у Wendt'a), такъ какъ не гонится за дешевымъ успѣхомъ, а смотритъ на себя, какъ на исповѣдника Христа.

[3]) Фарраръ, цит соч. стр. 667.

голъ часто въ другомъ значеніи, въ смыслѣ простого, непосредственнаго рефлекса на то или другое раздраженіе со внѣ. Такъ, Спаситель учитъ своихъ учениковъ—„θέσθε οὖν εἰς τὰς καρδίας ὑμῶν μὴ προμελετᾶν ἀπολογηθῆναι“—**Лк** XXI, 14,—рѣчь идетъ не о судебномъ разбирательствѣ, процессѣ, а объ исповѣданіи Христа, отвѣтѣ гонителямъ и прочимъ врагамъ Его. Еще яснѣе выступаетъ это значеніе въ повѣствованіи ев. Луки о возмущеніи въ Эфесѣ Димитрія серебренника. Тамъ нѣкто Александръ, чтобы успокоить народъ, „ἤθελεν ἀπολογεῖσθαι τῷ δήμῳ“ (**Дн** XIX, 33). Ясно, конечно, что ἀπολογεῖσθαι въ этомъ послѣднемъ случаѣ имѣетъ значеніе „говорить“, „обращаться съ рѣчью“ и пр., но отнюдь не „защищаться“ и т. д.

Итакъ, ἀπολογεῖσθαι у св. ев. Луки встрѣчается также въ значеніи „отвѣчать“, „говорить“, „обращаться съ рѣчью“. И интересно, что съ такимъ значеніемъ и принимаетъ ἀπελογεῖτο въ анализируемомъ стихѣ Gigas: „*coepit rationem reddere*“. Посмотримъ на дѣло съ отрицательной стороны.

Выше мы говорили, что всякая аппелляція имѣла чисто *суспензивный эффектъ*, т. е. пріостанавливала, заканчивала судопроизводство въ низшей инстанціи и переносила дѣло въ высшую. Praeses низшаго суда уже не имѣла права давать оффиціальнаго приговора, рѣшенія, приводить въ исполненіе послѣднее и пр., такъ какъ аппеллянтъ выходилъ изъ сферы компетенціи ея и принадлежалъ къ высшему суду (см. стр. 23, 85, 88 и др.).

Слѣдовательно, судъ у прокуратора надъ Павломъ формально *совершенно кончился* съ момента аппеллированія, и римскій намѣстникъ уже не имѣлъ правъ судьи надъ нимъ, онъ могъ быть только полицейской властью, чтобы заключить его подъ стражу, охранять отъ возможныхъ несчастій и пр. И если бы Фестъ рѣшился вновь судить Апостола, то это равнялось бы вмѣшательству въ прерогативы высшаго судьи, т. е. было бы по существу незаконнымъ и невозможнымъ дѣломъ. Но самое главное, что не позволяетъ признать въ настоящемъ собраніи во дворцѣ у намѣстника судебное разбирательство съ

новымъ составомъ суда, это—своеобразность обстановки, въ которой пришлось вновь выступить св. Павлу. Прежде всего бросается въ глаза отсутствіе обвинителей, истцовъ: Агриппа открываетъ собраніе, даетъ узнику право голоса, тотъ говоритъ въ свою „защиту", его признаютъ невиновнымъ. Т. е., по логикѣ тѣхъ, кто желаетъ видѣть здѣсь судъ, выходитъ, что у намѣстника, въ этомъ случаѣ, при отсутствіи litis denuntiatio и первой половины litis contestatio, имѣла мѣсто вторая половина litis contestatio—возраженія отвѣтчика—и conclusio судьи—Агриппы. Но что же это за судъ? Это пародія на судъ, а не стройный римскій процессъ, который въ разбираемую эпоху своимъ центромъ имѣлъ litis denuntiatio лично отъ истца безъ подачи письменнаго заявленія [1]).

Въ настоящемъ собраніи у прокуратора истцовъ совсѣмъ не было: ни въ началѣ мы ихъ не видимъ, ни послѣ они не выступаютъ. Наоборотъ, въ концѣ рѣчи мы видимъ одобренія Павлу, констатированіе его невиновности (XXVI, 31) не только Агриппой, но и *всѣми* присутствующими, что, конечно, совершенно невозможно было бы услышать отъ тѣхъ страшныхъ враговъ его—іудеевъ, которые такъ жестоко обвиняли его (XXV, 7), требуя смерти этого ненавистнаго человѣка. Это доказываетъ, что на сей разъ не было никакихъ обвинителей, а тѣмъ болѣе—членовъ той депутаціи, которая пріѣзжала изъ Іерусалима.

Что же это было за собраніе?

Несомнѣнно, что оно было нѣсколько похоже на демонстрированіе богатыми и знатными римлянами какихъ-нибудь monstra. Въ республиканскомъ Римѣ, а отчасти въ періодъ императоровъ, существовала мода—приглашать на особенно торжественныя собранія въ салонахъ знатныхъ патриціевъ какихъ-нибудь знаменитыхъ философовъ и риторовъ, которые предъ блестящей публикой показывали свое искусство—или въ глубокомысленныхъ рѣчахъ говорить о ничтожныхъ предметахъ, или—въ моментъ вдохновляться и произносить цѣлыя поэмы. Особенными

---

[1]) См. Проф. Хвостовъ, цит. соч. стр. 423.

симпатіями и извѣстностью пользовались натуралисты и философы изъ Азіи, приводившіе въ восхищеніе своими спорами о религіи и пр. Нерѣдко также богатые римляне демонстрировали предъ своими гостями какихъ-нибудь необыкновенныхъ атлетовъ, борцовъ и пр. Плиній сообщаетъ о силачѣ Атлантѣ, носившемъ латы въ 500 фунтовъ (=327 нѣмецкихъ фунтовъ) и тяжелую обувь [1]).

Такимъ образомъ, настоящее собраніе у Феста съ такими высокими гостями, какъ царь Агриппа и Вереника, очень напоминало своей обстановкой торжественныя собранія въ салонахъ римскихъ аристократовъ, на которыхъ бывалъ Фестъ у себя на родинѣ. И, конечно, такому характеру собранія нисколько не противорѣчила та задняя мысль, которую Фестъ имѣлъ про себя—услышать сужденіе языческой и римофильствующей публики о политической безвредности религіозныхъ представленій Павла, что̀ Фестъ тонко, но очень выразительно подчеркнулъ въ своемъ обращеніи къ гостямъ словами — „προήγαγον αὐτὸν ἐφ' ὑμῶν“ (XXV, 26). Въ концѣ собранія, дѣйствительно, и произошло нѣкоторое совѣщаніе на эту тему (XXVI, 31). Однако, во всякомъ случаѣ, ближайшей цѣлью для прокуратора было обезпечить свой тылъ со стороны іудеевъ чрезъ мнѣніе римской публики и іудейскаго царя [2]).

Послѣ всего сказаннаго для насъ ясно, что ев. Лука употребилъ глаголъ „ἀπελογεῖτο“ въ смыслѣ—„началъ говорить“, а не въ смыслѣ защиты на судѣ.

Послѣ сравнительно подробнаго описанія мѣста, обстановки и даже положенія Апостола, св. ев. Лука излагаетъ рѣчь его, о которой Blass, знатокъ классическаго греческаго языка, говоритъ такъ: „oratio haec magnopere elaborata, conditioni rerum et moribus personarum accommodatissima, flumine et fervore eloquentiae praestans“ (p. 263).

---

[1]) Friedländer *Sittengeschichte* cit. op. II, 282 ff.; III, 372, ff.
[2]) Bethge *D. paulinischen Reden der. Apg.* Göttingen, 1887, *s.* 256.

Та подробность, классическая стройность и законченность, съ которой изложена эта сильная рѣчь, говорятъ сами собой за то, что ев. Лука, постоянный спутникъ Великаго Апостола языковъ, былъ съ нимъ и, полный самой нѣжной и самой горячей любви къ своему Учителю и Другу, постарался самымъ точнымъ образомъ воспроизвести этотъ замѣчательный образчикъ ораторскаго искусства св. Павла. Мы находимъ здѣсь и ясность общаго представленія предмета, величіе и тонкость религіозной философіи Апостола, вмѣстѣ съ его любовью къ народу Израильскому и пониманіемъ языческаго міра. Предъ нами въ тонкихъ чертахъ вырисовывается ликъ умнаго Апостола, просвѣщеннаго свыше, и смѣлаго миссіонера, тонкаго мыслителя и убѣжденнаго молитвенника, въ цѣломъ—съ царскимъ величіемъ излагающаго Евангеліе Царя царей и не боящагося земныхъ владыкъ Апостола.

Но если великъ авторъ этой замѣчательной рѣчи, то великъ и писатель, передавшій намъ въ такой отдѣланной формѣ мысли Павла, что, конечно, могъ сдѣлать только такой высоко-образованный классически и глубоко-вѣрующій христіанинъ, какимъ былъ ев. Лука... И когда послѣ онъ репродуцировалъ слова Великаго Апостола, несомнѣнно, предъ нимъ стоялъ, какъ живой, образъ этого Страдальца, какъ въ тотъ часъ, когда этотъ христіанскій философъ стоялъ предъ обществомъ въ Кесаріи [1]).

Еп. Михаилъ называетъ эту рѣчь „царственнымъ, побѣднымъ словомъ Апостола. Она направлена не столько къ личной самозащитѣ Апостола, сколько къ защитѣ всего дѣла, къ которому онъ призванъ и которое совершаетъ, къ защитѣ всего христіанства, какъ единственно истинной, царственной религіи между другими религіями. Оттого тонъ ея отъ начала до конца радостный, восторженный, побѣдный, съ сильными возвышенными порывами духа и особенной торжественностью въ выраженіи. Это — послѣдняя пространная рѣчь, произнесенная Великимъ Апостоломъ на священной почвѣ Палестины, послѣднее торжественное его здѣсь свидѣтельство о Христѣ, и этому послѣд-

[1]) Vgl. Bethge, cit. op. s. 259 ff.

нему свидѣтельству суждено было быть произнесеннымъ предъ именитыми представителями іудейства и язычества, которые со временемъ должны составить единое стадо подъ главенствомъ Единаго Пастыря“ [1]).

---

[1]) Михаилъ *Дѣянія свв. Апостоловъ*, Москва, 1876, стр. 592 сл.

ПРИСТУПЪ РѢЧИ АП. ПАВЛА (стт. 2—3).

Апостолъ проситъ Агриппу, какъ компетентнаго въ іудейскихъ отношеніяхъ, выслушать его.

Ст. 2.

Περὶ πάντων ὧν ἐγκαλοῦμαι ὑπὸ Ἰουδαίων, βασιλεῦ Ἀγρίππα, ἡγημαι ἐμαυτον μακάριον ἐπὶ σοῦ μέλλων σύμερον ἀπολογεῖσθαι,

„царь Агриппа! почитаю себя счастливымъ, что сегодня могу защищаться предъ тобою во всемъ, въ чемъ обвиняютъ меня Іудеи".

Ап. Павелъ обращается къ царю Агриппѣ, какъ предсѣдательствующему въ настоящемъ собраніи, съ выраженіемъ своего удовольствія, что имѣетъ возможность оправдаться предъ нимъ во всѣхъ обвиненіяхъ, какія возводятъ на него іудеи.

Обращаетъ на себя вниманіе употребленіе Павломъ въ своей рѣчи Ἰουδαῖοι (стт. 7 и 21) безъ члена. Этимъ онъ, конечно, хочетъ подчеркнуть, что имѣетъ въ виду жалобы на него не отдѣльныхъ лицъ, даже не жалобы депутаціи къ Фесту, а обвиненія, какія возводили на него вообще іудеи, какъ представители извѣстныхъ религіозныхъ воззрѣній, съ точки зрѣнія которыхъ онъ оказывался преступникомъ. Само собою разумѣется, что подъ этимъ оправданіемъ Апостолъ понималъ ἀπολογεῖσθαι въ указанномъ нами выше смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ вообще отвѣта

на вопросъ „*кто онъ и чему служитъ*“. Онъ отлично понималъ, что настоящее собраніе не есть новый судъ надъ нимъ, а скорѣе—частное выслушаніе дѣла, удовлетвореніе любопытства знатныхъ особъ, нѣчто въ родѣ случайнаго зрѣлища для увеселенія царственныхъ гостей и городской аристократіи [1]). Обстановку собранія онъ считаетъ способной высказаться о немъ, потому что во главѣ ея находится царь іудеевъ, лицо, конечно, компетентное, которое можетъ свободно разобраться въ принципіальной разницѣ между представителемъ „назорейской ереси“ (XXIV, 5) и его обвинителями.

Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ о характерѣ обращенія Апостола: „Павелъ съ дерзновеніемъ начинаетъ говорить и называетъ себя счастливымъ, не изъ ласкательства, но потому, что говоритъ предъ человѣкомъ, которому все извѣстно“ [2]). Θеофилактъ Болгарскій повторяетъ за Вселенскимъ Учителемъ: „сказалъ это (ἤγ. ἑμαυτ....απολογ.) не для того, чтобы лестью привлечь его на свою сторону, нѣтъ, но хотѣлъ расположить его своею кротостью. Отчасти и расположилъ и привлекъ судью, между тѣмъ, какъ считалъ себя раньше осужденнымъ“ [3]). Въ чемъ же компетентнымъ считалъ Апостолъ Агриппу?

Ст. 3.

μάλιστα γνώστην ὄντα σε πάντων τῶν κατὰ Ἰουδαίους ἐθῶν τε καὶ ζητημάτων ἐπιστάμενος· διὸ δέομαι μακροθύμως ἀκοῦσαί μου.

πάντων опуск. A, Gig | ἐπιστάμενος (ср. XXIV, 10) опуск. ℵ* BEH, vulg. (*maxime te sciente*), Gig. (неправ. maxime cognitos hos mores et sectam et quaestiones legis qui ap. Jud. sunt) σου послѣ δέομαι CHLP. | См. **Addenda**.

---

[1]) Николинъ *Дѣянія свв. Апостоловъ*, Сергіевъ Посадъ. 1895, стр. 73.

[2]) Златоустъ *Бесѣды на Дѣянія*, стр 370.

[3]) Migne *Patrolog. curs. compl*, ser. gr. t. 125, col. 822.

Конструкцію γνώστην ὄντα послѣ ἐπί σου (ст. 2) Knabenbauer находитъ тяжелой, легкость которой придаетъ ἐπιστάμενος (Златоустъ, Ѳеофилактъ этого слова не имѣютъ; Икуменій имѣетъ). Примѣры подобныхъ неправильностей мы находимъ и у хорошихъ греческихъ стилистовъ. Несомнѣнно, что здѣсь причастіе ὄντα служитъ дополненіемъ ἐπί σου. Интересное объясненіе настоящей неправ. предлагаетъ Felten. Онъ объясняетъ эту конструкцію анаколуѳомъ, который, по Blass'у, свободно и очень часто употребляется ап. Павломъ: онъ не соблюдаетъ первоначальнаго строя фразы и прибѣгаетъ къ причастію (ср. Blass *Gram.* s. 276 ff.). Такъ, въ настоящемъ случаѣ, вмѣсто родительнаго же, какъ продолженіе ἐπί σου, ап. Павелъ употребляетъ accusat. причастія, тогда какъ винит., вмѣсто ἐπί σου, совершенно измѣнилъ бы смыслъ рѣчи (Felten, s. 444, An. 3). Olshausen конструируетъ, вмѣсто ὄντα, ὄντος (s. 235).

„тѣмъ болѣе, что ты знаешь всѣ обычаи и спорныя мнѣнія Іудеевъ".

Ап. Павелъ называетъ царя Агриппу компетентнымъ въ принципахъ своей распри съ іудеями, потому что, несомнѣнно, былъ хорошо знакомъ съ этой стороны съ нимъ. Выше мы видѣли, что Агриппа получилъ образованіе и воспитаніе въ Римѣ, какъ вообще всѣ иродіане, но, конечно, онъ не могъ остаться безъ вліянія со стороны своего отца—Агриппы I, который былъ извѣстенъ своей приверженностью къ іудейскому закону писанному и устному [1]). Для иллюстраціи этого достаточно вспомнить, напр., его старанія отмѣнить распоряженіе имп. Каія—поставить свою статую въ Святилищѣ іерусалимскаго храма, протестъ противъ желанія финикійской молодежи сдѣлать то же самое въ еврейской синагогѣ, частую смѣну

[1]) *Antt.* XIX, VII, 3.

первосвященниковъ, чтобы дать народу благочестивыхъ и честныхъ блюстителей церковнаго порядка [1]). Несомнѣнно, хотя документально это неизвѣстно, что Агриппа I старался дать сыну своему тщательное воспитаніе въ томъ же іудейскомъ духѣ, такъ какъ видѣлъ въ немъ своего преемника на тронѣ Асмонеевъ и понималъ необходимость ознакомленія его съ іудейскими внутренними отношеніями. Само собою разумѣется, конечно, что о вполнѣ іудейско-національномъ воспитаніи не могло быть и рѣчи въ виду римофильства этого „великаго Агриппы", какъ называетъ его Іосифъ [2]).

Возможно, что γνώστης ап. Павелъ относитъ не столько къ дѣйствительной компетенціи царя Агриппы, сколько къ его оффиціальному положенію царя іудеевъ, въ вѣдѣніи котораго послѣ политическаго разгрома Іудеи римлянами остались полномочія блюстителя церковныхъ интересовъ страны. [3]) Какъ іудей по происхожденію, онъ, во всякомъ случаѣ, зналъ нравы, обычаи практической жизни соотечественниковъ (ἐθῶν) и спорные богословскіе вопросы законничества (ζητημάτων—ср. Gigas: „*...hos mores et sectam et quaestiones legis*"). Талмудъ подтверждаетъ его хорошее знакомство съ моисеевымъ закономъ, которое онъ не разъ обнаруживалъ въ нужныхъ случаяхъ [4]). Однако, и эта оффиціальная компетентность Агриппы радуетъ Павла, онъ чувствуетъ, что его рѣчь будетъ имѣть извѣстное значеніе въ глазахъ людей, знакомыхъ съ вопросами, о какихъ шелъ споръ у него съ іудейскими законниками. Апостолъ надѣется, что факты и логическая прямота заставятъ слушателей согласиться съ нимъ и признать несправедливость нападокъ іудеевъ.

---

[1]) Ср. св. Добронравовъ, *Гоненіе Ирода Агриппы на христ.* Сергіевъ Пос. 1911, стр. 59—65, 71—75, 80.

[2]) *Antt.* XVIII, V, 1.

[3]) См. **Addenda.**

[4]) Lange, Bethge; ср. Schürer, I, 591.

Онъ смѣло выступаетъ, потому что, какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, „если бы Павелъ сознавалъ что-нибудь за собой, то, конечно, пришелъ бы въ страхъ, выходя на судъ предъ человѣкомъ, которому все извѣстно: но совѣсть его чиста, потому онъ и не отрекается явиться предъ судію, хорошо знающаго дѣло, а еще считаетъ себя счастливымъ“ [1]). Согласно съ этими словами св. Отца Церкви, слово μάλιστα слѣдуетъ относить не къ γνώστης, какъ того хотѣлъ бы Meyer (Lange), а къ μακάριον. Особеннаго знатока въ настоящемъ случаѣ не было, но былъ человѣкъ, знакомый съ спорными вопросами, это и заставляло Апостола чувствовать себя счастливымъ (μακάριον), что онъ не очутится въ положеніи говорящаго на вѣтеръ, какъ то было предъ Фестомъ (Дн. XXV, 19—20).

Не смотря на пурпурный плащъ прокуратора, связки прутьевъ ликторовъ, мечи легіонеровъ, блистательное оружіе тысяченачальниковъ, св. Узникъ не смутился. Съ спокойнымъ, яснымъ взоромъ смотрѣлъ онъ на блестящую публику, видѣлъ только Агриппу съ его іудейской свитой, какъ людей, для него въ настоящемъ случаѣ наиболѣе интересныхъ, и ровнымъ голосомъ говорилъ о своемъ Вѣчномъ Учителѣ. Изъ его ораторской позы, манеръ и спокойнаго голоса можно было видѣть, что онъ считалъ настоящее собраніе не судебнымъ засѣданіемъ, а, такъ сказать, богословско-ученымъ засѣданіемъ. На немъ онъ является не узникомъ, не жертвой іудейской ненависти и коварства, а равноправнымъ членомъ, котораго просятъ высказаться περὶ σεαυτοῦ, не за себя, не въ свою защиту, это излишне,—а просятъ раскрыть свою религіозную и житейскую физіономію. Рѣчь Павла, дѣйствительно, произведеніе не судебнаго, а философско-богословскаго краснорѣчія, и если онъ говоритъ, что стоитъ на судѣ (ст. 6), то этимъ подчеркиваетъ свое угнетенное положеніе.

---

[1]) *Бесѣды на Дѣянія*, цит. изд. стр. 371.

Апостолъ собирается не отвѣты давать—лаконическіе и глубокіе, какихъ требовала римская юриспруденція, а выяснять подробно вопросъ о своей личности, и поэтому обращается къ Агриппѣ (ср. σου послѣ δέομαι—CHLP) съ просьбой (δέομαι), какъ это дѣлали всѣ ораторы Аттики (Blass)—дать ему время (μακροθύμως ἀκοῦσαί μου) на продолжительную рѣчь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Христіанство—надежда Израиля (Ст. 4—8).

Ст. 4.

Павелъ въ юности благочестивый іудей.

τὴν μὲν οὖν βίωσίν μου τὴν ἐκ νεότητος [τὴν ἀπ' ἀρχῆς] γενομένην ἐν τῷ ἔθνει μου ἐν [τε] Ἱεροσολύμοις ἴσασι πάντες Ἰουδαῖοι

μὲν οὖν—безъ противоположенія (Blass), обозначаетъ просто переходъ (Knabenbauer). Ἰουδαῖοι—безъ члена, какъ ст. 2, 3, 7, 21, согласно аттикамъ (Blass).

Wendt считаетъ τὴν ἀπ' ἀρχ.—Ἱερ. прагматическимъ эпексегезомъ выраженія „τὴν βίωσ. μου ἐκ νεότητος“, такъ что все это служитъ обоснованіемъ ἴσασι.

„Жизнь мою отъ юности моей, которую сначала проводилъ я среди народа моего въ Іерусалимѣ, знаютъ всѣ Іудеи“;

Чрезъ всю настоящую рѣчь ап. Павла проходитъ идея, что христіанство есть исполненіе всѣхъ надеждъ Израиля. Этимъ само собою намѣчалось, что въ его апологіи рѣчь будетъ не о новой религіи, но о *новой формѣ*, въ какой оказалась реализованной израильская религія.

Однако, здѣсь самъ собою являлся вопросъ: если Апостолъ хочетъ доказать это, то дѣйствительно ли онъ настолько компетентенъ въ израильской религіи и имѣетъ то религіозное чувство, которое начало свое получило въ Ветхомъ Завѣтѣ? Быть можетъ, чуждый израильской ре-

лигіи, онъ ошибочно новый міръ мыслей хочетъ разсматривать, какъ ея завершеніе?

Чтобы доказать свое право на полное довѣріе къ себѣ въ этомъ отношеніи, ему не оставалось ничего больше, какъ обратиться, такъ сказать, къ фактической сторонѣ своей личности. Этотъ путь былъ наиболѣе вѣрный, потому что основывался на идеѣ очевидности. Ап. Павелъ обращается къ самому началу своей жизни и, въ сущности, повторяетъ то, что уже говорилъ въ Синедріонѣ (**Дн** XXIII, 6 ср. XXII, 3). Его жизнь (βίωσις), точнѣе—принципы жизни, выработанные самимъ субъектомъ на почвѣ опредѣленнаго критерія, какимъ въ настоящемъ случаѣ была отечественная религія (ср. Knabenbauer), была на виду у всѣхъ іудеевъ, такъ какъ въ раннемъ возрастѣ онъ явился изъ Тарса Киликійскаго—своей родины—„къ ногамъ Гамаліила“, т. е. въ его школу въ Іерусалимѣ (**Дн** XXII, 3) [1]). Тамъ онъ возрасталъ въ почтеніи къ своимъ предкамъ и чрезъ это становился защитникомъ національныхъ религіозныхъ идеаловъ и традицій. Такъ, онъ жилъ среди своего народа (ἐν τῷ ἔθνει μου), который ему дорогъ, и онъ съ гордостью считаетъ себя іудеемъ, такъ что и обращеніе ко Христу ничего не измѣнило въ его національной физіономіи [2]).

Въ этой школѣ знаменитаго раввина Павелъ успѣвалъ въ изученіи „отеческихъ преданій“ (**Галат** 1, 14), т. е. раввинистическихъ традицій, и былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ ревностныхъ іудеевъ,—„по правдѣ законной непорочнъ“ (**Фил** III, 6), отвѣчая вполнѣ идеалу іудейскаго благочестія [3]). Въ то время Гамаліилъ пользовался большимъ вліяніемъ въ высшихъ кругахъ іудейскаго общества. Талмудъ называетъ его главой Синедріона, онъ съ честью занималъ мѣсто своего отца Симеона—сына Гиллела—и за свою ученость былъ прозванъ въ отличіе отъ прочихъ

[1]) Ср. Schürer, II, ss. 425 ff.
Bethge *D. Paulin. Red. d. Apg.*, *s.* 265.
См. **Addenda.**

раввиновъ—*равваномъ*. Быть въ школѣ этого вѣрнаго стража и переводчика Кабалы и слушать его уроки считалось самой лучшей рекомендаціей для молодыхъ фарисеевъ [1]). Около этого маститаго старца всегда было избранное общество, цвѣтъ іудаизма, и неудивительно поэтому, что фарисей изъ Тарса Савлъ вращался въ высшихъ кругахъ іерусалимской знати, какъ молодой ученый, чрезвычайныя дарованія котораго скоро выдвинули изъ среды такихъ же учениковъ знаменитаго раввина. Безукоризненная жизнь (1 Тим 1, 3) и вѣрность раввинистическимъ традиціямъ гарантировали ему вниманіе со стороны знатнѣйшихъ соотечественниковъ и вообще извѣстность въ народѣ.

Такимъ образомъ, результатомъ его ученія у Гамаліила, гдѣ изъ него постепенно вырабатывался фанатикъ-іудей, была популярность въ глазахъ народа въ Іудеѣ вообще (ἐν τῷ ἔθνει μου) и въ самомъ священномъ городѣ въ частности (ἐν Ἱεροσολύμοις), гдѣ, конечно, пользовались особымъ вниманіемъ молодые ученые, подававшіе надежду на будущее.

Такъ, ап. Павелъ предупреждаетъ недовѣріе къ себѣ, какъ судьѣ израильской религіи, указывая, что онъ хорошо знакомъ съ ней теоретически съ уроковъ знаменитаго Гамаліила, практически—благодаря жизни въ Іерусалимѣ, этомъ центрѣ тогдашняго іудейскаго законничества, гдѣ онъ впитывалъ въ себя духъ послѣдняго [2]).

Конечно, это фактическое доказательство, основанное на полной очевидности, должно было быть сильнѣйшимъ аргументомъ и расположить довѣріе къ нему со стороны присутствующихъ царя Агриппы и іудеевъ. Не могли же они сказать, что не знаютъ этого знаменитаго Савла, который изъ религіозныхъ убѣжденій участвовалъ въ побіеніи камнями св. Стефана, и котораго Синедріонъ за осо-

---

[1]) Johan. Lightfoot, *Horae hebraicae et talmudicae in Acta Apostolorum*, Amstelodami, 1679. pp. 38a, 74 a.

[2]) Ср. J. Hastings *Dictionary of the Bible*, vol. III, 1900, p. 698.

бую ревность въ дѣлахъ благочестія послалъ съ спеціальнымъ порученіемъ въ Дамаскъ. Изъ сказаннаго ясно, что своими словами βίωσιν ἀπ' ἀρχῆς св. Павелъ сильнѣе, чѣмъ ἐκ νεότητος, выражаетъ: 1) *какъ давно знаютъ его іудеи*, 2) *гдѣ они узнали его*, и на 3) вопросъ—*кѣмъ они его знали*—онъ даетъ отвѣтъ въ дальнѣйшихъ словахъ.

Ст. 5.

προγινόσκοντές με ανωθεν, ἐὰν θέλωσι μαρτυρεῖν, ὅτι κατὰ τὴν ἀκριβεστάτην αἵρεσιν τῆς ἡμετέρας θρησκείας ἔζησα Φαρισαῖος.

ἄν. με προγ —Gig. | αἵρ. τῶν Φαρισαίων εζησα—опуск. остальн.—syr ^{sch} | semper vixi — Ph. Gig.

Ἄνωθεν точнѣе опредѣляетъ γινόσκ., наряду съ предлог. προ: „они знали Павла уже ранѣе, а не только со времени настоящей встрѣчи, и именно ἄνωθεν, съ самаго начала (Лк 1, 3), что́, такъ какъ относится къ знанію, а не къ ἔζησα, не можетъ значить: о моемъ поведеніи“ (Meyer — Wendt, ср Blass—„ante hoc tempus ab initio“).

„они издавна знаютъ обо мнѣ, если захотятъ свидѣтельствовать, что я жилъ фарисеемъ по строжайшему въ нашемъ вѣроисповѣданіи ученію“.

Св. Апостолъ въ довольно сжатой и даже нѣсколько непонятной [1]) формѣ опредѣляетъ тотъ родъ своей жизни, который былъ извѣстенъ іудеямъ съ самыхъ первыхъ моментовъ,—это фарисейство.

Обращаетъ на себя вниманіе употребленіе προ (γιν) и ἄνωθεν. Несомнѣнно, что первое указываетъ вообще на знакомство съ Павломъ іудеевъ еще *до встрѣчи* съ нимъ на прокураторскомъ судѣ въ Кесаріи, тогда какъ ἄνωθεν

---

[1]) Blass предлагаетъ предъ ἐὰν θέλωσι добавить ὥστε μαρτυρεῖν δύνασθαι, такъ какъ иначе, дѣйствительно, неясна связь προγινόσκ. съ ἐὰν.... и ὅτι. ..

подчеркиваетъ, что іудеи не выпускали его изъ виду все время, пока онъ былъ фарисеемъ. Слѣдовательно, προ говоритъ вообще объ извѣстности предыдущей жизни Павла, т. е. фарисейства, а ἄνωθεν, что послѣднее съ самыхъ первыхъ шаговъ его и до этого момента было на виду у соотечественниковъ: въ настоящемъ случаѣ ἄνωθεν однозначуще съ ἄνωθεν Лк 1, 3—„παρηκολουθηκότι ἄνωθεν πᾶσιν“.

Указанное обстоятельство даетъ Павлу основаніе заявить, что если бы іудеи захотѣли, то могли бы подтвердить его слова, хотя ἐάν съ сослагательн. θέλωσι говоритъ о нетвердой увѣренности оратора въ томъ, что они не откажутъ въ этомъ. Обвинители, конечно, помнятъ его ренегатство и не позволятъ себѣ предъ судьей поддержать своего врага. Наоборотъ, если бы они были вполнѣ объективны, то должны были бы подтвердить, что онъ жилъ (ἔζησα=βίωσιν—указываетъ на ревностное исполненіе соотвѣтствующихъ жизненныхъ принциповъ) идеями самой строгой секты (ἀκριβεστάτην αἵρεσιν). Является вопросъ, почему Апостолъ такъ аттестуетъ фарисейство? Наоборотъ, мы знаемъ, какъ обличалъ Господь гордость, лицемѣріе и пр. пороки фарисеевъ....

Несомнѣнно, что превосходная степень ἀκριβεστατην взята Апостоломъ сравнительно съ другой сектой іудейства—саддукейской, съ которой фарисейство находилось не только въ исторической, но и идейно-теологической борьбѣ. Мы не будемъ касаться этой послѣдней, обстоятельно обслѣдованной свящ. Добронравовымъ [1]), а обратимся къ краткой характеристикѣ практической идеологіи фарисейства, чтобы понять смыслъ употребленнаго Павломъ эпитета.

Послѣ обращенія въ христіанство, ап. Павелъ не могъ симпатизировать саддукейству, помимо всякихъ партійныхъ разсчетовъ, потому что оно находилось въ прямой и совершенной противоположности съ ученіемъ Христа

---

[1]) *Гоненіе Ирода Агриппы на христіанъ*, стр. 3—43.

На самомъ дѣлѣ, отрицаніе воскресенія было его отличительнымъ признакомъ, который, правда, базировался всецѣло на В. З., имѣвшемъ только намеки на воскресеніе и безсмертіе (**Мѳ** XXII, 23; **Мр** XII, 18; **Лк** XX, 27; **Дн** XXIII, 8; *Antt.* XVIII, 1, 4). Съ другой стороны, нравственная физіономія саддукеевъ также могла быть только предметомъ отвращенія для христіанина. Благодаря исторически сложившимся условіямъ, саддукейская аристократія захватила въ свои руки въ разсматриваемую эпоху почти всѣ административно-соціальныя и церковныя должности. Первосвященническая власть навсегда перешла къ саддукеямъ, хотя они не имѣли никакого авторитета въ глазахъ народа и не пользовались ни малѣйшимъ уваженіемъ. Однако, и эти аристократы іудейскіе платили ему тѣмъ же: они презирали народъ и старались только объ одномъ укрѣпленіи своего положенія предъ римлянами. Имъ недороги были національно-религіозныя чаянія и интересы, и они слишкомъ безцеремонно относились къ храму и всему священному: первосвященникъ Анна устроилъ около храма лавки для продажи жертвенныхъ животныхъ, отъ чего получалъ порядочную прибыль. По свидѣтельству іудейскаго историка, они не останавливались ни предъ чѣмъ для пополненія своихъ доходовъ, насильно отнимали у священниковъ ихъ десятину, грабили руками своихъ слугъ и т. д. И замѣчательно то, что такіе возмутительные факты не были исключеніями, мы не знаемъ саддукеевъ, подобныхъ Гамаліилу, Никодиму, все саддукейство представляло собой одну пародію на священное сословіе іудеевъ, это была алчная до наживы и чести толпа аристократовъ, не стѣсняющаяся средствами и готовая на все [1]).

Въ совершенно иномъ свѣтѣ представлялось тогдашнее фарисейство.

Уже одно происхожденіе фарисеевъ отъ Асидеевъ, вѣр-

---

[1]) См. у Добронравова, стр. 3, 25, 33—34, 37.

ныхъ блюстителей закона, говорило за отличительный характеръ ихъ доктрины впослѣдствіи. Дѣйствительно, оттѣсненные саддукеями отъ первыхъ мѣстъ, подвергавшіеся оффиціальнымъ запрещеніямъ, фарисеи обратились къ закону, какъ единственному источнику для освобожденія отъ тѣхъ злоключеній, которыя постигли родину. Они видѣли въ послѣднихъ кару Господню за отступленіе отъ Іеговы и своей цѣлью поставили возрожденіе закона, расширеніе его объема для примѣненія къ той соціально-исторической обстановкѣ, въ какой очутились іудеи послѣ плѣна. Отсюда, работа надъ закономъ, изученіе и объясненіе его сдѣлались raison d'être'омъ фарисеевъ. Законъ сталъ ихъ главнымъ религіозно-нравственнымъ критеріемъ, и, по свидѣтельству Іосифа Флавія, они отличались высокой нравственностью, нестяжательностью, чрезъ что снискали въ народѣ уваженіе и довѣріе. Можно было сказать, что добродѣтель была ихъ душевной атмосферой, которую они старательно проповѣдывали въ своихъ школахъ и публичныхъ объясненіяхъ закона [1]).

Ихъ участіе въ политикѣ выражалось чисто отрицательно чрезъ богословско-философское обоснованіе тезиса, что политика мѣшаетъ изученію закона, которымъ долженъ заниматься каждый правовѣрный. Правда, они жили политическими идеалами, какіе долженъ осуществить Мессія, но эти идеалы ничего общаго не имѣли съ саддукейскими чаяніями. По словамъ свящ. Добронравова, „характеръ мессіанскаго царствованія представлялся (фарисеямъ) не столько политическимъ, по крайней мѣрѣ, лучшимъ умамъ того времени, сколько нравственнымъ“ [2]). И этимъ въ значительной степени фарисеи были обязаны, конечно, признанію именно того, что отрицали саддукеи,—признанію духа, воскресенія, Промысла и пр. Они ожидали Царства Божія на землѣ, воцаренія принциповъ святости, справед-

---

[1]) *Antt.* XVIII, 1, 3.

[2]) Цит. соч. стр. 20.

ливости, истины, милости. И поэтому-то, ученіе Христа не всегда отрицалось ими: Спаситель прямо сказалъ одному изъ фарисеевъ—„недалекъ ты отъ Царствія Божія“, потому что тотъ отъ имени своей доктрины призналъ Его ученіе о любви (**Мѳ** XXII 34,—40; **Мр** XII, 28—34). По ученію раввиновъ, эта заповѣдь обнимала весь законъ, и когда однажды къ знаменитому раввину Гиллелю пришелъ какой-то іудей и просилъ научить *всему* закону, тотъ отвѣчалъ: „не дѣлай ближнему того, что тебѣ непріятно“ [1]).

Мы привели краткую характеристику идейнаго фарисейства, какъ оно представлялось въ вѣкъ Павла. Но само собой понятно, что бывали очень рѣзкія уклоненія отъ такой нормы, крайности, которыя вызывали отвращеніе даже у самихъ фарисеевъ. Такъ, напр., вавилонскій Талмудъ слѣдующимъ образомъ классифицируетъ фарисеевъ: „1) шехемитъ-фарисей, повинующійся закону изъ собственнаго интереса; 2) никфи-фарисей, спотыкающійся, якобы столь смиренный, что не хочетъ и ноги своей поднять отъ земли и потому постоянно спотыкается о камни; 3) кипай-окровавленный фарисей, постоянно ранящій себя о стѣны, потому что настолько скроменъ, что не ходитъ съ открытыми глазами, чтобы не увидать женщину; 4) медоркія-подбѣленный фарисей, закрывающій свои глаза какъ бы известкой, съ тою же самою цѣлью; 5) фарисей подъ названіемъ—скажи мнѣ еще обязанность, и я исполню ее; 6) боязливый фарисей, повинующійся закону только изъ страха наказанія за неисполненіе; и только одинъ классъ 7) составляютъ фарисеи любви, повинующіеся Богу только потому, что любятъ Его всѣмъ сердцемъ“ [2]).

Вотъ именно такихъ-то лицемѣровъ и бичевалъ Господь въ своихъ проповѣдяхъ и прещеніяхъ. Но что Онъ не осуждалъ поголовно всего фарисейства, это косвенно

---

[1]) Добронравовъ, стр. 28—29.
[2]) Ibid. стр. 31, прим.

можно видѣть изъ того, что фарисеи не обижались этими порицаніями, не препятствовали Ему проповѣдывать въ своихъ синагогахъ, приглашали Его къ себѣ, признавали Его чудеса, предупреждали Его о посягательствахъ Ирода и пр. (Лк XIII, 31; Ін III, 2).

Сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы признать, что фарисейство было религіозно-нравственной доктриной, которая слѣдила за выполненіемъ предписаній Закона и Талмуда. Она не упускала изъ вниманія самыхъ мелочныхъ правилъ, старалась найти возможность примѣнить ихъ въ жизни, и такъ какъ послѣдняя протестовала противъ бездушнаго остова Закона, то фарисеи прибѣгали ко всякимъ толкованіямъ, софизмамъ, чтобы только исполнить Законъ. Отсюда—тотъ громадный матеріалъ толкованій, мнѣній раввиновъ и пр., которымъ забивали себѣ фарисеи голову, забывая самый текстъ Моисеевой Торы. И если саддукеи очень часто свободно относились къ предписаніямъ Закона, то ихъ противники считали обязательнымъ знать и исполнять всю эту массу законничества, считая, что если бы весь народъ хотя разъ исполнилъ вполнѣ какое-нибудь одно постановленіе Закона, страна освободилась бы отъ всѣхъ политическихъ несчастій. Поэтому такъ строго относились фарисеи къ нарушителямъ Торы и Талмуда, считая ихъ національными преступниками [1]).

Вернемся къ словамъ ап. Павла. „Ученіе фарисеевъ Апостолъ называетъ строжайшимъ (ἀκριβεστάτην) въ еврейскомъ исповѣданіи ученіемъ, и оно дѣйствительно было таково въ своемъ чистомъ видѣ, какъ чисто консервативное ученіе объ истинахъ вѣры (сравнительно, напр., съ саддукейскимъ ученіемъ). Правда, оно доходило уже до крайностей въ толкованіи нѣкоторыхъ постановленій Закона (Мѳ. XV, 3 сл.) и въ примѣненіи нѣкоторыхъ законныхъ постановленій къ жизни (Мк. VII, 3 сл.), но самыя эти крайности вытекали изъ строгости ученія, и притомъ

[1]) См. обстоятельную статью Sieffert'a въ Herzog-Hauck *Realencyclopädie*, XV³, Leipzig, 1904, s. 289 f.

Апостолъ говоритъ не о крайностяхъ, а объ общемъ. Лицемѣріе, гордость и другіе пороки жизни, за которые столь строго судилъ фарисеевъ Господь Іисусъ Христосъ, были злоупотребленіемъ строгостью ученія и притомъ относились къ частнымъ членамъ секты фарисеевъ, а не ко всей сектѣ самой въ себѣ; лучшіе представители секты были и строги и честны (напр. Никодимъ, Гамаліилъ); во всякомъ случаѣ, Апостолъ могъ назвать ученіе этой секты строжайшимъ въ добромъ значеніи этого слова. Таковъ, какъ помянутые представители этой секты, былъ, безъ сомнѣнія, и Савлъ, когда принадлежалъ къ ней“ [1]). Апостолъ называетъ фарисейство сектой „нашей“ (=іудейской—ἡμετέρας) религіи и тѣмъ самымъ еще разъ подчеркиваетъ свою національностическую солидарность съ іудейскимъ народомъ. Что̀ касается примѣненія къ іудейской религіи термина θρησκείας, то Bethge видитъ въ этомъ указаніе Павла прежде всего на практическое благочестивое поведеніе, отношеніе къ Богу (р. 266).

Итакъ, мало того, что жизнь Павла съ момента переселенія въ Іерусалимъ изъ Тарса Киликійскаго была на виду у іудеевъ, они видѣли его жизнь и въ позднѣйшій періодъ, когда онъ уже юношей и взрослымъ былъ въ сектѣ фарисеевъ и слылъ тамъ за ревностнѣйшаго выразителя идей и предписаній этой секты. Этимъ самымъ, конечно, Апостолъ достаточно аргументировалъ свое право быть компетентнымъ относительно іудейской религіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ собою слѣдовалъ и иной выводъ. Іудеи обвиняли его, какъ бунтовщика, но „какъ—перефразируетъ св. Іоаннъ Златоустъ слова св. Апостола—какъ я могъ сдѣлаться возмутителемъ, если, будучи еще молодъ, пользовался добрымъ мнѣніемъ у всѣхъ? Далѣе подтверждаетъ слова свои, указывая на свою секту: по извѣстной ереси нашей вѣры я жилъ. И такъ какъ опять иной могъ бы сказать, хотя секта достойна уваже-

---

[1]) Еп. Михаилъ цит соч. стр. 594 сл.; ср. Арх. Иннокентій, IX, 361 сл.

нія, но ты нехорошъ,—смотри, какъ онъ предупреждаетъ такое возраженіе: призываетъ во свидѣтели всѣхъ іудеевъ, знавшихъ его жизнь и обращеніе“ [1]).

Ст. 6.

Христіанство исполнило надежды Израиля.

καὶ νῦν ἐπ᾽ ἐλπίδι τῆς εἰς τοὺς πατέρας [ἡμῶν] ἐπαγγελίας γενομένης ὑπὸ τοῦ Θεοῦ ἕστηκα κρινόμενος.

εἰς (вмѣсто πρός CHLP, какъ **Дн** XIII, 32) по ℵABE, Tisch., T., W. a. H.

πατέρας ἡμῶν—по ℵABCE, Tisch., T., W. a. H., опуск. **Дн** XIII, 32.

„И нынѣ я стою предъ судомъ за надежду на обѣтованіе, данное отъ Бога нашимъ отцамъ.“

Ап. Павелъ доказалъ свое право на довѣріе слушателей въ вопросѣ о компетентности въ іудейской религіи. Онъ жилъ по принципамъ самой строгой іудейской секты, былъ знатокомъ Закона и Талмуда, пользовался полнымъ довѣріемъ руководителей церковной жизнью, что́ могутъ подтвердить и многіе изъ его слушателей-іудеевъ.

Казалось бы, что все это должно было создать ему особенно почетное положеніе среди современниковъ, поставить его наряду съ знаменитыми раввинами и учителями Синагоги. Однако, цѣпи на рукахъ и римскій конвой говорятъ обратное.

Въ чемъ же причина столь неожиданнаго исхода?

Быть можетъ, Павелъ, до этого времени—ревностный фарисей, отказался отъ іудейской религіи, пошелъ противъ ея принциповъ, началъ проповѣдывать что-то новое, несогласное съ ея духомъ? Быть можетъ, онъ возсталъ противъ столповъ іудейства—Моисея, пророковъ, выступилъ на борьбу съ ихъ идеями?

[1]) Златоустъ *Бесѣды на Дѣянія*, стр. 371—372.

Нѣтъ, ни въ чемъ такомъ Павелъ невиновенъ [1]).

Причина его узничества лежитъ именно въ преданности его Закону и пророкамъ В. З.

Апостолъ твердо заявляетъ, что „надежда на обѣтованіе нашимъ отцамъ“ (ἐπ᾽ ἐλπίδι τῆς εἰς τοὺς πατέρας [ἡμῶν] ἐπαγγελίας γενομένης) привела его къ настоящему тяжелому положенію узника. Онъ не опредѣляетъ точнѣе сущность этого обѣтованія, потому что постепенно подходитъ къ нему, переходя отъ общаго къ болѣе частному. Но несомнѣнно одно, что если это обѣтованіе косвеннымъ путемъ способствовало узамъ Павла, оно въ идеологіи іудейства представляется весьма важнымъ, въ параллельныхъ къ настоящему мѣстахъ онъ самъ, однако, опредѣляетъ его содержаніе.

Въ своей рѣчи въ Антіохіи Писидійской Павелъ говорилъ: „мы благовѣствуемъ вамъ, что обѣтованіе (ἐπαγ-

---

[1]) Этотъ неожиданный переходъ ев. Лука отмѣчаетъ посредствомъ καὶ νῦν, какое сочетаніе у него встрѣчается въ случаяхъ противоположенія (ср. Дн VII, 34; X, 5; XX, 25; XXII, 16), а не только—продолженія темы безъ перемѣны тона рѣчи. Въ настоящемъ случаѣ, послѣ эпическаго склада, спокойнаго изложенія Павелъ, очевидно, хочетъ вызвать удивленіе у слушателей: „я былъ“—какъ бы говоритъ онъ—„ярымъ защитникомъ іудейской религіи, а теперь—представители ея заковали меня въ цѣпи“. И для обозначенія причины послѣдняго ев. Лука употребляетъ очень интересное выраженіе „ἐπ᾽ ἐλπίδι“ и т. д. Какой смыслъ имѣть здѣсь предлогъ „ἐπί“?

Съ дат. пад. ἐπί у Луки обычно употребляется въ болѣе общемъ смыслѣ для обозначенія причины, основанія, напр.: Лк IV, 4 „οὐκ ἐπ᾽ ἄρτῳ μόνῳ ζήσεται ὁ ἄνθρωπος“,—Дн 11, 38—„βαπτισθήτω ἕκαστος ὑμῶν ἐπὶ τῷ ὀνόματι Ἰησ. Χρ.“, IV, 17—„μηκέτι λαλεῖν ἐπὶ τῷ ὀνόματι τούτῳ μηδενὶ ἀνθρώπων“ и т. п. Поэтому, мы имѣемъ право и въ настоящемъ случаѣ перевести ἐπ᾽ ἐλπίδι—„изъ-за надежды“, тѣмъ болѣе, что, согласно Blass'у, ἐπί съ дат. п. употребляется при выраженіяхъ аффектовъ (*Grammat.* s. 134), а Апостолъ, какъ мы видѣли, здѣсь, конечно, аффектируетъ своихъ слушателей такимъ рѣзкимъ противоположеніемъ своей ранѣйшей жизни въ „законничествѣ“—настоящему узничеству. То и другое при всей внѣшней противоположности находятся, однако, какъ увидимъ, во внутреннемъ единствѣ.

γελία), данное отцамъ, Богъ исполнилъ намъ, дѣтямъ ихъ, воскресивъ Іисуса“ (**Дн** XIII, 32). Въ этихъ словахъ обращаютъ на себя вниманіе имя Іисусъ, а не Мессія, и воскресеніе Его Богомъ, т. е., иначе говоря, Апостолъ имѣетъ въ виду здѣсь историческую личность—Іисуса изъ Назарета, Котораго іудейство въ лицѣ своихъ выразителей и учителей-фарисеевъ, главнымъ образомъ, не признало Христомъ. Онъ беретъ главный фактъ изъ жизни на землѣ Его—воскресеніе, которымъ была подчеркнута, съ одной стороны, Его Божественная природа, а съ другой—исполненіе чрезъ это ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Слѣдовательно, можно сказать, что сущность обѣтованія отцамъ или—точнѣе—самое обѣтованіе онъ видѣлъ въ воскресеніи Христа. Въ другомъ параллельномъ мѣстѣ—въ рѣчи предъ прокураторомъ Феликсомъ Павелъ объясняетъ: „за ученіе о воскресеніи мертвыхъ меня судятъ“ (**Дн** XXIV, 21). Является вопросъ, за какое же ученіе о воскресеніи онъ подвергается нападкамъ? Здѣсь не можетъ разумѣться вообще воскресеніе, потому что его главные враги—фарисеи, какъ мы видѣли выше (стр. 159), признавали всеобщее воскресеніе, но, нужно добавить, только отодвигали его къ концу дней (**Дан** XII, 13), относили къ вѣку будущему и отрицали для настоящаго, потому что не имѣли въ В. З. яснаго ученія объ этомъ [1]). Остается, такимъ образомъ, предположить, что въ словахъ предъ Феликсомъ Павелъ разумѣлъ свое ученіе объ индивидуальномъ, частичномъ воскресеніи, начало которому было положено воскресеніемъ Христа. Дѣйствительно, если мы обратимся къ господствовавшей тогда мессіанской идеологіи фарисеевъ, то увидимъ, что даже логическая схема послѣдней исключала этотъ моментъ. По представленіямъ

---

[1]) Проф. Глубоковскій *Обращеніе Савла*, СПБ. 1896, стр. 9; ср. Schurer, II, 391—396, 547—551; Hastings, III, p. 826; IV, p. 232. Ниже будетъ подробная рѣчь объ эсхатологическихъ представленіяхъ іудеевъ эпохи ап. Павла.

законниковъ, двѣ черты характеризуютъ царство Мессіи: это—его вѣчность и нравственно-политическій характеръ. Мессія придетъ, уничтожитъ иго римлянъ, подчинитъ евреямъ всѣ народы, проведетъ въ жизнь человѣчества начала правды, милости, справедливости и пр. и будетъ царствовать въ своемъ народѣ вѣчно, къ какому времени всѣ умершіе воскреснутъ. Конечно, христіанская идея личнаго воскресенія Мессіи была противна фарисейской мессіологіи, она врывалась въ нее и пробивала брешь признаніемъ возможности для Христа смерти. И если Павелъ въ понятіе ἐπαγγελία о Мессіи включаетъ, какъ кардинальный, моментъ Его воскресенія, то, несомнѣнно, дѣлаетъ это потому, что имѣетъ въ виду не столько самый фактъ пришествія, сколько связанное съ нимъ освобожденіе человѣчества отъ узъ грѣха, смерти и діавола, которое могло быть совершено только чрезъ смерть и воскресеніе Ходатая Новаго Завѣта (ср. **Евр** IX, 15 и сл.). Воскресеніе Христа, а не законъ, которому такъ скрупулезно были преданы фарисеи (выше стр. 161) [1]), дало возможность человѣку вернуть свое вѣчное κληρονομία (тамъ же).

Такимъ образомъ, глубокая, принципіальная разница была между представленіями фарисеевъ и Апостола Языковъ. Эта-то разница и привела его на судъ.

Слѣдовательно, въ анализируемомъ стихѣ подъ ἐπαγγελία разумѣется весь комплексъ народу іудейскому обѣтованій, сущностью которыхъ представлялась ап. Павлу крестная смерть и воскресеніе Мессіи. Надежда на это обѣтованіе, которая въ моментъ рѣчи Павла была уже для него вѣрой, и послужила причиной ожесточенныхъ нападокъ на него со стороны іудеевъ. Ниже мы подробнѣе коснемся этого, теперь же перейдемъ къ отвѣту на вопросъ: какъ относилось современное іудейство къ этой вѣрѣ въ исполненіе обѣтованія Божія?

---

[1]) См. у Hastings, III, 825.

Ст. 7.

εἰς ἣν τὸ δωδεκάφυλον ἡμῶν ἐν ἐκτενείᾳ νυκτα καὶ ἡμέραν λατρεῦον ἐλπίζει καταντῆσαι· περὶ ἧς ἐλπίδος ἐγκαλοῦμαι ὑπὸ Ἰουδαίων, βασιλεῦ.

deserviunt in spe pervenire—Gig. | καταντήσειν—B | nunc accusor—Gig. | βασιλεῦ оп. A, Gig., прибавл. Ἀγρίππα HLP. Въ нѣкоторыхъ варр. текста J встрѣчается ἡμέρα послѣ νύκτα [1]). Слѣдуетъ обратить вниманіе на εἰς съ τι при καταντάω въ переносномъ значеніи — *достигать чего - нибудь* (Schirlitz, s. 221). По замѣчанію Blass'a, ἐλπίζειν въ Κοινῃ всегда соединяется съ infinit. аориста.

„котораго исполненіе надѣются увидѣть наши двѣнадцать колѣнъ, усердно служа Богу день и ночь: за сію-то надежду, царь Агриппа, обвиняютъ меня Іудеи".

Настоящія слова ап. Павелъ произноситъ въ нѣсколько грустномъ, пониженномъ тонѣ (βασιλεῦ—на концѣ).

Внѣшняя противоположность между жизнью въ юности и настоящимъ положеніемъ наводитъ Апостола на грустныя размышленія, которыя и выливаются въ его обращеніи къ царю. Онъ сказалъ уже, что эта противоположность вызвана его надеждой на обѣтованіе Божіе отцамъ, здѣсь же онъ суживаетъ смыслъ тѣхъ словъ и говоритъ, что даже одна надежда эта подвергаетъ его суду. Онъ какъ бы хочетъ сказать—„надежда на обѣтованіе, даже одна надежда приводитъ меня на судъ". Такимъ образомъ, онъ усиливаетъ свои раннѣйшія слова, сгущаетъ краски и старается показать, какъ немного нужно было іудеямъ, чтобы объявить его преступникомъ (περὶ ἧς ἐλπίδος ἐγκαλοῦμαι ὑπὸ Ἰουδ., βασιλεῦ). Выше мы замѣтили, что въ настоящей части рѣчи Апостола, темой которой является

---

[1]) См. Soden *D. Schriften des N—T.* Berlin, 1910, s. 1589.

положеніе—*христіанство надежда Израиля*—темпъ постепенно повышается. Ораторъ идетъ отъ частнаго къ общему намеками. Въ предыдущемъ стихѣ мы нѣсколько коснулись вопроса, почему эта надежда послужила причиной нападокъ іудеевъ на Павла: ученіе его о матеріальной сторонѣ послѣдней рѣзко разнилось отъ „законническаго“ ученія. Эту разницу, непризнанность большинствомъ онъ очень тонко, но ясно подчеркиваетъ въ настоящемъ стихѣ предлогомъ περί (ἐλπίδος, ср. περὶ πάντων ст. 2), вмѣсто ἐπί съ значеніемъ, какъ мы видѣли, *причины*. Этимъ предлогомъ (на вопросъ—о чемъ, въ чемъ) Павелъ какъ бы хочетъ сказать, что самая эта надежда является предметомъ спора, основа котораго въ объективномъ содержаніи надежды—Іисусъ изъ Назарета — *Мессія или нѣтъ*? Іудеи не признаютъ исполненія обѣтованія въ пришествіи и дѣятельности Іисуса, для нихъ Онъ только необычайный пророкъ, сильный словомъ и дѣломъ, а не Христосъ отъ Бога, съ явленіемъ Котораго начнется новый міръ. Наоборотъ, Павелъ видитъ реализацію всѣхъ ветхозавѣтныхъ обѣтованій именно въ дѣятельности Іисуса, закончившейся смертью и воскресеніемъ. Послѣднее было для мессіанской идеологіи Павла кульминаціоннымъ пунктомъ, тогда какъ іудеямъ оно было совершенно непонятно, шло въ разрѣзъ съ ихъ представленіями о Мессіи, Который долженъ основать всемірное царство, переродить человѣчество безъ его *личныхъ* усилій, совершить внезапный чудесный актъ обновленія міра насильно. Конечно, современное іудейство, вдохновлявшееся главнымъ образомъ фарисейскими концепціями, съ своей точки зрѣнія было право, потому что такое представленіе всецѣло базировалось на признаніи вѣчнаго, непреходящаго значенія за ветхозавѣтнымъ закономъ. Главнымъ основоположеніемъ всего фарисейства было исполненіе закона, который, въ зависимости отъ своего источника, не могъ потерять никогда силы и значенія религіозно-нравственнаго критерія [1]).

[1]) Schurer, II, 307 ff., 343.

Что же касается умѣстности его комментированія раввинами для приспособленія къ условіямъ соціально-политическимъ, то фарисейская мысль считала это позволительнымъ только теперь, въ условіяхъ стѣсненности положенія націи. Наоборотъ, съ явленіемъ Мессіи, рисовалось іудейскимъ ученымъ, будетъ данъ просторъ приложенія національнаго закона не только въ Священной землѣ, но и за предѣлами ея. Какъ данный Іеговою, законъ представляетъ собою законченное, совершенное твореніе, не нуждающееся ни въ какихъ дополненіяхъ или измѣненіяхъ. Отсюда сама собою подсказывалась мысль, что Мессія приметъ всѣ предписанія Закона и съ Своей стороны только подтвердитъ ихъ непреходящее значеніе и поможетъ іудеямъ вполнѣ осуществить Тору [1]). Слѣдовательно, законодательная дѣятельность Мессіи іудеями сводилась на нѣтъ, она была ненужна, излишня. Ясно, такимъ образомъ, откуда выросла фарисейская мессіологія, и могла ли она измѣниться безъ соотвѣтствующаго измѣненія своего корня. На этомъ корнѣ былъ основанъ характеръ надежды іудеевъ на обѣтованіе Іеговы [2]).

Ап. Павелъ расходился съ ортодоксальнымъ іудействомъ не только по вопросу объ объективномъ содержаніи мессіанской надежды, но онъ былъ чуждъ такого фаталистическаго взгляда на корень этой послѣдней—на законъ.

Онъ признаетъ за закономъ временное значеніе, который, будучи данъ *послѣ* обѣтованія, не отмѣняетъ его (ср. **Гал** III, 17); законъ служитъ только средствомъ для нравственнаго баланса личности, субъективнымъ условіемъ участія въ царствѣ Мессіи (ст. 19) *до* момента явленія Мессіи, когда законъ долженъ непремѣнно подвергнуться измѣненіямъ. Поэтому-то, сущность религіи іудеевъ Павелъ видитъ не въ одномъ исполненіи мелочного за-

---

[1]) Schurer, II, 542.

[2]) Ср. Глубоковскій *Благовѣстіе*, т. I. СПБ. 1905, стр. 249, 400.

кона, а въ реализаціи мессіанской идеи, которая является цѣлью существованія всего истиннаго Израиля.

Итакъ, совершенная полярность была между Павломъ и іудеями во взглядахъ на обѣтованіе Божіе „отцамъ". Взглядъ Павла не только былъ антитезой „законничеству" по вопросу о существѣ обѣтованія, но онъ совершенно подрывалъ тотъ фундаментъ, на которомъ оно создало себѣ такое ложное представленіе о Мессіи.

Самъ собою напрашивался выводъ объ эфемерности надежды іудеевъ на обѣтованіе. По взгляду Апостола, ей не суждено было исполниться, потому что у нея не было никакой почвы. Однако, какъ же относится іудейство къ этой надеждѣ?

Этой надеждой жили двѣнадцать колѣнъ Израиля [1]), и это символически выражалось въ его пламенномъ, усердномъ (ἐν ἐκτενείᾳ) и постоянномъ (νύκτα καὶ ἡμέραν) служеніи Іеговѣ.

Въ чемъ выражалось это служеніе (λατρευον)?

Глаголъ λατρεύειν употребляется въ двухъ смыслахъ: вообще богопочитаніе (**Мѳ** IV, 10; **Лк** I, 75; **Дн** XXIV, 14 и пр.) и въ смыслѣ религіознаго ритуала (**Дн** VII, 7; **Рим** IX, 4; **Ев** VIII, 5; IX, 1; IX, 9; XIII, 10). Апостолъ не могъ употребить здѣсь λατρεύω въ одномъ первомъ значеніи, которое ограничиваетъ объемъ глагола рамками субъективной молитвы, личнаго сношенія съ Божествомъ. Въ такомъ случаѣ онъ упустилъ бы весь еврейскій культъ,

---

[1]) Св. Апостолъ употребляетъ δωδεκάφυλον не въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ онъ зналъ, конечно, что изъ плѣна вавилонскаго вернулись только два колѣна—Іуды и Веніамина. Но несомнѣнно, что между этими остатками были разсѣяны члены другихъ колѣнъ такъ что въ идеальномъ смыслѣ можно было говорить о всемъ израильскомъ народѣ (ср. **Лк** XXII, 30—„τὰς δωδεκαφυλὰς τοῦ Ἰσρ."). Это же вполнѣ отвѣчало мистическому представленію іудеевъ о вѣчной цѣльности и нераздѣльности избраннаго народа Божія, который не можетъ потерять своей самости двѣнадцати колѣнъ. Этотъ же эпитетъ служилъ для теократическаго, почтительнаго названія всей націи. См. Еп. Михаила, цит. соч. стр. 596; Bethge, s. 267; Felten, s. 444; Wendt, s. 518.

который имѣлъ такое громадное чисто-практическое и символическое значеніе для іудеевъ. Болѣе основательно принять, что λατρεῦον онъ принимаетъ въ обоихъ смыслахъ, тѣмъ болѣе, что, собственно говоря, въ нашемъ смыслѣ, такъ сказать, „умной молитвы“ евреи не знали, вслѣдствіе своей душевной грубости, или если и знали, то рѣдко прибѣгали къ ней. По крайней мѣрѣ, въ В. З. мы видимъ мало образцовъ такой непосредственной, свободной „бесѣды души съ Богомъ“. Наоборотъ, для еврея, не знавшаго еще поклоненія Господу „духомъ и истиной“, болѣе понятно и содержательно было культовое общественное поклоненіе чрезъ посредство священниковъ и опредѣленные жертвенные объекты. И не безъ основаній порицалъ Господь Іисусъ приверженность іудеевъ къ такому поклоненію Богу въ непремѣнной зависимости отъ мѣста (Ін IV, 20—24). Можно безъ преувеличенія сказать, что іудей молился только чрезъ стороннее посредство съ тѣмъ или инымъ приношеніемъ къ алтарю, онъ смотрѣлъ на молитву слишкомъ антропоморфно, видѣлъ въ жертвѣ скорѣе даръ, чѣмъ символъ.

Почти каждый актъ жизни семейной и общественной отмѣчался у евреевъ соотвѣтствующими жертвоприношеніями. Но кромѣ такихъ, такъ сказать, спорадическихъ моленій, культовый законъ предписывалъ ежедневныя постоянныя жертвы при храмѣ. Онѣ приносились на общехрамовыя средства, независимо отъ того, есть въ храмѣ молящіеся или нѣтъ. На первомъ мѣстѣ изъ такихъ жертвъ находилась — „тамидъ“ — жертва всесожженія отъ общины, обязательная всегда (даже въ 70 году, когда Іерусалимъ былъ обложенъ римлянами, и начался страшный голодъ, ежедневная жертва тамидъ не прекращалась; то же самое наблюдаемъ мы при Антіохѣ Епифанѣ). Регламентація ея впервые была совершена при царѣ Ахазѣ, когда вечеромъ приносилась жертва мирная, а утромъ—всесожженія, и, сообразно этому, дѣлились сутки. Раньше же въ эпоху книги Исходъ утромъ

и вечеромъ приносилось по двѣ жертвы—мирная и всесожженія, вмѣстѣ съ прибавленіемъ жертвы возліянія. Обычно жертва тамидъ—всесожженія (утромъ и вечеромъ) состояла изъ однолѣтняго агнца непорочнаго муж. пола и приносилась на общихъ основаніяхъ; одновременно съ ней имѣла мѣсто мирная жертва изъ $^1/_{10}$ эфы чистой муки, смѣшанной съ четвертью гины чистаго масла; жертва возліянія при этомъ же состояла изъ четверти гины вина. Первая тамидъ приносилась при восходѣ солнца, вторая—въ вечернемъ полумракѣ.

Второй родъ ежедневныхъ и постоянныхъ жертвъ составляла мирная жертва, которую приносилъ первосвященникъ утромъ и вечеромъ. Она отличалась по количеству и качеству отъ тамидъ.

Вся она состояла изъ $^1/_{10}$ эфы муки, половина которой приносилась утромъ, а половина — вечеромъ, причемъ мука обычно поджаривалась на сковородкѣ.

Третій родъ ежедневныхъ жертвъ составляла жертва куренія на алтарѣ, приносившаяся утромъ предъ тамидъ, а вечеромъ—послѣ нея [1]).

Нѣтъ нужды много говорить о томъ, что установленный Іеговою культъ непрямое отношеніе имѣлъ къ Мессіи, такъ какъ каждая жертва, каждая молитва и псаломъ говорили о Немъ, или символизируя Его страданія и смерть, или рисуя Его идеальное Царство. Эти жертвы и молитвы не имѣли значенія объективныхъ средствъ для личнаго спасенія и искупленія, въ нихъ все служило формой для извѣстной идеи, къ реализаціи которой, какъ къ цѣли, составлявшей содержаніе обѣтованія, стремился каждый іудей. По словамъ Апостола, іудеи надѣялись (ἐλπίζει) достигнуть такимъ усерднымъ служеніемъ обѣтованія Божія. Всякое моленіе Богу говорило объ этой надеждѣ на исполненіе пророчествъ, все символически напоминало всемірно-историческое значеніе и роль іудей-

---

1) Schurer, II, 288—292.

скаго народа. Онъ жилъ надеждой. И послѣ этого какой ироніей должно было звучать, что за эту же надежду іудеи (вообще, а не опредѣленныя лица, т. е. не только депутація къ Фесту, такъ какъ ὑπὸ Ἰουδαίων—безъ члена) обвиняютъ (ἐγκαλοῦμαι περί, какъ ст. 2) Павла...

Св. Узникъ съ гнѣвомъ и горечью бросаетъ эти слова въ лицо іудейскому царю, какъ бы подчеркивая низость и несправедливость его подданныхъ...

Онъ не договариваетъ, но и безъ того ясно само собой, что если іудеи преслѣдуютъ Павла за эту надежду, то они тѣмъ самымъ становятся въ конфликтъ съ истинной религіей Израиля, послѣдователемъ которой является Апостолъ [1]).

Ст. 8.

Причина страданій Павла.

τί ἄπιστον κρίνεται παρ' ὑμῖν, εἰ ὁ θεὸς νεκροὺς ἐγείρει;

„Что же? Неужели вы невѣроятнымъ почитаете, что Богъ воскрешаетъ мертвыхъ?

Настоящій стихъ представляется довольно затруднительнымъ со стороны своего пониманія, такъ какъ нелегко опредѣлить его отношеніе къ предшествующему стиху. Лаконическая рѣчь Апостола здѣсь достигаетъ высоты, и кажется даже, что здѣсь пропущена какая-то связка.

Намъ нѣтъ нужды перечислять пониманія этого стиха [2]), мы постараемся дать положительный анализъ его.—

То или иное пониманіе настоящаго стиха зависитъ отъ этимологіи слова τί: Meyer считаетъ его вопросительнымъ нарѣчіемъ [3]) и переводитъ фразу такъ: „почему невѣроятнымъ кажется“? и т. д. [4]). Wendt, наоборотъ, ста-

---

[1]) Bethge, cit. op. s. 269.

[2]) Vgl. Wendt, s 520; Bethge, s. 269 ff.

[3]) Vgl. Blass *Gramm.* s. 173.

[4]) Meyer, s. 577; vgl. Felten, s. 445.

вить τί въ accusat., согласуетъ съ ἄπιστον и передаетъ слова Апостола такъ: „что невѣроятнаго видите вы, если Богъ воскрешаетъ мертвыхъ“? [1]).

Такимъ образомъ, названные комментаторы понимаютъ слова Апостола „τὶ ἄπιστον.....ἐγείρει“, какъ вопросъ, обращенный къ слушателямъ и оставленный безъ отвѣта, потому что въ слѣдующемъ стихѣ (9) Павелъ переходитъ къ новой темѣ своей рѣчи, и, слѣдовательно, стихъ 8 является просто вводнымъ восклицанiмъ возбужденнаго узника, патетическимъ возгласомъ. Но едвали можно предполагать это. Выше мы сказали, что настоящая рѣчь служитъ лучшимъ доказательствомъ ораторскаго дарованія ап. Павла. Какъ со стороны матеріальной и стилистической, такъ и со стороны логической она представляетъ собой шедевръ, и, конечно, было бы очень странно и неожиданно встрѣтить здѣсь фразу, разбивавшую логическій ходъ мыслей оратора, не увлекающагося эффектами предъ блестящей публикой... Кромѣ того, подобное толкованіе непріемлемо и по другимъ основаніямъ. Если принять переводъ указанныхъ комментаторовъ, то мы должны будемъ признать, что Апостолъ отрицалъ признаніе іудеями воскресенія, потому что прямо спрашиваетъ: „почему (что) невѣроятн.“ и т. д. Конечно, это совершенно невозможно со стороны Павла, такъ какъ онъ зналъ, что вѣра въ воскресеніе всегда существовала въ іудейскомъ народѣ (**Дн** XXIII, 8; XXIV, 15) и отличала его, тѣмъ самымъ, отъ сосѣднихъ племенъ. Съ другой стороны, если бы Павелъ говорилъ здѣсь объ этомъ всеобщемъ воскресеніи, признаваемомъ всѣми іудеями, онъ не преминулъ бы подчеркнуть это членомъ предъ νεκρούς, такъ какъ при νεκροί въ тѣхъ случаяхъ, когда νεκροί употребляется не въ смыслѣ просто понятія (ср. I **Кор** XV, 15, 29, 32), а для означенія всего числа умершихъ, членъ не опускается (ср. ἠγέρθη ἀπὸ τῶν νεκρῶν—

[1]) Wendt, s. 520.

Мѳ XIV, 2; σαλπίσει γὰρ, καὶ οἱ νεκροὶ ἐγερθήσονται—I **Кор** XV, 52). Во всѣхъ же случаяхъ, когда νεκροί не имѣетъ этого опредѣленнаго смысла, членъ опускается, напр.: I **Пет** IV, 5 – κρῖναι ζῶντας καὶ νεκρούς,—здѣсь подъ νεκρούς разумѣются, какъ видно изъ ст. 6, не мертвые въ обычномъ смыслѣ, а въ переносномъ—мертвые *духомъ*, независимо отъ того, живы или нѣтъ тѣлесно они будутъ къ тому времени [1]). Членомъ предъ νεκρούς Павелъ показалъ бы, что разумѣетъ умершихъ опредѣленныхъ, ожидающихъ всеобщаго (а не личнаго или спеціальнаго, какъ чудесно воскрешенные Христомъ, Апостолами и пр.) воскресенія. Отсутствіе же члена въ нашемъ мѣстѣ говоритъ, что авторъ понимаетъ въ этомъ случаѣ совершенно иное воскресеніе, какого не ожидали всѣ, воскресеніе спеціальное, гдѣ объектъ воскресенія былъ также, быть можетъ, неординарный. Возможно предположить также, что νεκρούς Павелъ употребляетъ въ смыслѣ понятія, не касаясь его матеріальной стороны, и тогда пропускъ члена объяснимъ (ср. **Дн** XVII, 32; XXIII, 6).

О какомъ же воскресеніи здѣсь рѣчь, кого и какъ нужно понимать подъ νεκρούς?

Мы говорили, что необходимо дать такое пониманіе настоящаго стиха, чтобы онъ прежде всего былъ связанъ съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Для этого попробуемъ отнести частицу τι къ стиху 7, такъ, чтобы она собственно продолжала тему стиха 6. Ап. Павелъ говоритъ тамъ: „меня обвиняютъ въ этой надеждѣ“—„почему“ (τί)? Отвѣтъ на этотъ вопросъ и составитъ вторая половина стиха 8—„ἄπιστον κρίνεται ὑμῖν, εἰ ὁ θεὸς νεκροὺς ἐγείρει“.

У классиковъ и въ новозавѣтномъ языкѣ мѣстоименіе τί часто имѣетъ значеніе вопросительнаго нарѣчія „почему“ [2])—напр. „καὶ περὶ ἐνδύματος τί μεριμνᾶτε“ (**Мѳ** VI, 28),—

---

[1]) Vgl. Blass *Gramm.* s. 144 ff.

[2]) Ср. характерное мѣсто у Aphthonius (риторъ изъ Антіохіи IV в. по Р. Х.).—„Δάφνη φησιν ἐκ γῆς προῆλθεν καὶ Λάδανος· Τὶ τοῦτο πρὸς θεῶν ἄπιστον; οὐχ ἅπασι γένεσις ὕδωρ καὶ γῆ: „лавръ говоритъ: изъ земли явился и ладанъ. *Почему* въ этомъ сомнѣваются боги? не для всѣхъ

„ἡ μήτηρ αὐτοῦ εἶπε· τέκνον, τί ἐποίησας ἡμῖν οὕτως“ (**Лк** II, 48) и т. д. Кромѣ того, съ синтаксической стороны, вторая половина ст. 8 представляетъ собою самостоятельное предложеніе—„ἄπιστον.....ὑμῖν“, логическое подлежащее для котораго составляетъ подчиненное глаголу „κρίνεται“ предложеніе „εἰ.. ἐγείρει“. Εἰ, между прочимъ, можетъ быть синонимомъ ὅτι послѣ глаголовъ аффектовъ и въ значеніи „ли“ всегда требуетъ желательнаго съ „ἄν“. Если въ настоящемъ случаѣ мы встрѣчаемъ „εἰ“ съ изъявит. „ἐγείρει“, то, слѣдовательно, рѣчь идетъ или объ имѣющемъ наступить, или уже о настоящемъ, но, во всякомъ случаѣ, дѣйствительномъ фактѣ [1]).

Такимъ образомъ, св. Павелъ въ этихъ словахъ выражаетъ такую мысль: „почему? (т. е. меня обвиняютъ іудеи въ этой надеждѣ)—потому что вамъ кажется невѣроятнымъ, если Богъ воскрешаетъ мертвыхъ“.

Разумѣть здѣсь всеобщее, извѣстное и фарисеямъ, воскресеніе нельзя. Значитъ, разумѣется *особое* воскресеніе, котораго не признаютъ іудеи и самъ Агриппа. Сама собою навязывается мысль, что здѣсь рѣчь идетъ о воскресеніи Іисуса, котораго не признавали іудеи (**Дн** XXV, 19). Но эта посылка Меуег'а ненадежна, такъ какъ, если бы дѣло шло о непризнаніи этого опредѣленнаго факта всѣми одинаково, то было бы непонятно отсутствіе члена предъ „νεκρούς“. Кромѣ того, зачѣмъ было Апостолу, говоря объ Іисусѣ, употреблять множ. ч. „νεκροί“?

Дѣло можно объяснить иначе, если обратиться къ контексту и обстановкѣ, въ которой произносилась эта рѣчь.

Выше мы сказали, что хотя Павелъ и не пояснилъ, что̀ именно разумѣлъ онъ подъ „ἐλπὶς τῆς ἐπαγγελίας“ ст. 6, однако, присутствующимъ іудеямъ было ясно, что рѣчь идетъ о Мессіи, Которымъ для Павла былъ Іисусъ изъ

началомъ служитъ вода и земля“. Wetstenii *Novum Testamentum Graecum* Prolegomena, Amstld. 1752, p. 632.

[1]) Bethge, s. 269, Anm. 5.

Назарета. Въ Немъ эта надежда Павла реализовалась, потому что на Немъ осуществились всѣ обѣтованія. Его дѣло совершилось, Онъ умеръ, воскресъ, и это-то *воскресеніе* — залогъ дѣйствительности Его дѣла искупленія — фактъ для Павла. Этого воскресенія іудеи не признавали, такъ что къ нимъ и относился, съ одной стороны, упрекъ Павла, что они не вѣрятъ въ фактъ воскрешенія вообще мертвеца Богомъ. Конечно, въ этомъ упрекѣ былъ намекъ на отрицаніе іудеями всемогущества Божія...

Съ другой стороны, упрекъ въ непризнаніи воскресенія относился лично къ Агриппѣ.

Положительно извѣстно, что въ семействѣ Ирода Великаго саддукейство пользовалось симпатіями, создалась даже особая партія иродіанъ-саддукеевъ, которая по своему вліянію и количеству членовъ могла поспорить съ фарисействомъ (**Мр** III, 6; VIII, 15). Это саддукейство въ Иродовомъ родѣ преслѣдовало тенденціи практическія, а не открыто теоретическія, потому что либерализмъ въ вопросахъ религіи и морали, не чуждый саддукеямъ, былъ по душѣ потомкамъ Ирода, которые получали образованіе въ Римѣ и тамъ подпадали подъ раціоналистическія вліянія. Однимъ же изъ такихъ вопросовъ, гдѣ саддукейство расходилось съ ортодоксіей и приближалось къ эпикурейству, былъ вопросъ о воскресеніи, рѣшавшійся имъ отрицательно (**Дн** XXIII, 8). Очень возможно, что Агриппа также былъ зараженъ саддукейскими мнѣніями и даже былъ главой секты [1]), что, конечно, было хорошо извѣстно всѣмъ. Поэтому, ап. Павелъ могъ подчеркнуть въ настоящемъ случаѣ его взглядъ на воскресеніе вообще, недопускавшій и главнаго момента въ мессіанской идеѣ— момента установленія принципа *частнаго* воскресенія.

Такимъ образомъ, Апостолъ, указывая причину осужденія себя іудействомъ въ его невѣріи въ воскресеніе Іисуса изъ Назарета, могъ различать побужденія, ко-

[1]) Vgl. Stier *Die Reden d. Apostel*, Lpzig, 1881, Th. II, s. 289; Felten, s. 445.

торыя заставляли такъ относиться къ этому факту іудеевъ и Агриппу. Первые не признавали Іисуса изъ Назарета Мессіей, и смерть Его не могла имѣть для ихъ міросозерцанія что нибудь особенное, такъ какъ для нихъ *не существовало* факта Его воскресенія, и, ясно, они не могли относиться къ Павлу иначе, какъ къ ренегату, сектанту, подрывающему устои іудейства своей проповѣдью какого-то новаго закона. Агриппа же вообще не допускалъ воскресенія человѣка по принципіальнымъ соображеніямъ, хотя, несомнѣнно, зналъ факты [1]). Въ виду именно такого неодинаковаго отношенія присутствующихъ къ своимъ словамъ о воскресеніи Іисуса, ап. Павелъ и употребляетъ νεκρούς безъ члена въ смыслѣ понятія (ср. выше стр. 174). Что же касается множ. ч. νεκρούς, то, вѣроятно, онъ употребленъ для большей абстрактности понятія [2]).

Послѣ даннаго анализа стиха 8 ясно, что въ настоящей постановкѣ онъ не выходитъ изъ логической цѣпи всей рѣчи. Въ предыдущемъ стихѣ Павелъ заканчиваетъ доказательство своей компетентности въ вопросахъ, касающихся іудейской религіи, и несправедливости къ себѣ со стороны іудеевъ. Ему нужно сдѣлать переходъ къ новой части, къ рѣчи объ Іисусѣ, какъ Мессіи, и онъ дѣлаетъ это, задавая вопросъ себѣ—„*почему*“ *же такъ относятся къ нему*? и отвѣчаетъ указаніемъ на невѣріе іудеевъ да и Агриппы въ воскресеніе Іисуса [3]).

Этимъ заканчиваетъ св. Павелъ первую часть своей рѣчи, гдѣ онъ раскрывалъ, что христіанство и есть надежда Израиля.

---

[1]) Felten, s. 445.

[2]) Blass *Grammat.* s. 84, 6.

[3]) Интересно отмѣтить здѣсь, что такое пониманіе τί и, тѣмъ самымъ, смысла всего стиха 8 подтверждается и со стороны текста: Tischendorf утверждаетъ, что слитное сочетаніе τἰ ἄπιστον (согласно ℵ ABCHLP, 61 и др.) во многихъ изданіяхъ встрѣчается съ раздѣлительнымъ знакомъ „;“ и ссылается между прочимъ на код. E, грисбаховское изданіе еванг. 1827 г., согласное съ изд. Роб. Стеф. 1550 г. См. *Novum Testamentum graece*, Lipsiae, 1869 Vol II, p. 224, Ап. 8 и p. XVI ср. Vol. II, ed. 8, p. 224. То же чтеніе и у Gramer'a *Catenae*, t. III. Oxoniae, 1844, p. 389.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Какъ Павелъ сдѣлался ученикомъ и апостоломъ Христа. Стт. 9—18.

Ст. 9.

Павелъ гонитель христіанской общины.

ἐγὼ μὲν οὖν ἔδοξα ἐμαυτῷ πρὸς τὸ ὄνομα Ἰησοῦ τοῦ Ναζωραίου δεῖν πολλὰ ἐναντία πρᾶξαι,

„Правда, и я думалъ, что мнѣ должно много дѣйствовать противъ имени Іисуса Назорея;“

Ап. Павелъ переходитъ къ своей личности въ христіанствѣ, начиная съ характеристики себя до обращенія, какъ гонителя христіанской общины [1]).

До обращенія въ христіанство на почвѣ общеіудейской вѣры въ воскресеніе ап. Павелъ былъ, какъ онъ раньше говорилъ, однимъ изъ самыхъ ревностныхъ фарисеевъ. Еще у ногъ Гамаліила онъ воспринялъ консервативный духъ преданности закону и ненависти ко всякому нарушителю его. Онъ возрасталъ въ ненависти къ

---

[1]) Помимо уже сказаннаго выше о связи этого стиха съ ст. 8, можно указать также на частицы μὲν οὖν, изъ которыхъ первая, по Blass'y, не имѣетъ характера противоположенія и можетъ замѣнять распространенное (объемъ) ἐγώ—„я, что до меня касается“, а вторая частица говоритъ о наличности прямой связи между этими стихами. Поэтому, русскій текстъ синодальнаго изданія совершенно правильно переводитъ эти частицы словами—„правда, и я“ т. д.

христіанамъ и поставилъ своей задачей жизни всѣми силами и средствами бороться противъ имени Іисуса изъ Назарета [1]).

Въ словахъ ἐγὼ...ἔδοξα ἐμαυτῷ Stier видитъ внутреннюю, принципіальную убѣжденность и искренность безъ всякихъ низменныхъ разсчетовъ, которыя характеризовали преслѣдованія Павломъ христіанъ. Онъ не ждалъ за это себѣ никакой награды, отличія, дѣйствовалъ вполнѣ безотносительно. И слово δεῖν лучше всего говоритъ намъ о той нравственной слѣпотѣ, потерѣ чувства мѣры, которыя мѣшали ему быть объективнымъ въ отношеніи своихъ соотечественниковъ-христіанъ [2]).

Раньше, какъ мы видѣли, Апостолъ доказалъ свою компетентность въ іудейской религіи. Теперь является вопросъ: зачѣмъ начинаетъ онъ говорить о своей жизни въ „законничествѣ“, когда онъ уже сдѣлался вполнѣ взрослымъ и имѣлъ нѣкоторыя права и полномочія?

Отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ: ему нужно было доказать своимъ слушателямъ, что его обращеніе не было актомъ личнымъ, дѣломъ свободной воли послѣ долгой подготовки, серьезной, вдумчивой работы надъ своимъ религіознымъ чувствомъ и теологическимъ матеріаломъ. Нѣтъ, наоборотъ, онъ всегда былъ далекъ отъ общенія съ послѣдователями Распятаго, вся жизнь его была посвящена борьбѣ съ Его дѣломъ,—никакого здѣсь постепеннаго психологическаго перерожденія не было; онъ обратился въ христіанство путемъ необычайнымъ, чудеснымъ, который и служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ реальности воскресшаго Христа.

Невѣріе въ воскресеніе Іисуса было отличительной чертой отношенія къ Нему язычниковъ и іудеевъ (ст. 8), и такое же невѣріе проявлялъ молодой Павелъ подъ

---

[1]) Wendt подчеркиваетъ это названіе, какъ доказательство хронологической выдержанности рѣчи Апостола, s. 521.

[2]) Stier *Die Reden d. App.*, cit. op. s. 290.

вліяніемъ узко-фарисейскаго образа мыслей (ἐγὼ μέν), который и вынуждалъ его (οὖν) на соотвѣтствующіе поступки [1]). Это невѣріе объясняетъ то заблужденіе (ἔδοξα; δοκῶ μοι съ неопредѣл. δεῖν характеризуетъ призрачность извѣстной мысли), которое и вызвало рѣзко отрицательныя дѣйствія Павла противъ имени (πρὸς τὸ ὄνομα—такой смыслъ придаютъ предлогу πρὸς слова ἐναντία πρᾶξαι) Іисусъ.

Фанатично настроенный, постоянно подстрекаемый со стороны, молодой фарисей шелъ противъ не только извѣстныхъ принципіальныхъ поступковъ христіанъ, направленныхъ въ ущербъ іудейству, ниспровергавшихъ его устои и пр., нѣтъ, онъ не выносилъ даже имени „Іисусъ Назареянинъ“. Для него существовалъ не Іисусъ, но *имя* Іисуса, т. е. не религія Іисуса, а представленіе Его Личности и дѣла спасенія въ общинѣ, которая собиралась въ Его имя и была одушевлена мыслью о величіи имени своего Божественнаго Основателя. Lange-Lechler хочетъ видѣть въ этомъ указаніе на то, что Павелъ всѣми силами старался препятствовать распространенію *знанія* о дѣлѣ Христа [2]).

Ст. 10.

ὃ καὶ ἐποίησα ἐν Ἰεροσολύμοις, καὶ πολλοὺς τῶν ἁγίων ἐγὼ ἐν φυλακαῖς κατέκλεισα, τὴν παρὰ τῶν ἀρχιερέων ἐξουσίαν λαβών, ἀναιρουμένων αὐτῶν κατήνεγκα ψῆφον,

διὸ—вмѣсто ὅ, B | πολ. ἁγίους, опуск. ἐγώ, Gig | ἐν опуск. HP | ψῆφον ἤνεγκα—по Gigas.

„это я и дѣлалъ въ Іерусалимѣ: получивъ власть отъ первосвященниковъ, я многихъ святыхъ заключалъ въ темницы и,

---

[1]) Bethge думаетъ, что, кромѣ переходнаго, соединительнаго значенія, οὖν объясняетъ главнымъ образомъ фактъ, наиболѣе близкій къ настоящему моменту—отправленіе Павла изъ Іерусалима въ Дамаскъ (p. 271).

[2]) Cit. op. s. 338.

когда убивали ихъ, я подавалъ на то голосъ“;

Какъ мы видѣли, изъ школы Гамаліила Павелъ вышелъ жаркимъ ревнителемъ отеческихъ преданій (**Гал** 1, 14). Но природная пылкость характера и юношеская горячность помѣшали молодому фарисею перенять отъ своего учителя умѣнье соединять ревность по вѣрѣ и осторожность, соединенную съ терпимостью, въ отношеніи къ другимъ вѣрованіямъ (ср. **Дн** V, 33—39). И его нравственная слѣпота и безразсудство подогрѣвались той обстановкой, въ которой ему пришлось первое время вращаться. Въ то время Іерусалимъ представлялъ очень интересное явленіе. „Не смотря на гнусную клевету первосвященниковъ о похищеніи тѣла Іисусова учениками Его и строгія мѣры противъ провозвѣстниковъ Его воскресенія, весь Іерусалимъ исполнялся славою имени Распятаго; слово Божіе росло, число учениковъ непрестанно умножалось; изъ самихъ священниковъ іудейскихъ „очень многіе покорялись вѣрѣ“ (**Дн** VI, 7). Іудейству, и безъ того давно потрясаемому различными толками господствующихъ сектъ, угрожала новая величайшая опасность со стороны возникающаго христіанства. Что же долженъ былъ мыслить и чувствовать въ этихъ обстоятельствахъ Савлъ-юноша съ пылкимъ характеромъ, патріотическимъ чувствомъ, съ умомъ сильнымъ, но помраченнымъ предразсудками, фарисей, отъ всего сердца приверженный къ отеческому закону и обычаямъ, святочтившій не только Моисея и пророковъ, но и преданія старцевъ, несообразныя съ духомъ христіанства?—Могъ ли онъ обольстительную мечту о Мессіи—царѣ завоевателѣ, промѣнять на почитаніе креста, который еще недавно былъ предметомъ посмѣянія для Іерусалима? Могъ ли обѣщать себѣ что добраго отъ той секты Основатель, который столь строго и часто вооружался противъ порочной жизни фарисеевъ—его наставниковъ и воспита-

телей? Савлъ видѣлъ только опасность со стороны христіанства, а поэтому питалъ къ нему одно отвращеніе. Чудеса Христа и Его апостоловъ могли быть изъясняемы имъ такъ, какъ ихъ вообще изъясняли фарисеи—содѣйствіемъ злыхъ духовъ, легковѣріемъ народа и т. п.“ [1]).

Въ такихъ обстоятельствахъ молодой фарисей и поставилъ своей жизненной задачей дѣйствовать противъ имени Іисуса Христа. Эта мысль о своемъ призваніи, конечно, обоснованная теоретически, шла дальше. Ему казалось, что въ такомъ отношеніи къ христіанамъ заключенъ его raison de vivre вообще, такъ какъ чрезъ это онъ наиболѣе близокъ къ идеалу фарисея—исполнить *весь* законъ [2]). Послѣднее было возможно, съ точки зрѣнія талмудиста, не только въ буквальномъ смыслѣ, но и косвенно—чрезъ охрану закона отъ покушеній новаторовъ. Если еще Спасителя фарисеи упрекали въ нарушеніи закона (**Мѳ** XII, 2; **Лк** XIII, 15; **Ін** V, 10, 18 т. д.), хотя Онъ дѣлами Своими и глубокимъ пониманіемъ духа закона и отрицалъ ихъ слишкомъ мелочное вниманіе къ предписаніямъ его, то, конечно, Савлъ имѣлъ возможность наблюдать такія нарушенія въ жизни христіанъ на каждомъ шагу, потому что, несомнѣнно, они были менѣе осторожны и рѣзко относились къ іудаистическимъ традиціямъ. Это и давало поводъ одушевленному этими послѣдними горячему тарсянину оказывать свои убѣжденія на дѣлѣ; онъ готовъ былъ каждую минуту проявить свою слѣпую ненависть къ христіанамъ (παλλὰ ἐναντία πρᾶξαι—рѣшимость на поступокъ на почвѣ интеллектуальной, ср. **Ін** III, 20: πᾶς γὰρ ὁ φαῦλα πράσσων, μισεῖ τὸ φῶς и т. д.).

Прежде всего Павелъ выступаетъ въ своемъ народѣ (ст. 4)—въ Іерусалимѣ, гдѣ въ то время были еще очень свѣжи впечатлѣнія отъ Личности Іисуса. Его послѣдователи увеличивались съ каждымъ новымъ чудомъ, каждой

---

[1]) Арх. Иннокентій *Сочин.* т. IX, стр. 365.

[2]) Ср. Schurer, II, ss. 388—390, 468; Hastings *Dict.* vol. III, p. 825.

проповѣдью апостоловъ, и серьезная опасность угрожала фарисеямъ чрезъ подрывъ ихъ авторитета. „Первые опыты Савловой вражды на имя Христа, вѣроятно, состояли въ спорахъ съ провозвѣстниками онаго (**Дн** VI, 9). Но школьная ученость фарисейская недолго могла стоять противъ устъ Стефана, исполненнаго Духа Божія (VI, 10); сила слова была замѣнена насиліемъ клеветы и оружія (**Дн** VI, 13). Правота Павлова характера не позволяетъ думать, чтобы онъ участвовалъ въ сплетеніи клеветъ на Стефана; но, однако же, несомнѣнно, что онъ одобрялъ убіеніе его (**Дн** VIII, 1) и стерегъ одежды безчеловѣчныхъ убійцъ Стефановыхъ (**Дн** VII, 58). Онъ поступилъ въ семъ случаѣ по совѣсти,—только заблуждающей“ [1]).

Очень интересную подробность даетъ анализируемый текстъ: ап. Павелъ говоритъ—„ὃ (т. е. πρὸς τὸ ὄνομα Ἰησου τοῦ Ναζωραίου .. πολλὰ ἐναντία πρᾶξαι—ст. 9) ἐποίησα.... ἐγώ“. По словамъ Stier'a подлежащее при ἐποίησα—ἐγώ краснорѣчиво доказываетъ, что Павелъ не стѣснялся и собственноручной расправой съ послѣдователями Воскресшаго [2]). Однако, въ лицѣ Павла дѣйствовалъ не просто фанатикъ, по собственной волѣ и собственными средствами, нѣтъ—онъ въ нѣкоторомъ отношеніи былъ оффиціальнымъ лицомъ, такъ какъ получилъ отъ Синедріона, ближайшимъ образомъ—отъ первосвященниковъ, полномочія на это (τὴν παρὰ τῶν ἀρχιερέων ἐξουσίαν λαβών).

Какъ извѣстно, въ эпоху суда Павла компентенціи Синедріона въ Іерусалимѣ принадлежали дѣла главнымъ образомъ богословскаго надзора, такъ или иначе поднимавшія вопросы религіи и морали. Главный надзоръ за ними со стороны идейно-практической лежалъ на обязанности членовъ іерусалимскаго Синедріона. Онъ долженъ былъ внимательно слѣдить въ своихъ же интересахъ за появленіемъ всякихъ новыхъ теченій въ этой области и

---

[1]) Арх. Иннокентій, стр. 366.
[2]) Stier, cit. op. s. 29.

не пропускать ничего безъ своего контроля [1]). Появлялся ли какой новый сектантъ или ренегатъ, учившій не по традиціямъ, Синедріонъ имѣлъ право требовать его къ себѣ на судъ, заключать въ темницу, даже подвергать различнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, и только окончательная инстанція—potestas gladii—принадлежала римской praeses. Такъ обстояло дѣло de jure [2]). На практикѣ мы встрѣчаемъ совершенно иное. Такъ какъ Синедріонъ, конечно, долженъ былъ считаться съ возможностью, что его смертные приговоры не будутъ утверждаемы иногда прокураторомъ, то ему приходилось подумать о достиженіи своихъ цѣлей въ такихъ случаяхъ: и онъ ловко выходилъ изъ затрудненія. Если нужно было раздѣлаться съ какимъ-нибудь нежелательнымъ субъектомъ, то Синедріонъ могли всегда выручить сикаріи, какъ это мы видимъ въ процессѣ Павла. Ихъ нанимали тайно за опредѣленную плату, и ловкій ударъ ножа освобождалъ блюстителей народной совѣсти отъ хлопотъ. Конечно, Синедріонъ могъ посылать кого-нибудь изъ своихъ-довѣренныхъ агентовъ, якобы для разслѣдованія дѣла—право, предоставленное ему римлянами, но ничто не мѣшало такимъ оффиціальнымъ агентамъ прибѣгать въ нужную минуту къ рукѣ ловкихъ сикаріевъ, которые, къ слову сказать, были врагами не національными, а крайними выразителями понятія о патріотизмѣ [3]), и неудивительно, если не скрывались отъ Синедріона (Дн XXIII, 12—15).

Несомнѣнно, такими полномочіями синедріальнаго агента былъ надѣленъ и Павелъ, чтобы разслѣдовать дѣло о послѣдователяхъ Іисуса Христа, какъ ревностный фарисей. Однако, этому, повидимому, противорѣчатъ слова самого Павла, потому что онъ говоритъ, что получилъ эти права отъ „первосвященниковъ“ (παρὰ τῶν ἀρχιερέων)?

---

[1]) Schurer, II, s. 207.

[2]) Арѳаксадовъ, стр. 133 сл.

[3]) Schurer, I, s. 574 f.

Мы имѣли случай говорить выше о значеніи термина ἀρχιερεῖς (стр 38 сл.). Мы видѣли, что подъ нимъ разумѣлся не только наличный штатный первосвященникъ, оффиціально признанный въ своемъ достоинствѣ церковной главы Іудеи, но и вообще лица ἐκ γένους ἀρχιερατικοῦ, т. е. изъ первосвященническихъ фамилій, безотносительно къ тому, отвѣчало ли это въ настоящее и прошедшее время ихъ фактическому положенію или нѣтъ. Въ полномъ смыслѣ руководителемъ Синедріона и высшимъ судебно административнымъ надзоромъ за жизнью страны былъ первосвященникъ изъ саддукеевъ. Но само собой понятно, что онъ во всѣхъ случаяхъ дѣйствовалъ не самостоятельно, лично, а коллегіально, на основаніи данныхъ, полученныхъ отъ прочихъ членовъ Синедріона послѣ обсужденія. Это особенно хорошо подчеркивалось формулой— „ἀρχιερεῖς καὶ ὅλον τὸ συνέδριον“ (**Мр** XIV, 55; **Дн** XXII, 30). Къ этому же нужно добавить, что преобладающее большинство въ Синедріонѣ составляли члены знатнѣйшихъ священническихъ фамилій, на основаніи чего Іосифъ Флавій имѣлъ право назвать управленіе страной аристократическимъ [1]). Все это давало народу основаніе смотрѣть на Синедріонъ, какъ на герусію, по преимуществу аристократическаго состава (въ эпоху римскихъ прокураторовъ)— ἀρχιερεῖς. Аналогію такой метафоры можно видѣть въ древне-римскомъ Сенатѣ, члены котораго, всѣ безъ исключенія, были извѣстны подъ именемъ senes—сенаторы, хотя тамъ были также члены изъ другихъ сословій. Въ апостольской исторіи эти ἀρχιερεῖς часто представляются синонимомъ Синедріона или же выразителями его судебно-административныхъ полномочій. Такъ, апп. Петръ и др. были заключены въ темницу по распоряженію первосвященника; когда стража не нашла узниковъ въ темницѣ, объ этомъ было донесено опять-таки первосвященнику,

---

[1]) „ἀριστοκρατία μὲν ἦν πολιτεία, τὴν δὲ προστασίαν τοῦ ἔθνους οἱ ἀρχιερεῖς ἐπεπίστευντο“ *Antt.* XX, 10.

допросъ узниковъ производилъ также первосвященникъ (**Дн** V, 17—27). Поэтому, Арѳаксадовъ совершенно вѣрно говоритъ, что „разграничить права первосвященника и Синедріона нѣтъ возможности“ [1]).

Такимъ образомъ, подъ ἀρχιερεῖς анализируемаго стиха разумѣются вообще синедріалы, а не ἀρχιερεῖς въ собственномъ смыслѣ.

Облеченный довѣріемъ Синедріона, какъ разъяренный левъ, накинулся Павелъ на христіанъ, и многіе изъ нихъ сдѣлались жертвой мщенія.

Онъ называетъ христіанъ „святыми“ (πολλοὺς τῶν ἁγίων). Едва ли можно согласиться съ Felten'омъ, что Павелъ употребляетъ это названіе христіанъ въ виду незнакомства Агриппы съ именемъ „христіанинъ“ [2]). Въ такомъ случаѣ совершенно непонятно оно въ **2 Кор** IX, 1, гдѣ онъ проситъ коринѳскихъ христіанъ не забывать милостыни для „святыхъ“ (εἰς τοὺς ἁγίους), т. е. своихъ братьевъ по Христу. Болѣе основательно, по нашему мнѣнію, объясненіе Knabenbauer'a, Meyer-Wendt'a, Stier'a и Bethge. Согласно ихъ взглядамъ, въ этомъ случаѣ ап. Павелъ стоитъ на христіанской точкѣ зрѣнія, и, называя послѣдователей Христа „святыми“, предъ всѣмъ собраніемъ заявляетъ, что уже и тогда до обращенія онъ не видѣлъ въ нихъ никакой вины, кромѣ принадлежности къ имени Іисуса (Knabenbauer), и тѣмъ самымъ осуждаетъ свое поведеніе. Мы видѣли, что онъ не отказывался отъ своего родства съ іудейской религіей и іудейскимъ народомъ, и, называя христіанъ „святыми“, просто подчеркиваетъ ихъ ортодоксальность въ отношеніи іудейской же религіи. Они—истинный Израиль, „святые Божіи“, чрезъ духъ и любовь, въ противоположность всѣмъ прочимъ іудеямъ, которые не могутъ отказаться отъ фарисейской закваски, вникнуть въ духъ закона и признать Іисуса изъ Назарета Мессіей. Эти израильтяне освящены

---

[1]) Арѳаксадовъ, стр. 130 прим.

[2]) Felten, s. 445, Anm. 1.

Христомъ, близки Богу и далеки отъ того „Ἰουδαϊσμός“ (**Гал** I, 13), въ которомъ коснѣютъ фанатики-фарисеи [1]).

Вотъ такихъ-то истинныхъ израильтянъ Павелъ преслѣдовалъ, схватывалъ, и, когда они отказывались измѣнить своимъ исповѣданіямъ, заключалъ въ темницы (ἐν φυλακαῖς κατέκλεισα—ср. **Лк** III, 20). Онъ не стѣснялся ничѣмъ: врывался въ частные дома и влачилъ на мученія мужчинъ и женщинъ (**Дн** VIII, 3)). Въ эпоху прокураторовъ Синедріонъ въ Іерусалимѣ имѣлъ особыхъ служителей, нѣчто вродѣ полицейскихъ, посредствомъ которыхъ могъ производить аресты, привлекать на судъ и приводить свои приговоры, если они ограничивались только тѣлесными наказаніями, въ исполненіе [2]). Несомнѣнно, что съ такими „подручными“ и оперировалъ Павелъ, такъ какъ невозможно предположить, что аресты—актъ оффиціальный онъ совершалъ частными средствами.

Дальнѣйшимъ проявленіемъ ненависти Павла къ христіанамъ было то, что онъ, „ἀναιρουμένων αὐτῶν κατήνεγκα ψῆφον“.

Что̀ означаетъ это выраженіе?

Blass видитъ здѣсь указаніе на участіе Павла въ убійствѣ Стефана (ср. **Дн** XXII, 20), какъ онъ самъ объ этомъ раньше говорилъ, но этому противорѣчитъ множ. ч. πολλούς. Лучше предположить, что онъ здѣсь говоритъ вообще о многихъ, замученныхъ имъ, въ томъ числѣ—о Стефанѣ. Павелъ подавалъ свой голосъ (καταφέρειν ψῆφον — бросать въ урну камешекъ съ своимъ голосомъ въ случаѣ согласія на извѣстный актъ [3])), т. е. свое полное согласіе, когда заходила рѣчь о смертныхъ приговорахъ въ отношеніи

---

[1]) Stier, s. 291—292; Bethge, s. 272.

[2]) Арѳаксадовъ, стр. 51, 194.

[3]) Паралл. къ этому ψῆφον φέρειν въ Κοινη см. у *Libanius* —„κατὰ στήσας ἅπαξ ἐν τῷ συμβουλεύειν ἐμαυτὸν εἰς ἀνάγκην κατακέκλειμμαι, τοῦ τὴν ψῆφον ἐνεγκεῖν“. *Plut. Corriol.*—„τῆς ἡμέρας, ἐν ᾗ τὴν ψῆφον ἔδει φέρειν, ἐνστάσης“. См. у Wetstenii *Novum Testamentum Graecum*—Prolegomena. Amstelodami, 1752, p. 633

христіанъ (ср. паралл. Дн XXII, 20). Этимъ, разумѣется, еще не подчеркивается участіе Павла въ засѣданіяхъ Синедріона съ полноправнымъ голосомъ члена, такъ какъ νεανίας не имѣлъ его [1]). Утверждая противное, Bethge [2]) обнаруживаетъ не совсѣмъ полное знаніе условій и обстановки судебнаго дѣлопроизводства въ Синедріонѣ. Правда, такъ называемые „ученики мудрыхъ"—молодые ученые раввины (ихъ въ Синедріонѣ было 69 человѣкъ) принимали участіе въ совѣщаніяхъ, въ гражданскихъ процессахъ могли подавать голосъ какъ за обвиненіе, такъ и за оправданіе, даже замѣняли судей, когда тѣ отсутствовали. Однако, въ *уголовныхъ процессахъ* они могли говорить только въ пользу подсудимаго, но не противъ него. И когда по выслушаніи дѣла начиналась подача голосовъ съ младшихъ членовъ, они подавали за освобожденіе обвиняемаго. Иногда ученики раввиновъ выступали и въ качествѣ экзекуторовъ [3]). Слѣдовательно, Павелъ, хотя, возможно, и былъ въ числѣ этихъ 69 „учениковъ мудрыхъ", однако, не имѣлъ права оффиціально подавать голосъ за смертный приговоръ въ уголовныхъ процессахъ, а долженъ былъ ограничиваться лишь неоффиціальной агитаціей между полноправными членами за смерть обвиненныхъ въ христіанствѣ.

Намъ остается обратить вниманіе на характерное употребленіе въ анализируемомъ стихѣ соединительныхъ союзовъ καί съ энклитической частицей τέ, что просто указываетъ на тѣсную связь соотвѣтствующихъ выраженій въ виду ихъ внутренняго родства [4]).

---

[1]) Blass, p. 266.

[2]) Bethge, s. 273.

[3]) Арѳаксадовъ, стр. 130, 206; ср. проф. Н. Н. Глубоковскій *Благовѣстіе св. ап. Павла по его происхожденію и существу*—II, СПБ. 1910, стр. 864 особ. пр. 242*a*; ср. Th. Zahn *Paulus der Apostel* въ Herz.—Hk *RE*, XV, 3 Aufl., s 71.

[4]) См. ниже; Blass *Grammat.* s. 258.

Ст. 11.

καὶ κατὰ πάσας τὰς συναγωγὰς πολλάκις τιμωρῶν αὐτοὺς ἠνάγκαζον βλασφημεῖν, περισσῶς τε ἐμμαινόμενος αὐτοῖς ἐδίωκον ἕως καὶ ἔξω πόλεις.

αὐτούς послѣ ἐδίωκ.—syr^{p} C* | καί послѣ ἕως оп. Gig. vulg. |

„и по всѣмъ синагогамъ я многократно мучилъ ихъ и принуждалъ хулить Іисуса и, въ чрезмѣрной противъ нихъ ярости, преслѣдовалъ даже въ чужихъ городахъ".

Молодой фарисей, опьяненный высокими полномочіями религіознаго сыщика, не удовлетворялся только участіемъ въ засѣданіяхъ Синедріона о христіанахъ, и если не подачей голоса, то своими разсказами и доносами способствовалъ произнесенію смертныхъ приговоровъ надъ ними. Ему было мало заключать въ темницы явныхъ христіанъ, приводимыхъ въ Синедріонъ на судъ за неисполненіе закона и традицій отеческихъ, онъ жаждалъ уничтожить, раздавить, освободить священный городъ отъ такихъ ренегатовъ. Онъ рѣшается *отыскивать* христіанъ, новый моментъ (καί) дѣятельности Павла, отыскивать между іудеями же, потому что въ первое время христіане не отличались рѣзко отъ нихъ, исполняли даже предписанія закона, посѣщали храмъ (Дн II, 46 сл.), синагоги. Посѣщеніе послѣднихъ, которыхъ въ то время въ Іерусалимѣ было нѣсколько [1]), было обязательно для христіанъ. Если

---

[1]) Талмудическія сказанія называютъ 480 синагогъ въ Іерусалимѣ. Однако, это слишкомъ большая цифра опровергается другими источниками. См. у Schurer, II, 425_{31} и 449_{69} W. Bacher устанавливаетъ, что въ Іерусалимѣ, помимо синагогъ, воздвигнутыхъ мѣстными капиталистами, много синагогъ принадлежало неіерусалимскимъ іудеямъ. Доказательства этого онъ видитъ въ Дн VI, 9 и IX, 29. См. J. Hastings *Dictionary of the Bible*, vol. IV, 1902, p, 637. Ср. Schurer, II, 65_{212}; проф. Н. Глубоковскій цит. соч. II, 867.

по словамъ Господа Христа „ἰῶτα ἓν ἢ μία κεραία οὐ μὴ παρέλθῃ ἀπὸ τοῦ νόμου, ἕως ἂν πάντα γένηται“ (Мѳ V, 18), то конечно—христіане должны были слѣдовать іудейской традиціи, по которой каждый іудей долженъ носить „образъ закона въ своей душѣ“ [1]), т. е. изучать законъ, впитывать въ себя его духъ и жизнь свою устраивать по нему. Первоначальное изученіе его существовало въ особыхъ школахъ [2]), но съ этой же цѣлью для массы народа въ послѣплѣнное время явилось особое учрежденіе подъ именемъ синагоги, гдѣ по субботамъ собирался народъ, происходило чтеніе и объясненіе Торы. Богослуженія, въ тѣсномъ смыслѣ, здѣсь не было, оно совершалось въ храмѣ, въ синагогахъ же народъ слушалъ лишь ученыхъ раввиновъ, объяснявшихъ Моисеевъ законъ, конечно, съ своей „законнической“ точки зрѣнія. Для народной массы, среди которой и находились главные адепты христіанства, синагогальные часы были единственнымъ средствомъ не оказаться невѣждами въ такомъ важномъ дѣлѣ [3]). Поэтому, и послѣ обращенія въ христіанство много неофитовъ можно было встрѣчать въ синагогахъ. Разумѣется, для нихъ были неважны тѣ объясненія фарисеевъ, которыми сопровождалось чтеніе собственно закона, и, быть можетъ, на почвѣ христіанскихъ идей они и высказывали вслухъ свое несогласіе съ раввинскими толкованіями закона, рѣзко противоположными духу ученія Христа. Агенты Павла, проникавшіе въ эти часы въ синагоги, замѣчали сразу христіанъ, а Савлъ не пропускалъ случая показать на дѣлѣ свои полномочія. Онъ врывался съ своими агентами въ ряды посѣтителей и билъ ихъ (ср. **Дн** XXII, 19) бичами (τιμωρῶν—ів. ст. 5), принуждая злословить (βλασφημεῖν **Дн** XIII, 45; XVIII, 6=λέγειν Ἀνάθεμα Ἰησοῦς—**I Кор** XII, 3; maledicere Christo [4])), Христа. Настоящій текстъ ни-

---

[1]) Schurer, II, s. 423.

[2]) Schurer, II, s. 421 ff.

[3]) Schurer II, s. 428 ff.

[4]) Плиній къ имп. Траяну — „cum praeeunte me Deos appellarent. Et

чего не говоритъ, достигалъ ли Павелъ своей цѣли, но imperf. ἠνάγκαζον указываетъ на то, что Павелъ не останавливался предъ повтореніемъ своихъ нападокъ, не стѣснялся въ средствахъ, и, конечно, могъ слышать въ отвѣтъ на свои требованія и угрозы: „πῶς δύναμαι βλασφημῆσαι τὸν βασιλέα μου, τὸν σώσαντα με“, но можно *предполагать* (а не утверждать на основаніи ἠνάγκαζον, стоящаго наряду съ τιμωρῶν, какъ это дѣлаетъ Stier [1]), также частичныя отпаденія отъ христіанства нетвердыхъ душъ.

Въ настоящую минуту, окидывая взглядомъ свое безсмысленное и дикое отношеніе къ христіанамъ, Павелъ не можетъ иначе назвать себя, какъ „περισσῶς τε (связь съ предыдущемъ=лат. que) ἐμμαινόμενος αὐτοῖς“. Такимъ терминомъ (въ **Н. З.** онъ нигдѣ болѣе не встрѣчается) Павелъ въ раскаяніи не стыдится обозначить своей выходки, какъ результатъ фанатической ярости, когда человѣкъ не слышитъ голоса совѣсти, разсудка и бросается, какъ бы по инстинкту, становится болѣе невмѣняемымъ... Такъ, одно имя Іисусъ, не Его дѣло, одно слово било Савла, подобно желѣзнымъ прутьямъ, онъ выходилъ изъ себя, забывалъ всякія границы и становился бѣшенымъ звѣремъ (περισσῶς ἐμμαινόμενος αὐτοῖς), готовымъ растерзать всякаго, кто хоть немного симпатично отзовется объ этомъ ненавистномъ ему имени. Отказы христіанъ „βλασφημεῖν“ еще болѣе увеличивали его неистовство, и онъ жаждалъ ихъ крови, уже не удовлетворялся Іерусалимомъ, такъ какъ, быть можетъ, его выходки заставили христіанъ быть осторожнѣе, и его миссія сдѣлалась довольно затруднительной. Ниже мы увидимъ, что многіе христіане даже удалялись изъ Іерусалима. Тогда онъ рѣшилъ перенести поле своихъ дѣйствій изъ Іерусалима даже (καί) въ другіе

---

imagini tuae thure ac vino supplicarent praeterea maledicerent Christo; quorum nihil cogi posse dicuntur, qui sunt re vera Christiani“. *Epistolae* XCVI, 5.

[1]) Stier, cit. op. s. 295.

города въ чертѣ надзора Синедріона, лежащіе внѣ собственной Палестины.

Итакъ, мысль, что преслѣдованіе имени Іисуса изъ Назарета есть жизненное призваніе, задача Павла (ст. 9), сдѣлала изъ него яростнаго гонителя сторонниковъ этого Имени, воплощавшихъ въ жизни высокіе идеалы христіанской морали. Эта мысль заставила его „πολλὰ ἐναντία πρᾶξαι πρὸς τὸ ὄνομα Ἰησοῦς“. Частными моментами этого ἐναντία были его дѣйствія сначала въ Іерусалимѣ, гдѣ онъ многихъ заключалъ въ темницы, привѣтствовалъ смертные приговоры, отыскивалъ христіанъ по синагогамъ, часто наказывалъ ихъ, заставляя отрекаться отъ Христа, преслѣдовалъ ихъ даже внѣ Іерусалима (αἱ ἔξω πόλεις—„чужеземные города“).

Но Промыслъ не допустилъ, чтобы такая сильная, богатоодаренная натура погибла въ борьбѣ съ истиной, и Павелъ чудесно обращается въ ревностнѣйшаго христіанина, когда однажды находился на пути въ Дамаскъ.

Примѣчаніе. Частицы καὶ τε, καὶ τε и выражаютъ однородность этихъ дѣйствій, объединенныхъ одной мыслью.

Ст. 12.

Явленіе Іисуса (стт. 12—15).

ἐν οἷς πορευόμενος εἰς Δαμασκὸν μετ' ἐξουσίας καὶ ἐπιτροπῆς τῆς τῶν ἀρχιερέων,

καὶ послѣ οἷς прибавляютъ HLP, но ℵABCE, Tisch., Treg., W. a. H. опускаютъ.

εἰς τὴν Δ. мног. (опуск. τὴν AE) | καὶ ἐπιτρ.] *provocatione* Gig. | τῆς оп. (ℵ^{c}) AEI: Bethge видитъ въ этомъ τῆς интерполяцію переписчика, s. 261.

т. παρὰ τῶν ἀρχ. CHLP.

„Для сего идя въ Дамаскъ со властію и порученіемъ отъ первосвященниковъ“,

Изъ Іерусалима Савлъ переноситъ поле своихъ дѣйствій въ непалестинскіе города.

Въ настоящемъ случаѣ Апостолъ, говоря о своемъ пути въ Дамаскъ [1]) не указываетъ, былъ ли это первый изъ такихъ непалестинскихъ городовъ, или же онъ успѣлъ побывать въ другихъ и говоритъ о Дамаскѣ въ виду особаго обстоятельства. Редакція текста HLP, ставя καί послѣ ἐν οἷς, очевидно, хочетъ подчеркнуть послѣднее. Однако, съ этимъ едвали можно согласиться. Древнѣйшіе тексты опускаютъ καί, поэтому, возможно предположить здѣсь ошибку или же свободную интерполяцію переписчика IX вѣка. Что же касается собственно контекста, то онъ не даетъ права на такое предположеніе и помимо отсутствія прямого указанія на посѣщеніе Савломъ другихъ городовъ въ роли гонителя христіанъ. На самомъ дѣлѣ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ передается подобный разсказъ, путь Павла въ Дамаскъ представляется, какъ непосредственный переходъ изъ Іерусалима: **Дн** VШ, 3, 4, гдѣ рѣчь идетъ, несомнѣнно, объ Іерусалимѣ (τοὺς οἴκους), находится въ прямой связи съ IX, 1, 2, такъ какъ VШ, 5—40 является простой характеристикой дѣятельности разсѣявшихся отъ гоненія христіанъ (ср. VШ, 4), и, слѣдовательно, IX, 1—2—естественное продолженіе VШ, 3. Савлъ дѣйствовалъ въ Іерусалимѣ (VШ, 3), потомъ является къ первосвященнику и беретъ у него (ἐπιστολὰς εἰς Δαμασκόν, IX, 2) письменное разрѣшеніе на преслѣдованіе христіанъ въ Дамаскѣ. Интересно также, что Ананія въ молитвѣ своей предъ миссіей отъ Господа говоритъ: „я слышалъ отъ многихъ о семъ человѣкѣ, сколько зла сдѣлалъ онъ святымъ Твоимъ въ Іерусалимѣ; и здѣсь (очевидно въ окрестностяхъ Дамаска — ср. контекстъ) имѣетъ отъ первосвященниковъ власть вязать всѣхъ призывающихъ имя Твое“ (IX, 13—14). Если бы тенденція HLP была вѣрна, то Ананія наряду съ Іерусалимомъ

[1]) Πορεύομαι въ средн. зал. имѣетъ значеніе дѣйств. зал. ср. Schirl. s. 348.

упомянулъ бы и о другихъ мѣстностяхъ или же просто назвалъ его гонителемъ. Но очевидно, что Савлъ былъ повсюду извѣстенъ, какъ гонитель христіанъ именно въ Іерусалимѣ, явившійся и въ Дамаскъ. Самъ Апостолъ въ своей позднѣйшей рѣчи, съ лѣстницы крѣпости, указываетъ на разрѣшеніе пути въ Дамаскъ отъ первосвященника, какъ на первый въ такомъ родѣ, цѣлью котораго было—„тамошнихъ (христіанъ Дамаска) привести въ оковахъ въ Іерусалимъ на истязанія“ (**Дн** XXII, 5).

Такимъ образомъ, путь въ Дамаскъ былъ въ своемъ родѣ первой сессіей агента *Синедріона*. На чемъ она опиралась?

Городъ Дамаскъ [1]), богатый своимъ прошлымъ [2]), уже при первомъ появленіи римлянъ въ Сиріи былъ занятъ Скавромъ, легатомъ Помпея [3]), и оставленъ съ этихъ поръ подъ римскимъ владычествомъ [4]). Немного позже 36—37 гг. по Р. Х., когда имѣлъ мѣсто путь Савла, Дамаскъ находился въ вѣдѣніи намѣстника аравійскаго царя Ареѳы (**2 Кор** II, 32), слѣдовательно, опять перешелъ къ Аравіи, получивъ нѣкоторую автономность, вѣроятно отъ Калигулы, который могъ сдѣлать это, какъ подарокъ преданному Ареѳѣ [5]). Во всякомъ случаѣ, въ это время не было монетъ съ изображеніемъ Калигулы и Клавдія, и появляются только съ изображеніемъ Нерона [6]). Автономное положеніе Дамаска, конечно, очень способствовало спокойному развитію различныхъ сторонъ народной жизни и заставляло его правителей относиться вполнѣ терпимо къ чужеземнымъ элементамъ, полезнымъ въ экономическихъ и индустріальныхъ отношеніяхъ. Дамаскъ представлялся уже тогда однимъ изъ центровъ восточной торговли, и евреи играли въ немъ видную роль, какъ купцы-комис-

---

[1]) См. у Felten'a, cit. op. ss. 184 ff.
[2]) Ср. Schurer, II, ss. 117 ff.
[3]) *Antt.* XIV, 23; *Bel. jud* 1, 6, 2.
[4]) Schürer, 1, s. 734.
[5]) Schurer, 1, s. 737.
[6]) Schurer, I, 737 ср. II, 119.

сіонеры для запада и юга. Прот. А. Горскій справедливо предполагаетъ, что особенно много іудеевъ удалилось сюда послѣ активныхъ выступленій Синедріона противъ іудеевъ-христіанъ вслѣдъ за кончиной св. Стефана [1]). Еврейская община въ Дамаскѣ по своей численности превосходила другія народности и могла не стѣсняться въ отправленіи своихъ религіозныхъ нуждъ. Но, съ другой стороны, въ такомъ почти интернаціональномъ городѣ для іудейства было много опасностей отъ стороннихъ вліяній, и христіанство могло пустить здѣсь прочные корни. Это и послужило, несомнѣнно, основаніемъ для іерусалимскаго Синедріона проявить здѣсь права религіознаго цензора [2]).

Выше мы имѣли случай говорить о компетентности и вліяніи іерусалимскаго Синедріона за предѣлами Палестины (стр. 19 сл.). Прямую власть онъ имѣлъ въ Іудеѣ, но, конечно, къ его предписаніямъ прислушивалось все вообще ортодоксальное іудейство [3]), хотя, конечно, проведеніе ихъ въ жизнь зависѣло отъ „βουλή“ той или другой іудейской общины. И строго говоря, іерусалимскій Синедріонъ не имѣлъ никакого права (оффиціальнаго) арестовать, судить и предать крестной смерти съ позволенія римской praeses Іисуса Христа, такъ-какъ Онъ постоянно жилъ въ Галилеѣ [4]).

Кромѣ такихъ палестинскихъ же, но не входившихъ въ число іудейскихъ топархій, городовъ, были еще города по финикійскому берегу, на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ

---

[1]) А. Горскій *Исторія Евангельская и церкви апостольской.* С-Тр. Сер. Лавра, 1902, стр. 388.

[2]) Интересно, что такой внимательный изслѣдователь, какъ G. G. Findlay, оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросъ: на какомъ основаніи Павелъ могъ проявлять свои стремленія уничтожить іудео-христіанъ въ столь отдаленномъ и совершенно свободномъ городѣ, какъ Дамаскъ (см. J. Hastings *Dictionary*, vol. III, p. 701_2). Очевидно, онъ считаетъ правовую сторону этого дѣла вполнѣ понятной и естественной. Однако это не совсѣмъ такъ.

[3]) Ср. Hastings, IV, p. 402_2.

[4]) Schürer, II, s. 206.

собственной Палестины, которые находились въ особыхъ отношеніяхъ къ іерусалимскому Синедріону.—Это эллинистическіе города. Къ числу ихъ относился и Дамаскъ.

Въ нихъ іудейство составляло многочисленный классъ населенія [1]), чаще богатый, вслѣдствіе участія въ міровой торговлѣ. Жизнь въ эллинистическихъ городахъ, гдѣ била живымъ ключемъ философская мысль, гдѣ встрѣчались и расходились самыя разнообразныя религіозно-философскія представленія, налагала особый отпечатокъ на іудеевъ-эллинистовъ. Они принимали греческіе обычаи, греческій языкъ, но не измѣняли своей національности [2]). Ихъ іудейство не ослабѣвало. Они чувствовали себя связанными узами любви и благоговѣнія съ іерусалимскимъ храмомъ. Они добросовѣстно уплачивали свои повинности въ пользу храма; и чѣмъ далѣе они жили отъ Іерусалима, тѣмъ бо́льшую цѣну онъ получалъ для нихъ, тѣмъ ярче былъ ореолъ, окружавшій его въ ихъ глазахъ [3]). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, строгое „законничество“, т. е. выполненіе всѣхъ мелочныхъ предписаній Закона и раввинистическихъ „разъясненій“, должно было постепенно замѣняться болѣе свободнымъ отношеніемъ къ традиціямъ отцовъ. Конечно, на такое вліяніе эллинизма іерусалимскіе законники не могли смотрѣть иначе, какъ отрицательно, съ подозрѣніемъ. Сами іудеи-эллинисты однако были далеки отъ совершенной ассимиляціи съ неіудеями: въ нихъ слишкомъ сильна была націоналистическая презрительность ко всему неіудейскому, и своею гордостью и исключительностью они иногда превосходили своихъ палестинскихъ собратій [4]). Вотъ именно такое сознаніе своей исключительности въ средѣ человѣчества и опредѣляло отношеніе къ іерусалимскому Синедріону.

---

[1]) Глубоковскій, II, 26; Schurer, II, 119.

[2]) Schurer, Ш, s. 92.

[3]) Ср. проф. Валетонъ въ *Иллюстр. Ист. религій*, составл. Шантепи-де-ля-Соссей, Москва, 1899 г. стр. 420 сл.

[4]) Ср. Глубоковскій, II, стр. 402_{1193}.

Можно было свободно относиться къ обычаямъ и требованіямъ „учителей“, которые въ эллинистической средѣ теряли свою остроту и принудительность, но каждый іудей съ гордостью сознавалъ свою религіозную независимость и нравственную свободу въ сферѣ вліянія отъ языческой администраціи той или другой эллинистической городской общины. Въ его сознаніи была *пріятная* мысль о своей зависимости въ этомъ отношеніи отъ высшаго Судилища всего богоизбраннаго народа—отъ Синедріона въ Іерусалимѣ. Этотъ церковный центръ всего іудейства могъ всегда надѣяться, что іудеи-эллинисты не удалятся отъ его воли и предписаній, хотя-бы они и имѣли свои синагоги.

Національная обособленность, замкнутость и слишкомъ ревнивое отношеніе къ предписаніямъ и чистотѣ заставляли іудеевъ, жившихъ въ эллинистическихъ городахъ, объединяться и образовывать особыя религіозныя общины, наряду съ общинами политическими. И конечно, такія общины должны были прежде заботиться о томъ, что́ составляло жизненный нервъ для каждаго вѣрующаго іудея, т. е. объ изученіи Закона [1]). Мы уже видѣли выше, что такой школой для народа въ послѣплѣнное время явились синагоги [2]), въ которыхъ въ особые „синагогальные“ часы по субботамъ происходило чтеніе и объясненіе Закона. Въ эпоху Христа синагогъ было вообще очень много, и интересна гипербола одного талмудическаго трактата: „здѣсь (въ Іерусалимѣ) 400 синагогъ, въ каждой изъ нихъ по 400 учителей, каждаго изъ которыхъ слушаютъ 400 дѣтей“ [3]).

Забота о синагогѣ лежала на обязанности главнымъ образомъ архисинагога, который иногда совмѣщалъ должности одного изъ архонтовъ общины и архисинагога. Уже

---

[1]) Schurer, II, s. 419 ff.

[2]) Hastings, IV, p. 642: Schurer, II, s. 428.

[3]) Hastings, II, p. 642.

одно это обстоятельство достаточно говоритъ о томъ выгодномъ положеніи, какое занималъ архисинагогъ [1]). Каждая синагога имѣла своего архисинагога (Лк XIII, 14), который представляется самоличнымъ распорядителемъ всего, что́ касается богослужебно-синагогальнаго. Онъ долженъ былъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ синагогѣ не происходило ничего непозволительнаго (Лк XIII, 14), онъ даетъ позволеніе на чтеніе и объясненіе Закона и пр. [2]).

Если въ эллинистическихъ городахъ существовала среди іудеевъ совершенно самостоятельная, собственная юрисдикція [3]), то такая свобода логически вытекала и въ отношеніи отправленія своихъ дидактическихъ церковныхъ нуждъ. Несомнѣнно, конечно, что синагога была центромъ, откуда могъ исходить негласный и гласный надзоръ за отношеніемъ къ іудейскому праву и религіи іудеевъ-эллинистовъ, такъ-какъ прямой зависимости отъ іерусалимскаго Синедріона не существовало. Но та живая связь, которая поддерживалась всѣми іудеями Діаспоры съ св. городомъ, вслѣдствіе нахожденія только въ немъ *законнаго* храма, была въ нѣкоторомъ смыслѣ регламентирована. Если въ іудейскихъ эллинистическихъ общинахъ строго соблюдался Законъ, то не менѣе строго должно было быть и отношеніе къ предписаніямъ о податяхъ въ пользу храма и участіи въ храмовыхъ праздникахъ. Почти въ каждомъ городѣ существовала особая касса, куда собирались подати въ пользу храма [4]). Эта же моральная связь іудеевъ-эллинистовъ съ своей родиной подчеркивается и благочестивыми паломничествами въ Іерусалимъ на празднества. И интересно, что Іосифъ (*Bell. jud.* VI, 9, 3) считаетъ такихъ паломниковъ въ 2700000. Слѣдовательно, религіозное чувство вѣрующихъ іудеевъ

---

[1]) Schürer, II, 436—440 ср. III, ss. 49—50.
[2]) Schürer, II, s. 439.
[3]) Schürer, III, ss. 70—78.
[4]) Schürer, III, s. 100.

въ эллинистическихъ общинахъ не стѣснялось разстояніемъ и живо интересовалось церковной жизнью св. города.

Конечно, все сказанное вполнѣ примѣнимо было и къ іудейской эллинистической общинѣ города Дамаска.

Это былъ одинъ изъ значительныхъ городовъ Діаспоры. Въ немъ была многочисленная іудейская община, число членовъ которой Іосифъ опредѣляетъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ [1]). Въ Дамаскѣ было *много* синагогъ (Дн IX, 2, 20). Всѣ ихъ архисинагоги, конечно, были совершенно самостоятельны въ своихъ дѣйствіяхъ, и вообще вліяніе главнаго церковнаго центра въ Іерусалимѣ могло сказываться преимущественно не въ гражданско-правовой сферѣ, но въ области богословской, церковной. Синедріонъ не имѣлъ права давать прямыхъ предписаній и распоряженій относительно „жизни подъ Закономъ“ членовъ іудейскихъ общинъ. Но, какъ мы говорили, все ортодоксальное іудейство прислушивалось къ этимъ послѣднимъ. И конечно, члены Синедріона не могли не учитывать этой нравственной зависимости представителей общинъ отъ его желаній и надзора за чистотой религіи и морали.

Вотъ именно это и опредѣляло право Синедріона послать Савла въ Дамаскъ для отыскиванія христіанъ и представленія ихъ Верховному суду въ Іерусалимѣ (XI, 2). Успѣху такого дѣла, несомнѣнно, должно было способствовать письменное обращеніе первосвященника къ городской общинной синагогальной администраціи, которая не могла смотрѣть на этотъ документъ, иначе, какъ на актъ, имѣющій силу закона. Исторія не сохранила намъ этотъ документъ, но можно предполагать, что въ немъ синедріальная власть говорила о страшной опасности, какую представляли для религіи отцовъ отступники отъ нея, которые заражены „назорейской ересью“. Возможно, что здѣсь же была и рекомендація молодого ученаго фарисея—Савла, какъ облеченнаго особыми полномочіями религіознаго сыщика.

---

[1]) Ср. *Bell. jud.* II, 20 2; VII, 8, 7.

Понятно, что архисинагоги изъ уваженія къ авторитету высшаго церковнаго центра должны были оказать Савлу всякое содѣйствіе въ его миссіи.

Трудно сказать, почему именно Дамаскъ избралъ Синедріонъ цѣлью миссіи Савла?

Но можно думать, что здѣсь немаловажную роль игралъ указанный выше интернаціональный характеръ города, благопріятствовавшій переходу іудеевъ въ христіанство, и удаленность этого города отъ сферы римскаго вліянія, которое было вообще адверсативно выступленіямъ Синедріона въ роли палача (Стефанъ). Кромѣ того, какъ можно заключить изъ факта замужества дочери Ареѳы за Иродомъ Антипой, іудейское вліяніе было сильно при дворѣ, и Синедріонъ могъ разсчитывать на это въ своихъ ближайшихъ цѣляхъ [1]) къ начальникамъ синагогъ Дамаска [2]).

Итакъ, Павелъ, облеченный званіемъ (ἐξουσία—властью по должности, независимо отъ случайныхъ прерогативъ) синедріальнаго миссіонера и спеціальнымъ письменнымъ *документомъ* для проявленія своей власти въ Дамаскѣ среди іудеевъ (ἐπιτροπῆ — согласіе, позволеніе=IX, 2 и XXII, 5. Lightfoot приписываетъ авторство этого документа Гамаліилу, пользовавшемуся тогда большимъ авторитетомъ въ іерусалимскомъ Синедріонѣ [3]), однако, едвали это посланіе носило прямые слѣды толерантности этого ученаго въ отношеніи къ христіанству—ср. Дн V гл.) отправляется въ Дамаскъ, отстоящій отъ Іерусалима на 270 верстъ [4]).

Ст. 13.

ἡμέρας μέσης κατὰ τὴν ὁδὸν εἶδον, βασιλεῦ, οὐρανόθεν ὑπὲρ τὴν λαμπρότητα τοῦ ἡλίου περιλάμψαν με φῶς καὶ τοὺς σὺν ἐμοὶ πορευομένους,

---

[1]) Иннокентій, стр. 367.
[2]) Felten, s. 183.
[3]) Lightfoot, cit. op. p. 74a.
[4]) Фарраръ, стр. 118.

„среди дня на дорогѣ я увидѣлъ, государь, съ неба свѣтъ, превосходящій солнечное сіяніе, осіявшій меня и шедшихъ со мною".

Уже на самой дорогѣ случается нѣчто такое, что производитъ коренной переворотъ во всемъ существѣ Савла и дѣлаетъ изъ страшнаго гонителя ревностнѣйшаго послѣдователя Распятаго.

Это событіе тѣмъ чуднѣе, что въ раннѣйшей жизни Павла не было прецедентовъ, которые могли бы подготовить его обращеніе: онъ всегда былъ противникомъ Христа и даже задавался цѣлью, какъ мы видѣли выше, истребить самое имя христіанъ. Его собственная характеристика своихъ лютыхъ отношеній къ христіанамъ, когда не спокойное доказательство, выясненіе своихъ недоумѣній имѣло мѣсто, а темница, пытки, кровь, подчеркиваетъ, что онъ издавна былъ такимъ непримиримымъ врагомъ послѣдователей Воскресшаго, и строй его міросозерцанія совершенно исключалъ бы психологическую почву для обращенія. Поэтому, если бы историческій матеріализмъ, видящій вездѣ результаты постоянной эволюціи фактовъ, былъ правъ въ настоящемъ случаѣ, то мы видѣли бы, какъ Савлъ въ вопросахъ о сущности и характерѣ новой религіи сближался хотя на время съ христіанами, бесѣдовалъ съ ними, и такимъ-то образомъ іудаизмъ переходилъ бы въ христіанство, — и „все богатство его вѣры было бы личнымъ преобразованіемъ старыхъ іудейскихъ понятій" [1]). Однако, этого ничего нѣтъ. Савлъ не могъ быть потрясенъ въ своихъ убѣжденіяхъ столкновеніями съ христіанами: для этого не было ни мѣста, ни времени, ни повода. Кромѣ того, христіанская идеологія была слишкомъ противоположна фарисейскимъ тенденціямъ. Самый главный фактъ—воскресеніе Господа Христа и спаситель-

---

[1]) Проф. Глубоковскій *Благовѣстіе*, т. I, 9.

ность Его крестнаго подвига, оказывался безъ всякаго надлежащаго эквивалента въ міросозерцаніи тарсійскаго законника. Онъ не могъ смотрѣть на смерть Іисуса иначе, какъ на знакъ неугодности Его дѣла Іеговѣ, и она-то подчеркнула призрачность Его дѣяній. Что же касается собственно воскресенія Христа, то оно пробивало брешь въ идеологіи фарисейства, такъ какъ послѣднее ожидало лишь конечнаго всеобщаго воскресенія и отрицало возможность частнаго. И недаромъ фарисеи изъ raison de vivre рѣшились на ложь о кражѣ учениками тѣла Іисуса (**Мѳ** XXVIII, 12—13).

Конечно, Савлъ слыхалъ о чудесахъ въ христіанскомъ мірѣ, но могъ соглашаться лишь съ мыслью о сношеніяхъ Іисуса со злой силой, которая подчасъ принимаетъ „образъ ангела свѣтла“ (**2 Кор** IX, 14). Такую же мѣрку онъ долженъ былъ прилагать къ почти ежедневнымъ завѣреніямъ христіанъ, что Спаситель воскресъ, живъ и пр.: они не знаютъ Закона и не понимаютъ своего заблужденія—вотъ выводъ, къ которому приходилъ Савлъ.

Такимъ образомъ, всѣ психологическія предпосылки обращенія Савла гонителя въ Павла Апостола должны разсѣяться. Онъ не могъ самъ собою придти къ вѣрѣ въ мессіанское значеніе Іисуса изъ Назарета, для него страданія Христа были величайшимъ соблазномъ, онъ не могъ смотрѣть на крестъ, какъ на престолъ, а на Голгофу, какъ на подножіе его. Смерть Іисуса для него была яркимъ доказательствомъ фиктивности всего Его дѣла, и онъ не могъ допустить и мысли о реальности чаяній и жизненности принциповъ послѣдователей Іисуса. Не логическіе или историческіе пріемы доказательства здѣсь имѣли примѣнимость, нѣтъ—только неумолимая жестокость могла быть доводами для этихъ фанатиковъ, и Савлъ доказывалъ это на дѣлѣ...

Все это въ достаточной мѣрѣ сильно подтверждаетъ мысль, что обращеніе Савла было не завершеніемъ естественно-психологическаго процесса подъ вліяніемъ сно-

шеній съ христіанами и стараній разрѣшить недоумѣнія по поводу ихъ необыкновенной убѣжденности въ своемъ исповѣданіи, а чудеснымъ актомъ милосердія Божія, употребившаго сильное средство для обращенія и спасенія невѣрнаго (1 **Кор** IX, 1; XV, 8; **Гал** I, 13—16). Св. Іоаннъ Златоустъ также признаетъ эту *внезапную* перемѣну въ Савлѣ: „тѣмъ достовѣрнѣе этотъ свидѣтель (т. е. Савлъ), который употреблялъ тысячи средствъ противъ вѣрующихъ, внушалъ злословить ихъ, вооружалъ противъ нихъ и города, и начальниковъ, и самъ дѣлалъ все, но потомъ *внезапно* перемѣнился“ [1]).

Павелъ начинаетъ повѣствовать о чудѣ въ собственномъ смыслѣ и своимъ обращеніемъ къ царю Агриппѣ (βασιλεῦ—или ὦ βασιλεῦ—syr[2], C*) требуетъ особаго вниманія къ своимъ дальнѣйшимъ словамъ.

Въ полдень (ἡμέρας μέσης—опредѣленнѣе μεσημβρίας—**Дн** XXII, 6; род. п. для обозначенія времени [2]). Въ свободной передачѣ Павелъ не обращается къ классическ. μέσον ἡμέρας, μεσοῦσα ἡμέρα, μεσημβρία [3])), когда менѣе всего возможно сонное состояніе, и человѣкъ хорошо воспринимаетъ все, происходящее передъ нимъ [4]), Савлъ па-

---

[1]) Златоустъ *Бесѣды*, 2, 379

[2]) Meyer, s. 179.

[3]) Ср. *Thomas*—„μέσον ἡμέρας, καὶ μεσημβρία, καὶ μεσοῦσα ἡμέρα μέση δὲ ἡμέρα κοινόν“. *Herodianus*—„μέσον ἡμέρας καὶ μεσημβρία οὐχ ἡ μέση ἡμέρα“. Wetsteinii, cit. op. p. 633.

[4]) Κατά съ вин. п. нерѣдко означаетъ мѣсто, гдѣ что-нибудь происходитъ. Часто этимъ κατά подчеркивается, что это *нѣчто* находится только *одно* въ одномъ пунктѣ, исключаетъ все иное: ср. **Мѳ** XIV, 13 (Ἰησοῦς . . . ἀνεχώρησεν ἐκεῖθεν . . . εἰς ἔρημον τόπον κατ ἰδίαν (подр. χώραν); 23 (ἀπολύσας τοὺς ὄχλους, ἀνέβη εἰς τὸ ὄρος κατ᾽ ἰδίαν προσεύξασθαι) и пр. Смыслъ предлога κατά въ этихъ выраженіяхъ именно въ указаніи *пустынности, свободности, незанятости, ничьмъ* опредѣленнаго мѣста, ср. Schirlitz, s. 216. Ев. Лука анализируемымъ выраженіемъ хочетъ сказать, что увидѣнный Савломъ свѣтъ (φῶς) не могъ быть результатомъ галлюцинаціи, флюоресценціи отъ какого-нибудь случайно находившагося на дорогѣ объекта. Наоборотъ, дорога была совершенно пуста, какъ широкая лента тянулась предъ Павломъ.

ходился съ своими спутниками на дорогѣ (κατὰ τὴν ὁδόν—ср. **Дн** VIII, 36; XXV, 3 [1])) одушевляемый одной мыслью выполнить возможно тщательнѣе свою задачу въ Дамаскѣ. Онъ, быть можетъ, обдумывалъ планъ своихъ дѣйствій на основаніи общаго разрѣшенія Синедріона воздѣйствовать на ренегатовъ іудейства. Быть можетъ, онъ проклиналъ этихъ послѣднихъ за невѣжество, лишавшее его спокойной жизни. Вдругъ, внезапно на дорогѣ, прямо предъ путешественниками, совершилось что-то необычное. Савлъ увидѣлъ (εἶδον—воспринимать чувственнымъ взоромъ [2])), съ неба (οὐρανόθεν—XIV, 17) спустившійся цѣлый снопъ свѣта, озарившій его съ спутниками со всѣхъ сторонъ (περιλάμψαν [ср. **Лк** II, 9] με φῶς καὶ τοὺς σὺν ἐμοὶ πορευομένους) и затмившій солнечный блескъ (ὑπὲρ τὴν λαμπρότητα τοῦ ἡλίου. Въ Н. З ὑπέρ не встрѣчается для опредѣленія мѣста, но всегда, какъ извѣстный тропъ, для обозначенія числа, порядка, качества: **Мѳ** X, 24—„οὐκ ἔστι μαθητὴς ὑπὲρ τὸν διδασκάλον“ и т. д. [3])). Интенсивность и экстенсивность (περιλάμψαν με... καὶ τοὺς σὺν ἐμοὶ πορευομένους) этого свѣта была такова, что исключала всякую мысль о натуральности этого явленія,—и путники не выдержали...

Настоящій разсказъ передаетъ объ этомъ замѣчательномъ событіи полнѣе и болѣе сильными словами („чтобы устранить всякое сомнѣніе въ небесной реальности“ этого явленія [4])), чѣмъ **Дн** IX, 3 и XXII, 6. Экстенсивность свѣта тамъ совершенно не указана. Ап. Павелъ тамъ только говоритъ: „ἐκ τοῦ οὐρανοῦ περιαστράψαι φῶς ἱκανὸν περὶ ἐμέ“—XXII, 6, но добавляетъ—„οἱ δὲ σὺν ἐμοὶ ὄντες τὸ μὲν φῶς ἐθεάσαντο“—ст. 9, и можно думать, что онъ одинъ находился въ сіяніи, тогда какъ другіе только созерцали этотъ солнечный блескъ. Въ анализируемомъ стихѣ совершенно опредѣленно говорится, что Савлъ и его спутники были

---

[1]) Nosgen *Gesch d. N—T—chen Offenbar.* Munchen, 1893, II, s. 171.

[2]) Schirlitz, s. 119; Zorell, p. 397 sq.

[3]) Winer *Grammat.* s. 376, e.

[4]) Bethge, s. 274.

залиты этимъ свѣтовымъ снопомъ, прорѣзавшимъ пылающій отъ яркихъ солнечныхъ лучей воздухъ и ослѣпившимъ ихъ. Блаж. Θеофилактъ очень картинно изображаетъ появленіе необыкновеннаго ореола: „τῶν αἰσθητῶν φωτεινότερον παράγων, καὶ μὴ δυνάμενος ἀντισῶσαι τῷ φωτὶ ἐκείνῳ τὸ τοῦ Ἰησοῦ φῶς; καθὼς δύναται παραδέχασθαι ἀκοὴ ἀνθρώπου λαλεῖν, Ὑπερνικᾷ τὸ ἡλιακὸν ἐκεῖνο φῶς, φησάς“ [1]).

Ст. 14.

πάντων τε καταπεσόντων ἡμῶν εἰς τὴν [γῆν], ἤκουσα φωνὴν λέγουσαν πρός με τῇ ἑβραίδι διαλέκτῳ: „Σαοὺλ, Σαοὺλ, τί με διώκεις; σκληρόν σοι πρὸς κέντρα λακτίζειν“.

πάντων δὲ CHLP | ἡμῶν оп. B | φωνὴν λαλοῦσαν πρός με καὶ λέγουσαν—LP (тоже и безъ καὶ λέγ.—H), λαλ. καὶ λέγ. πρ. με (mihi по Gig.). *Stimulum*—Gig. vulg. Несомнѣнно, что редакція λαλοῦσαν πρός με, καὶ λέγουσαν (такъ LP., Злат. [*Бес.* цит. стр. 273], Θеофилактъ [Migne *Patr. c. c.* t. 125, col. 823], Икуменій [ib t. 118, col. 289] представляетъ собою просто подражаніе **Дн** XXII, 7—„φωνῆς λεγούσης μοι“ и XXII, 9—„τοῦ λαλοῦντος μοι“. Вар. бб текста H (египетская версія [Hσυχιος]) даетъ ред. XXVI, 14: „λαλοῦσαν πρός με καὶ λέγουσαν“ [1]).

Ред. 137, къ „εἰς τὴν γῆν“ прибавл. „διὰ τὸν φόβον ἐγὼ μόνος“, также syr^{p} mg „prae timore in terram ego tantum“ и „pro timore“ (послѣ γην) даже Gig.

„Всѣ мы упали на землю, и я услышалъ голосъ, говорившій мнѣ на Еврейскомъ языкѣ: Савлъ, Савлъ, что ты гонишь Меня? трудно тебѣ идти противъ рожна“.

Нужно перенестись хоть на мигъ въ обстановку, окружавшую Савла съ спутниками, и увидать ихъ состояніе,

---

[1]) „Представишь-ли самое свѣтлое изъ осязаемаго, и не можетъ быть сравненъ съ этимъ свѣтомъ свѣтъ Іисуса; какъ можетъ воспринять слухъ человѣческій слова. превзойди этотъ солнечный свѣтъ“. Migne *Patr. curs compl.* ser. gr. t. 125, col. 825; ср. Икуменій, t. 118, col. 289.

[2]) См. у Soden *Die Schriften d. Neun. Test.* 1, 3, Berlin, 1910 s. 1664.

чтобы понять то дѣйствіе, которое могъ произвести на нихъ свѣтовой феноменъ.—

„Уже близокъ былъ конецъ пути. Гора Ермонъ давно уже сверкала передъ спутниками, а вонъ и цѣпь Антиливана. Они проѣхали голую, мѣловатую волнистую равнину и достигли деревни Каукабы, т. е. „звѣзды“. Отсюда открывается видъ, который поражаетъ красотой глаза утомленнаго путника. Благодаря золотоструйной Абангъ и извилистому Фарнару, протекающимъ по обѣимъ сторонамъ горнаго кряжа, пустыня цвѣтетъ, подобно розѣ. Вмѣсто сѣрыхъ и каменистыхъ пустынней, путникъ начинаетъ проходить подъ трепещущими тѣнями вѣковыхъ маслинъ. Внизу, изъ тихаго моря зелени, среди листвы орѣховыхъ, гранатовыхъ и пальмовыхъ деревъ поднимаются террасообразныя кровли и сверкающіе куполы незапамятно древняго города, во всѣ вѣка сравнимаемаго съ красотой Божьяго рая. Тамъ, среди садовъ и рощей съ роскошнѣйшими плодами орошаемыхъ прозрачными водами и озолачиваемыхъ лучами нешелохнущагося утра виднѣлся Дамаскъ, этотъ „глазъ востока“. Къ этой-то странѣ потоковъ, къ этому городу источниковъ, къ этому Божьему раю поспѣшалъ теперь Савлъ—не съ вѣстью милости, не для того, чтобы увеличить счастье и красоту этого уголка, но для того, чтобы бичевать, убивать, заключать въ темницы, и именно тѣхъ его обитателей, которые, быть можетъ, были наиболѣе смиренны, наиболѣе благородны, наиболѣе чисты сердцемъ“. „Былъ полдень, а въ Сиріи полуденное солнце свѣтитъ прямо надъ головой нестерпимымъ пламенемъ; безоблачное небо пышетъ, какъ расплавленная мѣдь; побѣлѣвшая земля блещетъ, подобно желѣзу въ печи; воздухъ при вдыханіи дрожитъ и жжетъ, какъ бы проникнутый тонкимъ пламенемъ“ [1]). Но не смотря на усталость, страшную истому, разливавшуюся по тѣлу и препятствовавшую движенію мускуловъ, Павелъ съ нетерпѣніемъ

---

[1]) Фарраръ, стр. 125—126.

спѣшилъ. Оставалось 10 минутъ пути до восточныхъ воротъ южной стѣны Дамаска, согласно традиціи [1]), и вдругъ кругомъ путниковъ заблисталъ такой сильный свѣтъ, который затмилъ своей яркостью даже сирійское полуденное солнце...

Ослѣпленные, какъ бы какимъ грознымъ мановеніемъ съ неба всѣ путники были повергнуты въ оцѣпенѣніи на землю [2]).

Дн IX, 4, 7 и XXII, 6 [3]) говорятъ о паденіи на землю отъ страха только Савла, но это не противорѣчитъ нисколько настоящему стиху, такъ какъ 1) въ параллельныхъ мѣстахъ все это событіе передается не такъ подробно, Павелъ же въ настоящемъ собраніи для яркости и выпуклости факта долженъ былъ не опустить ни одной частной черты [4]). И дѣйствительно: онъ точно опредѣляетъ моментъ блеска свѣтовой волны (XXVI, 13), интенсивность его (ів.), національность языка, на которомъ къ нему былъ обращенъ призывъ (см. ниже). 2) Stier [5]) совершенно вѣрно замѣчаетъ, что **Дн** IX, 4, 7 и XXII, 6 говорятъ *не о началѣ* этого феномена, а *общо* характеризуютъ самый фактъ,—т. е. что Павелъ упалъ, раздался голосъ и пр. Апостолъ же въ рѣчи предъ Агриппой, по указанной выше причинѣ, точно регистрируетъ по памяти отдѣль-

---

[1]) Felten, s. 185. На основаніи сопоставленія **Гал.** 1, 13 и 1, 17 Deissmann заключаетъ, что видѣніе Христа было недалеко отъ Дамаска. *Paulus.* Eine kultur—und religionsgeschichtliche Skizze. Tubing. 1911, s. 81, 2.

[2]) Ср. ред. 137, syrp mg., Gig.—„πάντων τε (предпочтительно предъ δέ CHLP—указываетъ, несомнѣнно, на отсутствіе промежутка между появленіемъ свѣта и паденіемъ на землю) καταπεσόντων ἡμῶν εἰς τ. γῆν διὰ τ. φόβον".

[3]) IX, 4, καὶ πεσὼν ἐπὶ τὴν γῆν ἤκουσεν φωνὴν λέγουσαν αὐτῷ Σαούλ, Σαούλ, τί με διώκεις; 7 οἱ δὲ ἄνδρες οἱ συνοδεύοντες αὐτῷ εἱστήσεισαν ἐνεοί, ἀκούοντες μὲν τῆς φωνῆς, μηδένα δὲ θεωροῦντες.

XXII, 6 Ἐγένετο δέ μοι πορευομένῳ καὶ ἐγγίζοντι τῇ Δαμασκῷ περὶ μεσημβρίαν ἐξαίφνης ἐκ τοῦ οὐρανοῦ περιαστράψαι φῶς· ἱκανὸν περὶ ἐμέ, (По Tischend. ed. 8, vol II).

[4]) Olshausen, cit. op. 745 ff.

[5]) Stier, cit. op. s. 296.

ные моменты: блеснувшій свѣтъ представляетъ начало явленія, Павелъ падаетъ на землю; затѣмъ, ему является (ср. **Дн** IX, 17, 27; **1 Кор** IX, 1; XV, 8) Господь. Въ своихъ рѣчахъ предъ народомъ (XX) и Агриппой (XXVI) Павелъ возстанавливаетъ всѣ эти частные моменты, подчеркивая, что съ явленіемъ свѣта всѣ упали на землю, но видѣть, что́ было дальше съ путниками, онъ не могъ, такъ какъ продолжалъ лежать на землѣ, и если **Дн** IX, 7 говоритъ, что путники „стояли“, то ничто не мѣшаетъ принять, что здѣсь характеризуются именно послѣдующіе уже моменты, когда Савлъ еще продолжалъ лежать и слушать голосъ (ср. IX, 8). Изъ контекста, по крайней мѣрѣ, ясно, что это явленіе подѣйствовало на Савла сильнѣе, чѣмъ на спутниковъ (IX, 8, 9), и это объясняетъ, почему онъ дольше лежалъ въ оцѣпенѣніи. Такимъ образомъ, противорѣчія между настоящимъ и параллельными мѣстами нѣтъ,—первое полнѣе описываетъ все явленіе, послѣднія же говорятъ не о началѣ, а о концѣ его [1]). Neander добавляетъ это указаніемъ на то, что подобная несущественная разница и должна была имѣть мѣсто при повтореніи разсказа о такомъ, изъ ряда выходящемъ обстоятельствѣ. Отсюда, почвой этой разницы служитъ не различный способъ повѣствованія самого Павла, а неточная передача явленія. „Такъ какъ это явленіе въ силу своей природы могло быть разсматриваемо не по законамъ обычнаго земного сообщенія и воспріятія, то, равнымъ образомъ, обстоятельство неодинаковаго воспріятія его содержанія Павломъ и его спутниками ничего не говоритъ противъ его реальности. Мы не знаемъ закона, по которому происходятъ сообщенія изъ высшаго духовнаго міра къ живущему въ чувственномъ мірѣ человѣку, чтобы можно было высказать по этому поводу нѣчто опредѣленное“ [2]).

---

[1]) Nösgen, s. 168.

[2]) Neander, cit. op. s. 113, Anm. 1.

Мы называли этотъ свѣтъ „снопомъ“, „волной“, но является вполнѣ умѣстный вопросъ: что же это былъ за свѣтъ, такъ внезапно поразившій путниковъ?

Отвѣтъ на это можетъ дать только самъ Павелъ.

По словамъ св. ев. Луки,—„люди, шедшіе съ нимъ (Савломъ), стояли въ оцѣпенѣніи... *никого не видя*“ (IX, 7). Св. Павелъ добавляетъ: „*бывшіе же со мною свѣтъ видѣли*“ (XXII, 9). Такъ, для спутниковъ Савла былъ очевиденъ только необыкновенный свѣтъ, который поразилъ ихъ на нѣсколько минутъ, но что за природа или источникъ его—они не могли бы сказать, и, поэтому, св. Лука ограничивается лишь констатированіемъ невѣденія *ихъ*, подчеркивая тѣмъ самымъ, что иначе воспринималъ тотъ свѣтъ Савлъ, пробывшій въ оцѣпенѣніи болѣе продолжительное время и даже лишившійся зрѣнія на три дня (IX, 7—9). Гораздо позднѣе, говоря о своемъ апостольствѣ, св. Павелъ, какъ на свое равенство съ другими апостолами, указывалъ на то, что Господь являлся ему такъ, какъ—ранѣе—Петру, Іакову и пр. апостоламъ (1 **Кор** XV, 8), т. е. тѣлесно, когда они пребывали вмѣстѣ послѣ Его воскресенія, и что онъ видѣлъ самъ своими очами Іисуса Христа, Господа нашего (1 **Кор** IX, 1). Ясное дѣло, что въ іудейскій періодъ своей жизни Савлъ тѣлесно не видѣлъ Христа [1]). Въ періодъ же гонительства до пути въ Дамаскъ Христосъ не являлся ему, въ противномъ случаѣ онъ отмѣтилъ бы это послѣ, какъ актъ чрезвычайной милости къ себѣ. Что же касается настоящаго момента на пути въ Дамаскъ, то онъ былъ, конечно, самымъ естественнымъ и удобнымъ моментомъ для явленія Христа: здѣсь изъ страшнаго рьянаго гонителя христіанства является

---

[1]) Vgl. Neander, s 117, Anm—1. Въ задачу настоящей работы не входитъ разборъ „пневматической“ теоріи Deissmann'a, по которой 1 **Кор** IX, 1, слѣдуетъ относить къ знакомству Савла-юноши съ „земнымъ“ Іисусомъ до обращенія въ Дамаскѣ (Deissmann, однако, отказывается отъ такого вывода! *Paulus*, s. 83), и принять, что подъ Дамаскомъ Савлъ видѣлъ *пневматическаго* Христа (*Paulus*. ss. 82—92).

ревностнѣйшій апостолъ и апологетъ дѣла Іисуса изъ Назарета. И текстъ даетъ хотя и непрямыя доказательства этого.

Услыша голосъ, называвшій его по имени, Павелъ спрашиваетъ: „кто Ты“ (IX, 5; XXII, 8; XXVI, 15)? Т. е. онъ видитъ *кого-то* передъ собой, но не можетъ опредѣлить, *кого* именно, хотя необыкновенная обстановка, въ которой совершается это явленіе, и говоритъ о трансцендентномъ характерѣ Явившагося. Далѣе, Ананія изъ Дамаска, являющійся къ Савлу съ миссіей отъ Бога, прямо говоритъ ему: „Богъ отцевъ нашихъ предызбралъ тебя, чтобы ты.... увидѣлъ Праведника (ἰδεῖν τὸν δίκαιον—увид. посредств. органа зрѣнія, Zorell, p. 397) и услышалъ гласъ изъ устъ Его“ (XXII, 14). Это же подтверждаетъ и ап. Варнава, который, явившись къ апостоламъ въ Іерусалимъ съ Савломъ, разсказалъ имъ „какъ на пути онъ (Савлъ) видѣлъ Господа“ (εἶδεν τὸν κύριον—IX, 27). Въ обоихъ этихъ случаяхъ видѣніе Савломъ Господа служитъ средствомъ выясненія его положенія, какъ апостола, среди христіанъ (IX, 26). Никто не сомнѣвается въ этомъ, такъ какъ всѣ понимаютъ, что подобный коренной переворотъ въ душѣ фанатика-фарисея возможенъ чрезъ особыя благодатныя, чрезвычайныя средства, однимъ изъ которыхъ и было явленіе Господа на пути въ Дамаскъ.

Это явленіе Господа Христа, несомнѣнно, и произошло въ томъ *свѣтѣ*, который сошелъ, по словамъ Апостола, съ неба (XXVI, 13).

Замѣчательную параллель этому мы находимъ въ В. З. Тамъ явленіе Господа всегда предваряло то или иное свѣтовое явленіе, особаго рода сфера, блестящая, яркая и прозрачная, подобная, очевидно, лучамъ радія. Такъ, напр., Исх XXIV, 16, 17 разсказываетъ, что только на седьмой день Богъ лично открылся Моисею на Синаѣ. Свѣтовое же облако было знакомъ просто неличнаго присутствія Бога [1]). Въ такомъ точно образѣ видѣлъ

[1]) Bethge, s. 184.

и Савлъ Христа на пути въ Дамаскъ: сначала онъ увидѣлъ, какъ и его спутники, потусторонній свѣтъ, яркостью своею затмившій полуденное восточное солнце и повергшій всѣхъ на землю, а затѣмъ чрезъ божественную помощь онъ узрѣлъ Воскресшаго Христа. Felten догадывается, что спутники Савла видѣли только первый блескъ этой Шехины, собственно же Христа они не могли созерцать, потому что не были просвѣщены [1]). Для послѣдняго не требовалось непремѣнно встать, и Савлъ могъ видѣть и разговаривать съ Іисусомъ въ лежачемъ положеніи, когда его спутники были уже на ногахъ [2]). Но интересно, что обращенія Павла къ Явившемуся спутники не слышали: текстъ прямо говоритъ, что они слышали только шумъ отъ голоса со стороны, не разбирая его смысла (IX, 7; XXII, 9—подробно объ этомъ ниже).

Ап. Павелъ, говоря о голосѣ Явившагося, не опредѣляетъ точно момента, когда онъ раздался, но его можно опредѣлить приблизительно синтаксическимъ анализомъ формъ „καταπεσόντων“ и „ἦκουσα“ настоящаго стиха.

Такъ называемый „ингрессивный“ аористъ, т. е. обозначающій *исполненіе* чего-нибудь, можетъ выражать наступленіе извѣстнаго состоянія, напр. **Дн** XV, 12—„ἐσίγησεν“. Но при этомъ ничего моментнаго, внезапнаго онъ не означаетъ, а, наоборотъ, что-нибудь продолжительное [3]), самое теченіе процесса и его конецъ. Такъ, „ἦκουσα“ въ настоящемъ случаѣ опредѣляетъ *продолжительность* времени, когда былъ слышенъ голосъ, внезапно раздавшійся. Particip. aorist., когда соединяется съ verb. final., вообще характеризуетъ *прошедшее, уже исполнившееся*, такъ что, если оно соединено съ verb. fin. аориста перваго, то выражаетъ, что означенное имъ дѣйствіе *уже исполнилось*, тогда какъ дѣйствіе verb. fin. находится еще

---

[1]) Felten, s. 186.

[2]) Stier, s. 178.

[3]) Blass *Grammat.* s. 188, 7, 8.

въ процессѣ. Поэтому, „Φίλιππος δὲ κατελθὼν εἰς πόλιν τῆς Σαμαρείας, ἐκήρυσσεν αὐτοῖς τὸν Χριστόν“ (**Дн** VIII, 5)—дѣйствія partic. aor. и verb fin. одновременны, но разница между ними въ томъ, что κατελθών исполнилось, кончилось съ моментомъ появленія Апостола въ Самарійскомъ городѣ, но проповѣдь его (ἐκήρυσσεν) продолжалась и послѣ .Съ другой стороны, такое сочетаніе partic. aor. съ verb. fin. можетъ вообще означать одновременное начало двухъ дѣйствій: „εἰπόντες προσεύξαντο“ (**Дн** 1, 24).

Такимъ образомъ, формы „πάντων τε καταπεσόντων ἡμῶν εἰς τ. γῆν“ и „ἤκουσα“ указываютъ на одновременное начало обоихъ этихъ дѣйствій (паденія на землю всѣхъ и отчетливаго воспріятія Павломъ голоса Говорившаго). Но если „καταπεσόντων“ исполнилось и не повторялось, то „ἤκουσα“ продолжалось и послѣ паденія на землю въ моментъ блеска Шехины Н. З.

Переходимъ къ вопросу, что́ собственно слышали спутники Савла?

Дн IX, 7 говоритъ, что они слышали *голосъ* (ἀκούοντες τῆς φωνῆς—Olshausen интересно переводитъ это мѣсто: „они слышали кое-что, что-то (etwas) отъ голоса“[1]), но **Дн** XXII, 9 утверждаетъ обратное (τὴν δὲ φωνὴν οὐκ ἤκουσαν τοῦ λαλοῦντός μοι): спутники Савла не слышали голоса Того, Кто говорилъ съ нимъ, такъ что здѣсь *не отрицается вообще слуховое воспріятіе имъ чего-нибудь*[2], *помимо голоса Христа*, одновременнаго съ этимъ послѣднимъ. Интересно, что въ Н. З. „ἀκούω“ въ переносномъ значеніи имѣетъ смыслъ не только *слышать*, но и *понимать*: **Мѳ** XIII, 16 τὰ ὦτα [ὑμῶν] ὅτι ἀκούουσιν“, **Мр** IV, 3: „ἀκούετε (τὸν λόγον). ἰδοὺ ἐξῆλθεν“ и т. д.; 1 **Кор** XIV, 3—„οὐδεὶς γὰρ ἀκούει, πνεύματι δὲ λαλεῖ μυστήρια“; **Гал** IV, 21—„λέγετε μοι, οἱ ὑπὸ νόμον θέλοντες εἶναι, τὸν νόμον οὐκ ἀκούετε“—и пр. Поэтому, ничто не препятствуетъ намъ **Дн** XXII, 9 понимать, какъ указа-

---

[1]) Olshausen, cit. op. s. 150.

[2]) Stier, s. 178.

ніе на то, что спутники слышали этотъ голосъ, звукъ, но *не понимали* смысла рѣчи [1]). И правильность такого пониманія ап. Павелъ подчеркиваетъ словами „ἤκουσα φωνήν (отсутствіе члена указываетъ, что Павелъ не понималъ, откуда и чей это голосъ) λέγουσαν πρός με", а не „πρὸς τοὺς σὺν ἐμοὶ πορευομένους". Но если мы обратимся къ варіантамъ настоящаго стиха, то можемъ подмѣтить тамъ кое-что, могущее пролить нѣкоторый свѣтъ на нашъ вопросъ. Многіе (некардинальные) тексты передаютъ настоящее выраженіе въ такой конструкціи: „φωνὴν λαλούσαν πρός με καὶ λέγουσαν— и т. д. (см. выше въ критическомъ аппаратѣ). Хотя Tischendorf и говоритъ: „nigilominus plenior scriptura, quam principales testes omnes deserunt, hoc loco ab aliena manu proficisci poterat" [2]), однако, такъ какъ наши варіанты имѣютъ извѣстную давность и авторитетъ (Златоустъ, Θеофилактъ и др.), и сочетаніе λαλεῖν καὶ λέγειν встрѣчается въ Н. З. (**Апок** X, 8), то не безполезно обратиться къ филологическому анализу этихъ глаголовъ для установленія между ними разницы.

Прежде всего, по замѣчанію Schirlitz'a, правильная рѣчь всегда требуетъ соединенія λαλεῖν съ λέγων [3]), потому что одно λαλεῖν недостаточно для выраженія наличности того или другого момента словесной рѣчи. Первое значеніе λαλεῖν вращается въ области одной только акустики: 1) издавать звукъ, тонъ, нарушать тишину, что́ возможно для одушевленнаго и неодушевленнаго объекта; 2) быть замѣченнымъ по этой причинѣ и 3) говорить въ смыслѣ— давать форму, тонъ продуктамъ мышленія для объективаціи ихъ [4]). Наоборотъ, λέγειν, λόγος всегда означаетъ живое, высказанное слово, слово не по внѣшней формѣ, но съ отношеніемъ къ присоединеннымъ къ формѣ мы-

[1]) Olshausen, s. 150; аналогію къ сказанному можно видѣть въ Ін XII, 29, гдѣ присутствующіе іудеи изъ рѣчи Бога Отца къ Христу воспринимали только одинъ *звукъ* голоса.

[2]) *Novum Testamentum Graece,* vol. II, ed. oct. t. 1872 p. 226.

[3]) Schirlitz, s. 244.

[4]) Ibid. s. 244 ср. Zorell, p. 324.

слямъ, т. е. слово не языка, но бесѣды, разговора, рѣчи,— слово не какъ грамматическая частица, а какъ часть живой, осмысленной рѣчи [1]).

Слѣдовательно, λαλεῖν имѣетъ формальное значеніе, а λέγειν—матеріальное.

Отсюда ясно, если Павелъ говоритъ, что его спутники „τὴν δὲ φωνὴν οὐκ ἤκουσαν τ. λαλούντος μοι", то онъ хочетъ, несомнѣнно, выразить ту мысль, что его спутники не понимали голоса, издающаго звуки. Относительно же того, что́ за содержаніе имѣла она—здѣсь ни слова,—здѣсь констатируется чисто акустическій моментъ дѣятельности голосовыхъ связокъ, моментъ формальный. Въ выраженіи же „ἤκουσα φωνὴν λαλούσαν πρὸς με καὶ λέγουσαν" Апостолъ указываетъ прежде всего, куда была обращена рѣчь со стороны формальной, т. е. звукъ, шумъ рѣчи, извѣстное колебаніе воздушныхъ волнъ, вызванныхъ сжиманіемъ и расширеніемъ голосовыхъ связокъ того, кто облисталъ ихъ своимъ свѣтомъ. Второй же глаголъ λέγουσαν подчеркиваетъ уже матеріальный моментъ, содержаніе разговора [2]). Несомнѣнно, что первое—именно звуки—и слышали спутники Савла, какъ это говоритъ св. Лука (IX, 7), но понять содержаніе, смыслъ этой звуковой гармоніи они не были въ состояніи (XXII, 9), потому что она назначалась для Савла съ особой провиденціальной цѣлью. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „...слова: никого же видяще—означаютъ не то, чтобы они не видѣли, но что они не слышали (гласа Господня); ибо онъ не сказалъ, что они не видѣли свѣта, но: стояху, никого же видяще, т. е. говорящаго. И это случилось не безъ причины; ему (одному)

---

[1]) H. Cremer *Bibl.—theol Wortb. d N—Ten Graeit.* Gotha, 1902, s. 641.

[2]) Cp. Lightfoot: «audierunt . . . *Vocem* sed non audiverunt . . . verba». «Bemidbar rabba, fol. 163. 1. Inde ego te alloquar. Tecum erit verbum, at non cum omnibus iis erit verbum, ... forsan non audiverunt verba, ... verum audivirunt vocem». *Hor. hebr. et talm.* cit. op. p. 75a.

надлежало удостоиться этого гласа; ибо если бы слышали и они, то чудо не было бы столь велико. Такъ какъ люди грубые убѣждаются болѣе видѣніемъ, то они видѣли только свѣтъ, котораго впрочемъ достаточно было для ихъ убѣжденія; потому—они и пристрашни быша“ [1]).

Спаситель говоритъ съ Павломъ на еврейскомъ нарѣчіи (τῇ Ἑβραιδι διαλέκτῳ)—новая подробность сравнительно съ **Дн** IX, 4 и XXII,—8, т. е. по арамейски, такъ какъ этотъ языкъ былъ роднымъ языкомъ Спасителя, Павла и пр. апостоловъ. Эта деталь повѣствованія ап. Павла предъ Фестомъ и Агриппой, когда онъ самъ говорилъ по гречески, должна была, несомнѣнно, подчеркнуть, съ какой очевидностью онъ представляетъ себѣ это событіе и насколько глубоко врѣзалось оно въ его память. Коротко говоря, эта подробность говорила о *чувственномъ* характерѣ всего событія и исключала всякую мысль о визіонерности на почвѣ чисто психологической. Кромѣ, того, здѣсь, конечно, вырисовывалась идентичность языка Христа, когда Онъ былъ на землѣ и послѣ вознесенія [2]). Ап. Павелъ старается передать слова Спасителя такъ, какъ они были сказаны, и даже удерживаетъ въ настоящемъ случаѣ еврейскую форму своего имени (Σαούλ [3])), а не замѣняетъ ея греческой—Σαῦλε. (См. **Addenda**).

Неестественный по своей яркости и силѣ свѣтъ, исходившій, какъ это скоро увидалъ Павелъ, отъ какой-то Неземной Личности, обращеніе къ нему на еврейскомъ языкѣ,—все это поразило Савла, неподготовленнаго къ этому.

Только одно желаніе—поскорѣе проѣхать эти оставшіяся до Дамаска нѣсколько верстъ, чтобы начать свое дѣло оффиціальнаго миссіонера Синедріона, наполняло его душу. Онъ занятъ былъ лишь соображеніями о томъ, какія мѣры принять для лучшаго успѣха. Но ни его по-

---

[1]) *Бесѣды*, II, 197.

[2]) Stier, s. 297.

[3]) Felten, s. 187; Stier, s. 297. Anm. 1.

ложеніе, ни вопросъ о причинѣ ненависти къ этимъ, быть можетъ, совершенно правымъ людямъ, ничто такое не волновало его. Онъ былъ убѣжденъ въ справедливости своего пути; онъ не могъ думать ни о какомъ снисхожденіи къ христіанамъ, такъ какъ для нихъ понятенъ только одинъ доводъ—это пытки, темница, раны, смерть. Въ крови онъ недаромъ обагрялъ свои руки, защищая законъ и традицію, опустошая Іерусалимъ отъ этихъ невѣжественныхъ въ законѣ, самообольщенныхъ фанатиковъ, преданныхъ какому-то Іисусу изъ Назарета, мечтателю, Который погибъ позорной смертью отъ рукъ своихъ же слушателей. Такъ, смерть этимъ несчастнымъ, ненависть къ имени ихъ Учителя... .

И вдругъ среди такихъ размышленій, среди дороги—такое видѣніе лучезарнаго Существа, блистающаго неземной красотой и величіемъ, явившагося, конечно, изъ небесныхъ сферъ. Оно обращается къ нему—Савлу на родномъ языкѣ, называетъ его по имени—Савлъ, Савлъ. Если часто въ обыденной жизни какъ-то стирается значеніе именъ, мы не замѣчаемъ всего мистическаго величія того или другого имени, которое въ большинствѣ случаевъ дается человѣку или, какъ символическая характеристика его свойствъ, отличительныхъ чертъ, или какъ пожеланіе, чтобы въ идеологіи имени онъ находилъ нѣкоторую путеводную нить въ своей жизни, то произнесеніе того или другого имени существомъ неземнымъ, должно, какъ бы электрической волной встряхнуть человѣка, обратить его на себя, на свое поведеніе, потому что небожитель своими устами произноситъ имя человѣка, какъ его *идею*, которою онъ отличенъ отъ другихъ, себѣ подобныхъ. Онъ зоветъ къ себѣ не Савла историческаго съ его натурой, съ тысячью привычекъ, обычаевъ, недостатковъ, а призываетъ Савла, какимъ онъ долженъ быть по *идеѣ* своего имени. Онъ какъ бы встряхиваетъ человѣка, затрогивая самое внутреннее существо его и заставляя обратиться на себя, оцѣнить свою жизнь и свое поведеніе.

Обстановка явленія говорила за небесный характеръ Явившагося.

Но кто это? ангелъ? или даже Самъ Іегова? „Зачѣмъ ты Меня преслѣдуешь?“ (τί με διώκεις—ср. выше стр. 175 сл.) [1])—слышитъ Савлъ дальше.

Ясно, конечно, что ни ангела, ни Іегову онъ не преслѣдуетъ. Наоборотъ, онъ—фарисей, облеченный довѣріемъ Синедріона—оффиціальный защитникъ религіи Іеговы, всю жизнь свою положившій на преслѣдованіе *противниковъ* Іеговы—христіанъ.

Какъ въ калейдоскопѣ, проносится предъ нимъ вся жизнь, полная тревожныхъ заботъ о славѣ іудейства, объ искорененіи всякаго невѣрія, особенно христіанскаго, уничтоженіе котораго служитъ для него цѣлью настоящаго путешествія.

Что же?

Онъ преслѣдуетъ и гонитъ однихъ христіанъ, послѣдователей какого-то Іисуса изъ Назарета, *ихъ* Мессіи, Который, по ихъ словамъ, живъ, такъ какъ воскресъ послѣ позорной смерти. Такъ неужели? мелькаетъ въ воспаленной головѣ вопросъ, но Савлъ старается отбросить его, выкинуть изъ сознанія. „Нѣтъ, этого не можетъ быть, потому что Онъ былъ обыкновенный человѣкъ, и о Немъ только слишкомъ много разсказывали. Да, и потомъ, неужели онъ, Савлъ, агентъ Синедріона не правъ, заблуждался самъ и весь Синедріонъ, не принявъ Его? Нѣтъ, этого не можетъ быть“.....

Обрывки мыслей, недоконченныхъ словъ, фразъ мѣшаются, роятся въ сознаніи Савла, пораженнаго видѣніемъ. Сердце мучительно сжимается, требуетъ разрѣшенія вопроса, а мысль оказывается безсильной, потому что все путается, рушится, оказывается фикціей, ложью. Нужно

---

[1]) Ср. Златоустъ: „не говоритъ ему: вѣруй и ничего подобнаго; но укоряетъ, и въ укоризнѣ какъ бы говоритъ: за какую обиду отъ Меня, великую или малую, ты дѣлаешь это“? *Бесѣды*, 1, 347.

разбить, уничтожить всѣ цѣнности, и всѣ свои идеалы, которыми жилъ самъ и все ортодоксальное іудейство до сихъ поръ.

Но мелькаетъ надежда, за которую Савлъ хватается, какъ за соломинку: быть можетъ, онъ не разслышалъ, не понялъ, ложно истолковалъ слова небожителя? Быть можетъ, мысль о преслѣдованіи христіанъ, не покидавшая его въ послѣднее время, и дала такое неправильное толкованіе словамъ его, на самомъ же дѣлѣ, быть можетъ, ни о какомъ преслѣдованіи не говорилось? Вѣроятно, онъ ошибся, не понялъ словъ.

Однако, эта надежда исчезаетъ, какъ только раздаются далѣе слова явившагося: „*неполезно, вредно* для тебя наталкиваться на острія“ (σκληρόν [съ слѣд. inf in. *безполезно, вредно*—ср. IX, 5 [1])] σοι [подразум. ἐστίν] πρὸς [съ вин. п. означаетъ направленіе, движеніе на вопросъ „*куда*“, „*на что*“ [2])] κέντρα [κέντρον—*жало, шипъ, остріе*, которымъ понукаютъ лошадей и другихъ упряжныхъ животныхъ двигаться быстрѣе [3])] λακτίζειν [*пяткой, ногой толкать* [4])]). Въ Сиріи и Палестинѣ при вспахиваніи земли для понуканія лошадей или воловъ пользуются довольно длинной палкой съ желѣзнымъ остріемъ на концѣ, которымъ раздражаютъ кожу упряжнаго животнаго. Въ случаѣ непокорности, когда послѣднее начинаетъ сильно упрямиться и не повинуется, пятится назадъ, брыкается и пр., оно приноситъ себѣ же вредъ, потому что палка заостреннымъ концомъ въ твердой рукѣ погонщика не только раздражаетъ, колетъ кожу, но и прокалываетъ ее, доставляя мучительныя страданія животному [5]).

---

[1]) См. Fr. Zorell *Novi Testamenti Lexicon Graecum*, Parisiis, 1911, p. 521. Ebeling смягчаетъ σκληρόν: *трудно, невозможно*. См. его. *Griechisch—Deutsches Worterbuch zum Neuen Testamente, Han—Lpz.* 1913, s. 373.

[2]) Schirlitz, s. 356, Ebeling, s 354; Winer, s. 378, h.

[3]) Schirlitz, s. 227.

[4]) Ibid. s. 244.

[5]) Bethge, 275; Stier, 298.

Подобная поговорка встрѣчается и у классическихъ писателей, и, нужно замѣтить, имѣетъ преимущественно религіозный оттѣнокъ: *Terentius*—„nam quae inscitia est, adversum stimulum calces“? *Plautus*—„si stimulos pugnis caedas, manibus plus dolet“; *Еврипидъ*—„πρὸς κέντρα μὴ λάκτιζε τοῖς κρατοῦσί σου“; *онъ же*—„Θύοιμ᾽ ἂν αὐτῷ μᾶλλον ἢ θυμούμενος πρὸς κέντρα λακτίζοιμι θνητὸς ὢν θεῷ“; *Пиндаръ* — „χρῆ δὲ πρός θεον οὐκ ἐρίζειν, φέρειν δ᾽ ἐλαφρῶς ἐπαυχένιον λαβόντα ζυγόν ἀρήγει Ποτὶ κέντρα δέ τοι λακτιζέμεν τελέθει ὀλισθηρὸς οἶμος“ [1]).

Какой смыслъ соединялся съ этимъ выраженіемъ въ отношеніи къ настоящему положенію Савла въ роли гонителя?

Stier объясняетъ это выраженіе, какъ посредствующую мысль между выраженіями: „зачѣмъ ты преслѣдуешь Меня“? (ст. 14) и—„Я Іисусъ, Котораго ты преслѣдуешь“ (ст. 15),—такъ что „σκληρόν“ и т. д. можетъ имѣть смыслъ нѣкотораго условія: „зачѣмъ ты преслѣд. Меня, *если* для тебя безполезно натыкаться на острія, потому что, вѣдь (ср. редакц. стиха 15 по Gigas: „ego *enim* sum Jesus Nasarenus“), Я тотъ небесный, славный, Я—Іисусъ“. Т.-е. Господь этими словами заставляетъ Савла обратиться къ своей совѣсти и разсудку, понять всю фантастичность своей затѣи—бороться, преслѣдовать Бога [2]).

Въ сущности, всѣ комментаторы принимаютъ такое объясненіе съ небольшими, лишь, добавленіями.

Безъ особенно тонкаго анализа ясно, что въ настоящихъ словахъ Господь Іисусъ все поведеніе Савла противъ Своего имени называетъ „толканіемъ на острія“, т. е. его политика создаетъ ему одну безполезную муку. Съ другой стороны, у Савла уже нѣтъ силъ (несомнѣнно-нравственныхъ, такъ какъ σκληρόν подчеркиваетъ психологическій моментъ, когда настроеніе испытываетъ нѣко-

---

[1]) Stier, s. 298 Anm. 1; Felten, s. 187, An. 1; Meyer, s. 479; Wetstenii, c. o. p. 633; Zorell p. 301.

[2]) Stier, s. 298.

торый дефектъ со стороны успѣха дѣла) продолжать эту политику [1]), потому что настоящее явленіе подорвало самыя основы увѣренности Савла-фарисея въ своемъ дѣлѣ.

Господь Своимъ явленіемъ даетъ посылку, анализъ которой принуждаетъ думать объ истинѣ Евангелія и жизненности христіанскихъ принциповъ.

Савлъ, выходя на борьбу съ христіанствомъ, сдѣлался слѣпъ въ религіозномъ отношеніи и не замѣчалъ всего того, что̀ было „*остріями*“ для него [2]), что̀ убѣждало въ безполезности и преступности его стараній „πρὸς τὸ ὄνομα Ἰησοῦ τοῦ Ναζωραίου πολλὰ ἐναντία πρᾶξαι“ (XXVI, 9). Онъ забылъ принципъ Гамаліила, что жизненность извѣстнаго дѣла прямо пропорціональна достоинству его источника (V, 34—39), не обратилъ вниманія на то, что лицо Стефана сіяло подобно ангелу (VI, 15), что онъ, и умирая, молился за своихъ враговъ (VII, 60). Савлъ не замѣчалъ той силы чувства, которымъ были одушевлены преслѣдуемые имъ мужчины и женщины—христіане. Для него все это не имѣло значенія. Онъ на все смотрѣлъ съ своей строго-законнической точки зрѣнія холоднаго, расчетливаго эгоиста-фарисея, всю жизнь мечтающаго о сохраненіи мелочныхъ предписаній грознаго закона и забывающаго, что люди созданы не для закона. Онъ только все болѣе ожесточался, наталкиваясь на сильное религіозное чувство у послѣдователей Іисуса изъ Назарета (ср. Гал 1, 13 сл.).

Правда, онъ не понималъ, почему они не признаютъ авторитетъ Синедріона, ученыхъ мужей, посвятившихъ всю жизнь на изученіе закона, и вѣрятъ въ воскресеніе на третій день послѣ смерти, позорной смерти злодѣя, вѣрятъ въ его жизнь? Онъ слышалъ, конечно, что этотъ Іисусъ оставилъ свое ученіе въ слишкомъ простой, приточной формѣ, совершенно непригодной для фарисеевъ.

---

[1]) Olshausen, s. 148.

[2]) Bethge, s. 275.

И вотъ—настоящее видѣніе, объективное видѣніе, а не фантомъ этого самаго Іисуса доказываетъ, повидимому, что Онъ, дѣйствительно, воскресъ и живъ, такъ-какъ говоритъ на отечественномъ языкѣ, называетъ его, Савла, по имени и не измѣняетъ характеру своей рѣчи — приточной...

Ясное дѣло, что Савлъ, не смотря на всю свою фарисейскую изворотливость, долженъ былъ стать втупикъ предъ очевидностью фактовъ и понять, что, дѣйствительно, слова Явившагося справедливы: дальнѣйшее сопротивленіе невозможно, нужно повѣрить въ истинность Евангелія и объективность Воскресшаго, такъ какъ иначе окажешься противникомъ самого Бога.

Такъ, подъ κέντρα, несомнѣнно, помимо вышеуказанныхъ фактовъ, разумѣется *очевидность истинности евангелія*, подтвержденная настоящимъ явленіемъ Воскресшаго, и Савлъ, въ частности, убѣждается въ возможности *личнаго* воскресенія [1]).

Таковъ былъ логико-психологическій процессъ въ душѣ Савла. Онъ былъ уже недалеко отъ вѣры въ Распятаго. Но такъ скоро сдаться гордый фарисей не могъ. У него мелькаетъ еще надежда: быть можетъ предъ нимъ не живое лицо, и *слышанныя* слова—результатъ усталости и тяжелыхъ мыслей, и онъ обращается къ послѣднему средству: хочетъ провѣрить себя и рѣшаетъ обратиться съ вопросомъ къ Явившемуся.

Ст. 15.

ἐγὼ δέ εἰπα· „Τίς εἶ κύριε“; ὁ δὲ κύριος εἶπεν· „Ἐγώ εἰμι Ἰησοῦς ὃν σὺ διώκεις.

κύριος оп. HP. Gigas къ такой конструкціи добавл. еще—„enim“ послѣ „ego“ и „Nasarenus“ послѣ „Jesus“.

Ἰησ. ὁ Ναζωραῖος syr^{p} C* и нѣкот. минускулы.

---

[1]) Аммоній: «κηρύξαι τὲ αὐτῶ πρῶτον ἀνάστασιν νεκρῶν»—см. у Gramer *Gatenae*, p. 391.

Blass предполагаетъ здѣсь, впрочемъ, интерполяцію изъ глл. IX и XXII для связности рѣчи Іисуса Христа.

„Я сказалъ: кто Ты, Господи? Онъ сказалъ: Я Іисусъ, Котораго ты гонишь.“

Дрожащимъ отъ страха предъ очевидностью фактовъ голосомъ Савлъ спрашиваетъ Явившагося: „кто ты, Господи“ (по переводу славянскаго и русскаго текстовъ синод. изд. „τίς εἶ κύριε“)?

Для Савла, конечно, было еще неясно, *Бога*-ли онъ видитъ предъ собою, но обстановка самаго явленія, какъ мы видѣли выше, должна была говорить ему, что предъ нимъ не простое существо, а существо высшее, быть можетъ—изъ горняго міра. Подъ вліяніемъ сильнаго чувства, быть можетъ, совершенно непроизвольно онъ называетъ Явившагося Его именемъ, подчеркивая тѣмъ самымъ, что для него очевидно особое положеніе, такъ сказать—рангъ сравнительно съ земными обитателями.

Въ Н. З. „κύριος“ значитъ не только „Богъ“, „Господь“ и т. п., но употребляется и въ смыслѣ „господинъ“ [1]), „вла-

---

[1]) Отъ κῦρος—могущество, власть. Съ κύριε обращаются рабы къ хозяину (Мѳ XIII, 27; Лк XIII, 8; XIV, 22), сынъ къ отцу (Мѳ XXI, 29), фарисеи къ Пилату (Мѳ XXVII, 63) и т. д. Въ этомъ смыслѣ терминъ κύριος Zorell называетъ *appellatio honorifica. Lexikon*, p. 321 ср. Ebeling. ss. 245 ff На языкѣ римскаго язычника этотъ терминъ имѣлъ смыслъ эпитета божественности и охотно былъ принятъ имп. Калигулой и Домиціаномъ (см. выше стр. 138 сл), какъ оффиціальный титулъ (Dominus). Въ устахъ Феста (ст. 26) κύριος было просто особенно почтительнымъ эпитетомъ, но не оффиціальнымъ титуломъ кесаря предъ іудеями. Нелишне замѣтить также, что обращеніе κύριε примѣнялось въ вѣкъ Павла къ школьнымъ учителямъ. Ср. Hastings, I, p. 650; Schürer, II, s. 315, Ап. 8 ср. s. 317.

Такъ, въ настоящемъ случаѣ Ап. Павелъ употребляетъ κύριος, какъ простое обращеніе къ Лицу, Которое съ внѣшней стороны производитъ особенное впечатлѣніе. Если это—человѣкъ, то какой-нибудь святой—праведникъ, изъ которыхъ нѣкоторые еще на землѣ сіяли ярче солнца (см. у Глубоковскаго *Благовѣст.*, 1, стр. 453$_1$). Если-

дыка", „повелитель", „властелинъ" и т. д., существо высшее, небожитель (ср. **Мѳ** XII, 8; **Мр** II, 28; **Лк** VI, 5).

Савлъ еще сомнѣвается, но истина уже высказывается въ его трепетныхъ словахъ, и онъ какъ бы хочетъ сказать: „ужъ не Богъ ли Ты Израиля, за честь Котораго я гналъ этихъ людей? Не врагъ ли я самъ Богу, хотя и мечталъ о ревности за Него? Но почему Ты принимаешь на Себя мои преслѣдованія послѣдователей Назареянина"? [1]).

Простое видѣніе, призракъ остался бы безотвѣтнымъ, но Савлъ ясно слышитъ: „Я Іисусъ, Котораго ты преслѣдуешь" (ἐγὼ εἰμι Ἰησοῦς ὃν σὺ διώκεις"). Syr^{p}, C*, Gigas и нѣкоторыя минускулы принимаютъ этотъ отвѣтъ съ приложеніемъ „ἐγὼ εἰμι Ἰησοῦς ὁ Ναζωραῖος ὃν διώκεις", которое, по Blass'у, является просто интерполяціей изъ XXII, 8 [2]).

Какимъ-то особеннымъ величіемъ вѣетъ отъ этихъ простыхъ, но глубокихъ словъ, которыя лишній разъ подчеркиваютъ отношеніе Савла къ христіанамъ. Согласно св. Іоанну Златоусту, Господь „какъ бы такъ сказалъ: не думай, что ты ведешь брань съ людьми" [3]), а съ Всемогущимъ Богомъ.

Но почему Господь называетъ Себя здѣсь Іисусомъ, Спасителемъ, а не иначе?

По догадкѣ Stier'a [4]), иное имя, напримѣръ, *Христосъ* не имѣло для Савла того значенія, какое оно должно было имѣть въ настоящемъ случаѣ—именно не означало бы живого, восшедшаго къ Богу Мессіи. Но, кажется, осно-

---

же это—существо высшее, небожитель, то обращеніе κύριε вполнѣ имманентно.

Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ κύριε выражало почтительность молодого фарисея къ Явившемуся.

[1]) Stier, s. 174.

[2]) Интересно замѣтить, что русскіе и славянскіе тексты синод. изд. слѣдуютъ въ настоящемъ случаѣ редакціи НР, выпуская изъ „ὁ δε . . . εἶπεν" „κύριος".

[3]) Златоустъ *Бесѣды*, 1, 347.

[4]) Stier, s. 177.

вательнѣе искать причинъ этого и чисто прагматическихъ въ самомъ контекстѣ рѣчи Господа.

Какъ будетъ видно ниже, Господь посылаетъ Савла къ язычникамъ и іудеямъ съ словомъ спасенія чрезъ обращеніе отъ своихъ грѣховныхъ дѣтъ къ Нему, Мессіи, чтобы чрезъ это заслужить блаженство (ст. 18). И гарантіей этой миссіи служитъ то, что на это его посылаетъ Іисусъ-Спаситель, пришедшій и давшій спасеніе людямъ [1]). Если-бы Онъ назвалъ себя Христомъ, то Савлъ могъ-бы быть неувѣренъ въ своей миссіи. Называя же Себя *Іисусомъ*, Господь какъ-бы говоритъ: „Я пришелъ, *спасъ* человѣчество и вотъ—Я, *Спаситель*, посылаю тебя возвѣщать объ этомъ спасеніи всѣмъ".

Что-же касается названія Назареянинъ, то оно, несомнѣнно, служило яснѣйшимъ доказательствомъ, что предъ Савломъ—именно Тотъ Іисусъ, послѣдователей Котораго онъ такъ жестоко преслѣдуетъ. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „не напрасно присовокупляетъ и названіе города, дабы онъ узналъ Его. Такъ и апостолы говорили: „Іисуса, иже изъ Назарета" [2]).

Этимъ Господь окончательно разрушаетъ всѣ сомнѣнія и колебанія Савла-фарисея, доказывая возможность частнаго воскресенія и показывая единство Своей Личности дѣтскихъ лѣтъ, когда былъ еще въ Назаретѣ, съ настоящимъ положеніемъ Сына Бога, совершившаго искупленіе людей [3]).

Ст. 16.

Званіе Апостола язычниковъ и іудеевъ.

ἀλλὰ ἀνάστηθι καὶ στῆθι ἐπὶ τοὺς πόδας σου· εἰς τοῦτο γὰρ ὤφθην σοι, προχειρίσασθαί σε ὑπηρέτην καὶ μάρτυρα ὧν τε εἶδες ὧν τε ὀφθήσομαί σοι.

---

[1]) Греч. Ἰησοῦς представляетъ собою простое транскрибированіе краткой еврейской формы jeschua, полная форма jehoschua=jehowa+schua (=спасать), т. е. *Іегова—спасеніе*. См. Zorell, p. 261.

[2]) *Бесѣды*, II, 297.

[3]) Suer, s. 175.

καὶ στῆθι оп. B*; καὶ оп. Gig., „dixitque mihi Sta in pedes tuos“—syr^{sch} | εἶδές με—BC*; Ambros. „et testem quibus vidisti me et in quibus visurus es“; August. „et testem eorum quae a me vides, quibus etiam praeeo tibi (см. у Tischendorf'a cit. op. p. 226).

„но встань и стань на ноги твои; ибо Я для того и явился тебѣ, чтобы поставить тебя служителемъ и свидѣтелемъ того, что ты видѣлъ и что Я открою тебѣ“,

До настоящаго момента Савлъ, пораженный видѣніемъ въ такой торжественной обстановкѣ, продолжалъ лежать на землѣ.

Послѣднія слова Христа должны были возбудить въ его душѣ чувство раскаянія, мучительнаго угрызенія совѣсти за свое раннѣйшее отношеніе къ христіанамъ.

Господь, видя это, щадитъ своего раба, такъ долго и глубоко заблуждавшагося, обращается къ нему уже не съ упреками, какъ раньше, но совершенно мѣняетъ тонъ (ἀλλά). По словамъ Kalvin'a, „prostravit C. Paulum, ut eum humiliaret, nunc eum erigit ac jubet bono esse animo“ [1]). Господь ободряетъ Савла предъ новымъ жизненнымъ путемъ.

Какъ Своего вѣрнаго въ будущемъ раба, который можетъ смотрѣть въ глаза своему Господину, Онъ поднимаетъ его: „встань и стань на ноги твои“ (гебраизмъ—Blass; ἀνάστηθι [imperat. praes.=ἀνάστα, **Дн** XII, 7] καὶ στῆθι ἐπὶ τοὺς πόδας σου)—словами, подобными тѣмъ, какими возбуждалъ Іегова пророковъ: Іезекіиля (στῆθι ἐπὶ τοὺς πόδας σου, καὶ λαλήσω πρός σε и т. д. **Іезек.** II, 1, 2) и Даніила (εἶπε-στῆθι ἐπὶ τῇ στάσει σου **Дан** X, 11).

Уже одно это неслучайное совпаденіе должно было для знатока Закона, какимъ былъ Савлъ, подчеркнуть особое значеніе настоящаго момента, когда Господь обращается къ нему такъ, какъ обращался нѣкогда къ Сво-

---

[1]) См. у Bethge, s. 276, Anm. 1.

имъ великимъ пророкамъ. Если тѣ отсюда получали сильные импульсы для своей дѣятельности, то Савлъ долженъ былъ представлять себѣ, что и онъ является избранникомъ, орудіемъ въ рукахъ Божіихъ въ цѣляхъ провиденціальныхъ.

Изъ того обстоятельства, что Спаситель въ настоящемъ случаѣ болѣе не укоряетъ Савла, не разрушаетъ его сомнѣній, а положительно дѣлаетъ ему опредѣленное порученіе, несомнѣнно слѣдуетъ, что душа и настроеніе Савла были вполнѣ подготовлены къ такому откровенію судебъ Божіихъ, которыя онъ и принимаетъ съ инымъ чувствомъ, вытѣснившимъ прежнее рѣзко отрицательное отношеніе. Савлъ какъ-бы замеръ подъ дивную гармонію словъ Христа, далекъ отъ всякихъ колебаній, возраженій, онъ понялъ и увидалъ фантастичность своихъ убѣжденій, ихъ безпочвенность, фальшь, понялъ и, какъ честная натура, не прибѣгая къ уловкамъ, софизмамъ и изворотливости, не сталъ спорить съ Явившимся о Его дѣлѣ, но обратился въ смиреннаго ученика Его. Помимо такого прямого, непосредственнаго смысла, слова Господа имѣли болѣе глубокій смыслъ и особенно въ настоящемъ случаѣ. Жизнь Савла до сихъ поръ протекала въ рѣзко-оппозиціонномъ христіанству направленіи: онъ былъ фарисей. Но теперь это должно измѣниться: онъ не только будетъ ученикомъ Іисуса изъ Назарета, но получитъ и миссію. Вотъ—призывъ на эту миссію и называется „возстаніемъ на ноги“ (глаголъ ἀνίστημι въ Н. З. часто употребляется въ такомъ несобственномъ смыслѣ, когда рѣчь идетъ о появленіи пророка, царя и пр. Ср. **Дн** V, 36, 37; VIII, 18; **Рим** XV, 12; **Евр** VII, 11, 15), которая физически представляетъ собою разрывъ съ прежнимъ дѣйствіемъ (лежаніемъ или сидѣніемъ) и готовность къ новому.

Такъ, поднимая Савла ветхозавѣтнаго съ земли, Господь говоритъ уже съ Павломъ, ревностнымъ ученикомъ Своимъ, и дѣлаетъ его миссіонеромъ Своего дѣла спасенія.

Далѣе Господь Самъ объясняетъ цѣль Своего явленія: εἰς τοῦτο γὰρ ὤφθην σοι, προχειρίσασθαί σε ὑπηρέτην καὶ μάρτυρα ὧν τε εἶδες ὧν τε ὀφθήσομαί σοι".

Это выраженіе представляетъ значительныя трудности для своего пониманія. Остановимся на немъ подробнѣе.

Несомнѣнно, что „εἰς τοῦτο γὰρ ὤφθην σοι" играетъ здѣсь роль главнаго предложенія, съ которымъ остальныя находятся въ отношеніи подчиненности. Это предложеніе находится съ предшествующимъ призывомъ Спасителя—*подняться* въ тѣсной связи, что̀ подчеркиваетъ γάρ: этотъ союзъ никогда не начинаетъ вполнѣ самостоятельной по смыслу рѣчи, но всегда такую, которая предполагаетъ извѣстную обусловленность раньше и, соотвѣтственно этому, γάρ всегда имѣетъ значеніе *причиннаго* союза и въ очень рѣдкихъ случаяхъ служитъ просто для связи [1]). Слѣдовательно, и это предложеніе должно имѣть причинный смыслъ: „встань" и т. д. „потому что Я явился тебѣ (ὤφθην σοι; глаголъ ὁράω въ страд. зал. съ дат. лица часто имѣетъ значеніе „показываться", „являться", напр. **Мѳ** XVII, 3 „ὤφθησαν αὐτοῖς Μωϋσῆς καὶ Ἠλείας" и т. п.) для того (εἰς τοῦτο).

Итакъ, προχειρίσασθαί σε ὑπηρέτην καὶ μάρτυρα является поясненіемъ εἰς τοῦτο и представляетъ сокращенное предложеніе цѣли. Буквальное значеніе προχειρίζομαι—*брать себя въ руки, опредѣлять* [2]) не имѣетъ смысла въ контекстѣ; поэтому, лучше обратиться къ переносному значенію, которое встрѣчается у Полибія и указываетъ на практическій *выборъ кого-нибудь для чего-нибудь* [3]).

Такой смыслъ προχειρίζομαι (въ средн. зал. встрѣчается у новозавѣтныхъ писателей только здѣсь однажды) имѣетъ у ев. Луки: καὶ ἀποστείλῃ τὸν προκεχειρισμένον ὑμῖν Χριστον Ἰησοῦν **Дн** III, 20.

---

[1]) Ср. Winer *Grammat.* s. 415, b, 422, 3; Blass *Grammat.* s. 268, 6.

[2]) Schirlitz, s. 365; Zorell, p. 498.

[3]) Lange, s. 339, 6 ср. Zorell, p. 498.

Такъ, Господь явился Савлу для того, чтобы „сдѣлать“ его „провозвѣстникомъ Евангелія“ (ὑπηρέτην—**Лк** 1, 2) и „свидѣтелемъ“ (μάρτυρα).

Ближайшимъ опредѣленіемъ ὑπηρέτης и μάρτυς на вопросъ „чего?“ служитъ выраженіе „ὧν τε εἶδες ὤν τε ὀφθήσομαί σοι“, на которомъ комментаторы и останавливаются въ виду загадочнаго сочетанія „εἶδες“ (дѣйств. зал) и „ὀφθήσομαι“ (стр. зал.) съ двумя, повидимому, аттрагированными „ὧν“, хотя страдательный залогъ второго глагола и исключаетъ возможность аттракціи.

Существуетъ собственно два типа пониманія настоящаго мѣста. Wendt не хочетъ разстаться съ мыслью о полной классичности языка Н. З. и видитъ въ обоихъ ὧν вполнѣ правильную аттракцію=τούτων ἅ. Что же касается ὀφθήσομαι, то оно употреблено, будто-бы, въ особомъ смыслѣ, который и допускаетъ вин. п. ἅ при страдательномъ залогѣ. Въ настоящемъ случаѣ этотъ глаголъ, по Wendt'y, имѣетъ значеніе „явиться въ видѣніи“, такъ что здѣсь именно подчеркивается моментъ сообщенія откровенія чрезъ личное явленіе Христа, которое Савлъ уже имѣлъ (εἶδες).

Такое объясненіе ученый основываетъ на ἐγὼ ὑποδείξω **Дн** IX, 16, гдѣ содержится нѣкоторый перифразъ анализируемаго стиха [1]). Однако точнаго перевода послѣдняго, согласно своему толкованію, Wendt не даетъ, и это, между прочимъ, говоритъ о произвольности такого толкованія, такъ какъ при немъ, дѣйствительно, трудно передать ὧν τε при ὀφθήσομαι

Winer ухищряется перевести, согласно Wendt'y, такъ: „что ты видѣлъ, и *чѣмъ* я буду являться тебѣ“ [2]), т. е. опять таки подчеркиваетъ, что въ позднѣйшихъ явленіяхъ Христа главнымъ будетъ *способъ*, *форма*, въ какой Онъ предстанетъ предъ Своимъ ученикомъ.

---

[1]) Wendt, cit. cp. s. 523.

[2]) Winer *Grammat.* s 246, 3, 1.

Но едва-ли можно съ этимъ согласиться.

Въ настоящій моментъ, когда совершилось обращеніе Савла, это имѣло дѣйствительно, значеніе *средства*, потому что реагировало на душу его положительно въ сторону христіанства, причемъ, какъ мы отмѣчали выше, самая обстановка и характеръ рѣчи, подобныя ветхозавѣтнымъ теофаніямъ, дѣйствовали неотразимо на душу фарисея, жившаго въ атмосферѣ ветхозавѣтнаго закона и исторіи. Это служило психологическимъ мотивомъ, почвой обращенія, потому что Савлъ не принуждался выходить изъ сферы своихъ понятій и образовъ, чтобы привыкать къ новымъ, пока для него чуждымъ. Въ то же время это служило для Савла доказательствомъ объективности явленія, явленія именно трансцендентнаго характера. Въ послѣдующее же время, когда онъ является ревностнымъ Апостоломъ христіанства, убѣжденнымъ проповѣдникомъ его принциповъ и идей, готовымъ на все для Христа, когда подобныя христофаніи могли служить не столько средствомъ, сколько наградой за ревность, конечно центромъ ихъ должна была быть не обстановка, а матеріальный моментъ—тѣ откровенія и поддержка, которыя Павелъ и получалъ.

Вотъ именно въ виду этого-то, въ связи съ произвольнымъ, безъ всякаго доказательства подчеркиванія какого-то особеннаго значенія за глаголомъ ὀφθήσομαι, слѣдуетъ обратиться къ иному объясненію анализируемаго стиха.

Прежде всего нужно замѣтить, что ὀφθήσμαι въ Н. З. имѣетъ одно значеніе—„*являться*“ съ дат. п. лица [1]), напр. **Евр** IX, 28: οὕτως καὶ ὁ Χριστὸς... ὀφθήσεται τοῖς αὐτὸν ἀπεκδεχομένοις εἰς σωτηρίαν... Очевидно, что такое значеніе мы можемъ сохранить и за ὀφθήσομαι въ разбираемомъ стихѣ.

Какъ-же быть съ аттрагированнымъ ὢν?

---

[1]) Bruder Ταμιειον, Lipsiae, 1888, pp. 615—616; Blass, *Gram.* s. 181, 4.

Большинство комментаторовъ видитъ здѣсь грамматически неправильную аттракцію, подозрѣвая здѣсь не чистый вин. п. ἅ, но съ прибавленіемъ предлога, который выпущенъ въ виду легкости возстановить его. Такую неправильную аттракцію мы находимъ даже у классиковъ, напримѣръ у Софокла, который аттрагируетъ τούτων δι' ἃ ἱκόμην въ ὧν μὲν ἱκόμην... [1]). Во всякомъ случаѣ, соглашеніе на неправильность аттракціи нисколько не говоритъ противъ достоинства и даже подлинности настоящаго изложенія Павла. Живая рѣчь не всегда бываетъ строго грамматична, и нѣкоторыя уклоненія въ сторону въ этомъ отношеніи даже иногда подчеркиваютъ особую нюансировку ея, придаютъ извѣстную непосредственность, красоту, такъ что Knabenbauer [2]) совершенно справедливо видитъ именно послѣднее въ сочетаніи двухъ ἅ̓ν, хотя и вопреки строгой грамматикѣ.

Все это позволяетъ намъ истолковать настоящее выраженіе слѣдующимъ образомъ.

Господь дѣлаетъ Савла свидѣтелемъ и провозвѣстникомъ съ одной стороны того, что онъ видѣлъ (ὧν τε εἶδες), съ другой—ὧν... ὀφθήσομαι. Послѣднѣе не равно ни „et eorum quae te videre faciam“, ни „quae tibi porro demonstrabo“ [3]), такъ-какъ, несомнѣнно, въ настоящемъ случаѣ дѣло не *въ формѣ* явленія Христа и *не просто въ томъ, что* будетъ открыто въ ней, а въ обоихъ моментахъ—*формальномъ и матеріальномъ* послѣдующихъ явленій Его Савлу. Эта двойственность или двусторонность смысла лучше всего дѣлается достижимой и понятной при предположеніи при ἅ того же предлога, какой опускаетъ и Софоклъ (см. выше)—διά.

Въ такомъ случаѣ, первоначальная форма половины стиха 16 будетъ: τούτων δι' ἃ τε ὀφθήσομαι—„свидѣтелемъ,

---

[1]) Wendt, s. 522.

[2]) Knabenbauer, p. 417.

[3]) Luther, Kuinoel y Bethge, s. 276.

съ другой стороны, того, *чрезъ что*, *ради чего*, *почему* Я тебѣ буду открываться, являться“ [1]).

По справедливому замѣчанію Bethge, ὀφθήσομαι, а не просто ὄψη, подчеркиваетъ, что посредствующимъ началомъ этихъ откровеній будетъ Самъ Господь Христосъ, имѣющій являться Павлу лично.

Но что можно разумѣть подъ *матеріальнымъ* моментомъ этихъ явленій, выраженнымъ чрезъ τούτων δι' ἃ?

Мы переводимъ такъ, что Христосъ *ради этого послѣдняго* и будетъ являться Своему Апостолу, и что *объ этомъ-то* не явленіи, *а ради чего будетъ Господь являться*,—тотъ долженъ возвѣщать въ своей проповѣди.

Дѣйствительно, достаточно одного бѣглаго обзора словъ Христа Савлу при послѣдующихъ явленіяхъ (напр. **Дн** XVIII, 9; XXIII, 11), чтобы видѣть, что Христосъ главнымъ образомъ подкрѣплялъ и ободрялъ его въ миссіонерской дѣятельности среди тѣхъ опасностей и искушеній, которымъ подвергалась послѣдняя. Но несомнѣнно, что въ этихъ же явленіяхъ Савлъ получалъ и откровенія въ собственномъ смыслѣ, т. е. разъясненія христіанскаго ученія, какъ объ этомъ онъ выразительно говоритъ въ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ: „я отъ Самого Господа принялъ то, что вамъ передалъ“ (**1 Кор** XI, 23; ср. **2 Кор** XII, 1).

Такимъ образомъ, Господь Іисусъ Христосъ являлся ап. Павлу съ цѣлью подкрѣплять его и сообщать новое содержаніе его проповѣди. Это, слѣдовательно, и составляло матеріальный моментъ, который мы означили чрезъ αν при ὀφθήσομαι.

Ясно, конечно, что эта двойная цѣль своимъ фокусомъ имѣла вообще *христіанское ученіе* о вѣрѣ и нравственности, и лучшимъ, наиболѣе полно и ясно выразившимъ принципы послѣднихъ, былъ, дѣйствительно, св. ап. Павелъ, давшій, строго говоря, всю догматику и этику

---

[1]) Winer, *Gr.* s. 246, 3, 1; Felten, s 446, An. 2; Bethge, s. 276 и т. д.

христіанства въ своихъ рѣчахъ и посланіяхъ. *Истина христіанская* представляла именно то, ради чего Господь позже являлся Павлу, и провозвѣстникомъ и свидѣтелемъ, какъ-бы очевидцемъ, лично отъ Христа наставленнымъ, чего былъ этотъ величайшій изъ апостоловъ.

Послѣ всего вышесказаннаго мы можемъ перевести настоящій стихъ такъ: „но встань и стань на ноги твои, потому-что Я (Господь) явился тебѣ для того, чтобы сдѣлать тебя провозвѣстникомъ и свидѣтелемъ того, что ты видѣлъ, и того, ради чего Я буду являться тебѣ“.

Ст. 17.

ἐξαιρούμενός σε ἐκ τοῦ λαοῦ καὶ ἐκ τῶν ἐθνῶν, εἰς οὓς ἐγὼ ἀποστέλλω σε,

Въ *общемъ* залогѣ „ἐξαιρέω“ имѣетъ значеніе „избирать“, „освобождать“ (ср. **Дн** VII, 10, 34; XII, 11; XXIII, 27; **Гал** 1, 4).

„избавляя тебя отъ народа Іудейскаго и отъ язычниковъ, къ которымъ Я теперь посылаю тебя“.

Хотя глаголъ ἐξαιρέω въ общемъ залогѣ имѣетъ значеніе—„выбирать“, однако причастіе ἐξαιρούμενος въ настоящемъ случаѣ не можетъ значить „выбирая“, потому что Савлъ избранъ *только* изъ Израиля. Кромѣ того, вслѣдствіе конструкціи фразы, причастіе здѣсь (грамматически относящееся къ ὀφθήσομαι, а логически къ προχειρίσασθαι) должно означать нѣчто *не предшествующее, а послѣдующее за посольствомъ къ язычникамъ*. Это заставляетъ ἐξαιρούμενος понимать въ смыслѣ „выхватывать“, „спасать“, „освобождать“ отъ опасности [1]).

Нѣтъ нужды подробно говорить о томъ, какимъ опасностямъ долженъ былъ подвергнуться Савлъ за свое ренегатство со стороны соотечественниковъ и вообще за

1) Meyer, s. 479; Felten, s. 446; Lange, s. 339; Bethge, s. 277.

проповѣдь христіанства между язычниками въ странахъ съ дикимъ подчасъ населеніемъ, которое не вѣрило ему и готово было каждый моментъ броситься на него за оскорбленіе національной религіи.

Въ такіе моменты онъ нуждался въ защитѣ, и она исходила отъ его Верховнаго Учителя.

Поэтому, вполнѣ естественно, что Господь, предвидя будущее положеніе Своего апостола, обѣщаетъ *сохранять* (ἐξαιρ[ούμενος]εῖν) его отъ нападокъ со стороны іудеевъ (τοῦ λαοῦ—наименованіе израильскаго народа, когда рѣчь идетъ о его враждебности къ апостоламъ христіанства **Дн** IV, 27; XII, 4 ср. 2 **Кор** XI, 26) и язычниковъ (τῶν ἐθνῶν—въ отличіе отъ іудеевъ, чтившихъ истиннаго Бога **Мѳ** IV, 15; VI, 32; **Лк** II, 32; **Рим** IX, 24; интересно при этомъ, что у ап. Павла, какъ—христіане изъ іудеевъ носятъ названіе Ἰουδαῖοι **Гал** II, 13, такъ христіане изъ язычниковъ τὰ ἔθνη **Рим** XV, 27; XVI, 4; **Гал** II, 12).

Къ нимъ посылается Павелъ (т. е. къ іудеямъ и язычникамъ, ср. ст. 20, а не къ однимъ язычникамъ, какъ это можно заключить по ближайшему отношенію εἰς οὓς къ τῶν ἐθνῶν).

Такимъ образомъ, поручая Савлу обширную миссію, Господь предвидитъ нерѣшительность и опасенія его за свою судьбу и обѣщаетъ Свою помощь.

Ст. 18.

ἀνοῖξαι ὀφθαλμοὺς αὐτῶν, τοῦ ἐπιστρέψαι ἀπὸ σκότους εἰς φως καὶ τῆς ἐξουσίας τοῦ σατανᾶ ἐπὶ τὸν θεόν, τοῦ λαβεῖν αὐτοὺς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν καὶ κλῆρον ἐν τοῖς ἡγιασμένοις πίστει τῇ εἰς ἐμέ“.

αὐτῶν] τυφλῶν—EL, tolet., August. | εἰς φῶς καί оп. Gig. | τῆς] ἀπὸ τῆς CEL; ἐκ τῆς—изъ вульгат. Gig. (de).

„открыть глаза имъ, чтобы они обратились отъ тьмы къ свѣту, и отъ власти сатаны къ Богу, и вѣрою въ Меня получили прощеніе грѣховъ и жребій съ освященными“.

Съ торжественной формулы Господа Христа ἐγὼ ἀποστέλλω σε начинается апостольство Савла между язычниками и іудеями, хотя ожесточеніе послѣднихъ было причиной преимущественной миссіи его между язычниками (ср. **Дн** XII, 18—21; **Гал.** I, 16; II, 8; **1 Тим** II, 7).

Павелъ былъ посланъ не человѣкомъ, какъ объ этомъ онъ выразительно говоритъ въ началѣ посланія къ галатамъ: „Павелъ Апостолъ, избранный не человѣками и не чрезъ человѣка (δι' ἀνθρώπου), но Іисусомъ Христомъ (διὰ Ἰησοῦ Χριστοῦ) и Богомъ Отцомъ“ (**Гал** I, 1).

Эти слова Апостола доказываютъ, насколько неправы тѣ комментаторы, которые хотятъ видѣть въ рѣчи Павла предъ царемъ Агриппой соединеніе въ одно сказаннаго Христомъ собственно при обращеніи (IX, 5, 6 и XXII, 8, 10) и переданнаго чрезъ Ананію уже въ Дамаскѣ (IX, 15, 16, 17 и XXII, 13—16). Они готовы заподозрить слова Павла о своемъ призваніи къ апостольству (стт. 14—18) въ узурпаціи или, въ лучшемъ случаѣ, въ неподлинности, потому что ев. Лука въ повѣствованіи о явленіи Спасителя Савлу подъ Дамаскомъ (IX, 4—6) не приводитъ ничего подобнаго. Съ другой стороны и самъ Павелъ въ рѣчи съ лѣстницы крѣпости не говоритъ о призваніи себя къ апостольству въ моментъ перваго явленія Христа (XXII, 8, 10),

Мы замѣчали выше, что, съ одной стороны, ев. Лука (IX гл.) не зналъ подробностей явленія Христа Савлу, съ другой—ап. Павелъ, очевидно, не имѣлъ нужды обращаться къ нимъ въ своей рѣчи въ крѣпости (XXII гл). Если признать, что Савлъ былъ призванъ не лично Христомъ, а чрезъ Ананію, то мы станемъ въ противорѣчіе съ приведенными словами Павла къ Галатамъ.

Наоборотъ, мы не имѣемъ никакого права не довѣрять Павлу въ настоящей рѣчи, вполнѣ согласной съ этими словами, и должны согласиться, что Ананія послужилъ только орудіемъ въ рукахъ Божіихъ для сильнѣйшаго доказательства Савлу, что онъ дѣйствительно призванъ Самимъ

Господомъ, что дамасская христофанія—не результатъ извѣстной психологической реакціи, а дѣйствительный фактъ, подтверждаемый и внѣшне-объективными обстоятельствами. Иначе говоря, посредничество Ананіи было нужно для окончательной побѣды надъ сомнѣніями фарисея и превращенія его въ ревностнаго Апостола христіанства, а не для сообщенія ему такихъ важныхъ полномочій: Ананія только повторилъ уже извѣстное Савлу по личному воспріятію.

Въ настоящемъ стихѣ, гдѣ, по словамъ Blass'a, „continuo flumine orationis aliud ad aliud adjungitur", болѣе подробно раскрывается содержаніе *апостольства* Павла, хотя въ сжатой, но глубокой по смыслу формѣ. Здѣсь авторъ совершенно понятенъ іудейскому царю, потому что вращается въ сферѣ преимущественно ветхозавѣтныхъ понятій и идей [1]).

Нѣкогда Господь Іисусъ Христосъ, выступая на проповѣдь и служеніе Евангелію послѣ искушенія отъ діавола въ пустынѣ, пришелъ въ субботу въ синагогу назаретскую и, по обычаю раввиновъ того времени, взялъ книгу Закона и прочиталъ изъ **пр. Исаіи**: „Духъ Господень на Мнѣ; ибо Онъ помазалъ Меня.... проповѣдывать слѣпымъ прозрѣніе" (LXI, 1—2). Затѣмъ кротко, но торжественно заявилъ: „**нынѣ исполнилось писаніе сіе**" (Лк IV, 18, 21).

Онъ показалъ этимъ, что до Него люди не знали свѣта, бродили въ потемкахъ, потому что ихъ глаза были закрыты съ момента грѣхопаденія, когда діаволъ, какъ бы накинулъ покрывало на нихъ, и они не знали истинной радости отъ жизни въ свѣтѣ. У нихъ, быть можетъ, мелькало иногда стремленіе къ чему-то лучшему, идеальному,

---

[1]) Здѣсь умѣстно замѣтить, что въ настоящемъ случаѣ ап. Павелъ прибѣгаетъ къ пріему соподчиненія грамматическаго содержанія стиха къ ἀποστέλλω предыдущаго стиха, такъ что оба стиха тѣсно связаны между собой не только прагматически, но и грамматически: ἀνοῖξαι....εἰς ἐμέ служитъ дополненіемъ ἀποστέλλω.

но они были безсильны вырваться изъ оковъ грѣха, проклятія и смерти, подобно желѣзной маскѣ, сжимавшихъ ихъ органъ зрѣнія.

Но вотъ изъ любви къ падшему человѣчеству сходитъ на землю Сынъ Божій, Господь Іисусъ, въ Которомъ „была жизнь, и жизнь была свѣтомъ для людей“ (Ін 1, 4). Онъ снялъ это покрывало съ глазъ людей, они открыли ихъ, и съ этого момента началась сознательная, *вполнѣ* отвѣтственная жизнь. Христосъ, такимъ образомъ, былъ гранью, рѣзко разбившей исторію человѣчества на двѣ половины: тамъ, гдѣ былъ мракъ, и тамъ, гдѣ явился свѣтъ. Въ этомъ былъ центръ явленія Спасителя, Его миссіи между язычниками и іудеями. Эту же миссію Онъ поручаетъ и Своему Апостолу Павлу, подтверждая, что главное содержаніе его апостольства—это „открывать глаза ихъ“ (ἀνοῖξαι ὀφθαλμοὺς αὐτῶν), т. е. духовные глаза—ихъ *душу* и *сердце*, открывить чрезъ „слово свидѣтельства“, ради котораго Господь обѣщалъ Свою помощь (ст. 17).

Эта историческая слѣпота была неодинакова у объектовъ проповѣди Апостола Павла. По словамъ его самого, язычники, связанные съ іудеями единствомъ происхожденія и, до извѣстнаго момента, пользовавшіеся непосредственными откровеніями отъ Бога, были одинаковы съ ними въ религіозно-нравственныхъ отношеніяхъ, знали истину и жили по ней. Но послѣ того, какъ человѣчество начало извращать подобіе Божіе и жить грубо чувственными принципами и интересами желудка и шкуры, Господь выдѣлилъ изъ него оставшійся наиболѣе вѣрнымъ Ему народъ израильскій и съ нимъ только вступилъ въ завѣтъ, охраняя его отъ сторонннхъ вліяній и поддерживая въ немъ истинную религію. Результатомъ этого было то, что устраненные отъ завѣта язычники, не имѣя контроля за своими религіозными представленіями, постепенно затирали ихъ въ массѣ натуралистическихъ и анимистическихъ наблюденій и фактовъ; на чистой тенисти-

ческой основѣ образовывался политеистическій наносъ (Рим 1, 18), дѣйствительно, мѣшавшій ихъ духовному зрѣнію [1]).

Находившіеся въ лучшихъ, съ объективной стороны, условіяхъ, іудеи не оправдали, однако, вполнѣ своего назначенія играть роль миссіонеровъ. Они исполняли законъ Божій, соблюдали всѣ повелѣнія Іеговы, но допустили въ своемъ сердцѣ ожесточеніе, грубую плотяность, которая заставила ихъ обращать преимущественное вниманіе на букву Закона и не видѣть его символическаго смысла.

Послѣ возвращенія изъ плѣна евреи поняли причину своихъ послѣднихъ злоключеній въ частыхъ отступленіяхъ отъ Завѣта съ Іеговой, выраженнаго въ Законѣ. Отсюда является усиленное стремленіе оживить Завѣтъ съ Іеговой, понять Его и исполнить Его велѣнія. Однако, эти два генетически связанные момента не одинаково были реализованы въ послѣплѣнной исторіи іудеями. Принявъ Законъ, какъ цѣлое, обязательное для исполненія во всемъ объемѣ, они натолкнулись на большое препятствіе. Оказалась непримѣнимость многаго въ жизни, потому что послѣдняя измѣнилась въ сторону усложненія той простой обстановки, въ какой былъ данъ Законъ.

Однако, фанатичное чувство не допускало и мысли о возможности символическаго пониманія предписаній Закона. И вотъ создается особое теченіе: находятся фанатики, которые всѣ мелочныя предписанія Закона старались исполнить, не опустить, создается цѣлая система, школа, въ которой каждый заботится о томъ, чтобы выполнить законъ. Не брезгуютъ никакими средствами, прибѣгаютъ къ самымъ софистическимъ толкованіямъ, подтасовкамъ. И понятно, что въ такой погонѣ за ложнымъ буквализмомъ,

---

[1]) См. подробн. объ этомъ въ нашихъ этюдахъ: *Первобытный человѣкъ Библіи,* Харьковъ, 1910, стр. 15—18; *Къ вопросу о религіозномъ элементѣ въ посвященіяхъ у дикарей*—въ журналѣ *Богословск. Вѣстн.* 1910, мартъ.

за уясненіемъ самыхъ ничтожныхъ предписаній, іудеи совершенно теряли, опускали изъ вида самый *духъ* Закона, его основной смыслъ, принципы. Можно было долго молиться и въ то-же время самымъ безчеловѣчнымъ образомъ грабить человѣка. Можно было давать десятину съ мяты, аниса, тмина и, въ то-же время, оставить судъ, милость и вѣру. Все это произошло оттого, что законническое настроеніе считалось прежде всего и главнымъ образомъ съ *внѣшнимъ* въ Законѣ (**Мѳ** XXIII, 14, 23, 25). Въ постоянныхъ погоняхъ за *буквой* Закона, его *духъ* оставался непонятъ и неусвоенъ. Іудей читалъ книгу Закона, но не смыслъ читаннаго воспринималъ, а боялся забыть толкованія, какія когда-либо давались на это учеными раввинами. Весь Законъ какъ бы былъ скрытъ подъ софистическими толкованіями и казуистическими ухищреніями.

Подъ конецъ, такое буквоѣдство начало считаться условіемъ высокаго положенія и особыхъ правъ въ самомъ народѣ Божіемъ (фарисеи). Іудеи смотрѣли на все, какъ-бы черезъ нѣкоторую полупрозрачную сферу, покрывало, не позволявшее вполнѣ ясно видѣть объекты предъ собой (**Мѳ** XIII, 13; **Рим** XI, 11, 25; **2 Кор** III, 15; **Мѳ** VI, 22; **2 Петр** II, 14; **Мѳ** XIII, 15). Въ такомъ же состояніи находился и Павелъ до своего обращенія.

Оба эти состоянія слѣпоты—полной религіозно-нравственной (язычники) и богословско-практической (іудеи) должны были сдѣлаться *объектами апостольской дѣятельности ап. Павла.*

Каковы были тѣ субъективныя (въ язычникахъ и іудеяхъ) измѣненія, которыхъ достигнуть долженъ былъ Павелъ своей дѣятельностью, объ этомъ Господь говоритъ далѣе.

„Обратиться (ἐπιστρέψαι—*одуматься, измѣниться, перемѣнить образъ мыслей* [1])) отъ тьмы къ свѣту“ (ἀπὸ σκότους

---

[1]) Schirlitz, s. 162 ср. Zorell, p. 213; Ebeling, s. 168.

εἰς φῶς — ср. **Рим** II, 19; **Еф** V, 8). Несамостоятельность этого выраженія подчеркивается членомъ род. п. предъ глаголомъ въ неопредѣленн. накл. ἐπιστρέψαι Такимъ путемъ въ греческ. яз. обычно выражаются тѣ придаточныя предложенія, которыя въ отношеніи къ раннѣйшему предложенію представляютъ цѣль, задачу [1]).

Слѣдовательно, *цѣлью* устраненія слѣпоты (ἀνοῖξαι τοὺς ὀφθαλμούς) іудеевъ и язычниковъ для Павла должно быть обращеніе ихъ отъ тьмы къ свѣту. Онъ долженъ открыть имъ глаза, чтобы они перемѣнили образъ мыслей, вообще исправились, обратились къ новому ученію. Конечно, если устраненіе слѣпоты было дѣломъ объективнымъ, такъ-какъ требовало прежде всего оправданія возможности смотрѣть на истину непосредственно, чрезъ помощь совнѣ, которую давалъ Павелъ своей проповѣдью, то обратиться къ христіанству, жить его идеями было дѣломъ субъективнымъ, зависѣло отъ личнаго желанія и настроенія. Это именно подчеркивается глаголомъ ἐπιστρέψαι, который въ книгѣ Дѣяній вездѣ имѣетъ только непереходное значеніе [2]) и не можетъ имѣть, слѣдовательно, въ настоящемъ случаѣ αὐτούς (вин. объекта), подобно ἀνοῖξαι.

Посредствомъ живого слова, проповѣди ученія Христа ап. Павелъ долженъ ἀνοῖξαι ὀφθαλμοὺς αὐτῶν, чтобы язычники и іудеи уже могли порвать всѣ связи съ тьмой, которая на языкѣ Н. З. означаетъ вообще теоретико-практическое удаленіе человѣка отъ Бога въ пропасть заблужденій, грѣха и жизни безъ Бога въ широкомъ смыслѣ (**Мѳ** IV, 16—„ὁ λαὸς ὁ καθήμενος ἐν σκότει“; **Лк** 1, 79—„οἱ ἐν σκότει“ ср. также **Еф** V, 8). Еще въ В. З. Господь говорилъ, что въ состояніи духовной темноты находятся всѣ тѣ, которые забыли своего Бога (см. напр. **Ис** L, 10); въ Н. З. св. ев. Іоаннъ прямо говоритъ, что состояніе необращенныхъ, живущихъ безъ свѣта жизни, безъ благо-

---

[1]) Winer, *Grammat.* s. 304, 4, b.

[2]) Bethge, s. 279.

дати Божіей во Христѣ, есть темнота (**Iн** I, 5). Это состояніе характеризуется пассивностью, инертностью, вслѣдствіе того, что человѣкъ, не знаетъ источника этой темноты. Такое состояніе въ примѣненіи къ іудеямъ констатировали свв. ев. Іоаннъ (I, 4, 10; Ш, 19) и особенно ап. Павелъ. Онъ твердо говоритъ: „умы ихъ ослѣплены: ибо тоже самое покрывало (какое было у Моисея на лицѣ) донынѣ остается неснятымъ“ (**2 Кор** Ш, 13, 14 ср. **1 Кор** II, 8, 9; **Рим** X, 3).

Язычники также находятся во тьмѣ невѣденія.

Ап. Павелъ обращается къ неофитамъ въ Эфесской церкви: „вы были тьма, а теперь—свѣтъ въ Господѣ“ (**Еф** V, 8 ср. **Кол** 1, 13; **Еф** V, 11; **Рим** ХШ, 12). Своимъ свидѣтельствомъ о Христѣ онъ открываетъ имъ свѣтъ (**2 Кор** IV, 5, 6), такъ-какъ Христосъ—свѣтъ міру (**Iн** 1, 4, 9, 17). *Вѣра во Христа* и есть, поэтому, *обращеніе къ свѣту* (**2 Кор** IV, 4, 5; **Кол** 1, 12 и пр.), но вѣра не въ полномъ и собственномъ смыслѣ, а лишь какъ первая ступень ея, когда у человѣка на почвѣ чисто интеллектуальной является сознаніе истинности извѣстнаго ученія. Второй же ступенью, когда сознаніе переходитъ въ убѣжденіе на почвѣ замѣчанія за невѣріемъ слабыхъ сторонъ, является ясное представленіе объ источникѣ раннѣйшаго заблужденія, и это именно подчеркивается словами Господа Савлу, что онъ долженъ способствовать тому, чтобы язычники и іудеи обратились „отъ власти сатаны къ Богу“ (τῆς ἐξουσίας τοῦ σατανᾶ ἐπὶ τὸν Θεόν).

Сатана—источникъ темноты. Ему человѣчество подчинилось свободно чрезъ грѣхъ. Въ противоположность сатанѣ св. ап. Іаковъ называетъ Бога *Отцемъ царства свѣта* (I, 17). Гдѣ грѣхъ, тамъ власть сатаны, какъ антитезы всему доброму, святому (**Iн** XIV, 30). Съ уничтоженіемъ грѣха кончается сила сатаны. Господь прямо обличилъ іудевъ: „вы дѣлаете дѣла отца вашего. Вашъ отецъ діаволъ; и вы хотите исполнять похоти отца вашего“ и т. д. (**Iн** VШ, 41 и сл.). Но особенно сказывалась власть діавола

среди язычниковъ, лишенныхъ благодатной помощи свыше и жившихъ естественными принципами. Апостолъ заставляетъ колоссянъ сознать это и возблагодарить Господа за обращеніе въ христіанство отъ царства діавола (**Кол** I, 13). Іисусъ Христосъ Своими страданіями и смертью на крестѣ разрушилъ власть діавола и грань между язычниками и іудеями (**Кол** II, 11—15), давъ возможность израильтянамъ обращаться ко Христу (**Дн** IX, 35; **2 Кор** III, 16). Язычники до сего времени служили богамъ (**Гал** IV, 8; **Еф** II, 12) и не знали истиннаго богопочитанія, теперь цѣлью ихъ обращенія является Богъ во Христѣ. Они выходятъ изъ власти діавола и становятся уже не безбожниками, а христіанами (**1 Фес** I, 9; **Еф** II, 13).

Увидѣвшіе свѣтъ въ ученіи Христа Спасителя, убѣжденные въ истинности его, іудеи и язычники узнаютъ источникъ своихъ заблужденій, понимаютъ свое грѣховное состояніе. И третьею ступенью ихъ *вѣры во Христа* явится стремленіе порвать всѣ связи съ грѣховнымъ прошлымъ чрезъ прощеніе (Богомъ) ихъ прегрѣшеній (τοῦ λαβεῖν αὐτοὺς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν—родовое понятіе, какъ *состояніе* [1]): αὐτούς при λαβεῖν играетъ роль грамматическаго субъекта, слѣдовательно, и при раннѣйшемъ неопредѣленномъ ἐπιστρέψαι разумѣется тотъ же субъектъ, такъ чтомы имѣемъ здѣсь оборот. вин. съ неопред.).

Спасеніе, которое принесъ Христосъ, состояло прежде всего въ прощеніи грѣховъ (**Лк** 1, 77; XXIV, 47; **Кол** 1, 14) Черезъ вѣру въ Него человѣкъ очищается отъ грѣховной скверны въ состояніи обрѣзанности и необрѣзанности и получаетъ нравственную возможность стать членомъ Царства Божія, „удѣла освященныхъ“ (κλῆρον ἐν τοῖς ἡγιασμένοις πίστει τῇ εἰς ἐμέ; грамматически πίστει τῇ εἰς ἐμέ можетъ относиться къ λαβεῖν и къ ἡγιασμένοις, но послѣднее болѣе соотвѣтствуетъ идеологіи ап. Павла [2])), и это является вѣнцомъ или концомъ спасенія человѣка.

---

[1]) Schirlitz, s. 22, Ebeling, s. 24, Zorell, p. 32.
[2]) Felten, s. 447.

Такъ, субъективный процессъ въ невѣрующемъ на основѣ признанія объективной истинности христіанства по проповѣди Павла заканчивается полнымъ преображеніемъ всего религіозно-нравственнаго существа человѣка. Поэтому, можно думать, что ἡγιασμένοι здѣсь тожественно съ οἱ ἅγιοι (ст. 10), какъ Павелъ назвалъ христіанъ, этого истиннаго Израиля; что же касается собственно формы ἡγιασμένοι, то она, несомнѣнно, указываетъ на процессъ достиженія такого благодатнаго состоянія [1]).

Такъ, въ настоящихъ словахъ Господь далъ цѣлую психологическую схему процесса вѣры человѣка во Христа. По словамъ св. Іоанна Златоуста, Онъ „указываетъ на тѣ зла, которыя сбдержатъ невѣрующихъ: на сатану и мракъ, и на блага вѣрующихъ, которыя суть: свѣтъ, Богъ, наслѣдіе святыхъ. И смотри, въ рѣчахъ Онъ упоминаетъ о язычникахъ, ибо между присутствующими были язычники“ [2]).

Въ задачу настоящаго изслѣдованія не входитъ подробный анализъ обращенія Савла, однако мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о трансцендентности этого событія, когда свирѣпый зилотъ іудейскихъ преданій былъ разбитъ, и на его мѣсто явился кроткій, но сильный словомъ и дѣломъ проповѣдникъ Евангелія Іисуса изъ Назарета.

Такой коренной переворотъ въ существѣ фарисея-зилота является предметомъ сомнѣнія для многихъ представителей не только научной богословской мысли, но даже простого вѣрующаго сознанія. И интересно, что источникомъ такого сомнѣнія отнюдь не служитъ принципіальное отрицаніе чуда вообще,—наоборотъ, тѣ и другіе видятъ здѣсь чудо перерожденія гонителя Христа, но не соглашаются съ его объективной реальностью, считаютъ его чудомъ въ несобственномъ смыслѣ, такъ сказать, чу-

---

[1]) Stier, s. 313.

[2]) *Бесѣды*, II, стр. 380.

домъ субъективнаго порядка: чудесно было самое обращеніе, духовная реакція, но не та почва, на которой, по слову Св. Писанія, совершилось это чудо.

Свое полное выраженіе и ученую обоснованность это сомнѣніе въ объективной чудесности дамасскаго обращенія Савла нашло во второй половинѣ прошлаго столѣтія въ такъ называемой психологической теоріи, окончательнымъ выразителемъ которой можно считать C. Holsten'a [1]).

Сущность ея состоитъ въ слѣдующемъ.

Обращеніе Савла совершилось уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда онъ послѣ долгаго и основательнаго изученія номизма въ школѣ знаменитаго раввина Гамаліила заявилъ себя такимъ ревнителемъ традицій іудаистической мысли, что Синедріонъ далъ ему большія полномочія для преслѣдованія законнымъ порядкомъ христіанъ изъ іудеевъ. Нервный, впечатлительный, болѣзненный эпилептикъ, Савлъ бросается съ слѣпой яростью и бѣшеными проклятіями послѣдователямъ Распятаго, этимъ нарушителямъ отечественнаго закона, самообольщеннымъ мечтателямъ, выполнять свою миссію. Какъ раненый звѣрь хватаетъ онъ всѣхъ, явныхъ послѣдователей „назорейской ереси“, съ торжествомъ влачитъ на судъ Синедріона и успокаивается только послѣ осужденія этихъ фанатиковъ. Онъ не довольствуется этимъ,—врывается въ дома заподозрѣнныхъ въ ренегатствѣ, бьетъ, истязуетъ женщинъ, мужчинъ, дѣтей и стариковъ, въ крови ихъ находя удовлетвореніе своей ярости. Наконецъ, беретъ спеціальное позволеніе Синедріона на преслѣдованіе христіанъ за предѣлами его непосредственнаго надзора и отправляется въ Дамаскъ.

Однако такая антихристіанская полемика Савла не давала ему полнаго удовлетворенія, потому что со стороны

[1]) *Zum Evangelium des Paulus und Petrus* Altes und Neues von Carl Holsten. Rostock. 1868. Въ новое время даже столь трезвый изслѣдователь, какъ Th. Zahn, не можетъ отказаться отъ этой теоріи. См. его *Paulus der Apostel* въ Herzog—Hauck *RE,* XV³, s. 7.

христіанъ ему приходилось наталкиваться на такой факторъ, который заставлялъ и ослѣпленнаго фарисея задуматься. Это—необыкновенная стойкость сопротивленія преслѣдуемыхъ, котораго не могли сломить никакія увѣщанія, мученія. „Всѣ ихъ упованія—обманъ; но почему же они настолько тверды и жизненны, что не ослабѣваютъ со временемъ, а постепенно пріобрѣтаютъ все большую крѣпость и увлекаютъ множество жертвъ? Не свидѣтельствуетъ ли эта обаятельность, что въ нихъ заключается и доля истины? Разъ это допущено, хотя бы въ качествѣ богохульной нелѣпости,—спокойствіе іудейской совѣсти было навсегда отравлено въ Савлѣ. Между тѣмъ, наблюденія наличной дѣйствительности нимало не поддерживали его предубѣжденія; скорѣе—наоборотъ: они склоняли его въ ту сторону, куда идти казалось преступнымъ ренегатствомъ. Гонитель, врываясь въ домы христіанъ и влача ихъ на судъ, долженъ былъ видѣть чистоту жизни преслѣдуемыхъ. И свѣтъ ихъ невозмутимыхъ радостей, высота настроенія, искренность одушевленія глубоко трогали нѣжное сердце по натурѣ мягкаго Тарсянина. Ко всему этому непреклонность въ своемъ званіи, неустрашимость въ опасностяхъ, мужество въ смерти, когда самыя злѣйшія пытки исторгали лишь хвалы Распятому съ мертвѣющихъ устъ стариковъ и юношей, женъ и дѣтей, невольно выдвигали вопросъ: не тутъ ли и всецѣлая истина, если отъ нея неразрывна поразительная мощь?“ [1]).

Никакія ожесточенія, ничто не могло уже заглушить этого сомнѣнія въ своемъ дѣлѣ, оно росло съ каждымъ новымъ актомъ Савла противъ христіанъ. Постепенно въ душѣ фарисея начинался разладъ, закрадывалась нѣкоторая симпатія къ гонимымъ, которая, конечно, переносилась mutatis mutandis на ихъ жизненные принципы, въ концѣ концовъ, на Самого Іисуса.

Савлъ на пути въ Дамаскъ.

---

[1]) Проф. Глубоковскій *Благовѣстіе*, I, стр. 4—5.

„.....неотвязныя думы насильственно врываются въ его голову, временное бездѣйствіе и уединеніе пустыни растравляютъ его фантазію. И внутри, и совнѣ все раздражаетъ и тревожитъ юнаго вождя антихристіанскаго отряда. Въ глубинѣ своего духа онъ ощущаетъ недостаточность своего нравственнаго возрастанія и, взвѣшивая объективно свое усердіе, боязливо отгоняетъ роковую мысль о непригодности самаго метода, о ложности избраннаго имъ пути. А тутъ предъ нимъ невольно и неумолимо возстаетъ свѣтлый ликъ всеисцѣляющаго Христа, Который наполняетъ такой небесной радостью своихъ исповѣдниковъ... Кризисъ достигаетъ крайней остроты, воображеніе работаетъ съ молніеносной быстротой, сердце само собою подбираетъ подходящій матеріалъ. Голова кружится отъ жестокаго напряженія, неестественно циркулирующая кровь притупляетъ периферическую дѣятельность... Слабый отъ природы организмъ „нервознаго эпилептика“ не выдерживаетъ и повергаетъ Савла въ обморокъ“ [1]).

Такое сильное потрясеніе подѣйствовало на весь духовный организмъ Савла, и онъ объектировалъ свое настроеніе въ признаніи реальнаго существованія Распятаго, Который являлся ему въ тотъ экстатическій моментъ и призвалъ на служеніе Себѣ.

Этотъ выходъ изъ антиномій спасаетъ фарисея и дѣлаетъ изъ него ревностнаго христіанина, апологета и миссіонера дѣла и ученія Іисуса изъ Назарета, не выходящаго изъ сферы понятій іудаизма, но своеобразно трансформирующаго ихъ въ новый, якобы, міръ чувствованій. На самомъ дѣлѣ, содержаніе его проповѣди такъ же далеко отъ ученія Христа, какъ далеко бываетъ вообще копированіе чего-нибудь на основаніи одного разсказа очевидца. Такимъ образомъ, „все Павлово христіанство оказывается простою модификаціей іудеохристіанства, ибо и Самъ явившійся Христосъ былъ лишь „собственнымъ фан-

---

[1]) Глубоковскій указ. соч. стр. 6—7.

томомъ“ гонителя, а разныя „откровенія суть ничто иное, какъ психологическіе, феноменологическіе процессы“ [1]).

Намъ нѣтъ нужды давать подробную критику изложенной психологической теоріи обращенія Савла, которая принята у большинства протестантствующихъ богослововъ запада и, къ сожалѣнію, нѣкоторыми изъ нашихъ русскихъ, потому что трезвая богословствующая мысль въ достаточной мѣрѣ сильно поколебала устои этой теоріи и показала всю ея фальшь и непсторичность [2]), мы ограничимся главнѣйшими этапами критическаго разбора ея.

Эта теорія, проникнутая въ основѣ своей тенденціями гегелевскаго „діалектическаго процесса“ противоположенія тезисамъ антитезисовъ, представляетъ намъ съ одной стороны—отрицаніе реальности явленія Христа Савлу, съ другой—чисто субъективно-психологическое перерожденіе номиста въ ревностнаго проповѣдника преходящаго значенія Закона.

Эта теорія, претендуя на строгую психологичность фактовъ, собственно говоря, изъ одного произвольнаго предположенія возможности появленія у Савла положительной симпатіи къ христіанамъ, хочетъ построить сложнѣйшую комбинацію,—вполнѣ въ духѣ Гегеля изъ чистой мысли или возможности объяснить реальный фактъ. Если мы присмотримся внимательнѣе къ этой попыткѣ, то увидимъ въ теоріи Holsten'a цѣлый рядъ логическихъ и психологическихъ промаховъ и скачковъ, которыхъ онъ не въ силахъ объяснить безъ сторонняго трансцендентнаго фактора.

На самомъ дѣлѣ, исторія не знаетъ такихъ глубокихъ, коренныхъ перерожденій человѣка, которыя совершенно измѣняютъ физіономію личности, опредѣляютъ ея послѣ-

---

[1]) Глубоковскій, стр. 9.

[2]) Vgl. Nösgen, cit. op. ss. 168—177; Stier, cit. op. ss. 301 ff. Neander, cit. op. ss. 113 ff.; Bethge, ss. 187 ff. Горскій, стр. 388—394; обстоятельную критику теоріи даетъ проф. Глубоковскій въ цит. соч.

дующую дѣятельность въ рѣзко противоположномъ настоящему положенію духѣ. Для насъ понятно обращеніе Владиміра Святого, потому что мы видимъ его дѣйствительныя колебанія, спокойныя размышленія о качествѣ того или другого исповѣданія, знакомство съ доводами *за* и *противъ* него,—но мы не видимъ этого въ Савлѣ. Владиміръ Святой *рѣшилъ* перемѣнить свою вѣру, и это рѣшеніе послужило для него дѣйствительной психологической почвой перерожденія, на которой было вполнѣ обосновано принятіе христіанства. Наоборотъ, въ обращеніи Савла отсутствуетъ именно этотъ моментъ, безъ котораго оно теряетъ именно свою историчность, потому что представляетъ психологическій скачекъ. Если у Савла былъ сильный характеръ, а этого нельзя отрицать на основаніи всей его послѣдующей дѣятельности апостола, то онъ *психологически не могъ* переродиться въ противника номизма. Для каждаго, знакомаго хотя немного съ фактами эмоціональной психологіи, очевидно, что воспитаніе и образованіе налагаютъ глубокій, почти неизгладимый отпечатокъ на все существо человѣка. Онъ впитываетъ въ себя тѣ или другіе принципы въ дѣтскомъ, особенно воспріимчивомъ, возрастѣ, роднится съ ними, и они становятся для него какъ бы второй природой. Его чувство оживаетъ и дѣйствуетъ только въ родной атмосферѣ, волевые импульсы возможны только на почвѣ знакомыхъ переживаній, его мозгъ привыкаетъ мыслить въ направленіи тѣхъ или другихъ традицій, какъ будто самыя борозды опредѣляются суммой извѣстныхъ мыслительныхъ процессовъ, содержаніе которыхъ опять таки даетъ образованіе. Коротко говоря, все существо человѣка привыкаетъ функціонировать въ одномъ опредѣленномъ направленіи и настроеніи. И намъ понятно, поэтому, почему теологъ не можетъ внезапно переродиться въ технолога безъ долгаго и упорнаго труда надъ соотвѣтствующими дисциплинами. Онъ можетъ быть наученъ всѣмъ тонкостямъ техники и машиннаго производства, онъ можетъ забыть детальныя свѣдѣнія,

какія дало ему первоначальное и послѣдующее богословское образованіе, но онъ никогда не можетъ освободиться отъ характера своего мышленія и той методологіи, какія вложены въ него начальнымъ обученіемъ. Опытная психологія говоритъ намъ о „мѣстныхъ знакахъ“, о локализаціи ощущеній: такіе знаки мы получаемъ и подъ вліяніемъ образованія, по которымъ, какъ по рельсамъ, начинаетъ функціонировать нашъ духовно-тѣлесный организмъ. Опытный психологъ по складу мышленія, по одному методу дѣятельности можетъ легко опредѣлить соціальную и сословную физіономію человѣка, потому что тотъ не можетъ вполнѣ освободиться отъ привычекъ дѣтства, вошедшихъ въ его плоть и кровь.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что невозможны перерожденія человѣка, но мы утверждаемъ, что безъ психологической почвы, на основѣ однихъ внѣшнихъ фактовъ, не только генетически не связанныхъ съ нравственнымъ и интеллектуальнымъ наслѣдіемъ воспитанія, но даже совершенно противоположныхъ ему, человѣкъ не можетъ кореннымъ образомъ, совершенно измѣниться въ своемъ существѣ такъ, чтобы быть совершенно неадекватнымъ своей раннѣйшей личности. Раздвоеніе сознанія личности—вотъ что можетъ получиться изъ этого въ лучшемъ случаѣ, но измѣненіе полное невозможно, какъ невозможно березѣ сдѣлаться дубомъ: можно привить старой березѣ дубовый глазокъ, но онъ не опредѣлитъ имманентной природы ствола.

Такъ, человѣкъ, съ дѣтства привыкшій вращаться въ атмосферѣ номизма, не можетъ сдѣлаться вдругъ, безъ посредствующихъ моментовъ, противникомъ номизма. Намъ могутъ указать на факты, когда дѣти, получившія воспитаніе въ религіозной семьѣ и образованіе въ теологической школѣ, выходятъ въ жизнь атеистами. Однако мы не можемъ согласиться съ тѣмъ фактомъ, будто послѣ такого долгаго вращенія въ теистической атмосферѣ *вдругъ* является атеистъ; мы можемъ признать здѣсь из-

вѣстную холодность, игнорированіе вопросами религіи на почвѣ отсутствія субъективныхъ стараній, этого необходимаго момента для живости религіознаго чувства, но совершеннаго перерожденія мы не можемъ допустить по психологическимъ основаніямъ.

Примѣръ Вольтера, этого ужаснаго безбожника, который требовалъ гнать церковь, религію, потому что онѣ мѣшаютъ прогрессу человѣчества, а передъ смертью просилъ причастія у аббата, Льва Толстого, ненавидѣвшаго Православную Церковь и монастыри, а предъ смерью тайно уѣхавшаго въ монастырь за облегченіемъ своей пустой, мечтательной душѣ, эти примѣры подчеркиваютъ непсихологичность утвержденія, будто человѣкъ можетъ самъ въ мигъ сбросить съ себя свою вторую натуру отъ воспитанія, образованія и въ корнѣ измѣниться.

Какъ глубокая, честная натура, Савлъ *не могъ* самъ безъ всякаго посредства придти къ христіанству и проповѣдывать противное своимъ убѣжденіямъ, которыя получали подтвержденіе и жизненность со стороны самихъ фактовъ. На каждомъ шагу онъ видѣлъ только нарушенія іудаистическаго номизма христіанами, „притязаніе (Іисуса) на мессіанскія права было злѣйшимъ оскорбленіемъ всѣхъ завѣтныхъ чаяній іудейства, оскорбительнымъ помраченіемъ свѣтлыхъ чертъ идеала утѣхи Израилевой, рѣшительнымъ попраніемъ упоительныхъ надеждъ на всемірное торжество славнаго Избавителя. Достаточно сказать, что Господь былъ позорно распятъ, и этимъ въ молодомъ зилотѣ вызывалась неутолимая вражда къ Назаретскому Учителю и воспламенялась энергія на уничтоженіе всякихъ воспоминаній о коварномъ обольстителѣ. Крестъ былъ печатью и знаменіемъ посрамленія мнимаго Мессіи и священнымъ побужденіемъ для борьбы съ Нимъ“ [1]).

При такомъ настроеніи Савлъ долженъ былъ лишь

---

[1]) Глубоковскій, стр. 4.

продолжать свою антихристіанскую полемику, которая вполнѣ отвѣчала его номистическимъ стремленіямъ. Онъ не могъ спокойно знакомиться съ христіанствомъ, потому что для этого не было ни времени, ни мѣста; онъ встрѣчался съ послѣдователями Іисуса только, какъ гонитель, свирѣпый зилотъ, жаждавшій крови, крови...

Въ слѣпомъ ожесточеніи, когда туманится разсудокъ, руки судорожно сжимаются для удара, нѣтъ мѣста обсужденіямъ истинности идеаловъ, совѣсть требуетъ одного заглушенія голоса богохульниковъ, что *Мессія распятъ, но живъ*... Савлъ долженъ былъ катиться по наклонной плоскости принятаго еще въ дѣтствѣ направленія.

Слѣдовательно, самъ, безъ трансцендентнаго вмѣшательства юный фарисей не могъ сдѣлаться христіаниномъ, и если психологическая теорія говоритъ обратное, то она допускаетъ психологическій же скачекъ и лишена, поэтому, научнаго значенія. Такая психологическая необходимость трансцендентнаго фактора для полнаго обращенія Савла подтверждается также данными историческими.

Теорія Holsten'a не считается съ текстомъ повѣствованія ев. Луки и самого ап. Павла о Дамасскомъ явленіи Христа. Между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, спутники Савла были ослѣплены какимъ-то необыкновеннымъ свѣтомъ, сверхъестественность котораго особенно подчеркивалась тѣмъ, что его интенсивность превосходила яркость полуденнаго аравійскаго солнца. Мы видѣли (стр. 204), что предъ глазами путниковъ дорога тянулась, какъ полотно, свободное отъ всякихъ рефлектирующихъ или флюоресцирующихъ предметовъ. Свѣтъ этотъ былъ настолько ярокъ и неожиданъ, что путешественники попадали на землю.

Вмѣстѣ съ свѣтовымъ явленіемъ, спутники Савла слышали какую-то звуковую гармонію, смыслъ которой остался недоступенъ имъ. Понятно само собой, что эта подробность въ корнѣ подрываетъ психологическую теорію, представляющую дѣло въ чисто субъективныхъ рамкахъ. Наоборотъ, явленіе Христа было воспринято чувственнымъ

образомъ и спутниками Савла, хотя они и были неспособны къ лицезрѣнію Іисуса и восприняли только внѣшнюю форму Его откровенія—*свѣтъ* и *звукъ*.

Необъяснимыми съ точки зрѣнія психологической теоріи остается также слѣпота Савла и встрѣча съ нимъ въ Дамаскѣ нѣкоего іудея Ананіи съ порученіемъ отъ Бога повторить ему призваніе къ апостольству.

Болѣе, чѣмъ странно, было бы искать причину тѣлесной слѣпоты Савла въ интенсивности свѣта: почему, въ такомъ случаѣ, одинъ онъ лишился зрѣнія, и никто болѣе? Смѣшно было бы предположить, что только Савлъ шелъ (или ѣхалъ на ослѣ) съ открытыми глазами, а остальные изъ предосторожности опустили вѣки: но почему же они однако и при такой „предусмотрительности“ пали на землю? Съ нашей точки зрѣнія эта слѣпота объясняется просто необходимостью сильнѣе подчеркнуть настоящее положеніе Савла, увѣрить его въ реальности явленія Распятаго.

Не менѣе также странно появленіе на сцену Ананіи: онъ былъ христіанинъ и, конечно, самъ не могъ явиться къ Савлу съ такой странной миссіей, потому что зналъ цѣль путешествія этого знаменитаго гонителя послѣдователей Іисуса (Дн IX, 13—14).

Итакъ, реальность явленія Савлу Христа предъ Дамаскомъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія: она подтверждается психологически и исторически.

Вторымъ тезисомъ психологической теоріи является подчеркиваніе чисто-субъективнаго характера перерожденія Савла; постараемся отвѣтить на вопросъ: могъ ли онъ самъ безъ всякаго посредства сдѣлаться проповѣдникомъ и ревностнымъ защитникомъ дѣла Распятаго?

Въ настоящемъ случаѣ намъ нужно исходить изъ метафизическихъ предпосылокъ міросозерцанія Савла-фарисея, для того, чтобы установить, было ли въ немъ что-нибудь эквивалентное идеямъ христіанства?

Выше (стр. 165, 203) мы имѣли уже случай говорить о

томъ, что ученіе христіанства о личномъ или частномъ воскресеніи шло совершенно въ разрѣзъ съ фарисейскимъ ученіемъ о всеобщемъ воскресеніи[1]). Оно оказывалось ненужнымъ, лишнимъ, такъ какъ царство Мессіи должно было начаться съ момента Его явленія на землю къ избранному народу Израильскому. Никакихъ посредствующихъ стадій, формъ фарисейская идеологія здѣсь не признавала. Но особенно безсмысленной, грубо-оскорбительной для фарисейскаго номизма была идея страждущаго на крестѣ и умирающаго позорною смертью за грѣхи человѣчества Мессіи, этого коренного принципа христіанскаго ученія, за которое такъ смѣло шли на ужасныя мученія послѣдователи Іисуса изъ Назарета. Іудаизмъ ожидалъ явленія Мессіи одному Своему народу праведниковъ, который имѣетъ получить съ этого момента особенное значеніе царственнаго наслѣдія между всѣми народами (стр. 165, 169) [2]).

Психологическая теорія видитъ также лейтъ-мотивъ обращенія Савла къ христіанской идеологіи въ его неудовлетворенности законнической практикой, которая и обратила его взоръ къ ученію Христа. Это предположеніе, помимо своей произвольности, совершенно непсихологично. Проф. Глубоковскій справедливо говоритъ слѣдующее: „допустимъ, что все это (сомнѣніе въ правотѣ закона) съ нимъ было, и онъ мучительно стоналъ отъ жалости при тщетѣ всѣхъ своихъ пламенныхъ порывовъ,— и все-таки его законничество останется для него несокрушимой твердыней. Нравственный раздоръ будетъ лишь обличеніемъ недостаточности его преуспѣянія и побужденіемъ къ дальнѣйшему гоненію святости. Но она закономъ предначертана и въ немъ запечатлѣна Господомъ, потому отъ него и пріобрѣтается. Понятно теперь, что къ нему же должна быть направлена вся стремительность воли, желающей добра и ищущей мира. Иного средства не бы-

---

[1]) См. подробнѣе объ этомъ въ *Addenda* къ стр. 154.

[2]) См. *Addenda* къ стр. 154.

ло и не предвидѣлось, если и самое нравственное отрезвленіе вызвано заповѣдью. Совершенно натурально, что молодой Тарсіецъ избираетъ этотъ путь законническаго возрастанія, чтобы не уклоняться отъ него и попирать всѣ препятствія. Историческія извѣстія по этому предмету категорически подкрѣпляютъ подобную вѣроятность и сами ограждаются ею въ своей безошибочности и неложности. Савлъ ревновалъ по Богу, согласно отеческому закону наравнѣ съ прочими іудеями (**Дн** XXII, 3) и жилъ всею доброю совѣстію (**Дн** XXIII, 1) по строжайшему фарисейскому ученію (**Дн** XXVI, 5). На этомъ поприщѣ онъ обнаруживалъ феноменальный прогрессъ въ своей неумѣренной ревнительности объ отеческихъ преданіяхъ (**Гал** 1, 14) и достигъ того, что былъ по правдѣ законной непороченъ (**Филип** III, 6). Значитъ, онъ и удовлетворялъ ей и получалъ отъ нея удовлетвореніе“ [1]). Къ этимъ словамъ ученаго экзегета нужно добавить, что Савлъ и не могъ обратиться къ христіанской идеологіи для разрѣшенія своихъ недоумѣній, потому что въ такомъ случаѣ было естественнымъ искать источникъ, сродный съ своимъ іудаистическимъ номизмомъ, христіанство же, какъ онъ хорошо зналъ, въ своихъ основныхъ принципахъ было совершенно адверсативно тенденціямъ послѣдняго.

Такимъ образомъ, психологическая теорія по всѣмъ указаннымъ нами основаніямъ, оказывается совершенно безсильной объяснить обращеніе Савла въ христіанство безъ предположенія трансцендентнаго фактора, какимъ было реальное явленіе ему Христа на пути въ Дамаскъ.

---

[1]) Глубоковскій *Благовѣстіе* I, 76 сл.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Проповѣдь Павла между язычниками и іудеями (стт. 19—23).

Ст. 19.

Повиновеніе голосу Явившагося.

ὅθεν, βασιλεῦ Ἀγρίππα, οὐκ ἐγενόμην ἀπειθὴς τῇ οὐρανίῳ ὀπτασίᾳ,

ὅθεν опуск. Gigas.

„Поэтому, царь Агриппа, я не воспротивился небесному видѣнію“;

Апостолъ Павелъ заканчиваетъ свой разсказъ о небесномъ явленіи Христа для призванія фарисея-зилота въ ряды Своихъ послѣдователей и апологетовъ, который такъ страшно ненавидѣлъ Назаретскаго Учителя и жилъ мыслью совершенно стереть Его имя со страницъ исторіи человѣчества.

Савлъ дышалъ угрозами и требовалъ крови этихъ безумныхъ фанатиковъ-послѣдователей Іисуса, для которыхъ были непонятны иные доводы, какъ думалъ этотъ гордый фарисей, стоявшій на высотѣ богословскаго знанія и облеченный чрезвычайными полномочіями отъ Синедріона.

Въ существѣ софистическое образованіе раввиновъ дѣлало изъ нихъ изворотливыхъ книжниковъ, конечно, скептиковъ въ нужныхъ моментахъ. Поэтому, вполнѣ естестественно было бы ожидать, что Савлъ, узнавъ въ Явившемся предметъ своей злобы, не обратится на Его зовъ, традицію предпочтетъ фактамъ и явится въ Дамаскъ

съ своей ужасной миссіей, о которой тамъ уже были освѣдомлены и въ паническомъ страхѣ ждали этого іудейскаго Нерона (**Дн** IX, 13, 14). Подобно іудаистамъ, которые видѣли въ чудесахъ Господа Христа проявленіе могущества злой силы, Савлъ могъ также отнестись къ видѣнію, какъ навожденію діавола, и остаться номистомъ.

Однако честная натура, совѣсть и логика фактовъ, временно подавленныя рутиной школьнаго обученія, взяли верхъ, заставили признать Савла всю безпочвенность своихъ убѣжденій и трезво взглянуть на настоящее явленіе. Необычайная обстановка, говорившая о явленіи Самого Бога, и то обстоятельство, что Онъ явился именно ему, Савлу, Своему врагу и гонителю, не расположенному ни одной стороной своей души къ христіанству, подрыли ту почву вѣрности традиціямъ, на которой базировался raison de vivre Савла. И вотъ, именно поэтому, (ὅθεν—**Мѳ** XIV, 7; **Евр** II, 17; III, 1) не протестъ негодованія раздался изъ его больной души (ср. „non praestiti me“—Wendt), а кроткое слово *повиновенія* (ἀπειθής—такъ Stier [1]) переводитъ, потому что, по его словамъ, „какъ можно не вѣрить тому, что видишь?“; ср. **Лк** I, 17; **Рим** I, 30; **2 Тим** III, 2—гдѣ ἀπειθής имѣетъ такое же значеніе и отнюдь не „невѣрующій“), готовности слѣдовать призыву и исполнить миссію обращенія язычниковъ и іудеевъ.

Такова была непобѣдимая объективность самаго факта небеснаго явленія и сильное впечатлѣніе на душу фарисея, что онъ внезапно перемѣнился и обратился въ Павла, Апостола христіанства, проповѣдника „назорейской ереси“, въ истинности которой онъ чудесно убѣдился данными внѣшняго и внутренняго опыта (ὀπτασία—ср. **Лк** I, 22; XXIV, 23, гдѣ преимущественно подчеркивается то субъективное слѣдствіе, которое производится въ душѣ объективнымъ явленіемъ, въ настоящемъ случаѣ—*видѣніемъ Спасителя*).

---

[1]) Stier, cit. op. s. 314.

Ст. 20.

Проповѣдь покаянія іудеямъ и язычникамъ.

ἀλλα τοῖς ἐν Δαμασκῷ πρῶτόν τε καὶ Ἱεροσολύμοις [εἰς πᾶσάν τε [τὴν] χώραν Ἰουδαίοις καὶ τοῖς ἔθνεσιν] ἀπήγγελλον μετανοεῖν καὶ ἐπιστρέφειν ἐπὶ τὸν θεόν, ἄξια τῆς μετανοίας ἔργα πράσσοντας. Tisch.: „πᾶσάν τε τὴν χώραν τῆς Ἰουδαίας“.

τοῖς опуск. Gig. | τε послѣ πρῶτον опуск. EHLP | καὶ ἐν Ἱερ.—AE; Gig. | εἰς оп. ℵAB, tolet. | т. χώρ. τῆς Ἰουδαίας—всѣ кодд. | ἀπαγγέλλων—HLP. Вар. б1—2 текста H опускаетъ εἰς предъ πᾶσαν согласно ℵAB, tolet. (Soden, s. 1654).

„но сперва жителямъ Дамаска и Іерусалима, потомъ всей землѣ Іудейской и язычникамъ проповѣдывалъ, чтобы они покаялись и обратились къ Богу, дѣлая дѣла, достойныя покаянія“.

Въ качествѣ доказательства искренности своего обращенія ко Христу Апостолъ предлагаетъ присутствующимъ и особенно царю Агриппѣ краткую характеристику содержанія и объектовъ своей проповѣди ученія Назаретскаго Пророка. Савлъ сразу, безъ всякихъ колебаній порвалъ съ іудаизмомъ и выступаетъ совершенно въ новомъ свѣтѣ, противникомъ номизма и апологетомъ того, что раньше считалъ безбожіемъ, оскорбленіемъ самыхъ завѣтныхъ идеаловъ и чаяній своей секты.

Св. ев. Лука повѣствуетъ, что послѣ видѣнія Христа Савлъ поднялся съ земли слѣпой и лишь со сторонней помощью могъ дойти до воротъ Дамаска. Чрезъ три дня онъ прозрѣлъ, когда Ананія по повелѣнію Божію возложилъ на него руки и крестилъ. Съ этого момента и начинается собственно апостольская дѣятельность Павла (Дн IX, 8—20).

Въ настоящей своей рѣчи предъ кесарійской аудито-

ріей ап. Павелъ указываетъ четыре пункта, гдѣ ему приходилось проповѣдывать за весь свой христіанскій періодъ жизни: Дамаскъ, Іерусалимъ, вся страна іудейская и языческія страны. Въ Дамаскѣ ему было естественно выступить съ первыми словами своей проповѣди (πρῶτον), чтобы, тѣмъ самымъ, доказать искренность своихъ настоящихъ намѣреній. Отсюда онъ перешелъ въ Іерусалимъ, подвизался тамъ (Ἱεροσολύμοις—дат. мѣста, ср. **Дн** IX, 28), сюда же приходилъ съ Варнавой для передачи милостыни христіанамъ (XI, 30). Затѣмъ, былъ на соборѣ Іерусалимскомъ, выступалъ опять съ словомъ (XV, 4, 12). Объ этихъ посѣщеніяхъ св. города Павелъ говорилъ въ своихъ посланіяхъ (**Рим** XV, 19 ср. **Гал** I, 17 сл.). Въ анализируемомъ мѣстѣ рѣчи Павла оба эти пункта (Дамаскъ и Іерусалимъ) грамматически тѣсно связаны между собою посредствомъ „τε καί“, и это, повидимому, предполагаетъ хронологическую связь дѣятельности въ Дамаскѣ и Іерусалимѣ.

Затѣмъ, по принятому чтенію, Апостолъ проповѣдывалъ по всей странѣ іудейской (ἀλλὰ τοῖς ἐν Δαμασκῷ πρῶτόν τε καὶ Ἱεροσ. εἰς πᾶσαν τε τὴν χώραν τῆς Ἰουδαίας [1])). Однако Blass отказывается принять такое чтеніе, указывая на то, что оно противорѣчитъ **Гал** 1, 22 и сл., гдѣ Павелъ прямо заявляетъ, что „церквамъ Христовымъ въ Іудеѣ лично я не былъ знакомъ“ (ἤμην δὲ ἀγνοούμενος τῷ προσώπο ταῖς ἐκκλησίαις τῆς Ἰουδαίας). Отсюда, Blass даетъ свою конструкцію настоящему стиху, выпуская членъ τήν предъ χώραν и измѣняя Ἰουδαίας въ Ἰουδαίοις: получается смыслъ, что Павелъ *проповѣдывалъ и іудеямъ*, вообще разсѣяннымъ по вселенной (χώραν безъ члена), а не только въ Іудеѣ [2]). Однако большинство комментаторовъ не согла-

---

[1]) Vgl. Nestle *Novum Testamentum Graece* cum apparato critico, Stuttgart edit. oct. 1910, p. 382; ср. Tischendorf, II, p. 227 (опускъ εἰς), s auch Knabenbauer, cit. op. p. 413.

[2]) Blass *Acta Apostolorum*, Gottingen, 1895, p. 268

шается съ такой интерпретаціей ученаго филолога. Остановимся на этомъ.

Прежде всего нужно замѣтить, что πρῶτον относится только къ Дамаску, какъ это слѣдуетъ изъ его *синтаксическаго положенія*, и несомнѣнно, что именно послѣднимъ ораторъ хотѣлъ показать свою *первоначалальную* ревность о Христѣ. Далѣе, такъ какъ за πρῶτον не слѣдуетъ никакого слова, подчеркивающаго отсутствіе хронологическаго промежутка между дѣйствіями въ этихъ городахъ (Дамаскъ и Іерусалимъ), напр. ἔπειτα (ср. **Лк** XVI, 17—ἔπειτα ἑτέρῳ εἶπεν и т. п.), то и нѣтъ нужды подразумѣвать *непосредственный* переходъ Павла изъ Дамаска въ Іерусалимъ (что касается τε послѣ πᾶσαν, то, несомнѣнно, эта частица характеризуетъ просто одинаковость дѣятельности Апостола).

Можно съ полнымъ правомъ предполагать, что съ момента обращенія и проповѣди въ Дамаскѣ Павла прошло не мало времени, прежде чѣмъ онъ получилъ возможность выступить на службу Слову въ Іерусалимѣ.

Для большей ясности дѣла постараемся возстановить исторію первыхъ шаговъ бывшаго фарисея послѣ обращенія.

Если обратиться только къ даннымъ книги **Дѣяній**, то мы узнаемъ, что Савлъ, побывъ нѣсколько дней съ учениками Христа въ столицѣ Сиріи, началъ проповѣдывать въ синагогахъ объ Іисусѣ, что Онъ есть Сынъ Божій (IX, 19—20). Однако мы не можемъ принять этого извѣстія въ буквальномъ значеніи, потому что, съ одной стороны, Св. Дѣписатель вовсе не имѣлъ въ виду дать точной, хронологически послѣдовательной біографіи ап. Павла: его цѣль—другая. Съ другой стороны, такое быстрое практическое ренегатство могло бы оказаться совершенно безрезультатнымъ, потому что христіанская среда въ Дамаскѣ не могла въ такой короткій срокъ, какъ 4—5 дней, измѣнить свой взглядъ на Савла-гонителя и вполнѣ довѣрять искренности его христіанскаго настроенія. Кромѣ

того, со стороны психологической—выступленіе на миссіонерское поприще, уже не нуждавшееся въ особенной чудесности, требовало нѣкоторой подготовки. Историческій опытъ говоритъ намъ, что, „подобно тому, какъ орелъ, задержанный и сбитый какимъ-нибудь порывомъ бури, опускается на землю для того, чтобы расправить свои измятыя крылья, такъ и великая душа, прошедшая чрезъ огонь и воду, нуждается въ спокойномъ и безопасномъ мѣстѣ, въ которомъ она могла бы отдохнуть. Самыя глубокія убѣжденія человѣка, которыми онъ жилъ въ теченіе всей своей жизни, могутъ быть перевернуты въ одинъ мигъ, и этотъ мгновенный переворотъ часто причиняетъ чудесную перемѣну. Но самые природа и характеръ человѣка никогда не могутъ совершенно перемѣниться въ одинъ мигъ изъ того, чѣмъ они были раньше. Трудно вообразить болѣе полную перемѣну, болѣе глубокій разрывъ, чѣмъ тотъ, который отдѣлялъ Савла-гонителя отъ Павла Апостола; и мы увѣрены, что подобно Моисею, подобно Иліи, подобно Самому Спасителю, подобно почти всѣмъ великимъ умамъ въ древнія или новыя времена, которымъ было ввѣрено дѣло управленія судьбами посредствомъ преобразованія убѣжденій человѣчества, онъ нуждался въ спокойномъ періодѣ, въ которомъ могъ бы переработать свои мысли, утишить бурю своихъ чувствъ и побесѣдовать въ безмолвіи и уединеніи съ своей собственной душей и Богомъ. Ему необходимо было постигнуть св. Писаніе, свою старую вѣру привести въ соотвѣтствіе съ своими новыми убѣжденіями. Едва-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что, если-бы Савлъ, не зная еще многихъ существенныхъ истинъ христіанства, не испытавъ еще опытомъ всю глубину его силы, началъ сразу доказывать его и проповѣдывать другимъ, онъ едва-ли бы могъ выполнить то дѣло, которое совершилъ. Предполагать, что истины, проповѣдникомъ которыхъ онъ сдѣлался впослѣдствіи, были всѣ открыты ему, какъ бы по одному молніеносному мановенію, во всей своей полнотѣ, значитъ предполагать то, что

чуждо Богу въ отношеніяхъ съ человѣческой душей и что крайне противорѣчитъ послѣдовательному появленію того длиннаго ряда посланій, въ которыхъ мы замѣчаемъ развитіе его мыслей“ [1]). Такое уединеніе онъ не могъ найти въ самомъ Дамаскѣ, потому что здѣсь почти всѣ христіане изъ іудеевъ хорошо знали его, и трудно было бы избавиться отъ назойливыхъ посѣщеній. Кромѣ того, въ Дамаскѣ онъ подвергался опасности ареста со стороны своихъ бывшихъ подчиненныхъ левитовъ, которые сопровождали его на пути. Ему нужна была пустыня въ собственномъ смыслѣ: и вотъ, дополняя біографическія данныя книги **Дѣяній** собственными словами Павла, относящимися къ этому первому времени его христіанства, мы узнаемъ, что онъ удалился въ Аравію, т. е. на Синайскій полуостровъ, откуда уже по истеченіи долгаго времени возвратился въ Дамаскъ (**Гал** I, 17).

Здѣсь въ пустынномъ безмолвіи новый членъ христіанской общины имѣлъ полную возможность дѣйствительно пережить, перечувствовать свое обращеніе отъ фарисейскаго зилотизма. Нѣтъ возможности, конечно, фактически прослѣдить его постепенное укрѣпленіе въ принципахъ христіанства, но можно безъ особенныхъ натяжекъ предположить, что съ христіанской средой онъ находился въ сношеніяхъ и здѣсь получалъ нужныя для себя указанія и подкрѣпленія [2]).

Только теперь Павелъ могъ выступить, какъ проповѣдникъ Христова ученія, вполнѣ подготовленный объективно и субъективно къ своей миссіи. Дѣйствительно, его

---

[1]) Фарраръ, указ. соч. стр. 136—137.

[2]) Проф. Глубоковскій предполагаетъ, что причиной удаленія Павла въ пустыню было недовѣріе, встрѣченное имъ у христіанъ Дамаска послѣ перваго выступленія съ проповѣдью въ синагогѣ. Для укрѣпленія себя онъ и удаляется въ уединеніе. Глубоковскій, I, стр. 82 сл.; въ сущности тоже признаетъ и Th. Mommsen въ *Die Rechtsverhaltnsse des Apostel Paulus (Zeitschrift fur d. neutestamentlich. Wissenschaft,* 1901, s. 86).

дѣятельность въ этомъ направленіи въ Дамаскѣ была такъ энергична, что вызвала страшную ненависть іудеевъ (Дн IX, 23), и если они такъ долго (ἡμέραι ἱκαναί) [1]) терпѣли его, то это объясняется міровымъ характеромъ Дамаска, въ которомъ собственно іудейской администраціи не существовало.

Павелъ принужденъ былъ ночью бѣжать въ Іерусалимъ (IX, 25—26).

Это было *первое* посѣщеніе Іерусалима послѣ обращенія. Здѣсь онъ такъ ревностно проповѣдывалъ, что долженъ былъ и отсюда удалиться, такъ какъ іудеи покушались убить его (IX, 29). Говоря въ анализируемомъ мѣстѣ своей рѣчи предъ Агриппой о проповѣди въ Іерусалимѣ, онъ, конечно, имѣетъ въ виду и это первое посѣщеніе своей alma mater, гдѣ юношей сидѣлъ у ногъ Гамаліила.

Слѣдовательно, хронологическая связь между проповѣдью Павла въ Дамаскѣ и Іерусалимѣ, о которой мы говорили выше на основаніи грамматическаго анализа, дѣйствительно, имѣла мѣсто, потому что онъ въ первое время послѣ Дамаска нигдѣ не былъ, кромѣ Іерусалима. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что онъ, говоря о проповѣди по всей Іудеѣ (πᾶσάν τε τὴν χώραν τῆς Ἰουδαίας), разумѣлъ именно миссіонерство въ Іерусалимѣ. Отсюда, только дамасская и іерусалимская христіанскія общины знали его лично (изъ Іерусалима онъ вынужденъ былъ удалиться въ Сирію и Киликію Дн IX, 30), такъ что въ

[1]) Проф. Н. Н. Глубоковскій относитъ слова Павла въ Гал 1, 18— „τρία ἔτη“ ко времени пребыванія въ аравійской пустынѣ и Дамаскѣ, когда онъ подготовлялся къ апостольству въ собственномъ смыслѣ. „Это было эпохою внутренняго сосредоточенія, когда на развалинахъ крушенія ветхаго человѣка возрождается новый, органически вырастающій изъ началъ благодѣтельной живительности. Въ этомъ послѣдовательномъ процессѣ нѣтъ мѣста наукѣ: тутъ всякое уклоненіе было бы, пожалуй, нѣкоторой ненормальностью, доколѣ возмужавшій христіанинъ не призванъ обнаружить себя и примѣнить накопленную силу“. *Благовѣстіе*, II, стр. 913.

своемъ посланіи къ галатянамъ онъ могъ сказать объ этомъ времени, что *не былъ лично извѣстенъ христіанскимъ общинамъ, разбросаннымъ по всей Іудеѣ* (**Гал** 1, 22).

Позднѣе, когда съ Варнавой Павелъ проходилъ чрезъ Финикію и Самарію на Апостольскій соборъ, спокойный ходъ обстоятельствъ не мѣшалъ ему проповѣдывать по пути (XV, 3); какъ и при другихъ путешествіяхъ въ Іерусалимъ по разнымъ причинамъ (XI, 29; XVIII, 22; XXI, 15) онъ могъ, останавливаясь въ селеніяхъ іудейскихъ на ночлегъ или встрѣчая слушателей, заводить бесѣды о Христѣ. Но мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, что онъ въ это время входилъ въ общеніе съ христіанскими церквами, разсѣянными по Іудеѣ, или, что онъ избиралъ *спеціальной цѣлью своихъ миссіонерскихъ путешествій ея города*. Поэтому, ап. Павелъ могъ сказать, что проповѣдывалъ въ Іудеѣ, хотя и не былъ извѣстенъ іудейскимъ общинамъ (**Гал** 1, 22).

Такимъ образомъ, ап. Павелъ въ своей рѣчи Агриппѣ изображаетъ свою дѣятельность христіанскаго миссіонера не въ строго хронологическомъ порядкѣ, а лишь бросаетъ общій взглядъ на все, сдѣланное имъ до настоящаго момента, онъ говоритъ вообще, гдѣ побывалъ въ своей дѣятельности. Поэтому, поправка, вносимая Blass'омъ въ текстъ, не имѣетъ никакой цѣны. Ап. Павелъ, дѣйствительно, проповѣдывалъ въ Дамаскѣ, Іерусалимѣ, по всей Іудеѣ, хотя въ первое время лично не былъ извѣстенъ христіанскимъ общинамъ Іудеи, такъ какъ оффиціально не входилъ въ сношенія съ ними, а бесѣдовалъ съ случайными слушателями на дорогѣ въ разныхъ мѣстахъ этой сирійской провинціи.

Наконецъ, четвертымъ пунктомъ его проповѣди были язычники (τοῖς ἔθνεσιν—ср. **Мѳ** IV, 15; VI, 32; **Лк** II, 32; **Рим** IX, 24), т. е. неіудеи въ разныхъ странахъ, куда онъ совершалъ свои миссіонерскія путешествія. Bethge совершенно справедливо говоритъ, что въ раннѣйшемъ перечисленіи мѣстъ проповѣди Павелъ имѣлъ въ виду только іуде-

евъ, такъ что о точномъ географическомъ опредѣленіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи [1]).

Указавъ кругъ своей проповѣди, Апостолъ переходитъ къ содержанію ея: ἀπήγγελλον μετανοεῖν καὶ ἐπιστρέφειν ἐπὶ τὸν θεόν, ἄξια τῆς μετανοίας ἔργα πράσσοντας (винит. п., обычный у аттиковъ въ подобныхъ сочетаніяхъ. Blass, p. 268).

Здѣсь бросается въ глаза, что онъ не дѣлаетъ различія между іудеями и язычниками и предлагаетъ имъ одно и то же, какъ бы подчеркивая, что въ христіанствѣ специфически-іудейская этика не имѣетъ никакого значенія и она должна смириться предъ христіански-возвышенной моралью (**Гал** III, 28)—(отъ глагола ἀπήγγελλον зависитъ одинаково τοῖς ἐν Δαμασκῷ . . . Ἰουδαίας и τοῖς ἔθνεσιν): „покаяться и обратиться къ Богу, сопровождая покаяніе соотвѣтствующими дѣлами“ [2]).

Онъ ограничивается, такъ сказать, схемой своей проповѣди, оставляя въ сторонѣ самое μυστήριον своего благовѣстія (см. **Рим** II, 16; XVI, 25; **2 Θессал** II, 14; **2 Тим** II, 8), очевидно, не находя возможнымъ въ настоящемъ обществѣ касаться своего жизненнаго нерва [3]).

Хотя въ настоящемъ перечисленіи того, что нужно дѣлать обращающемуся ко Христу, сказывается способъ выраженія ев. Луки (ср. III, 8: ποιήσατε οὖν καρποὺς ἀξίους τῆς μετανοίας), однако слово ἔργα въ настоящемъ мѣстѣ рѣчи Павла доказываетъ, что ев. Лука удержалъ характерныя особенности языка своего Учителя. Такъ, ἔργα встрѣчается въ **Еф** II, 10; V, 11; **Тит** III, 8; μετάνοια—**2 Тим** II, 25; ἀξίως **Фил** I, 27; **1 Θесс** II, 12, и, слѣдовательно, здѣсь можно говорить скорѣе о согласованности *мыслей ев. Луки и ап. Павла*, чѣмъ словъ, потому что оба они въ указанныхъ мѣстахъ говорятъ объ одномъ и томъ же.

---

[1]) Bethge, s 284

[2]) „Увѣщеваетъ не только покаяться, но и показать жизнь, достойную удивленія“. Златоустъ, II, 380.

[3]) Vgl. Meyer, s. 481.

Ст. 21—22а.

Божественная помощь въ проповѣднической дѣятельности.

ἕνεκα τούτων με Ἰουδαῖοι συλλαβόμενοι ὄντα ἐν τῷ ἱερῷ ἐπειρῶντο διαχειρίσασθαι.

με послѣ συλλαβ. A (ὄντα ἐν τ. ἱερ. συλ. με-по Gig.) | οἱ Ἰουδ. ℵ^{c}AEHP | ὄντα опуск. ABHLP (ὄντα με имѣет. ℵ*, ὄντα—правильно), подтверждаютъ и лат. источн. | διαχειρήσασθαι—A.

Настоящій стихъ нужно разсматривать, какъ нѣкоторую грань или переходъ отъ одной части рѣчи—*историко-біографической* къ другой—собственно *богословской*, гдѣ Павелъ дѣлаетъ характеристику своей дѣятельности, какъ проповѣдника не чего-нибудь новаго, а уже извѣстнаго изъ пророческихъ и законоположительныхъ книгъ Ветхаго Завѣта.

Это и можетъ дать намъ отправную точку зрѣнія для пониманія стиха, въ чемъ расходятся всѣ комментаторы.

Одни—„ради этого“, „за это“ (ἕνεκα τούτων) понимаютъ, какъ указаніе на безразличное отношеніе Павла въ своей проповѣднической дѣятельности къ богословію и морали іудеевъ и язычниковъ, что, конечно, было сильнымъ оскорбленіемъ національно-религіознаго чувства іудеевъ—народа Божія [1]). Другіе думаютъ, что подъ „τούτων“ разумѣется вообще его дѣятельность между іудеями и язычниками, за которую тѣ давно были противъ него, и іудеи, наконецъ, воспользовались моментомъ, чтобы свести съ нимъ счеты [2]).

Намъ кажется, едва-ли бы ап. Павелъ, котораго просили не оправдываться, а раскрыть свою религіозно-нрав-

---

[1]) Felten, s. 448; Bethge, s. 286 и др.

[2]) Meyer, s. 481; Wendt, s. 525; Stier, часто безъ нужды многословный и рѣдко дающій яркое освѣщеніе смысла того или другого стиха, считаетъ, что Павелъ досадилъ іудеямъ, требуя отъ нихъ добрыхъ дѣлъ при покаяніи, которыхъ у нихъ не было (s. 316 ff.).

ственную и философскую физіономію (ср выше 142 сл.), въ настоящемъ собраніи, на которое онъ уже не могъ смотрѣть, какъ на судъ, потому что „appellavit Caesarem", началъ оправдываться въ своемъ поведеніи предъ іудеями: указаніе на подобные частные мотивы своего ареста было бы просто жалобами, самооправданіемъ. Такую узость нельзя приписывать Павлу и нужно смотрѣть на дѣло шире. Было бы очень странно, если бы Апостолъ, всю свою рѣчь построяя для уясненія вопроса, занимавшаго Феста и Агриппу—о причинѣ вражды и ненависти къ нему со стороны іудеевъ, сослался бы въ концѣ концовъ не на *идею или принципъ*, по которому построена вся рѣчь, и который проглядываетъ въ каждой детали ея, постепенно подготовляя слушателей къ выводу, а на одинъ частный моментъ ея, на одинъ, такъ сказать, этапъ процесса, раскрытаго предъ слушателями. Если бы онъ хотѣлъ сказать, что іудеи ненавидятъ его за проповѣдь, за ученіе κατὰ νομου, строго разграничившему обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ, или за порицаніе іудейской морали, т. е. иначе говоря, если бы „τούτων" онъ относилъ только къ ст. 20, гдѣ говорилъ о своей миссіонерской дѣятельности, то невольно возникалъ бы вопросъ: *да зачѣмъ ты говорилъ о своей жизни въ іудействѣ, о своемъ іудаизмѣ, объ обращеніи въ христіанство, зачѣмъ такъ долго останавливался на сверхестественномъ видѣніи, почему не прямо остановился на своемъ апостольствѣ, которое, по твоему, служитъ causa efficiens ненависти къ тебѣ соотечественниковъ?*

Все это доказываетъ, что причиной послѣдней ап. Павелъ считалъ то, о чемъ *все время* говорилъ предъ кесарійскимъ обществомъ, и къ чему каждая подробность его рѣчи относится въ качествѣ разъясняющаго, раскрывающаго ея идею или принципъ члена, что́ въ извѣстномъ смыслѣ роднило его съ Учителемъ. Это—*внезапное, неожиданное измѣненіе ученымъ фарисеемъ, готовившимся занять мѣсто Гамаліила въ Синедріонѣ, своимъ, т. е. національно-религіоз-*

нымъ убѣжденіямъ, переходъ на сторону христіанства, апологія его и бомбардированіе іудейства его же оружіемъ, которымъ такъ искусно владѣть научили его уроки знаменитыхъ раввиновъ-блюстителей традицій. Они знакомили со всѣми тонкостями своего богословскаго багажа только избранниковъ, къ которымъ принадлежалъ и этотъ молодой фарисей, обѣщавшій такъ много въ будущемъ. Въ своей рѣчи ап. Павелъ великолѣпно обрисовалъ все это, далъ яркую картину своего обученія и жизни въ атмосферѣ іудейскихъ ученій, которыя убѣдили его и наставили въ направленіи истинности только іудаизма, этого сухого, окаменѣвшаго остова ветхозавѣтнаго богословія, который выдавали за живой, цѣлостный организмъ фарисеи, своими ловкими, нечистыми руками прикрывая его высохшія кости гирляндами софистическихъ толкованій, обсыпая его листками съ словами древнихъ, быть можетъ, миѳическихъ мудрецовъ, и заботясь о томъ, какъ бы живая струя жизни и личнаго религіознаго опыта не сдули бы въ одинъ моментъ всю эту пыль-работу нѣсколькихъ вѣковъ...

И вотъ, изучивъ весь законъ, набивъ голову словами мудрыхъ толкователей, пройдя всѣ ступени обращенія чернаго въ бѣлое, ознакомившись со всѣми сильными и слабыми сторонами іудаизма, готовясь стать знаменитымъ, подобно Акибѣ-бен-Іосифъ, который бралъ на себя миссію возвѣстить явленіе Мессіи и ошибся, указавъ на Баркохебу, молодой фарисей Савлъ, посланный самимъ Синедріономъ съ почетнымъ полномочіемъ преслѣдовать христіанъ въ чужомъ даже городѣ, этотъ-то знатокъ іудаизма неожиданно становится самъ христіаниномъ и всю свою жизнь смертельно поражаетъ іудейство, констатируя его анахронизмъ, безплодіе и пр. Тысячи идутъ за нимъ, одного его слова достаточно, чтобы ученѣйшихъ раввиновъ поставить втупикъ или загипнотизировать толпу. Его взглядъ заставляетъ смолкать и молча выслушивать осмѣяніе дорогихъ традицій, онъ хочетъ всѣхъ

сдѣлать послѣдователями Іисуса изъ Назарета, говоритъ, что самъ Богъ поручилъ ему такую миссію и обѣщалъ помощь, онъ повсюду является, какъ противникъ іудаизма: въ Дамаскѣ, Іерусалимѣ, въ разныхъ городахъ Іудеи, даже въ языческихъ странахъ, вездѣ пользуясь успѣхомъ и заставляя молчать іудейскихъ исповѣдниковъ. Онъ всѣхъ равно призываетъ покаяться, исправиться и обратиться къ Богу, какъ-будто бы іудеи и язычники одинаковы въ своемъ богопочитаніи и одинаково не знаютъ Бога: кто-же? іудеи, избранный народъ Божій, который находится въ завѣтѣ съ Іеговой...

Вотъ именно все это, т. е. ренегатство и миссіонерство Павла и были причиной того, что іудеи схватили его въ храмѣ подъ предлогомъ оскорбленія имъ святилища, когда онъ *будто бы* ввелъ туда своего ученика Трофима изъ Тарса (**Дн** XXI, 26 — 29; XXIV, 6), и хотѣли (собственно „пытались“—ἐπειρῶντο видъ несоверш. ст. 22) убить (διαχειρίσασθαι V, 30).

Что наше пониманіе „τούτων“ непроизвольно, можно доказать и филологически. Въ Κοινη мы встрѣчаемъ подобное анализируемому сочетаніе ἕνεκα съ род. п. только два раза: **Мѳ** XIX, 4, 5 („....ὁ κτίσας ἀπ' ἀρχῆς ἄρσεν καὶ θῆλυ ἐποίησεν αὐτούς, καὶ εἶπεν ἕνεκα τούτου καταλείψει“ и т. д.) и **Мр** X, 7 (подобное выраженіе). Въ обоихъ случаяхъ отъ этого предлога зависитъ мѣстоименіе τούτου (*род. п. ед. ч.*), несомнѣнно, потому, что св. Евангелистъ относитъ содержаніе послѣдняго лишь къ одному выраженію или къ одной опредѣленной мысли о созданіи Богомъ одинаково мужчины и женщины, изъ чего Господь и выводитъ объективный принципъ брака. Наоборотъ, въ разбираемомъ мѣстѣ рѣчи предъ Агриппой ап. Павелъ относилъ „τούτων“ не къ одной мысли, а къ совокупности ихъ, выраженной въ цѣломъ ораторскомъ произведеніи, и, потому, означилъ это мѣстоименіемъ сред. р. въ *род. п. множ. числа*, какъ бы желая подчеркнуть, что *за все то, о чемъ* онъ говорилъ, іудеи ненавидятъ его. Конечнымъ выраженіемъ

этой ненависти явилась попытка іудеевъ расправиться самосудомъ съ Павломъ. Поводомъ къ этому послужило ложное (ср. **Дн** XXI, 29—ἐνόμιζον) обвиненіе его въ томъ, будто онъ ввелъ въ храмъ христіанина изъ *язычниковъ*, Трофима изъ Эфеса, чѣмъ осквернилъ святость храма (**Дн** XXI, 28—29). Этого оказалось достаточно для іудеевъ (изъ М. Азіи), чтобы схватить его, возмутить противъ него народъ, вытащить изъ храма съ намѣреніемъ убить (**Дн** XXI, 27, 30—31 ζητούντων δὲ αὐτὸν ἀποκτεῖναι). Безчеловѣчное избіеніе Апостола прекратилъ лишь комендантъ Іерусалима Клавдій Лизій, который разогналъ толпу и арестовалъ Павла, потому что іудеи обвиняли его, какъ преступника (**Дн** XXI, 31—34).

Ст. 22.

Согласіе съ пророками.

ἐπικουρίας οὖν τυχὼν τῆς ἀπὸ τοῦ θεοῦ [ἄχρι τῆς ἡμέρας ταύτης] ἕστηκα μαρτυρόμενος μικρῷ τε καὶ μεγάλῳ, οὐδὲν ἐκτὸς λέγων [ὧν τε] οἱ προφῆται ἐλάλησαν μελλόντων [γίνεσθαι καὶ Μωϋσῆς].

οὖν] δέ Gig., vulg. | ἀπό] παρά HLP, опуск. vulg, Gig., (здѣсь dei usus) | ταύτης т. ἡμ. Gig.—*hodiernum diem* vulg. | Μωσῆς—ABE.

Blass предлагаетъ вып. ἄχρι...ταύτης, τε и вставить γέγραπται γὰρ ἐν Μωυσεῖ, согласно код. Флор.—латинской копіи Палимпсеста IXв.

15—20 лѣтъ тому назадъ знаменитый раввинъ Гамаліилъ, у ногъ котораго поучался Савлъ, выставилъ въ Синедріонѣ замѣчательный принципъ, по которому жизненность извѣстнаго учрежденія зависитъ отъ достоинства и высоты его источника, такъ что ничто человѣческое не можетъ подорвать его бытія, если оно вызвано къ жизни Богомъ (**Дн** V, 34—39). Ап. Павелъ въ настоящій моментъ своей рѣчи выставляетъ тотъ же принципъ для доказа-

тельства жизненности и высокаго значенія своей проповѣднической дѣятельности: *гудеи пытались убить его, а онъ* (οὗν у Gig. δέ; это, видно изъ контекста, не играетъ здѣсь роли частицы для характеристики слѣдствія, какъ думаютъ Meyer, Wendt, Bethge [1]), но является просто нѣкоторой связкой для плавности разсказа, подобной нѣмецк. nun,—когда послѣдующая мысль находится къ предыдущей въ отношеніи только времени [2]) *получивъ* (τυχών—прич. аор. выражаетъ дѣйствіе оконченное, какъ фактъ [3]) *помощь* (ἐπικουρίας=gen. rei отъ τυχών **Дн** XXIV, 3) *отъ Бога* (τῆς ἀπὸ τοῦ θεοῦ), которая была ему обѣщана Спасителемъ предъ Дамаскомъ (ср. ст. 17), живъ. Однимъ изъ проявленій этой помощи было вмѣшательство трибуна Лизія, вырвавшаго Павла изъ рукъ разъяренной толпы іудеевъ и отославшаго въ Кесарію (**Дн** XXI, 31, ср. XXIII, 10, 12 и сл., XXV, 3).

Благодаря этой защитѣ свыше, Павелъ до настоящаго дня (ἄχρι τῆς ἡμέρας ταύτης) *цѣлъ* (ἕστηκα прош. сов. в., вмѣсто наст. вр., означаетъ состояніе, начало котораго и основа находятся въ прошедшемъ—ср **Ін** XX, 29—ἑώρακας με.... πεπίστευκας [4])), т. е. совершенно невредимъ, полонъ энергіи (по замѣчанію Bethge, „ἕστηκα“ указываетъ не на этическую сторону дѣятельности Павла, какъ **Кол** IV, 12; **Эф** VI, 14, а на особое, божественною помощью достигнутое твердое положеніе **2 Тим** II, 19 [5])) и съ особой мощью исполняетъ то дѣло свидѣтельства (μαρτυρόμενος—τινι **Гал** V, 3—*свидѣтельствовать, клясться*; мы оставляемъ въ сторонѣ анализъ смысла μαρτυρούμενος [см. у Meyer, Lange и др.] какъ не особенно важный варіантъ, не подтверждаемый кардинальными текстами) о Христѣ и его ученіи, которое было поставлено ему, какъ его raison de vivre (ст.

---

[1]) Meyer, s. 481; Wendt, s. 525; Bethge, s. 286.

[2]) Winer, s 413, 8.

[3]) Blass, *Gram.* s. 193, 4

[4]) Winer, s. 256 a.

[5]) Bethge, s. 286.

16), въ христіанствѣ. Такимъ свидѣтелемъ онъ является предъ старымъ и малымъ (μικρῷ τε καὶ μεγάλῳ=не „знатный и бѣднякъ“ [1]), но именно старый и малый, ср. **Дн** VIII, 10; **Евр** VIII, 2), т. е. предъ всѣми, безъ различія возраста, пола, положенія. Онъ для всѣхъ одинаково—Апостолъ Христовъ, удостоившійся личнаго видѣнія Іисуса и санкціи на служеніе.

Но это свидѣтельство, возвращается Ап. Павелъ къ своей излюбленной темѣ, не есть что-нибудь новое, самоизмышленное, еретическое [2]); нѣтъ—онъ ничего не говоритъ больше того, что говорили, какъ о будущемъ, пророки и Моисей (οὐδὲν ἐκτὸς λέγων ὧν τε οἱ προφῆται ἐλάλησαν μελλόντων γίνεσθαι καὶ Μωϋσῆς—Felten разсматриваетъ это предложеніе, какъ сложную аттракцію, первоначальный видъ которой могъ бы быть реконструированъ такъ: οὐδὲν ἐκτὸς τούτων ἃ οἱ προφ. ἐλάλησαν μέλλοντα γίνεσθαι κ Μωϋσ, такъ-что τὰ μελλ. γίνεσθαι [3]) вин. съ неопр. отъ „ἐλάλησαν“; μέλλειν въ Κοινη обычно встрѣч. съ неопр. наст. вр. и придаетъ послѣднему характеръ будущаго времени [4])). Онъ находитъ полное тожество между своимъ ученіемъ и словами ихъ, и то, что онъ говорилъ о надеждѣ Израиля (ст. 6, 7), является просто развитіемъ ихъ мыслей съ той лишь разницей, что это „будущее“ теперь уже осуществилось, и онъ, изъ повиновенія (οὐκ ἐγενόμ. ἀπειθὴς—ст. 19) Господу возвѣщаетъ объ этомъ всѣмъ народамъ. Stier подчеркиваетъ, что ап. Павелъ въ настоящемъ случаѣ ставитъ „οἱ προφῆται“ на первомъ мѣстѣ (не какъ **Дн** XXIV, 14 и XXVIII, 23), чтобы сильнѣе оттѣнить Моисея, который говорилъ о страданіяхъ и воскресеніи Христа [5]) И здѣсь Павелъ впервые называетъ Моисея опредѣленно пророкомъ [6]).

---

[1]) Lange, Lechler, s. 335.
[2]) Stier, s. 318.
[3]) Wendt, s. 525.
[4]) Winer, s. 313.
[5]) Stier, s. 318.
[6]) Olshaus. s. 296.

Ст. 23.

Значеніе воскресенія Христа.

εἰ παθητὸς ὁ χριστός, εἰ πρῶτος ἐξ ἀναστάσεως νεκρῶν φῶς μέλλει καταγγέλλειν τῷ τε λαῷ καὶ τοῖς ἔθνεσιν.
εἰ πρῶτος—опуск. Fl.

„то есть, что Христосъ имѣлъ пострадать и, возставъ первый изъ мертвыхъ, возвѣстилъ свѣтъ народу (іудейскому) и язычникамъ“.

Ап. Павелъ опредѣляетъ содержаніе *своего* свидѣтельства о Христѣ, которое представляетъ собой простое развитіе ученій ветхозавѣтныхъ пророковъ и Моисея, такъ что настоящія слова относятся къ λέγων, а не къ ἐλάλησαν предыдущаго стиха, какъ того хочетъ Stier [1]).

Не входя въ подробную критику этого взгляда, замѣтимъ, что при подобной синтаксической конструкціи (ἐλάλησαν ... εἰ παθ. ὁ χρ., εἰ πρ. и т. д.) на пророковъ неизбѣжно падаетъ упрекъ въ нетвердости, неопредѣленности ихъ антиципацій (εἰ), ихъ пророчества проблемматичны и поэтому не могли имѣть историческаго значенія, такъ что евреи правы, не понимая ихъ словъ о Мессіи въ извѣстномъ смыслѣ. Конечно, ап. Павелъ, основывавшій свою дѣятельность на пророчествахъ этихъ выразителей воли Іеговы, какъ онъ заявилъ, не могъ имѣть подобныхъ взглядовъ. Онъ не могъ смотрѣть на пророковъ, какъ на вѣстниковъ *идеи* Мессіи, идеальной личности, и въ ихъ изреченіяхъ находить только *общій* комплексъ представленій, лишенный всякой конкретности и реальной почвы. Наоборотъ, уже изъ однихъ словъ Павла къ Агриппѣ (ст. 27) „вѣришь пророкамъ? Знаю, что вѣришь“—видно, что онъ смотрѣлъ на пророческія слова о Мессіи, какъ на

[1]) Stier, s. 319, An.

имѣвшія не только абстрактное значеніе. Нѣтъ, по нимъ онъ судилъ о конкретной личности, объ историческомъ Христѣ, Который дѣйствительно пришелъ такимъ, какимъ Его представляли ветхозавѣтные пророки (I **Кор** XV, 3 сл.) Это заставляетъ насъ отнестись отрицательно къ мнѣнію Stier'a и дать болѣе основательное рѣшеніе вопроса о положеніи и смыслѣ настоящаго стиха.

Прежде всего является вопросъ: какое значеніе имѣетъ въ настоящемъ случаѣ асиндетическая фигура „εἰ παθητὸς . . . εἰ πρῶτος“ (знакъ ораторской возбужденности), находящаяся вмѣстѣ съ соотвѣтствующими членами въ зависимости отъ „λέγων“? Она не можетъ имѣть значенія здѣсь простого условнаго союза за отсутствіемъ необходимой consecutio temporum, какъ и не можетъ=ὅτι (см. **Мр** XV, 44— „ἐθαύμασεν εἰ ἤδη τέθνηκεν“), потому что послѣднее встрѣчается только послѣ глаголовъ, выражающихъ извѣстный аффектъ [1]). Остается значеніе „εἰ“, какъ вопросительной частицы: въ Новомъ Завѣтѣ прямые вопросы, за небольшими исключеніями, обходятся безъ всякихъ вспомогательныхъ акцентовъ, напр. **Ін** VII, 23—„ἐμοὶ χολᾶτε ὅτι ὅλον ἄνθρωπον ὑγιῆ ἐποίησα ἐν σαββάτῳ?“ Наоборотъ характеръ непрямыхъ вопросовъ всегда означается частицей εἰ, которая въ этихъ случаяхъ не теряетъ, однако, своей природы условнаго союза [2]), но поддается очень трудно переводу, такъ какъ даже нѣм. ob не вполнѣ выражаетъ такое его значеніе. Въ этомъ значеніи непрямого вопроса и принимаютъ Olshausen [3]), Bethge [4]) и Felten [5]) настоящій стихъ, предполагая, слѣдовательно, что Ап. Павелъ тонко подчеркиваетъ тѣмъ самымъ нѣсколько условный смыслъ вопроса Агриппѣ „πιστεύεις τοῖς προφήταις“, разумѣя какую то неопредѣленность, недоговоренность, не совсѣмъ пол-

[1]) Winer, s. 504, 6.
[2]) Winer, s. 474, 1, 2.
[3]) Olshausen, s. 296.
[4]) Bethge, s. 290.
[5]) Felten, s. 448.

ную солидарность съ собою, какъ-будто бы то, о чемъ онъ говоритъ, нѣсколько неясно слушателямъ или они иначе объясняютъ то же самое.

Содержаніе его свидѣтельства въ настоящихъ словахъ сосредоточивается на трехъ предметахъ: страданіе Мессіи (παθητὸς ὁ χριστός), Его положеніе перваго въ царствѣ воскресшихъ (πρῶτος ἐξ ἀναστάσεως νεκρῶν) и просвѣщеніе Имъ не только народа израильскаго, но и язычниковъ (φῶς μέλλει καταγγέλλειν τῷ τε λαῷ καὶ τοῖς ἔθνεσιν).

Положеніе Ап. Павла въ вопросѣ о „παθητὸς ὁ χριστός“ въ разсматриваемый моментъ его жизни было вполнѣ опредѣленно и рѣзко отличалось отъ того, какое онъ занималъ до обращенія на почвѣ іудео-талмудическихъ представленій (**Addenda** къ стр. 154). Теперь онъ твердо былъ увѣренъ и зналъ значеніе пророчествъ въ собственномъ смыслѣ св Писаній Ветхаго Завѣта, которыя ясно говорили ему о страждущемъ Мессіи при свѣтѣ уже историческихъ данныхъ.

Вотъ, пр. Захарія говоритъ о прободеніи ребра Мессіи (XII, 10) и разсѣяніи учениковъ отъ креста Спасителя (XIII, 7). Пр. Исаія картинно изображаетъ уничиженія и постоянныя тяготы, которыя будетъ выносить на землѣ Мессія (XLIX, 4, 7): скорби, истязанія, тяжелыя раны, искажающія красоту лица Того, Кто кротко, какъ ягненокъ, позволяетъ вести Себя на смерть, не чувствуя злобы и вражды на своихъ жестокихъ мучителей (**Ис** LII, 12—LIII, 12). А развѣ не ясно, Кого прообразовалъ Исаакъ на жертвенникѣ подъ ножемъ Авраама или пасхальный агнецъ въ *вечернемъ* пиршествѣ?

Всѣ эти пророческія антиципаціи Мессіи давали Павлу основаніе смотрѣть на страданія и смерть Іисуса Христа, какъ на вполнѣ прагматичныя въ исторіи, а не случайныя явленія—результаты условной обстановки и стеченія обстоятельствъ, которыя не были въ планѣ Домостроительства Спасенія человѣчества. Но, конечно, и при такомъ взглядѣ на Мессію, Павелъ не чуждъ былъ ви-

дѣть въ Лицѣ его—Царя, Господа, принимавшаго такія уничиженія Своей внѣшней природы добровольно, изъ любви къ человѣку и освобожденія его изъ оковъ грѣха, проклятія и смерти, что̀, по словамъ Господа Адаму въ раю, невозможно безъ страданій и ранъ (**Быт** III, 15, евр. т.).

Поэтому, въ присутствіи іудейскаго царя Агриппы Ап. Павелъ и выражаетъ свое убѣжденіе, что Мессія, согласно пророкамъ, долженъ страдать („παθητός“—это прилагательное, въ видѣ исключенія, имѣетъ характеръ герундива [1]), т. е. не метафизическій смыслъ вообще *способности* къ страданію, а значеніе предвѣчной опредѣленности Богомъ *необходимости* этого. Такъ, неправы Blass, Stier, отрицающіе *необходимость* страданій [возможность допускаетъ отказъ]), принести себя въ жертву оскорбленному правосудію и любви Божіей къ человѣчеству. Объ этой необходимости, лежавшей въ планахъ Творца, Господь Іисусъ Христосъ неоднократно говорилъ Своимъ ученикамъ, отмѣчая почти каждый этапъ страданій (ср. **Мѳ** XVI, 21; **Лк** XVIII, 31 сл.; XXIV, 26—27), и предупреждалъ, чтобы они не смутились тѣмъ, что произойдетъ съ Нимъ (**Мѳ** XI, 6). Намъ извѣстно, что Апостолы, несмотря на близкое отношеніе къ Христу, соблазнились о Немъ (**Лк** XXIV, 44 сл.), и даже Петръ, наиболѣе близкій къ Спасителю, не понималъ необходимости Его страданій (**Мѳ** XVI, 23).

Чѣмъ это можно объяснить?

Только тѣмъ, что апостолы не могли вполнѣ освободиться отъ традиціонно-іудаистскихъ и талмудическихъ взглядовъ на Мессію, которыми они проникались съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ раввинскихъ школахъ или въ субботніе часы синагогальныхъ бесѣдъ. Дѣйствительно, въ іудейской богословской литературѣ разсматриваемой эпохи поднималась рѣчь о страданіяхъ Мессіи. Въ Талмудѣ говорится, на основаніи **Ис** XI, 3 (евр. т.), что Богъ опре-

[1]) Winer, s. 92.

дѣлилъ Ему страданія, подобно мельничнымъ жерновамъ. Въ другомъ мѣстѣ Мессія изображается у воротъ Рима, перевязывающимъ свои раны. Интересно, что въ Іустиновскомъ *Разговорѣ съ Трифономъ* опредѣленно говорится, что съ іудейской точки зрѣнія—Мессія долженъ пострадать, и только извѣстная настроенность и непластичность мышленія мѣшаетъ іудеямъ признать это [1]). Мало того, въ Талмудѣ же по связи съ **Ис** LIII, 4 сл. ясно говорится *о страданіяхъ Мессіи за грѣхи человѣчества*: такъ, къ Мессіи, между другими именами, прилагается имя chulya—*больной* и т. д

Ясно, такимъ образомъ, что въ анализируемую эпоху идея Мессіи, страдавшаго за грѣхи людей, имѣла мѣсто и въ раввинской средѣ. Но нужно замѣтить, что эта идея относилась къ тому Мессіи, Который отвѣчалъ раввинизованному іудейству: *совершенный Праведникъ* не только исполнитъ всѣ предписанія Закона, но и чрезъ страданія смоетъ совершенные грѣхи, *излишнія* же страданія праведниковъ могутъ быть полезны и другимъ людямъ. Слѣдовательно, здѣсь чисто фарисейски-законническая мысль выражаетъ лишь свою традиціонную посылку о Законѣ, а не о страданіяхъ Мессіи въ нашемъ смыслѣ, какъ объ искупленіи, при которомъ Личность Искупителя сама совершенно не нуждается въ рафинирующихъ страданіяхъ. Указанные взгляды на Мессію во всякомъ случаѣ не имѣли широкаго распространенія, и таргумъ Іонафана, имѣвшій оффиціальное значеніе, не относитъ **Ис** LIII къ Мессіи [2]). Нѣкоторые іудейскіе теологи утверждаютъ, что въ древней традиціи нѣтъ идеи „страждущаго“ Мессіи. И гораздо чаще подъ этой идеей разумѣютъ символическое воспроизведеніе скорбной политической судьбы Израиля [3]).

---

[1]) Смирновъ *Мессіанскія ожиданія и вѣрованія іудеевъ*. Казань, 1899, стр. 487.

[2]) Schurer, II, ss. 553—556; Смирновъ, цит. соч. стр. 484—486.

[3]) Ср. V. H. Stanton *Messiah* въ Hastings *Diction.* vol. III, p. 354; Проф. Глубоковскій, II, стр. 1096.

Наоборотъ, рядовое іудейство того времени жило представленіями о Мессіи, какъ о царѣ прежде всего, въ блескѣ и тріумфѣ имѣющемъ устроить земное благополучіе іудеевъ[1]) и, поэтому-то, ученіе ап. Павла о Распятомъ было встрѣчено съ такой ненавистью іудеями (**1 Кор** 1, 23).

Изъ этихъ схематическихъ набросковъ[2]) достаточно ясно, насколько разнился ап. Павелъ въ настоящемъ случаѣ, хотя и стоя на почвѣ ученій о Мессіи ветхозавѣтныхъ пророковъ, разнился отъ современныхъ іудеевъ и не могъ не подчеркнуть, конечно, этого въ своей рѣчи. Онъ и іудеи одинаково принимали ветхозавѣтныя пророчества о Мессіи, и разница была только въ освѣщеніи фактовъ, которое, тѣмъ не менѣе, и мѣшало полной солидарности ихъ и его. Отсюда само собой понятно, что, коснувшись вопроса о страданіяхъ Мессіи въ кесарійской рѣчи, Апостолъ не могъ не подчеркнуть такой *разницы* въ воззрѣніяхъ, что и сдѣлалъ посредствомъ асиндетической частицы εἰ предъ соотвѣтствующими словами (εἰ παθητὸς ὁ χριστός).

— Съ такимъ же, повидимому, синтаксическимъ коэффиціентомъ Апостолъ ставитъ и второй вопросъ о воскресеніи Мессіи (εἰ πρῶτος ἐξ ἀναστάσεως νεκρῶν).

Связь и отношеніе между этими двумя совмѣстными вопросами совершенно правильно усматривать въ идеѣ самыхъ страданій Мессіи: страданія должны закончиться смертью. Въ этомъ искупительное значеніе подвига Его, въ конечномъ результатѣ уничтожавшаго тягости грѣха и проклятія, но оставлявшаго свободнымъ дѣйствія дьявола, въ царство котораго человѣкъ шелъ по смерти. Если бы Мессія послѣ смерти не воскресъ, eo ipso, власть дьявола оставалась бы на прежней высотѣ. Выше мы видѣли, что воскресеніе Мессіи сдѣлалось фактомъ послѣ явленія Распятаго предъ Дамаскомъ, и съ этого момента уче-

---

[1]) Проф. Глубоковскій *Благовѣстіе*, II, стр. 1094—5.

[2]) Подр. см. **Addenda** къ стр. 154.

нія пророковъ о воскресеніи Мессіи пріобрѣли для него историческую очевидность и значеніе. Христосъ, воскресшій по Писанію (**1 Кор** XV, 4), является первый, какъ таковой, который уже не умираетъ, и надъ которымъ смерть не имѣетъ власти (**Рим** VI, 9). Іудеи были далеки отъ признанія этого (см. выше стр. 168 сл., 202 сл.), и ихъ сознанію была чужда мысль о смерти Мессіи (см. **Ін** XII, 34 „ἠκούσαμεν ἐκ τοῦ νόμου ὅτι ὁ χριστὸς μένει εἰς τὸν αἰῶνα“) и воскресеніи, хотя ветхозавѣтная пророческая литература опредѣленно говорила объ этомъ. Помимо всякихъ прообразовъ, мы находимъ, напр. у пр. **Исаіи**, прямую увѣренность, что Мессія послѣ смерти за грѣхи человѣчества воскреснетъ и будетъ вѣчно жить, какъ оправданный праведникъ, пріявшій позоръ насильственной смерти въ провиденціальныхъ цѣляхъ (**Ис** LШ, 10—12). Св. Псалмопѣвецъ Давидъ не менѣе ясно говоритъ отъ лица Мессіи и Богу: „не оставишь душу мою въ аду и не дашь Преподобному Твоему видѣть тлѣніе“ (**Пс** XV, 10). Смыслъ этихъ и многихъ другихъ пророческихъ антиципацій **В. З.** былъ понятенъ самъ собою: рѣчь шла здѣсь не о всеобщемъ фактѣ воскресенія, который составляетъ прямую увѣренность всѣхъ іудеевъ (см. **Дан** XII, 2), слѣдовавшихъ прямому опредѣленію Талмуда: „кто отрицаетъ воскресеніе мертвыхъ по закону, тотъ не будетъ имѣть участія въ будущемъ мірѣ“ [1]), кромѣ сектантовъ-саддукеевъ, заявлявшихъ „μὴ εἶναι ἀνάστασιν“ (**Мѳ** XXII, 23; **Мр** XII, 18; **Лк** XX, 27; **Дн** XXIII, 8) а объ особенномъ воскресеніи—частномъ или личномъ, долженствовавшемъ, по пророкамъ, имѣть мѣсто *до* всеобщаго воскресенія въ виду особыхъ цѣлей плана Домостроительства Божія.

Такимъ Праведникомъ могъ быть только Мессія, и даже великій праведникъ **В. З.** Давидъ не удовлетворялъ идеалу — быть воскрешеннымъ непосредственно послѣ смерти (см. рѣчь Павла въ антіохійской синагогѣ **Дн** XIII,

---

[1]) Schürer, II, s. 392.

32—37); воскрешеніе же того Праведника должно было находиться въ прямомъ отношеніи къ Его страданіямъ и смерти, какъ продолженіе искупительнаго подвига.

Въ иномъ освѣщеніи представляется настоящій вопросъ вѣрующему въ законъ и Талмудъ сознанію ортодоксальнаго іудея того времени.

Мы подчеркнули увѣренность іудеевъ во всеобщности воскресенія послѣ суда, и намъ достаточно коснуться теперь вопроса о воскресеніи въ связи съ мессіанской надеждой іудеевъ для опредѣленія разницы положеній во взглядахъ на воскресеніе Мессіи Павла и іудеевъ. Это и поможетъ намъ понять смыслъ словъ Апостола—„εἰ πρῶτος ἐξ ἀναστάσεως νεκρῶν“, потому что здѣсь Павелъ имѣетъ въ виду не столько Іисуса изъ Назарета, какъ Мессію, сколько вообще Мессію (=χριστὸς ср. Ін XII, 34).

По современнымъ представленіямъ, съ явленіемъ Мессіи на землю начнется царство блаженства, свѣта, правды и красоты, въ которомъ, какъ на небѣ, княземъ будетъ Самъ Мессія [1]). Это будетъ въ собственномъ смыслѣ теократическій царь изъ дома Давида, надѣленный особыми дарами и силами отъ Бога, которыя и сообщатъ Ему неземной характеръ. Что же касается собственно того, откуда Онъ придетъ, этого никто не будетъ знать, и поэтому то происхожденіе Іисуса служило нѣкоторымъ препятствіемъ къ признанію Его мессіанскаго достоинства (Ін VII, 27). Царство Мессіи будетъ въ Палестинѣ и, такимъ образомъ, только тогда будетъ вполнѣ реализована идея царства Бога не только въ израильскомъ народѣ, но и надъ язычниками, которые въ это время признаютъ Іегову. Изобиліе, полнота матеріальныхъ средствъ, удовлетвореніе національно-патріотическихъ чувствъ подчиненіемъ чуждыхъ народовъ Израилю будутъ возмѣщать тѣ униженія и страданія, которыя выпали на долю народа Божія въ исторіи, который только тогда будетъ въ состоя-

---

[1]) Holtzmann *Judenthum und Christenthum*, Lpz. 1867, II, s. 193.

ніи исполнить весь законъ и отправлять правильно весь храмовой культъ. И не только живые іудеи, но и всѣ умершіе, вставшіе изъ своихъ гробовъ, будутъ участвовать въ царствѣ Мессіи, въ царствѣ безконечномъ. Однако въ этомъ пунктѣ іудейская мысль была непослѣдовательна, потому что Талмудъ, напр., занимается опредѣленіемъ временной продолжительности этого царства, колеблясь между 400 и 1000 годами, какъ terminus in summa, послѣ котораго наступитъ обновленіе міра и послѣдній судъ. Ожиданіе всеобщаго воскресенія было конечнымъ пунктомъ эсхатологически-мессіанскихъ представленій. По замѣчанію Schürer'a, очень трудно разобраться во множествѣ самыхъ разнообразныхъ воззрѣній въ этомъ вопросѣ тогдашняго іудейства, чтобы вывести какую-нибудь среднюю величину. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно, что до воскресенія ожидалось особое время, когда праведники будутъ наслаждаться предварительнымъ блаженствомъ, и грѣшники страдать: Энохъ, Илія, Эздра и под. будутъ послѣ смерти испытывать это блаженство. Но какое отношеніе имѣло промежуточное состояніе къ мессіанскому царству—отвѣтъ на это составлялъ главную разницу въ рѣшеніяхъ вообще эсхатологическихъ темъ. Одни іудейскіе богословы ожидали, что лишь съ воскресеніемъ праведниковъ будетъ открыта возможность участія въ мессіанскомъ царствѣ; другіе смотрѣли на всеобщее воскресеніе (праведниковъ и грѣшниковъ), какъ на terminus a quo для суда, имѣющаго быть или предъ наступленіемъ мессіанскаго царства, или же послѣ его окончанія[1]).

Изъ такой самой общей схемы мессіанско-эсхатологическихъ понятій современниковъ ап. Павла видно, что въ нихъ совершенно не было мѣста ученію о воскресеніи Мессіи согласно ветхозавѣтнымъ пророчествамъ, на почвѣ которыхъ стоялъ Павелъ. Понятно само собою, что, не признавая необходимости страданій и смерти Мессіи, какъ

[1]) Schürer, II, ss. 547—553; ср. Глубоковскій, I, 559 сл.; II, стр. 1156.

Искупителя, какая мысль вообще отсутствовала изъ сознанія тогдашняго іудейства[1]), іудеи логически не могли обосновать хотя бы внѣшнимъ путемъ, путемъ заимствованія пророчествъ у Исаіи и Давида, мысль о личномъ воскресеніи Его, потому что у нихъ не было почвы для этого.

Для нихъ Мессія былъ просто нѣчто большее обыкновеннаго земного царя, задача котораго была узко-утилитарная—дать народу Божію матеріальное блаженство здѣсь на землѣ, въ Палестинѣ среди цвѣтущихъ виноградниковъ въ положеніи восточнаго деспота надъ языческими народами... И, конечно, мысль о страданіяхъ, о смерти пробивала большую брешь въ такомъ міросозерцаніи, заставляла умѣрить свои грубо-эгоистическіе и націоналистическіе аппетиты и мѣшала признать въ лицѣ Іисуса изъ Назарета съ Его ученіемъ о духовномъ характерѣ Своего царства, куда доступъ можетъ быть открытъ только чрезъ объективныя и субъективныя страданія, Мессію. Что же касается собственно Его личнаго воскресенія, то они могли локализовать его къ моменту воскресенія исключительныхъ праведниковъ въ промежуточное состояніе (см. выше). Мысль же о воскресеніи, какъ знакѣ побѣды надъ смертью и діаволомъ, была совершенно чужда и непонятна для нихъ: имъ важно было лишь одно чувственное наслажденіе, какое они были не прочь дать и Мессіи—своему князю въ царствѣ блаженства...

Такимъ образомъ, положеніе ап. Павла въ вопросѣ о личномъ воскресеніи Мессіи рѣзко разнилось отъ положенія іудейскихъ, современныхъ ему богослововъ. Оно составляло для нихъ въ постановкѣ Павла, хотя и на почвѣ ветхозавѣтныхъ пророчествъ, совершенный X, что Апостолъ и означилъ въ своихъ словахъ объ этомъ соотвѣтствующимъ акцентомъ „εἰ“ (εἰ πρῶτος ἐξ ἀναστάσεως νεκρῶν). Для него Христосъ „πρῶτος ἐξ ἀναστάσεως νεκρῶν“ =„πρωτος ἀναστὰς ἐκ νεκρῶν“ (**Кол** I, 18 ср. 1 **Кор** XV, 20, 23),

[1]) Ср. Глубоковскій, II, 374_{1061}, 1096 сл., 1267 сл.

осуществившій идею свободы отъ мрачной участи идти послѣ смерти неизмѣнно въ Шеолъ—царство дьявола.

— Воскресшій Мессія продолжаетъ свою дѣятельность Спасителя человѣчества чрезъ посредство апостоловъ, которыхъ Онъ для этой цѣли освятилъ Духомъ Святымъ (**Дн** I, 8), чтобы они имѣли силу сообщать свѣтъ по всему міру, свѣтъ, который есть жизнь (**Iн** I, 4) не только для народа богоизбраннаго, но и язычникамъ (**Лк** II, 32). Св. пр. Исаія обѣщаетъ ветхозавѣтнымъ людямъ, жившимъ въ темнотѣ, животворный свѣтъ, который сдѣлаетъ жизнь болѣе сознательной и содержательной (**Ис** IX, 2). Самъ Мессія и будетъ этимъ свѣтомъ также и для язычниковъ (**Ис** XLII, 6; XLIX, 6; LXV, 1). Съ этого момента просвѣщенный свѣтомъ Христовымъ человѣкъ будетъ постоянно ощущать этотъ путеводный огонь (**Ис** LX, 3) и легко опредѣлять достоинства и недостатки того или другого направленія. Свѣтъ Христовъ будетъ одинаково интенсивенъ для всѣхъ людей, чѣмъ сгладится разница между іудеями и язычниками, и послѣдніе будутъ въ состояніи входить въ Св. городъ (**Ис** LII, 1), наравнѣ съ колѣнами израильскими (**Ис** IX, 1).

На почвѣ этого ученія объ универсальности свѣта Мессіи ап. Павелъ считаетъ себя тѣмъ, кому дана благодать просвѣщать всѣхъ (**Эф** III, 9). Христіанство является для него религіей свѣта для всего міра (**Рим** I, 16, 17 ср. **Ос** I, 10 и II, 23; **Рим** X, 12—15 ср. **Пс** XVII, 50 и т. д.). Такой универсализмъ однако находился въ рѣзкомъ контрастѣ съ узко-національностическимъ консерватизмомъ фарисействующаго іудейства времени Павла, которое держалось особыхъ взглядовъ на отношеніе іудеевъ и язычниковъ.

Израиль находится въ исключительныхъ отношеніяхъ къ Іеговѣ, это—его Богъ, отъ Котораго только онъ изъ всѣхъ народовъ могъ получить Тору. Въ день законодательства всѣ народы удалились отъ Іеговы, и только Израиль остался и былъ удостоенъ особой чести отъ Бога.

Вслѣдствіе этого, язычники лишены общества Божія: только Израиль остается народомъ Божіимъ. Высота положенія исключаетъ всякое общеніе его съ язычниками—тѣлесное и духовное: запрещается пользоваться хлѣбомъ, масломъ, виномъ язычниковъ, чтобы израильтянамъ чрезъ эти объекты не соприкоснуться съ идолослуженіемъ. Тора ввѣрена только Израилю, какъ жена своему мужу [1]). Народы міра, кромѣ іудеевъ, подпали идолопоклонничеству, служенію мясу и человѣческой природѣ, и чрезъ это этически и физически сдѣлались нечисты, всякое прикосновеніе къ нимъ, посѣщеніе ихъ домовъ, производитъ оскверненіе, хотя бы это и было ненамѣреннымъ. Поэтому, израильтяне должны особенно опасаться путешествій въ чужую страну, гдѣ соблюденіе левитскихъ законовъ о чистотѣ было очень затруднительно, или даже совершенно невозможно. По талмудическому взгляду, существованіе народовъ необрѣзанныхъ представляется въ жалкомъ видѣ: они не смѣютъ вѣрить въ Іегову и надѣяться на милость Его къ себѣ, они чужды Богу, всякое богопознаніе для нихъ невозможно, и Bileam, послѣдній изъ языческихъ пророковъ, обладавшій знаніями о Богѣ, не сообщилъ ихъ имъ, такъ что лишь его служеніе было угодно Іеговѣ. У нихъ нѣтъ даже совѣсти, и никакія нравственныя нормы имъ непонятны: Богъ позволяетъ имъ дѣлать все, что они хотятъ, такъ какъ они будутъ совершенно безотвѣтны [2]). Болѣе близкія сношенія съ языческими сосѣдними народами, у которыхъ іудеи часто бывали въ политическомъ подчиненіи, выработали взглядъ, что язычникъ можетъ вступить въ іудейское общество, но только чрезъ обрѣзаніе и выполненіе всей массы самыхъ мелкихъ и дробныхъ предписаній закона о чистотѣ [3]).

---

[1]) Weber *Jüdische Theologie auf Grund d. Talmud.* Lpz. 1897, ss. 57—60; ср. Schürer, II, ss. 68 f., 307, 343 ff.

[2]) Weber, cit. op. ss. 65—70; Schürer, II, ss. 70—72.

[3]) Schurer, III[3], ss. 105 f., 417 f; ср. G. Ferries *Heathen* и J. Selbie *Foreigner* въ Hastings *Dictionary* vol. II. (Edinb. 1899), pp. 50 f. и 319 f.

Само собой понятно, что при подобномъ презрительномъ отношеніи къ неіудейскому міру у ортодоксальныхъ іудеевъ не могло и мысли возникать, что язычники будутъ участвовать вмѣстѣ съ ними, вѣрными сынами Божіими и хранителями Торы, въ царствѣ Мессіи. Наоборотъ, язычники будутъ сметены съ лица земли, какъ совершенно неимѣющіе никакой цѣнности ни для Бога, ни для Израиля, когда явится Мессія.

Такимъ образомъ, ученіе ап. Павла въ этомъ вопросѣ шло въ разрѣзъ со взглядами іудейскаго талмудическаго богословія и было, дѣйствительно, непонятно современникамъ, забывшимъ слова пророковъ Давида и Исаіи объ этомъ.

Изъ даннаго краткаго анализа настоящаго мѣста въ рѣчи ап. Павла мы приходимъ къ выводу, что, дѣйствительно, ап. Павелъ въ вопросахъ о страданіяхъ, воскресеніи Мессіи и просвѣщеніи Имъ всѣхъ людей проповѣдывалъ чисто библейское ученіе, выраженное въ писаніяхъ пророковъ **В. З.** Но такое положеніе Апостола не гармонировало со взглядами современнаго іудейства, которое въ облакѣ талмудическихъ традицій совершенно исказило библейскія темы. Объ однихъ и тѣхъ же предметахъ Павелъ и іудеи имѣли совершенно разныя представленія: для іудеевъ были не фактами, а интересными богословскими вопросами его тезисы о *необходимости* для Мессіи *страдать*, *умереть* и *воскреснуть*, чтобы имѣть возможность дать человѣчеству *свѣтъ жизни*. И Павелъ, при посредствѣ благодатной помощи, силою своего одушевленія и искренностью христіанскаго чувства сдунувшій съ Библіи прахъ и пыль отъ истлѣвшихъ человѣческихъ толкованій, стоялъ съ грозными словами обличенія и упрека іудейской мысли за то, что она въ своемъ преклоненіи предъ человѣческими авторитетами не хочетъ сбросить повязку съ своихъ старыхъ глазъ и прямо взглянуть на св. Писаніе, извращенное въ самыхъ основныхъ вопросахъ, связанныхъ съ самымъ бытіемъ человѣчества вообще. Онъ говоритъ

іудеямъ, что они забыли слова пророковъ о Мессіи, подмѣнили ихъ подлинный смыслъ софистическими толкованіями. Слова пророковъ о страданіяхъ Мессіи, Его воскресеніи и просвѣщеніи всѣхъ—для нихъ не истины жизни, практически важныя и необходимыя, такъ какъ чрезъ нихъ только можно придти къ Мессіи. Эти истины сдѣлались для нихъ *вопросами*, они не понимаютъ ихъ смысла и спѣшатъ снова надѣть повязку и ощупью бродить тамъ, гдѣ яркій живительный свѣтъ Христова ученія не оставилъ ни одного темнаго уголка, все озарилъ, далъ силу и смыслъ.

Изъ предложеннаго анализа 23 стиха греческаго текста видно, насколько удаляется отъ смысла этого послѣдняго славяно-русскій синодальный текстъ, который ставитъ содержаніе этого стиха въ отношеніе *прямого дополненія* къ глаголу λέγων предыдущаго стиха и, согласно этому, передаетъ интересную для насъ асиндетическую фигуру „εἰ“... „εἰ“ союзомъ „яко“ (что). Конечно, такой варіантъ имѣлъ бы основанія, если бы Апостолу нужно было просто охарактеризовать содержаніе своей благовѣстнической дѣятельности, перечислить главныя идеи ея, раскрытыя на почвѣ ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Мало того, такую конструкцію онъ далъ бы также тогда, когда былъ бы увѣренъ, что его слова будутъ поняты и истолкованы въ настоящемъ смыслѣ. Но мы видѣли, что этого не могло быть, потому что громадная идейно-теологическая разница раздѣляла мессіанскія представленія Павла и присутствующихъ іудеевъ, хотя въ основѣ тѣхъ и другихъ лежали однѣ и тѣ же пророческія антиципаціи. Поэтому, ораторъ долженъ былъ предвидѣть возможность того, что его слова о страданіяхъ, воскресеніи и просвѣщеніи Мессіи будутъ не совсѣмъ правильно поняты слушателями, или же приняты ими, въ качествѣ только богословскихъ мнѣній, которыя для самого то автора являются фактами. Такой именно оттѣнокъ и акцентуется частицами „εἰ“ „εἰ“, точнаго перевода которыхъ, какъ мы

видѣли выше (стр. 273), почти невозможно дать, потому что онѣ въ одно и то же время и служатъ связками, и выражаютъ, такъ сказать, *заднюю* мысль говорящаго. Въ виду этого, мы не должны претендовать на матеріальную бѣдность славяно-русскаго языка и можемъ принять его варіацію, сообщивъ словамъ Павла нѣсколько условный смыслъ непрямого вопроса замѣной союза „яко“ (что) вопросительной частицей „ли“.

Заявленіемъ своего идейнаго тожества (согласія) съ ветхозавѣтными пророками Павелъ кончаетъ настоящій отдѣлъ своей рѣчи.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Окончаніе рѣчи. Стт. 24—32.

Ст. 24.

Фестъ и Павелъ.

ταῦτα δὲ αὐτοῦ ἀπολογουμένου, ὁ Φῆστος μεγάλῃ τῇ φωνῇ φησιν· „[μαίνῃ Παῦλε]. τὰ πολλά σε γράμματα εἰς μανίαν [περιτρέπει]“.

Gig.: *haec loquente et rationem reddente eo*, ср. у Plaut.: rationem reddere—*отдавать отчетъ* [1]).

Ἔφη—HLP. Вар. δ4 текста H прибавляетъ послѣ γράμματα ἐπίστασθε (Soden, s. 1663).

По замѣчанію Winer'a, членомъ τῇ предъ φωνῇ ев. Лука хочетъ показать, что Фестъ дѣйствительно громко, возбужденно воскликнулъ (*Gram.* s. 103, 2); положеніе μεγάλῃ предъ членомъ τῇ объясняется тѣмъ, что это прилагательное играетъ роль *аттрибута* при существительномъ φωνῇ, имѣющемъ опредѣленный членъ (Blass *Gram.*, s. 154, 6). Положеніе σε послѣ πολλά подчеркиваетъ это слово (Wendt, s. 527).

„Когда онъ такъ защищался, Фестъ громкимъ голосомъ сказалъ: безумствуешь ты, Павелъ, Большая ученость доводитъ тебя до сумашествія“.

„Ап. Павелъ былъ вполнѣ увлеченъ тѣмъ потокомъ священнаго и вдохновеннаго краснорѣчія, которое было

---

[1]) И. Кронебергъ *Лат.-рус. лексиконъ*, Москва, 1870, стр. 405.

столь могущественнымъ орудіемъ его миссіонерской дѣятельности. Онъ излагалъ царямъ, правителямъ и начальникамъ то свидѣтельство, которое было самой цѣлью его жизни. Объ этомъ предметѣ онъ говорилъ съ своей привычной силой и съ пыломъ увлекающаго убѣжденія. Онъ, вѣроятно, сталъ бы подробно раскрывать великое положеніе, которое онъ только что кратко изложилъ, но въ этомъ пунктѣ его прервали". Фестъ „могъ лишь съ удивленіемъ [1]) слушать этотъ вдохновенный разсказъ о видѣніяхъ, откровеніяхъ, древнихъ пророчествахъ и объ іудейскомъ Пророкѣ, Который былъ распятъ и однако же воскресъ и былъ Богомъ, Который могъ прощать грѣхи и божественнымъ свѣтомъ Своего ученія разгонять тьму какъ язычниковъ, такъ и іудеевъ. Онъ болѣе и болѣе чувствовалъ изумленіе, и *послѣднее замѣчаніе* пересилило, наконецъ, его терпѣніе. Онъ вдругъ въ страшномъ возбужденіи громко прервалъ оратора: безумствуешь ты, Павелъ...." [2]).

(Нельзя согласиться съ Meyer'омъ и Lange-Lechler'омъ [3]), которые относятъ „ταῦτα ἀπολογουμ." ко всей рѣчи Павла, потому что, съ одной стороны, „περὶ τούτων" и „τι τούτων" стиха 26 явно относится къ стихамъ 22, 23, а съ другой стороны, причаст. наст. врем. „ἀπολογουμ." съ изъявительнымъ наст. врем. „φησιν" охватываетъ не *весь* разсказъ, но обозначаютъ опредѣленный *моментъ* времени. Кромѣ того, какъ доказываетъ возбужденіе Феста (μεγάλῃ τῇ φωνῇ [4])), онъ не дождался конца рѣчи Павла, а, дѣйствительно, прервалъ ее, не удержавшись въ роли простого слушателя [5])).

Что же послужило причиной подобнаго аффекта Феста, этого выдержаннаго, тактичнаго римлянина, умѣвшаго

---

[1]) ср. *Knabenbauer*, p. 420.

[2]) Фарраръ, стр. 671.

[3]) Meyer, s. 482; Lange-Lechler, s. 340.

[4]) Winer, s 103, 2.

[5]) Bethge, s. 292; Winer, s. 527.

подъ вліяніемъ своего воспитанія владѣть собою и не выдавать своихъ волненій даже мускулами лица, когда это бывало естественно?

Для рѣшенія этого вопроса намъ необходимо коснуться хотя немного отношеній римскаго культурнаго общества къ іудеямъ, съ которыми оно входило въ это время въ болѣе или менѣе близкія сношенія.

Выше мы отмѣтили, какъ свысока смотрѣли іудеи на другихъ народовъ, не имѣвшихъ Торы, на что тѣ отвѣчали не меньшимъ презрѣніемъ. Греко-римская литература вообще богата нелестными аттестаціями по адресу іудеевъ, которые практически испытывали всю ненависть къ себѣ культурныхъ язычниковъ въ эллинистическихъ городахъ, гдѣ и чернь, и власти пытались препятствовать отправленію ими своихъ религіозныхъ потребностей. Для римлянъ іудейская религія была superstitio barbara, ей приписывалось множество самыхъ нелѣпыхъ сказокъ и фантастичныхъ сказаній, которыя, вообще говоря, констатировали во всякомъ случаѣ скорѣе незнакомство съ ея сущностью, чѣмъ злостное намѣреніе. Названіе „іудеи“ производили отъ критской горы Ida, виноградную лозу надъ порталомъ храма и нѣкоторые обычаи въ праздникъ Кущей считали указаніемъ на родство іудейской религіи съ культомъ Вакха. Извѣстно, что Плутархъ (*Sympos.* 4, 62) признавалъ генетическое родство идеи еврейскаго праздника Кущей съ діонисіевыми празднествами [1]).

Многое вообще казалось язычникамъ прямымъ сумасбродствомъ: Тацитъ говоритъ,—„liber foestos loetosque ritus posuit Judeorum mos absurdus sordidusque“ [2]). Говорили, будто іудеи покланялись ослиной головѣ, самыя библейскія повѣствованія служили, въ искаженномъ, конечно, видѣ, матеріаломъ для романовъ. Особенной популярностью пользовался романъ о выходѣ іудеевъ изъ Египта, гдѣ дѣй-

---

[1]) Deissmann *Licht vom Osten*, s. 82.

[2]) Tacitus *Histor.* l. V, c. 5 (*Opera*, Hannov. 1839, Vol. III, p. 584).

ствующимъ лицомъ является Osarsiph (Моисей), дающій своему народу новую религію.

Много смѣха возбуждало отвращеніе іудеевъ отъ свиного мяса: говорили, будто причиной этого служитъ привычка свиньи чесаться, что напоминало о болѣзни, которой нѣкогда іудеи страдали,—другіе видѣли причину этого, наоборотъ, въ поклоненіи іудеевъ обладательницѣ такого вкуснаго мяса. Строгое соблюденіе субботнихъ празднествъ вызывало упрекъ въ лѣни. Охраненіе іудеями себя отъ общенія съ другими народами было непріятно римлянамъ и вызывало чувство страшной ненависти: „apud ipsos fides obstinata, misericordia in promptu, sed adversus omnes alios hostili odium“, говоритъ Тацитъ[1]). Общее презрѣніе къ іудеямъ господствовало въ греко-римскомъ мірѣ, оно красной нитью проходитъ во всѣхъ отзывахъ о нихъ историковъ и моралистовъ, и свое сильнѣйшее выраженіе нашло въ словахъ Амміана Марцеллина о Маркѣ Авреліи: „ille enim Palestinam transieret Aegiptam petens, Judeorum faetentium et tumultuantium saepe taedio percitus dolenter dicitur exclamasse: O Marcomani, o Quadi, o Sarmatae, tandem alios vobis inertiores inveni“...[2]).

Такъ же, конечно, смотрѣлъ и Фестъ на Павла, который въ его глазахъ былъ просто іудеемъ-сектантомъ (Дн XXV, 19), послѣдователемъ какого-то новаго ученія Іисуса изъ Назарета, выдававшаго себя за религіозно-нравственнаго реформатора, который у своихъ соотечественниковъ не пользовался еще общимъ признаніемъ. Но, конечно, если бы Фестъ имѣлъ представленіе о христіанствѣ, хотя бы самое смутное и наивное, и если бы Павелъ въ его глазахъ былъ не іудей, а христіанинъ, то и тогда бы грубо-чувственный римскій солдатъ, встрѣчавшій въ императорскомъ дворцѣ только презрительные отзывы о христіанствѣ, слышавшій о страшныхъ по своимъ размѣ-

---

[1]) Tacitus *Hist.* l. V, c. 5 (*Opera*, cit. op. vol. III, p. 584).

[2]) Schurer, III, ss. 102 ff.

рамъ и цинизму оргіяхъ, происходившихъ на тайныхъ ночныхъ собраніяхъ Его послѣдователей, убѣжденный, что изображеніе Распятаго на крестѣ съ ослиной головой и подписью „Αναξαμενος молится своему Богу“, дѣйствительно, выражаетъ сущность догматики Іисуса, такой римлянинъ не могъ иначе, какъ отрицательно, смотрѣть на убѣжденія Павла, смѣяться и презирать ихъ. Едва ли вообще онъ понималъ содержаніе рѣчи св. Узника[1]), и только одна фраза бросилась ему въ глаза: Христосъ пострадалъ, воскресъ изъ мертвыхъ и является источникомъ свѣта не только іудеямъ, но и *язычникамъ* (ст. 23). Хотя ап. Павелъ и не сказалъ, что подъ послѣдними онъ разумѣетъ римлянъ, однако было ясно это, потому что онъ іудеевъ противополагалъ всѣмъ остальнымъ народамъ, непризнающимъ Іеговы. Фестъ слушалъ и не вѣрилъ своимъ ушамъ: какъ, этотъ несчастный, презрѣнной религіи и секты послѣдователь, смѣетъ такъ свысока относиться къ культурному Риму, который имѣетъ своихъ боговъ и не нуждается въ чужихъ...

Для римлянина вообще не было ничего безразсуднѣе стремленія христіанства сдѣлаться универсальной религіей. Религія Рима была прежде всего національна и, поэтому, христіанство съ своими желаніями стать на пьедесталъ міровой религіи, было не только антинаціонально, т. е. вредно въ государственномъ отношеніи, но и представляло нѣчто „безумное“, „гнусное“, что можетъ вызывать только отвращеніе[2]).

Ап. Павелъ оскорбилъ, такимъ образомъ, въ Фестѣ чувство язычника-римлянина, гордаго своей принадлежностью къ великому, вѣчному городу, который диктуетъ свои законы полвселенной. Конечно, для національнаго чувства оскорбительно слышать, что какой-то іудей смѣетъ говорить о религіозныхъ заблужденіяхъ у римлянъ,

---

[1]) Blass, p. 269.

[2]) Bethge, s. 293.

отсутствіи настоящей религіи, которую тѣ, якобы, могутъ получить лишь отъ этого іудейскаго сектанта... Правда, знакомство узника съ римскимъ правомъ, освѣдомленность въ области хотя и отечественной литературы говорятъ о его интеллектуальности. Но въ послѣднихъ словахъ онъ уже теряетъ мѣру скромности, сознанія своего мѣста и слишкомъ свысока смотритъ даже на присутствующихъ представителей римскаго общества.

Такъ, слова—„безумствуешь ты, Павелъ“ (μαίνῃ Παῦλε—XII, 15; **Ін** X, 20; 1 **Кор** XIV, 23) показываютъ, насколько были чужды сознанію и казались абсурдомъ римскому прокуратору слова Павла, и онъ былъ готовъ смѣяться надъ ними, какъ нѣкогда смѣялись надъ словами Павла о воскресеніи образованные аеиняне въ Ареопагѣ (**Дн** XVII, 32). По словамъ Беды, „insaniae deputabat (т. е. Фестъ) quod homo vinculatus loco defendendi accepto, non de calumnia qua premebatur exterius, sed de conscientia qua intus gloriabatur sermonem faceret, atque omnia revelationis qua de persecutore in apostolum mutatus erat miracula percurreret, sed et dispensatione nostri Redemptoris ostensa, de resurrectione mortuorum concionantis habitu impetuque dissereret“ [1]).

Источникъ безумства Павла Фестъ видитъ въ его „большой учености“ (τὰ πολλὰ . . . γράμματα). Bethge думаетъ, что прокураторъ разумѣетъ здѣсь вообще начитанность въ книгахъ, которую Павелъ могъ пріобрѣсти во время долгаго пребыванія въ темницѣ, гдѣ никто не мѣшалъ ему въ штудированіи [2]). Однако, если бы слова Феста имѣли такой смыслъ, то ев. Лука, конечно, отмѣтилъ бы это близкими по значенію терминами βιβλία или βίβλοι (ср. **Ін** XXI, 25; 2 **Тим** IV, 13 и пр.). Греч. γράμματα означаетъ не просто книги, писанія, а именно *суммированіе отдѣльныхъ знаній въ систему*. Такъ, напр. іудеи удивлялись Христу: „πῶς οὗτος γράμματα οἶδεν μὴ μεμαθηκώς“—

---

[1]) Migne *Patrol. curs. compl.* ser. lat. t. 92, col. 991.

[2]) Bethge, s. 293; Knabenbauer, p. 420.

Ін VII, 15. Изъ дальнѣйшихъ словъ Христа, сказанныхъ въ отвѣтъ іудеямъ, видно, что они разумѣли Его *ученіе*, потому что Онъ это γράμματα обращаетъ уже въ διδαχή (ст. 16), и въ параллельномъ мѣстѣ (Мѳ XIII, 54) указанный смыслъ γράμματα удерживается въ вопросѣ іудеевъ—„πόθεν τούτῳ ἡ σοφία αὕτη καὶ αἱ δυνάμεις“ ср. также Дн IV, 13. Кромѣ того, не нужно забывать, что въ эпоху Павла еще не существовало удобныхъ „Taschenbüchlein“, имѣть же списки—свертки при себѣ было очень неудобно и не по средствамъ бѣдному человѣку.

Итакъ, своими словами Фестъ хотѣлъ сказать, что громкое заявленіе Узника объ универсальности дѣла Христа есть результатъ мистическихъ спекуляцій и размышленій о высотѣ и славѣ *своего* богопочитанія. Эта большая ученость, которую Павелъ, конечно, доказалъ, какъ содержаніемъ и формой своей рѣчи, такъ и знакомствомъ съ классическимъ римскимъ правомъ доводитъ его до безумія (εἰς μανίαν περιτρέπει). Св. Іоаннъ Златоустъ видитъ въ настоящихъ словахъ Феста выраженіе гнѣва и негодованія на оратора [1]).

Ст. 25.

ὁ δὲ Παῦλος „Οὐ μαίνομαι“, φησίν, „κρατιστε Φῆστε, ἀλλὰ ἀληθείας καὶ σωφροσύνης ῥήματα ἀποφθέγγομαι.

Вм. Φῆστε, Fl., Gig. вставляютъ „legate“=„ἡγεμών“, придавая, такимъ образомъ, болѣе оффиціальный тонъ обращенія св. Узника къ своему начальнику.

„Нѣтъ, достопочтенный Фестъ, сказалъ онъ, я не безумствую, но говорю слова истины и здраваго смысла“.

Павелъ на рѣзкія слова Феста замѣчаетъ спокойно и хладнокровно въ вѣжливой формѣ: „я не безумствую,

[1]) Vgl. Catenae, p. 394; Златоуст. *Бесѣд.* II, 381. Ѳеофилактъ, Migne, t. 125, col. 827.

благородный Фестъ“ (οὐ μαίνομαι, κράτιστε Φῆστε—ср. XXIV, 3), не забывая высокаго положенія намѣстника римскаго императора. „Но произношу слова истины и здраваго смысла“ (ἀλλὰ ἀληθείας καὶ σωφροσύνης ῥήματα ἀποφθέγγομαι). Здѣсь совершенно невольно вспоминаются величественныя слова Христа Спасителя предъ Пилатомъ: **«ты говоришь правду, что Я царь. Я на то родился и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ; всякій, кто отъ истины, слушаетъ голоса Моего»** (Ін XVIII, 37). Господь и Его Апостолъ одинаково говорятъ, что ихъ слова посвящены истинѣ не только субъективной, но и объективной (ἀληθεία—согласіе съ дѣйствительностью). Что же касается σωφροσύνη, то здѣсь просто разумѣется ясность сознанія, здравая логика,—качества совершенно противоположныя μανία Феста (**Лк** VIII, 35; **2 Кор** V, 13). Такъ, ап. Павелъ, по догадкѣ Bethge [1]), хочетъ сказать, что его рѣчь выдерживаетъ предъ судомъ дѣйствительности и разума, исторіи и логики.

Ст. 26.

ἐπίσταται γὰρ περὶ τούτων ὁ βασιλεύς, πρὸς ὃν [καὶ παρρησιαζόμενος λαλῶ. λανθάνειν γάρ αὐτὸν τούτων οὐ πείθομαι οὐθέν. οὐ γάρ ἐστιν ἐν γωνίᾳ πεπραγμένον τοῦτο].

καὶ послѣ ὅν оп. B. | τι послѣ αὐτόν прибавл. мног., опуск. B., vulg.; Wendt предлагаетъ выбросить τι, потому что рядомъ съ οὐδέν оно теряетъ всякій смыслъ (s. 527). Bapp. δ2* и δ48 текста H опускаютъ οὐδέν (οὐθέν) (Soden, cit. op. s. 1663).

Οὐ π. οὐθέν: οὐ π. οὐδέν—по ℵBHLP, мног., Злат., Катены (см. у Bethge, s. 262; Tischendorf, p. 228).

„Ибо знаетъ объ этомъ царь, предъ которымъ и говорю смѣло; я отнюдь не вѣрю,

[1]) Bethge, s. 294.

чтобы отъ него было что-нибудь изъ сего скрыто; ибо это не въ углу происходило".

Трудно, почти невозможно было человѣческими средствами подѣйствовать на Феста, заставить грубаго язычника измѣнить свой взглядъ на христіанское исповѣданіе Павла, столь ничтожнаго, конечно, по внѣшнему положенію предъ блестящимъ римскимъ трибуналомъ, который привыкъ у себя на родинѣ вѣрить больше грубой силѣ внѣшняго положенія, роскоши и богатства, чѣмъ вдохновенному слову сильнаго, но бѣднаго оратора. Римляне были народъ практическій прежде всего, у нихъ не могло зародиться ни идеалистической философіи, какъ у грековъ, ни стремленія философски обосновать тотъ или другой родъ жизни, они все старались примѣнять на практикѣ и грубой рукой выбрасывали все, что оказывалось негоднымъ для этого. Поэтому, съ одной стороны, оскорбленный въ своихъ чувствахъ гордаго римлянина, а съ другой, дѣйствительно далекій отъ тѣхъ высокихъ богословско-философскихъ концепцій объ освященіи, воскресеніи, противоположеніи свѣта и тьмы, которыхъ касался ап. Павелъ въ своей рѣчи, римскій прокураторъ былъ правъ, смутно догадываясь, что причиной страшной ненависти іудеевъ къ узнику служитъ именно это его ученіе. Но онъ не понималъ, какъ можно отдавать свою жизнь на проповѣдь этихъ далекихъ отъ будничной, практической жизни идеаловъ. Незнакомый съ источниками, на которые ссылался Павелъ, прокураторъ могъ сомнѣваться, правда ли, что такіе идеалы проводились, какъ очевидныя истины, и другими, болѣе видными національными дѣятелями? Для него нужно было, слѣдовательно, доказательство въ чисто римскомъ вкусѣ, т. е. завѣреніе со стороны высокаго по своему положенію лица. Ап. Павелъ отлично понималъ этотъ логическій ходъ мышленія Феста и обращается за помощью къ присутствующему іудейскому царю, который, если и не исповѣдывалъ одинаковыя съ Павломъ убѣ-

жденія, однако былъ достаточно знакомъ съ источниками послѣднихъ—св. Писаніемъ **В. З.**, чтобы подтвердить, что тотъ правъ въ своихъ ссылкахъ на нихъ, что въ нихъ, дѣйствительно, идетъ рѣчь о Мессіи, о Его дѣлѣ спасенія человѣчества, и что Іисусъ на самомъ дѣлѣ выступалъ въ іудейскомъ народѣ, какъ Мессія.

Такимъ образомъ, настоящимъ пріемомъ Павелъ хочетъ устранить недовѣріе къ себѣ Феста, заставить его признать въ своихъ словахъ объективную (ἀληθεία) и субъективную (σωφροσύνη) истинность, сознаться, что непониманіе чего-нибудь не есть еще рѣшительное доказательство абсурдности этого послѣдняго.

Ссылаясь на Агриппу, Апостолъ съ особеннымъ удареніемъ останавливается на освѣдомленности и компетентности его (ἐπίσταται на первомъ мѣстѣ), чтобы показать, что въ своей рѣчи онъ вращался въ сферѣ идей, которыми жилъ цѣлые вѣка іудейскій народъ, и, слѣдовательно, онѣ не могутъ быть безсмысленны[1]).

Отсюда, можно разсматривать настоящій стихъ въ причинной связи съ предыдущимъ: *„я не безумствую“*, *потому что* (γάρ) *знаетъ объ этомъ* (ἐπίσταται περὶ τούτων; ἐπίστ· съ περί встрѣчается обычно у классиковъ, у Луки только здѣсь[2])) *царь*, *къ которому* (πρὸς ὅν) *и притомъ* (καί послѣ ὅν констатируетъ соотвѣтствіе смысла ὅν или выводъ изъ мыслей главнаго предложенія[3])) *съ такой увѣренностью* (παρρησιαζόμενος **Дн** XIII, 46; **Еф** VI, 20; 1 **Фес** II, 2) *я обращаюсь* (говорю—λαλῶ, ср. выше стр. 214 сл.). *Вѣдь*, *я убѣжденъ* (γὰρ πείθομαι), *что отъ него не скрыто* (=предъ нимъ; λανθάνειν αὐτόν ср. 2 **Петр** III, 5 „λανθάνει γὰρ αὐτούς“) *ничто* (οὐθέν=οὐδέν ср. **Дн** XV, 9; XIX, 27; 1 **Кор** XIII, 2 и пр. οὐ . . . οὐδέν или οὐθέν встрѣчается въ **Н. З.**, напр. **Лк** IV, 2—καὶ οὐκ ἔφαγεν οὐδέν, не измѣняя смысла οὐδέν)

---

[1]) Bethge, s. 295.

[2]) Wendt, s 528; Bethge, s. 295, An. 3.

[3]) Bethge, s. 295, An. 5.

изъ этого. Вѣдь, не тайно (οὐ γάρ ἐστιν ἐν γωνίᾳ=не въ скрытомъ мѣстѣ—ср. **Мѳ** X, 27; **Лк** XII, 3; **Ін** XVIII,20[1])) *совершилось это* (πεπραγμένον τοῦτο).

Въ этихъ словахъ Апостолъ вполнѣ удовлетворяетъ Феста, ссылаясь на авторитетъ въ іудейскихъ отношеніяхъ царя Агриппы, котораго съ такимъ почетомъ принялъ тотъ и, конечно, даже изъ чувства деликатности долженъ былъ прислушиваться къ его голосу, такъ какъ желалъ получить отъ него нѣкоторую помощь въ составленіи litterae dimissoriae (**Дн** XXV, 26).

Но является вопросъ, что̀ именно понималъ Апостолъ подъ „περὶ τούτων“, „οὐθὲν τούτων“ и „τοῦτο“? Очевидно, что эти мѣстоименія одинаковы по своему содержанію, но чѣмъ объяснить ихъ числовую разницу?

Большинство комментаторовъ относятъ первыя два мѣстоименія вообще къ *истинамъ* о необходимости для Христа страданій, воскресенія и просвѣщенія человѣчества (ст. 23), послѣднее же τοῦτο къ исторической реализаціи всего этого въ земной жизни Господа Христа[2]). Такое пониманіе подтверждаетъ и св. Іоаннъ Златоустъ: „здѣсь говоритъ онъ (Павелъ) о крестѣ, о воскресеніи, что вездѣ по вселенной сдѣлалось (это) истиной“[3]). Ап. Павелъ имѣлъ полное право на такую аргументацію своей рѣчи, потому что Агриппа, какъ мы видѣли, получилъ, хотя отчасти, іудейское образованіе, читалъ подъ руководствомъ, несомнѣнно, лучшихъ учителей и непосредственнымъ надзоромъ своего отца—ревностнаго іудея—Моисея, пророковъ и хотя, конечно, понималъ ихъ слова въ раввинистической окраскѣ, однако одно то имѣло положительное

---

[1]) Ср. Galenus *De loc. affect.* III—„φυλοσόφοις μὲν οὖν ἐν γωνίᾳ καθημένοις ἁμαρτάνειν ἐν τῷ δὲ τάχ' ἄν τις συγγνοίη“; Libanius—„οὐκ ἀποστὰς τῶν φίλων ἐν γωνίᾳ τοίχῳ προσθεὶς ἑμαυτὸν. ἀλλ' ἐν πολλοῖς ἑτέροις, τοῖς ῥᾳ̃ν κάλλη τοιαῦτα δυναμένοις“; Dio Chrys. XLVI, p. 525—„οὐ γὰρ λανθάνει τῶν ἐν ταῖς πόλεσιν οὐδὲν τοὺς ἡγεμόνας“ (Wetstenii p. 635).

[2]) Stier, s. 324; Meyer, s. 483; Wendt, s. 528; Felten, s. 450 usw.

[3]) *Бесѣды*, II, 381; ср. Catenae, p. 395.

значеніе въ настоящемъ случаѣ, что у него были представленія о фактахъ, которыхъ касался Павелъ. Слова Апостола о пришествіи Мессіи, Его искупительной дѣятельности не были для іудейскаго царя простымъ звукомъ, какъ для Феста. Однако признаніе наличности предсказаній о Мессіи въ св. книгахъ было недостаточно для ап. Павла въ интересахъ впечатлѣнія на слушателей, такъ какъ эта наличность служила лишь главной посылкой для историчности самого христіанства. И вотъ, не требуя отъ царя іудейскаго исповѣданія истинности христіанства, онъ заставляетъ его согласиться, что христіанство есть историческій фактъ, несомнѣнный для него. Хотя Агриппа и былъ только номинальнымъ царемъ Іудеи, однако, не могъ не слышать объ Іисусѣ Христѣ, Который цѣлые три года открыто проповѣдывалъ въ Галилеѣ и Іудеѣ, совершалъ чудеса, увлекая за собою толпы народа (**Ін** XII, 19). О Немъ говорили и во дворцѣ Ирода (**Лк** XIII, 7). Его распятіе было извѣстно многимъ (**Ін** XIX, 20). Іудейскія власти должны были считаться съ фактомъ Его воскресенія (**Мѳ** XXVIII, 11—15): послѣднее было истиной для всего народа (**Дн** II, 30; III, 15, 48 сл; V, 17 сл; X, 42).

Такимъ признаніемъ историчности христіанства со стороны Агриппы ап. Павелъ пока и удовлетворяется, какъ первымъ этапомъ на пути разсудочнаго признанія истинности христіанства вслѣдствіе соотвѣтствія его словамъ ветхозавѣтныхъ писателей о Мессіи. Подобную апологетическую попытку онъ дѣлаетъ еще разъ.

Стт. 27—29. Павелъ и Агриппа.

Ст. 27.

πιστεύεις, βασιλεῦ Ἀγρίππα, τοῖς προφήταις; οἶδα ὅτι πιστεύεις.

„Вѣришь ли, царь Агриппа, пророкамъ? Знаю, что вѣришь“.

„Вѣруешь, царь Агриппа, пророкамъ? знаю, что вѣруешь“. Этими словами онъ какъ-бы укоряетъ іудеевъ и

говоритъ имъ: онъ все знаетъ хорошо, между тѣмъ, какъ вамъ первымъ слѣдовало бы знать это,—что и выражаетъ замѣчаніе „„не въ углѣ совершено это““—но вы не хотѣли“ [1]).

Настоящій вопросъ Апостола къ Агриппѣ равняется по смыслу вопросу: „вѣруешь ли въ христіанство“, потому что онъ уже доказалъ раньше, что вѣрить христіанству и вѣрить пророчествамъ о Мессіи значитъ тоже, что быть убѣжденнымъ въ существованіи и знать о внѣшнемъ видѣ предмета по отраженію въ зеркалѣ. Царь іудейскій, конечно, долженъ былъ отвѣтить положительно, что и онъ вѣритъ пророчествамъ, т. е. признаетъ историческую истинность христіанства. Иного отвѣта нельзя было ожидать отъ оффиціальнаго блюстителя религіозныхъ интересовъ іудейской націи. Но ап. Павелъ, этотъ великій знатокъ человѣческой души, понималъ, въ какое неловкое положеніе ставилъ его вопросъ Агриппу. Воспитанный въ Римѣ, хотя не чуждый іудейскихъ тенденцій, царь впиталъ въ себя нѣсколько циническое отношеніе къ религіознымъ вопросамъ, отношеніе вообще свѣтскаго, салоннаго человѣка. Это, конечно, не позволяло ему стать фанатикомъ-іудеемъ, тѣмъ болѣе, что въ римскомъ обществѣ, гдѣ онъ вращался, наблюдалось презрительное отношеніе къ его отечественной религіи. Вопросъ ап. Павла собственно засталъ Агриппу врасплохъ: какъ іудей по происхожденію и оффиціальному положенію, въ *присутствіи іудеевъ* онъ не могъ отвѣтить: „нѣтъ, я не вѣрю пророкамъ“. Съ другой стороны, положительнымъ отвѣтомъ онъ уронилъ бы себя въ глазахъ Феста и всего римскаго трибунала, такъ какъ призналъ бы себя послѣдователемъ презрѣннаго въ глазахъ римлянъ іудаизма. Несомнѣнно, также, что онъ понялъ ходъ мыслей и аргументаціи Апостола, понялъ, что отвѣтомъ „да, я вѣрю пророкамъ“ онъ подчеркнетъ свою солидарность съ убѣжденіями Узника и признаетъ истинность христіанства, что, конечно, уро-

---

[1]) Златоустъ, 2, 376; Catenae, p. 395.

нило бы его и безъ того невысокій авторитетъ въ глазахъ іудеевъ. Если бы онъ былъ человѣкъ вѣрующій, вполнѣ убѣжденный и прямой, не боящійся человѣческихъ мнѣній, онъ далъ бы положительный отвѣтъ на вопросъ Павла. Но мы уже видѣли, какимъ пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ римлянъ и нѣмымъ выразителемъ синедріальныхъ рѣшеній были въ то время іудейскіе цари, совершенно безличные, потерявшіе былое уваженіе къ себѣ у своихъ соотечественниковъ, сидѣвшіе на тронѣ Ирода Великаго въ бумажной коронѣ...

Ап. Павелъ понималъ всю затруднительность положенія Агриппы, и, въ то же время, для него болѣе, чѣмъ когда-либо, нежелателенъ былъ отрицательный отвѣтъ царя, потому что былъ бы слишкомъ рѣзкимъ диссонансомъ логическому ходу рѣчи и портилъ бы впечатлѣніе отъ нея.

Такъ, съ одной стороны, желая избавить Агриппу отъ неловкости, а съ другой, чтобы не испортить впечатлѣнія слушателей, Апостолъ самъ же и отвѣчаетъ на свой вопросъ: „знаю, что ты вѣришь пророкамъ“.

Однако Агриппа оказался неблагодарнымъ.

Ст. 28.

ὁ δὲ Ἀγρίππας πρὸς τὸν Παῦλον· „ἐν ὀλίγῳ με πείθη Χριστιανὸν ποιῆσαι“.

ἔφη послѣ П. EHLP, Gig. | πείθη A, πείθης остальн. кодд. | χρηστιανόν здѣсь, какъ ℵ*; χρειστ., какъ обычно, B* | ποιῆσαι ℵAB, syr^{p}, mg., copt.: γενέσθαι ост. даже Gig.

По редакціи Flar.: „Agrippa ad eum ait modico suades mihi Paule Christian [um fieri]“.

„Агриппа сказалъ Павлу: ты не много не убѣждаешь меня сдѣлаться христіаниномъ“.

Агриппа понялъ, куда клонился вопросъ Павла и къ чему онъ обязываетъ его, и въ настоящихъ словахъ очень ловко уклоняется отъ прямого отвѣта. Онъ не отрицаетъ, что дѣйствительно вѣритъ въ пророковъ, но въ то же

время и не констатируетъ своей принадлежности къ іудейству. „Ἐν ὀλίγῳ με πείθῃ χριστιανὸν ποιῆσαι“, „сказалъ онъ съ полуподавленной улыбкой, и этимъ ловкимъ изворотомъ придворной любезности отвѣтилъ на серьезный вопросъ Павла. Его изысканное замѣчаніе объ этомъ пріемѣ обращенцевъ, несомнѣнно, прозвучало очень остроумнымъ для всего знатнаго собранія, и они съ трудомъ могли подавить свой смѣхъ при одной мысли о томъ, что Агриппа, любимецъ Клавдія, другъ Нерона, царь Халкиды, Итуреи, Трахонита, назначающій первосвященника и верховный хранитель сокровищъ храма, склонится къ убѣжденіямъ этого страннаго іудея“ [1]).

Но какой смыслъ имѣли эти слова Агриппы? Намъ нѣтъ нужды перечислять всѣ типы пониманія ихъ [2]).

Прежде всего нужно установить конструкцію настоящаго стиха, не у всѣхъ одинаковую. Blass приводитъ конструкцію (см. крит. апп.) по A (V стол.), въ которой читаемъ: „ἐν ὀλίγῳ με πείθῃ Χρηστιανὸν ποιῆσαι“, въ большинствѣ же кодексовъ, относящихся и къ IV вѣку, ℵBEHLP, у Златоуста [3]), Икуменія [4]), Θеофилакта [5]) и др. [6]) πείθῃ замѣнено πείθεις; это чтеніе, слѣдовательно, болѣе авторитетно.

Редакцію ποιῆσαι по ℵAB, syr^{p} mg., copt. и друг. остальные тексты, Златоустъ, Икуменій, Θеофилактъ и т. д. замѣняютъ глаголомъ γενέσθαι, собственно говоря, измѣняя лишь залогъ глагола, выражающаго вообще переходъ изъ одного состоянія въ другое (ποιέω, γίνομαι). Hort твердо заявляетъ, что форма γενέσθαι не можетъ считаться корректурой ποιῆσαι: она была въ позднѣйшихъ текстахъ заимствована изъ ст. 29 для того, чтобы нѣсколько устра-

---

[1]) Фарраръ, стр. 622.

[2]) См. напр. у Wendt'a s. 529; Bethge, s. 297 usw.

[3]) Cramer *Catenae*, p. 395.

[4]) Migne, t. 118, col. 292.

[5]) Migne, t. 125, col. 828.

[6]) См. у Tischendorf, p. 229; Westcott-Hort, cit. op. notes.

нить трудность пониманія ποιῆσαι, при которомъ, внѣ всякаго сомнѣнія, или утеряно, или намѣренно скрыто второе με. Англійскій филологъ предполагаетъ въ текстѣ здѣсь ошибку, вслѣдствіе чего ποιῆσαι употреблено въ экзегетическомъ смыслѣ=ὥστε ποιῆσαι [1]). Такъ, для насъ важенъ въ этомъ случаѣ не глаголъ самъ по себѣ (ποιέω или γίνομαι), а залогъ, такъ какъ, увидимъ, онъ заставляетъ установить тотъ или другой смыслъ рѣчи. Но въ защиту ποιῆσαι нужно сказать, что, кромѣ указаннаго выше прагматическаго родства его съ γενέσθαι, оба глагола сходны также въ наклоненіи, времени и расходятся лишь въ залогѣ. Это не можетъ имѣть серьезнаго значенія, потому что, по словамъ Winer'a [2]), у грековъ и въ **Н. З.** иногда встрѣчается дѣйствительный залогъ тамъ, гдѣ нужно бы ожидать общаго, и часто въ text. recept. стоитъ ποιεῖν, вмѣсто ποιεῖσθαι. Слѣдовательно, если строго разбирать, формы ποιῆσαι и γενέσθαι могутъ выражать собою одно и то же безъ особенно рѣзкихъ отличій. Такимъ образомъ, можно считать правильной конструкцію Тишендорфа: „ἐν ὀλίγῳ με πείθεις Χριστιανὸν ποιῆσαι“, съ которой въ дальнѣйшемъ и будемъ имѣть дѣло.

Безъ особаго анализа, даже для непосредственнаго взгляда очевидно, что ἐν ὀλίγῳ относится не къ ποιῆσαι, а къ πείθεις и служитъ при немъ для обозначенія средства, орудія, замѣняя просто dat. instrum. Въ Κοινη подобное сочетаніе въ ср. р. часто служитъ для выраженія абстрактности свойствъ или направленій, въ которыхъ кто-нибудь что-либо совершаетъ [3]).

Поэтому, можно ἐν ὀλίγῳ настоящаго стиха ставить въ прямую пареллель съ **Еф** III, 3: καθὼς προέγραψα ἐν ὀλίγῳ, гдѣ Апостолъ говоритъ о количественной сторонѣ своего писанія, и переводить просто творит. пад.—„малымъ“, „не-

---

[1]) Westcott-Hort, cit. op. notes

[2]) Winer *Grammat.* s 240.

[3]) Winer, s. 395.

значительнымъ", т. е. „немногими словами, краткой рѣчью, небольшимъ наставленіемъ безъ особаго труда и продолжительнаго разсужденія" (Икуменій) [1]). Глаголъ πείθεις въ дѣйств. зал. имѣетъ значеніе *заставлять, принуждать кого-нибудь на тотъ или другой поступокъ или дѣйствіе* [2]).

Поэтому, въ соотвѣтствіи съ выше сказаннымъ о смыслѣ ποιῆσαι, параллельномъ съ γενέσθαι, можно принять переводъ Bethge πείθεις—„ты хочешь, пытаешься убѣдить меня" [3]), потому что με нельзя разсматривать, какъ подлежащее оборота вин. пад. съ неопр. (ποιῆσαι): въ Κοινη нигдѣ глаголъ πείθω не встрѣчается съ такимъ оборотомъ, но всегда зависящій синтаксическій объектъ выражается или описательно съ ἵνα (**Мѳ** XXVII, 20—οἱ δὲ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ πρεσβύτεροι ἔπεισαν τοὺς ὄχλους ἵνα αἰτήσωνται τ. Βαρόββον), или просто неопред. накл. (**Дн** XIII, 43—πολλοὶ τῶν Ἰουδαίων ἔπειθον αὐτοὺς προσμένειν τῇ χάριτι τοῦ θεοῦ). Но если бы настоящее мѣсто Κοινη и было уникумъ въ этомъ отношеніи, то и тогда желаемаго сокращеннаго оборота (με ποιῆσαι) не могло бы быть, потому что, какъ показываетъ конструкція съ ποιῆσαι, субъектъ при πείθεις и при ποιῆσαι одинъ и тотъ же—„ты". Въ противномъ случаѣ, субъектъ при infin. оборота долженъ бы быть опущенъ по правилу греч. языка: при тожествѣ субъектовъ главн. и придат. (accus. cum. infin.) предложеній во второмъ подлежащее опускается [4]).

Этотъ краткій анализъ убѣждаетъ въ возможности раз-

---

[1]) Migne, t. 118, col. 292. Ср. Plut. *Pericl.*—„ὅθεν καὶ μᾶλλον θαυμάζεται τὰ Περικλέους ἔργα πρὸς πολὺν χρόνον ἐν ὀλίγῳ γενόμενα". *Coriol.*—„πολλῶν ἐν ὀλίγῳ νεκρῶν πεσόντων". Polybius, X, 18.—„τῆς γυναικὸς ἐν ὀλίγῳ τῆς περιστάσεως ἔννοιαν ὑποδεικνυούσης". Eustathius—„οὕτω μὲν ὁμηρικὴ ἐν ὀλίγῳ διασεσάφηται ἱστορία τὰ δὲ κατὰ μέρος αὐτῆς τοιαῦτα" (Wetstenii cit. op. p. 635).

[2]) Schirlitz, s. 323; Zorell, p. 440

[3]) Bethge, s. 297.

[4]) Winer, s. 301.

сматривать με χριστιανὸν ποιῆσαι, какъ цѣль или намѣреніе при глаголѣ πείθεις, и прямую параллель находить въ словахъ Христа—περιάγετε τὴν θάλασσαν καὶ τὴν ξηρὰν ποιῆσαι ἕνα προσήλυτον (Мѳ XXIII, 15).

На основаніи приведенныхъ данныхъ мы можемъ переводить ироническое замѣчаніе Агриппы такъ: „немногимъ ты пытаешься убѣдить меня, чтобы сдѣлать (меня) христіаниномъ", каковой смыслъ этого стиха принимаетъ и славянскій текстъ синодальнаго изданія: „вмалѣ мя препираеши христіанина быти" (ср. св. Іоанна Златоуста[1]) и ред. Gigas: „Agrippa ad eum ait modico suades mihi Paule Christianum fieri"[2]).

Мы уже говорили, что подъ ἐν ὀλίγῳ въ словахъ Агриппы нужно видѣть указаніе на сравнительную краткость рѣчи Апостола, но можно также усматривать и иной смыслъ.

Выше мы замѣтили, что Агриппѣ былъ ясенъ логическій ходъ аргументаціи оратора, по которой—согласіе съ пророками равнялось признанію христіанства. Вотъ именно на это-то онъ и можетъ относить ἐν ὀλίγῳ: „немногимъ, т. е. только тѣмъ, что я согласенъ съ пророками, вѣрю ихъ антиципаціямъ будущаго и не сомнѣваюсь въ томъ, что они говорили о Мессіи, Которымъ, по твоимъ словамъ, былъ Іисусъ изъ Назарета, ты хочешь сдѣлать меня христіаниномъ". Во всякомъ случаѣ, разницы при такомъ или иномъ пониманіи содержанія ἐν ὀλίγῳ особенной нѣтъ: Агриппа хочетъ сказать съ усмѣшкой, что Павелъ слишкомъ надѣется на быстрый успѣхъ и силу своей рѣчи, если думаетъ, что онъ, Агриппа, уже обратился въ христіанство.

Царь іудейскій употребляетъ имя „христіанинъ": откуда оно было извѣстно ему?

---

[1]) *Бесѣды*, II, 381.

[2]) Подобную же редакцію мы находимъ и въ Апостолѣ XIV вѣка гр. Толстого: „да буду крьтьıанъ" (см. у арх. Амфилохія *Карпинскій апостолъ XIII в.* Т. I, ч. 1, М. 1886).

Въ христіанской средѣ это названіе не могло образоваться, потому что въ апостольскій вѣкъ послѣдователи Спасителя носили имена—„учениковъ“ (**Дн** IX. 26; XI, 29), „братьевъ“ (XV, 1; **1 Кор** VII, 12), „святыхъ“ (**Дн** IX, 13; XXVI, 10; **Рим** VIII, 27; XV, 25). У іудеевъ оно также не могло получить своего начала, потому что имя „Христосъ“ (Мессія) въ глазахъ ихъ имѣло особенное, высокое значеніе, котораго они не могли прилагать къ повстанцу—Іисусу изъ Назарета, послѣдователей Котораго они отличали именемъ „назаретянъ“ (**Дн** XXIV, 5). Сама собой подсказывается мысль о происхожденіи имени „христіанинъ“ въ языческой средѣ. Тацитъ въ своихъ *Анналахъ*, относящихся къ гоненію христіанъ при Неронѣ, говоритъ, что простой народъ въ Римѣ называлъ преслѣдуемыхъ „христіанами“ [1]). Съ ростомъ враждебнаго отношенія это имя становилось въ своемъ родѣ nota turpis. Ап. Петръ убѣждаетъ христіанъ не стыдиться своего имени, но благодарить Бога за него (**1 Петр** IV, 16). Греческая форма (корень) слова Χριστιανός можетъ служить косвеннымъ доказательствомъ, что не Римъ, а Антіохія (**Дн** XI, 26) была его родиной, и очень возможно, что антіохійцы, склонные къ шутливымъ прозвищамъ, первоначально называли такъ послѣдователей Іисуса не изъ серьезнаго намѣренія отмѣтить отличительный признакъ. Интересно, что св. Игнатій Богоносецъ употребляетъ слово „христіанинъ“, какъ антитезу язычества. Можно думать поэтому, что Агриппа, получившій образованіе въ языческомъ Римѣ и знакомый съ Антіохіей, могъ знать это имя, какъ terminus technicus именно послѣдователей Іисуса изъ Назарета. Bethge утверждаетъ, что настоящее названіе Агриппа употребляетъ съ нѣкоторой задней мыслью: Фестъ хочетъ получить отъ него нѣкоторую помощь, чтобы разобраться въ спорныхъ вопросахъ между іудействомъ и христіанствомъ. Своимъ названіемъ сторонниковъ послѣдняго Агриппа подчерки-

[1]) Corn. Taciti *Historiarum libri quinque.* Hannov. 1838, XV, 44.

ваетъ, что для него универсальная религія Распятаго Христа отнюдь не тожественна съ іудействомъ, національно-сепаратнымъ, представителемъ котораго является онъ, Агриппа. Она есть особое религіозное общество, возникшее на почвѣ пророковъ, т. е. изъ іудейской религіи[1]). Кромѣ того, это имя яснѣе всего говорило, кого разумѣетъ онъ въ своихъ словахъ, потому что имя „Христосъ“ полчаса назадъ Апостолъ примѣнялъ къ Мессіи пророковъ (ст. 23).

Ст. 29.

ὁ δὲ Παῦλος· „εὐξαίμην ἂν τῷ θεῷ, καὶ ἐν ὀλίγῳ καὶ ἐν μεγάλῳ οὐ μόνον σέ, ἀλλὰ καὶ πάντες τοὺς ἀκούοντάς μου σήμερον γενέσθαι τοιούτους, ὁποῖος κἀγώ εἰμι, παρεκτὸς τῶν δεσμῶν τούτων“.

εἶπεν послѣ П.—HLP.; „ad quem sic ait“—no Fl., Gig. оп. Παῦλ. | εὐξάμην ℵ*HLP („opto apud deum“—vulg., Gig): εὐξαίμην cAB („orarem“—Fl.) | μεγάλῳ] πολλῷ—HLP | „qui audiunt“—vulg., „qui me aud.“—Gig.

„Павелъ сказалъ: молилъ бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и всѣ, слушающіе меня сегодня, сдѣлались такими, какъ я, кромѣ этихъ узъ“.

На шутливое, съ оттѣнкомъ ироніи, замѣчаніе свѣтскаго, равнодушнаго къ вопросамъ религіи, человѣка, какимъ выказалъ себя здѣсь Агриппа, ап. Павелъ съ глубокой искренностью и достоинствомъ человѣка, сожалѣющаго о низкомъ религіозно-нравственномъ уровнѣ присутствующихъ, съ горькимъ чувствомъ изъ самой глубины сердца высказываетъ свое желаніе.

Царь посмѣялся надъ Апостоломъ, выставилъ его простымъ вербовщикомъ прозелитовъ для своего исповѣда-

---

[1]) Bethge, s. 299 ff.; Wendt, s. 261 f.; Felten, s. 226 f.

нія, который убѣжденъ въ силѣ своего слова и думаетъ, что достаточно нѣсколькихъ фразъ для обращенія въ христіанство: на это Павелъ и отвѣчаетъ.

Онъ уже говорилъ, что обращеніе человѣка къ Богу, къ христіанству не можетъ быть человѣческимъ дѣломъ, а требуетъ помощи Верховнаго Существа (ст. 18), такъ какъ и его, Павла, обращеніе отъ іудейства совершилось на такой именно почвѣ, и, слѣдовательно, о какомъ-нибудь *искусствѣ* для этого не можетъ быть рѣчи. Здѣсь все зависитъ отъ личнаго желанія въ лучшемъ случаѣ, но чаще и послѣднее является результатомъ Божественной помощи. И вотъ Апостолъ какъ бы говоритъ: „я выполнилъ все, что могъ, чтобы показать вамъ, что мой переходъ въ христіанство есть необычное чудо, подчеркивающее истинность христіанства. Вы могли видѣть необходимость обращенія въ христіанство и васъ самихъ; да, я мало говорилъ, мало тратилъ труда здѣсь для выполненія своего апостольскаго служенія, но я не скорблю, что отъ этого будетъ какой-нибудь вредъ, потому что въ этомъ нужна главнымъ образомъ Божественная помощь. Поэтому, я молился бы Богу". „Молился бы"—„εὐξαίμην ἄν" выражаетъ возможность чисто субъективную, т. е. находящуюся въ волѣ говорящаго: „я хотѣлъ бы молиться Богу, если бы я именно былъ долженъ слѣдовать только своимъ мыслямъ, т. е. желанію своего сердца" [1]).

И далѣе опредѣленнѣе раскрываетъ свою мысль.

Агриппа сдѣлалъ ему упрекъ, что онъ „немногимъ" хочетъ обратить его въ христіанство. Павелъ возражаетъ, что въ дѣлѣ обращенія ко Христу не имѣетъ значенія особаго фактора то обстоятельство—„незначительное" или „большое" напряженіе проявлено человѣкомъ обращающимъ (καὶ ἐν ὀλίγῳ καί ἐν μεγάλῳ; καί—καί контрастъ [2])), все зависитъ здѣсь отъ Господа, и Агриппа жестоко ошибается, думая,

---

[1]) Winer *Grammat.* s. 284, b.; vgl. Olshausen, s. 340.

[2]) Winer, ibid. s. 409.

что онъ не обратится потому только, что рѣчь Апостола длилась нѣсколько часовъ, а не день и не два. (Ап. Павелъ беретъ здѣсь новое, противоположное ἐν ὀλίγῳ понятіе ἐν μεγάλῳ [καί—καί] несомнѣнно—въ соотвѣтствіе съ ποιῆσαι Агриппы).

Цѣлью своей молитвы къ Богу (εὔχεσθαι τινί только здѣсь въ Κοινῃ съ слѣд. accus. c. infin. [1])) онъ ставитъ, чтобы не только Агриппа, но и всѣ слушающіе его сегодня сдѣлались (οὐ μόνον σέ, καὶ πάντας τοὺς ἀκούοντας μου σήμερον γενέσθαι—acc. c. inf. отъ εὐχαίμην ср. **2 Кор** XIII, 7: εὐχόμεθα πρὸς τὸν θεὸν μὴ ποιῆσαι ὑμᾶς κακὸν μηδέν) такими, каковъ онъ самъ (τοιούτους, ὁποῖος κἀγώ εἰμι; ὁποῖος—понятіе *общности*, оно подчеркиваетъ, что весь вопросъ не въ принятіи новаго имени, но во внутреннемъ измѣненіи своего религіозно-нравственнаго положенія [2])). Т. е., чтобы обратились къ христіанству, не ожидая, что придетъ какой-нибудь особенно искусный ораторъ и силою слова заставитъ измѣниться въ своихъ убѣжденіяхъ. Только одного не желаетъ Апостолъ своимъ слушателямъ—это кандалъ на рукахъ (παρεκτός—съ род. п. только здѣсь и у **Мѳ** V, 32—δεσμῶν τούτων). Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „сказалъ такъ не потому, чтобы онъ тяготился узами или стыдился ихъ, напротивъ, онъ вмѣнялъ ихъ себѣ въ славу не менѣе, чѣмъ что-либо другое, но примѣнительно къ ихъ понятію“ [3]). „Слушатели были еще весьма слабы, и рѣчь его была примѣнительна къ нимъ. А что онъ цѣнитъ узы высоко, послушай, какъ онъ вездѣ въ посланіяхъ ставитъ ихъ выше всего. Такъ онъ говоритъ: Павелъ узникъ Іисусъ Христовъ (**Еф** III, 1); сего ради великими обложенъ есть, но Слово Божіе не вяжется (**Дн** XXVIII, 20; **2 Тим** II, 9); и еще: даже до узъ, яко злодѣй (**2 Тим** II, 9). Смотри: не только до узъ говоритъ, но и

---

[1]) Schirlitz, s. 175; Zorell, p. 232.

[2]) Bethge, s. 301. ff.

[3]) Златоустъ, II, 376.

прибавляетъ: яко злодѣй, возвышая этимъ славу узъ. Сугубыя страданія, и отъ того, что былъ связанъ, и отъ того, что какъ злодѣй... Если бы онъ былъ связанъ (и никто не сомнѣвался бы, что) за доброе дѣло, то это доставляло бы нѣкоторое утѣшеніе; а теперь связанъ, какъ злодѣй, и какъ уличенный въ тяжкихъ преступленіяхъ; но не смотря на это, онъ нисколько не смущался этимъ. Такова душа, окрыленная небесною любовью“ [1]).

Стихи 30—32. Слѣдствія рѣчи.

Стт. 30—31.

ανέστη τε ὁ βασιλεὺς καὶ ὁ ἡγεμὼν ἥ τε Βερνίκη καὶ οἱ συγκαθήμενοι αὐτοῖς,

καὶ ἀναχωρήσαντες ἐλάλουν πρὸς ἀλλήλους, λέγοντες ὅτι „οὐδὲν θανάτου ἢ δεσμῶν ἄξιον πράσσει ὁ ἄνθρωπος οὗτος“.

καὶ ταῦτα εἰπόντες αὐτοῦ ἀνέστη—HLP., Fl., syr^{p}, C* др. | ἥ τε B., оп. Fl., котор. добавляетъ „omnes“ предъ οἱ συγκαθ. | ἄξ. θαν. ἢ δεσμ. A., Gig. ἄξιον τι ℵA, vulg. (ср. XXV, 25); τι оп. BHLP. Gig., Fl. | *homines isti faciunt*—Gig. | *et secesserunt praexantes inter se 'de eo di[centes]* Fl. | ὅτι опуск. Fl. | θάν. ἄξ. ἢ δεσμ. по Fl. | πράσσει послѣ οὗτος—Fl. |

„(Когда онъ сказалъ это), царь и правитель, Вереника и сидѣвшіе съ ними встали; и отошедши въ сторону, говорили между собою, что этотъ человѣкъ ничего достойнаго смерти или узъ не дѣлаетъ“.

„Всѣ видѣли, что это не простой узникъ; человѣкъ, который могъ приводить доводы, которые приводитъ онъ, и говорить такъ, какъ говорилъ онъ; человѣкъ, столь исполненный и богатый счастьемъ твердой вѣры и спо-

---

[1]) *Бесѣды*, II, 381 сл.

койной совѣсти, что могъ говорить имъ, какъ онъ молится о томъ, чтобы всѣ они—всѣ эти царственные знатные люди могли стать такими же, какъ и онъ, и который даже въ духѣ полнаго прощенія желалъ, чтобы участіе въ его вѣрѣ не соединялось съ участіемъ въ его скорбяхъ и несчастіяхъ,—долженъ быть личностью, какой они еще никогда не видѣли или не знали ни въ мірѣ іудейства, ни въ мірѣ язычества. Но было безполезно продолжать это зрѣлище. Любопытство теперь съ достаточностью было удовлетворено, и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, стало ясно, что хотя и можно считать Павла-Узника мечтательнымъ энтузіастомъ или восторженнымъ фанатикомъ, но онъ никоимъ образомъ не былъ уголовнымъ преступникомъ. Царь, вставая съ своего сѣдалища, далъ знакъ о прекращеніи собранія; Фестъ и Вереника съ своими свитами также поднялись съ своихъ мѣстъ, и когда знатное собраніе начало расходиться, со всѣхъ сторонъ слышались замѣчанія, что Павелъ не заслуживаетъ смерти или заключенія. И въ самомъ дѣлѣ, онъ произвелъ на всѣхъ глубоко благопріятное впечатлѣніе“ [1]).

Св. ев. Лука точно опредѣляетъ порядокъ, въ которомъ покинули залу собранія (ἀναχωρήσαντες не отошли куда-нибудь въ сторону тамъ же, а именно *вышли*—ср. **Мѳ** II, 14, 22; IV, 12; XII, 15; **Ін** VI, 15; **Дн** XXIII, 19—въ какую-нибудь изъ сосѣднихъ комнатъ [2])): сначала поднялся царь Агриппа, за нимъ (τε—καί) Фестъ и (=также [ἥ τε]) Вереника; за ними вышли и всѣ свитскіе военные и гражданскіе чины, занимавшіе почетныя мѣста рядомъ съ царственной четой и римскимъ прокураторомъ (συγκαθήμενοι αὐτοῖς **Мѳ** XIV, 54; ср. выше стр. 131 сл.). Удаляясь изъ ἀκροατήριον, присутствовавшіе долго обмѣнивались впечатлѣніями по поводу рѣчи (ἀναχωρήσατες ἐλάλουν πρὸς ἀλλήλους; подобное сочетаніе подчеркиваетъ продолжитель-

---

[1]) Фарраръ, стр. 672.

[2]) См. выше стр. 129 сл.

ность дѣйствія ἐλάλουν[1]); очевидно, что и войдя въ комнату, высокія особы, вмѣстѣ съ прочими гостями Феста, разговаривали о Павлѣ) Апостола. Сильное впечатлѣніе отъ нея сказалось въ единодушномъ (слѣдовательно, членовъ іудейской депутаціи изъ Іерусалима здѣсь не было, такъ какъ въ противномъ случаѣ Агриппѣ пришлось бы имѣть дѣло съ отрицательными отзывами; ср. выше стр. 143) голосѣ, что на оратора нельзя смотрѣть, какъ на преступника, подлежащаго уголовному наказанію по jus gladii, потому что въ немъ нѣтъ ничего, заслуживающаго смерти или заключенія въ оковы (οὐδὲν θανάτου ἢ δεσμῶν ἄξιον πράσσει ὁ ἄνθρωπος οὗτος; въ настоящемъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе глаголъ πράσσει, praesens котораго, несомнѣнно, употребленъ не столько въ абсолютномъ смыслѣ для обозначенія собственно темпоральной природы дѣйствія, сколько для выраженія продолжительности, чтобы показать, что πράσσει охватываетъ не моментъ, а совокупность дѣйствій, состояній [=ὁ θεὸς ἔστιν[2]]: авторъ хочетъ сказать, что, по словамъ присутствовавшихъ, приходится констатировать совершенную невиновность, полную незапятнанность того труда *миссіонера Христа*, которымъ Павелъ жилъ[3])). Это же отразилось и на содержаніи того elogium'a (litterae dimissoriae), надъ составленіемъ котораго затруднялся Фестъ (см. выше стр. 138): ев. Лука прямо говоритъ, что въ Римѣ Апостолъ пользовался большой свободой, хотя и содержался, какъ узникъ (Дн XXVIII, 30—31). Несомнѣнно, что причиной этого былъ благопріятный отзывъ о Павлѣ прокуратора Феста, доставленный въ Римъ кѣмъ-нибудь изъ центуріоновъ, бывшихъ на собраніи у Феста, который сопровождалъ транспортъ съ аппеллянтами по морю[4]).

---

[1]) Blass *Grammat.* ss. 183, 7, 8; 193, 4.

[2]) Blass *Grammat.* s. 183, 1, 2.

[3]) Vgl. Blass, p. 271; Felten, s. 452; Wendt, s. 531; Bethge, s. 302 usw.

[4]) Neander, cit. op. s. 388

Kod. Gigas даетъ очень интересную интерпретацію настоящаго стиха, замѣняя ὁ ἄνθρωπος οὗτος „homines isti“: „quia nihil morte aut vinculis dignum quid homines isti faciunt“. Само собой понятно, что подъ homines isti разумѣются послѣдователи Іисуса изъ Назарета, представителемъ которыхъ былъ ап. Павелъ; и если бы text. recept. принималъ такую интерполяцію, мы имѣли бы яркое доказательство толерантности кесарійскаго общества іудеевъ къ христіанамъ...

Но если всѣ говорили о невиновности Павла, то царь Агриппа шелъ дальше въ передачѣ своихъ впечатлѣній о личности знаменитаго узника, съ которымъ онъ здѣсь познакомился лично.

Ст. 32.

Ἀγρίππας δὲ τῷ Φήστῳ ἔφη· „Ἀπολελύσθαι ἐδύνατο ὁ ἄνθρωπος οὗτος, εἰ μὴ ἐπικέκλητο Καίσαρα“.
hic homo—Gig.
ℵBHP даютъ болѣе правильную форму—„ἐπεκέκλητο“.

„И сказалъ Агриппа Фесту: можно было бы освободить этого человѣка, если бы онъ не потребовалъ суда у кесаря. (Посему и рѣшился правитель послать его къ кесарю)“.

Св. Дѣписатель частицей δέ и подчеркиваетъ, что царь Агриппа оказался болѣе радикаленъ въ отношеніи своего (ex officio, конечно) подчиненнаго. Онъ прямо высказалъ, что если бы ап. Павелъ („этотъ человѣкъ“) не потребовалъ суда Кесаря въ Римѣ, то онъ могъ бы быть освобожденъ (ἀπολελύσθαι ἐδύνατο ὁ ἄνθρωπος οὗτος, εἰ μὴ ἐπεκέκλητο Καίσαρα; подобное соединеніе двухъ индикативовъ imperf. въ главномъ и plusquamperf. въ придаточномъ съ εἰ предложеніяхъ служитъ для того, чтобы показать, что въ равной мѣрѣ отрицается осуществленіе, какъ условія, такъ

и обусловливаемаго[1]). Что касается пропуска ἄν при ἐδύνατο, какъ того нужно бы ожидать, то это часто встрѣчается въ Κοινη при глаголѣ главнаго предложенія въ imprf. и plsqump. въ придаточномъ, напр. Ін XIX, II: οὐκ εἶχες ἐξουσίαν οὐδεμίαν κατ' ἐμοῦ, εἰ μὴ ἦν σοι δεδομένον ἄνωθεν[2])). Но такъ какъ онъ de jure уже вышелъ изъ низшей судебной инстанціи (выше стр. 25, 74, 83, 85, 88 и др.), то прокуратору не остается ничего болѣе, какъ исполнить это требованіе о посылкѣ въ Римъ.

Слова Агриппы имѣли вѣсъ въ глазахъ Феста, потому что они были выраженіемъ взгляда оффиціальнаго представителя іудейства въ тотъ историческій моментъ. Если въ лицѣ Агриппы іудейство признало политико-государственную благонадежность Павла, освобождавшую его изъ подъ jus gladii прокуратора, то послѣдній могъ уже не безъ основаній утверждать, что причиной ненависти къ нему іудеевъ были не преступленія въ собственномъ смыслѣ, а религіозно-богословскія разногласія, касавшіяся несущества вѣры (Дн XXV, 19), которыя во всякомъ случаѣ не подлежали смертной казни. Поэтому, слова іудейскаго царя были какъ бы ножемъ для совѣсти Феста, потому что онъ, конечно, видѣлъ теперь свою ошибку и пристрастность въ разсмотрѣніи дѣла Павла. Прокураторъ понималъ теперь, что совершенно невиновнаго человѣка, котораго нужно было освободить изъ заключенія еще при первомъ допросѣ, когда выяснилась его неприкосновенность къ сферѣ судебныхъ прерогативъ намѣстника Іудеи, онъ незаконно удерживалъ въ оковахъ и принудилъ его къ аппелляціи. Онъ чувствовалъ теперь, какъ несправедливо отнесся онъ, представитель римской безпристрастности, къ этому великому и благородному человѣку, повторивъ собственно роль Понтія Пилата, только не въ Іерусалимѣ, а въ Кесаріи...

---

1) Winer *Gram.* s. 273, 2, d.
2) Winer *Gram.* s 286, 2, d.

Перемѣнить создавшагося положенія Фестъ уже не могъ, потому что, какъ мы видѣли выше (стр. 88 сл.), съ момента произнесенія аппелляціи узникъ принадлежалъ къ суду Кесаря, и низшая судебно-административная инстанція должна была озаботиться только доставкой аппеллянта и не принимать ничего въ отношеніи его личности. Поэтому, ап. Павелъ могъ бы отказаться говорить о себѣ (ср. выше стр. 143 сл.), чего такъ желалъ Агриппа, если бы не видѣлъ пользы. Онъ былъ бы юридически вполнѣ правъ, какъ Господь Іисусъ Христосъ, отказавшійся отвѣчать прокуратору, когда было совершенно ясно, что требуемый отвѣтъ является просто ненужнымъ любопытствомъ, безполезной формальностью, капризомъ, а не вызывается серьезными соображеніями...

Addenda.

Къ стр. 31. Ad. Deissmann, знатокъ текстовъ Н. З., открытыхъ въ послѣднее время, заявляетъ, что наука еще не имѣетъ данныхъ для установки точныхъ хронологическихъ рамокъ прокуратуры Феста въ Іудеѣ; отсюда, слѣдовательно, и время суда ап. Павла въ Кесаріи остается пока въ области предположеній. См. его работы: *Licht vom Osten*—Das N. T. und neuentdeckte Texte der hellenistisch—römischen Welt. Tübingen, 1909, s. 3; *Paulus*—Eine kultur—und religionsgeschichtliche Skizze. Tübingen, 1911, s. 159 ff.

Западные изслѣдователи нашего времени въ своихъ работахъ часто принимаютъ безъ всякихъ оговорокъ и доводовъ 60-й годъ (лѣто), какъ дату прибытія Феста въ Іудею. См. напр. U. Holtzmeister *Der hl. Paulus vor dem Richterstuhle des Festus* (AG 25, 1—12) въ *Zeitschrift f. kathol. Theolog.* 1912, III, s. 503 f.

Къ стр. 36. Вар. 162 текста H (египетская версія [Ησυχιος]) добавляетъ τῆς πόλεως послѣ πρῶτοι[1]). Эта прибавка сдѣлана переписчикомъ, несомнѣнно, съ той цѣлью, чтобы подчеркнуть оффиціально-административный характеръ свѣтскаго элемента депутаціи предъ Фестомъ. Однако этотъ терминъ πρῶτοι τῆς πόλεως въ настоящемъ случаѣ непримѣнимъ. Онъ встрѣчается только въ

[1]) См. у Soden *Die Schriften des N. T.* 1, 3, Berlin, 1910, s. 1671.

приложеніи къ городамъ съ эллинистическимъ административнымъ строемъ.

Такъ, въ Тиверіадѣ, основанной Иродомъ Антипой, былъ свой особый совѣтъ—„βουλή“ съ 600 членовъ; во главѣ находился особый ἄρχων и при немъ десять выборныхъ депутатовъ, носившихъ имя πρῶτοι [1]). Что же касается *Antt.* XX, 8, 11 τοὺς πρώτους δέκα καὶ Ἰσμάηλον τὸν ἀρχιερέα καὶ Ἐλκίαν τὸν γαζοφύλακα), гдѣ говорится о 10 первыхъ депутатахъ—членахъ, то и Schürer не можетъ признать, что подъ ними разумѣются особые должностные члены Синедріона [2]). Нужно думать, что въ это случайное число „10“ вошли особо уважаемые старые синедріалы.

Philo Leg. ad Caj. T. 2, p. 597, 12: „δικαστοῦ μὲν ἔργα ταῦτα ἦν, καθίσαι μετὰ συνέδρων ἀριστήνδην ἐπιλελεγμένων—ἑκατέρωθεν στῆναι τοὺς ἀντιδίκους μετὰ τῶν συναγορευσάντων, ἐν μέρει μὲν ἀκοῦσαι τῆς κατηγορίας, ἐν μέρει δὲ τῆς ἀπολογίας, πρὸς μεμετρημένον ὕδωρ, ἀναστάντα βουλεύσασθαι μετὰ τῶν συνέδρων, τί χρὴ φανερῶς ἀποφήνασθαι γνώμῃ τῇ δικαιοτάτῃ“ [3]). Къ стр. 59.

Holtzmeister въ качествѣ причинъ аппелляціи ап. Павла считаетъ: 1) опасеніе св. Узника, что на дорогѣ въ Іерусалимъ могутъ убить его и 2) давнее ожиданіе случая для отправки къ христіанской общинѣ въ Римъ [4]). И своей аппелляціей ап. Павелъ 1) обезопасилъ себя отъ всякихъ нападокъ со стороны враговъ, 2) разрѣшилъ свое томительное ожиданіе, 3) вывелъ изъ неопредѣленнаго положенія своего судью. Къ стр. 77.

На первый взглядъ, эти посылки нѣмецкаго изслѣдователя кажутся весьма правдоподобны и естественны. И даже косвен-

---

1) Ios. *Vita*, 13. 57; ср. Schurer, II, s. 172.

2) Schurer, II, s. 201.

3) Взято изъ I. I Wetstenii—*Novum Testamentum Graecum.* Prolegomena. Amstelodami, 1752, p. 636.

4) См. цит. *Der hl. Paulus vor R. d. Fest.* въ *Zt f. kath. Th.* 1912, IV, ss. 755—758.

ныя доказательства автору могъ дать текстъ **Дн** XXV, 7—11, гдѣ, дѣйствительно, такъ дѣло и представляется, что Апостолъ безъ всякаго повода со стороны praeses обращается къ jus appellandi Romam.

Однако съ такой постановкой вопроса согласиться нельзя.

Если бы узникъ на судѣ повелъ себя такъ, какъ это хочетъ представить Holtzmeister, то его сочли бы просто нездоровымъ человѣкомъ и позаботились бы о его лѣченіи. На самомъ дѣлѣ. Открывается судебное засѣданіе у прокуратора. Выступаютъ обвинители. Въ отвѣтъ на ихъ рѣчи praeses обращается къ обвиняемому съ вопросомъ—не хочетъ ли онъ воспользоваться jus revocandi domum? И вотъ, совершенно неожиданно, узникъ, вмѣсто отвѣта, апеллируетъ къ высшему суду!

Конечно, такъ представлять дѣло нельзя.

Римскій судебный процессъ даже въ упрощенной формѣ—cognitio extra ordinem—представлялъ собою стройное цѣлое, отдѣланное въ частяхъ. Какихъ-нибудь неожиданныхъ lapsus'овъ тамъ не могло быть. И св. ап. Павелъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ той стороной римскаго судопроизводства [1]), чтобы допустить такую, въ сущности, выходку, какую навязываетъ ему Holtzmeister. Онъ долженъ былъ стоять на законной почвѣ и особенно считаться съ этимъ при обращеніи къ институту апелляціи, который также былъ стройно кодифицированъ (см. выше стр. 21—25). Даже и въ томъ тяжеломъ положеніи, въ какомъ находился св. Узникъ, нельзя было апеллировать къ Кесарю, потому что подлежащая судебная власть еще не подала никакого повода къ тому. Она просто предложила переводъ дѣла въ Синедріонъ, но это еще не значило, что ex officio она сдѣлала *опредѣленный* намекъ на тотъ или

---

[1]) Ср. Hastings, III, 699_a; Глубоковскій, II, 1197. 1197 сл.

иной *свой приговоръ*. Зачѣмъ же было аппеллировать, когда этого послѣдняго въ самой хотя бы зачаточной формѣ еще не было? Конечно, такую бездоказательную аппелляцію св. ап. Павелъ не могъ бы допустить.

Такую странную постановку дѣла, при которой ап. Павелъ оказывается даже нарушителемъ элементарныхъ правилъ здравой логики, Holtzmeister даетъ, и онъ не могъ не дать, потому, что не обратился къ параллельнымъ мѣстамъ. Выше мы говорили подробно объ этомъ поводѣ къ аппелляціи св. Павла, о которомъ онъ самъ повѣствовалъ римскимъ христіанамъ по прибытіи на судъ Кесаря (**Дн** XXVIII, 17—19 ср. стр. 76 сл.). Такимъ поводомъ послужило то, что когда прокураторъ своимъ предложеніемъ jus revocandi domum фактически призналъ неподсудность и невиновность Узника, іудеи-обвинители начали волноваться, требовать его казни. Быть можетъ, прокураторъ не выдержалъ и былъ готовъ уступить имъ. Conclusio не было сдѣлано имъ, но оно было очевидно для ап. Павла, и тогда онъ обращается къ intercisio.

Такимъ образомъ, судопроизводство у римскаго намѣстника ничѣмъ не отступило отъ основной схемы классическаго процесса, и ап. Павелъ вполнѣ законно воспользовался своимъ jus Latii.

Само собой понятно, что изъ посылки Holtzmeister'а о „случайности“ аппелляціи Апостола должно было сдѣлать выводъ о *своеобразности* аппелляціи. Это и сдѣлалъ нашъ авторъ.

По его мнѣнію, св. Павелъ аппеллируетъ ante sententiam судьи,—слѣдовательно, эта аппелляція *особенная*, потому что ея прецеденты неизвѣстны [1]).

---

[1]) Cit. op. IV, s. 769.

Нѣтъ нужды подробно останавливаться на этомъ мнѣніи Holtzmeister'a, потому что съ устраненіемъ „случайности“ аппелляціи Апостола сама собою отпадаетъ и „своеобразность“ ея. Достаточно привести выдержку изъ аппелляціоннаго статута: Scaevola говоритъ: „ante sententiam appellari potest, si quaestionem in civili negotio habendam judex interlocutus sit, vel in criminali, si contra leges hoc faciat“ [1]). Интересно, что даже T. Mommsen не считаетъ этой аппелляціи ante sententiam необычайной и говоритъ: „я не сомнѣваюсь, что въ раннюю императорскую эпоху было такъ, и повѣствованіе во всемъ существенномъ исторически правильно“ [2]). См. объ этомъ выше стр. 22, 85.

Мы оставляемъ безъ всякаго замѣчанія голословное отри- Къ стр. 79
цаніе Deissmann'омъ [3]) возможности покупки ап. Павломъ права римскаго гражданства. Во всякомъ случаѣ, здѣсь аппелляція къ его личной бѣдности еще ничего не говоритъ противъ имущественной состоятельности его родителей и предковъ [4]).

Въ наукѣ нѣтъ еще никакихъ опредѣленныхъ данныхъ для положительнаго рѣшенія вопроса объ источникѣ римскаго гражданства св. Павла. Изслѣдователю приходится лишь отрицательнымъ путемъ подтверждать слова Апостола о его гражданствѣ. Такимъ методомъ идетъ, напримѣръ, столь внимательный и вооруженный послѣдними научными открытіями, какъ E. Schürer [5]). Ср. также Holtzmeister'a, который въ своей но-

---

[1]) Dig. XLIX, V, 2 см. въ *Corpus juris civilis* ed. stereot. dec. Berol. MCMV, p. 825.

[2]) См. его *D. Rechtsverhaltnisse des Apostels Paulus* въ *Zeitschr. f. neutest. Wissensch.* 1901, s. 95.

[3]) *Paulus,* cit. op. s. 33, 2.

[4]) Ср. Глубоковскій *Благовѣстіе,* II, 899 сл.

[5]) *Geschichte,* III, 85 Ап. 24; ср. также проф. Глубоковскій *Благов. св. ап. П.* II, 885 сл., 891 сл.

вѣйшей спеціальной работѣ объ аппелляціи св. ап. Павла совершенно обходитъ безъ всякаго вниманія такой кардинальный для его работы вопросъ, какъ вопросъ о правѣ св. Узника аппеллировать къ Кесарю [1]).

Между тѣмъ методологическія особенности работы Holtzmeister'a, несомнѣнно, вынуждали его къ обслѣдованію вопроса о jus Latii Павла. Для обрисовки процесса суда надъ ап. Павломъ Holtzmeister обращается не къ анализу текста кн. Дѣяній, какъ онъ обѣщалъ заглавіемъ своей работы [2]), а къ многочисленнымъ и самымъ разнообразнымъ комментаріямъ на кн. Дѣяній, которые когда-либо появлялись. Конечно, при такой методологической ошибкѣ авторъ ничего не сдѣлалъ. Онъ оказался не въ состояніи дать ясную, картинную характеристику процесса суда. По пословицѣ: „за деревьями лѣса не увидалъ!“ Отсюда, при совершенномъ отсутствіи цѣльности, его работа становится рядомъ спорадическихъ замѣчаній на поставленную тему, а не разработкой послѣдней. И только отсутствіемъ прямого анализа подлежащаго текста и можно объяснить такія странныя замѣчанія, какъ, напримѣръ, на стран. 498 (III): „nun fiel aber ein solches durch Spaltung im Iudentum angeblich begangenes Verbrechen auch unter das Römische Strafrecht, ader da erscheint es unter einem anderen Namen: es ist das Majestätsverbrechen“.

Совершенно непонятно: *какъ* могло случиться и *когда* случилось, что *„преступленія“* Павла національно-религіозныя, которыя можно было назвать αἵρεσις (**Дн** XXIV, 5 ср. XXI, 21), съ точки зрѣнія римской юриспруденціи сдѣлались нарушеніемъ lex ambitus? Наоборотъ, матеріальная сторона су-

---

[1]) Ср. цит. изсл. его въ Ztr. f. kat. T.

[2]) *D. hl. Paulus vor d. R—stuhle d. F.* (AG 25, 1—12) см. Zt. f. k. T. 1912, III, s. 489.

да надъ ап. Павломъ особенно интересна тѣмъ, что границы іудейскаго права не были стерты на судѣ у римскаго прокуратора. И jus gentium явилось только вспомогательнымъ средствомъ для римской praeses, незнакомой съ деталями іудейскаго права.

Варріанты: δ3, δ6, текста H и—200 f. текста I (палестинская версія [Ιερουσαλημ; Евсев. Памф.]) замѣняютъ συμβουλίου сроднымъ—συνεδρίου [1]). Къ стр. 86.

Считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя выдержки изъ *Vita* Іосифа Флавія, Светонія, Тацита и Ювенала, характеризующія отношенія между царемъ іудейскимъ Иродомъ Агриппой II и его сестрой Вереникой и вліяніе послѣдней на брата. Къ стр. 100.

„...καὶ δεδώκεις ἃ δίκην—εἰ μὴ βασιλεὺς Ἀγρίππας λαβὼν ἐξουσίαν ἀποκτεῖναί σε (Іуста, который издалъ документъ, представлявшій Іос. Фл. въ невыгодномъ свѣтѣ), πολλὰ τῆς ἀδελφῆς Βερνίκης δεηθείσης οὐκ ἀνελὼν δεδεμένον ἐπὶ πολὺν χρόνον ἐφύλαξεν". „καὶ ἀποθανεῖν δὲ κελεύσας ἅπαξ τῇ ἀδελφῇ Βερνίκῃ πολλὰ δεηθείσῃ τὴν σὴν σωτηρίαν ἐχαρίσατο". „διὰ τί ζώντων Οὐεσπασιανοῦ καὶ Τίτου αὐτοκρατόρων τῶν τόν πόλεμον κατεργασαμένων καὶ βασιλέως Ἀγρίππα περιόντος ἔτι καὶ τῶν ἐκ γένους αὐτοῦ πάντων, ἀνδρῶν τῆς Ἑλληνικῆς παιδείας ἐπὶ πλεῖστον ἡκόντων, τὴν ἱστορίαν οὐκ ἔφερες εἰς μέσον". „...πρὸ γὰρ εἴκοσι ἐτῶν εἶχες γεγραμμένην.—νῦν δ' ὅτ' ἐκεῖνοι μὲν οὐκέτ' εἰσὶν μεθ' ἡμῶν, ἐλεγχθῆναι δ' οὐ νομίζεις, τεθθάρρηκας" [2]).

Вообще объ этой царственной четѣ см. у Іос. Флавія, помимо указаннаго выше въ текстѣ,—*De bel. jud.* II, XI, 6; XIII, 2; XIV, 4; XV, 1; XVI, 3. 5; *Antiquitt.*—XVIII, 5. 4; XIX, 5. 1; XIX, 9. 1; XX, 5. 2; 6. 3; 7. 3; 8. 4 [3]).

---

[1]) См. у Soden'a, cit. op. ss. 1661, 1664, 1715.

[2]) *Opera* ed. Niese, vol. IV, Berl. 1890, pp. 376 ff.

[3]) *Opera* ed. Niese, vol. VI: pp. 196, 202, 208, 213, 218, 229; vol. IV, pp. 164, 258, 271, 293, 299, 300, 303.

Suetonius—„suspecta in eo etiam luxuria erat—nec minus libito propter—insignem reginae Berenices amorem, cui etiam nuptias pollicitus ferebatur—Berenicen statim ab Urbe dimisit, invitus invitam“ (*Titul. 7*).

Iuvenalis—„Adamas notissimus, et Berenices in digito factus praetiosior, hunc dedit olim Barbarus incestae dedit hunc Agrippa sorori, observant ubi festa mero pede Sabbata reges, et vetus indulget senibus clementia porcis“ (VI, 155).

Tacitus—„fuere qui accensum desiderio Berenices reginae vertisse iter crederent, neque abhorrebat a Berenice juvenilis animus. mox per occultos suorum nuncios excitus ab Urbe Agrippa, ignaro adhuc Vitellio, celeri navigatione propepaverat; nec minore animo regina Berenice partes juvabat, florens aetate formaque, et seni quoque Vespasiano magnificentia munerum grata“ [1]).

Къ стр. 108. Soden указываетъ редакцію—ἐνεφανίσθησαν—варіанта b1 текста H [2]). Выше (стр. 36) мы видѣли, что глаголъ ἐμφανίζω въ дѣйств. зал. имѣетъ значеніе „показывать на кого“, „дѣлать видимымъ“, въ каковомъ значеніи мы и приняли „ἐνεφάνισαν“ въ ст. 2 (XXV гл.). Редакторъ указываемаго Soden'омъ вар. настоящаго стиха, несомнѣнно, для большей легкости рѣчи принялъ форму страд. аор., тожественную съ **Me** XXVII, 53—„ἐνεφανίσθησαν πολλοῖς“.

Къ стр. 119. Δεισιδαιμονία—*reverentia numinis, pius Dei (deorum) cultus*—Pol. 6, 56, 7; Diod. Sic.; Ios. Flav. *Superstitiosus* τῶν δαιμόνων *cultus*—Plut. *Alex.* 75 [3]).

Къ стр. 124. Deissmann разсматриваетъ **Дн** XXV, 21 „εἰς τὴν. . . διάγνωσιν“, какъ техническое выраженіе въ устахъ римскаго юри-

---

[1]) *Hist.* II, 2—vol. [instr. Ruperti] III.

[2]) Cit. op. s. 1655.

[3]) См. у Zorell, p. 118; Ebeling, s. 91.

ста, потому что διάγνωσις=cognitio. Интересную параллель этому онъ видитъ въ одной надписи II в. по Р. Х.: „ἐπὶ... διαγνώσεων τοῦ Σεβαστοῦ“=„a...cognitionibus Augusti“ [1]). Не можетъ ли это обстоятельство подтверждать нашу мысль о веденіи дѣла Павла по формѣ cognitio extra ordinem (см. выше стр. 88—95)? Терминомъ διάγνωσις Фестъ могъ обозначить не просто разбирательство дѣла Кесаремъ, а именно употребить его, какъ terminus technicus специфической формы судопроизводства того времени. Прокураторъ дѣлаетъ метафору, такимъ образомъ, т. е. тѣмъ словомъ, которое тогда обозначало „судъ“ въ императорскихъ провинціяхъ (διάγνωσις=cognitio—см. стр. 94), называетъ предстоящій процессъ въ Римѣ у Кесаря.

Варіантъ $A^{пр}$ (комментарій на Дѣян. и Соборн. посл. Андрея) текста I (палест. верс. Евс. Памф.) имѣетъ μου послѣ κυρίῳ [2]). Κυρίῳ...—Tacitus—„*acerbe increpuit eos, qui divinas occupationes, ipsumque Dominum dixerant*“ [3]). Horatius—„*terrarum Dominos evehit ad deos*“ (*Od.* I. 1. 6). Ovidius—„*haec decet ad dominos munera ferre deos*“ (*Amor.* III, 10, 48). Plut. Brut. „τοῖς προσαγορεύουσιν αὐτον βασιλέα καὶ κύριον, ἀποκρινόμενος· οὔτε βασιλεὺς οὔτε κύριος τοῦ δὲ κυρίου καί βασιλέως φονεὺς καὶ κολαστής“. Tertullianus—„*Augustus imperii formator ne Dominum quidem dici se volebat. Et hoc enim dei est cognomen. Dicam plane Imperatorem Dominum: sed more communi; sed quando non cogor, ut Dominum Dei vice dicam*“ [4]).

Къ стр. 138.

Указанная редакція XXVI, 3 вполнѣ согласна съ варр.

Къ стр. 143.

---

[1]) *Licht vom Osten*, cit. op. s. 257, 1.
[2]) Soden, cit. op. s. 1732.
[3]) *Annal.* II, 87—ed. Ruperti vol. I.
[4]) См. у Wetstenii, p. 631.

δ2, δ3, δ48 текста H и K' текста K (Антіохійская версія—Lucian) [1]).

Къ стр. 150. Эти полномочія блюстителя церковныхъ интересовъ страны выражались въ обязанности надсматривать за храмомъ, храмовыми сокровищами и въ правѣ назначать (утверждать) первосвященника. Впервые съ такими полномочіями, выраженными вполнѣ опредѣленно, мы встрѣчаемся въ исторіи Ирода Халкидскаго. Іосифъ говоритъ, что этотъ βασιλεύς, награжденный преторскимъ званіемъ, просилъ у имп. Клавдія „τὴν ἐξουσίαν τοῦ νεὼ καὶ τῶν ἱερῶν χρημάτων καὶ τὴν τῶν ἀρχιερέων χειροτονίαν", и, добавляетъ іудейскій историкъ,—„πάντων ἐνέτυχεν" [2]). Весьма возможно, что до Ирода Халкидскаго эти полномочія находились въ рукахъ римскихъ прокураторовъ. И такая просьба была вызвана желаніемъ іудеевъ избавиться отъ нечистаго прикосновенія язычниковъ къ свв. предметамъ.

Послѣ смерти Ирода Халкидскаго его племянникъ царь Агриппа II получилъ въ 50 г. дядину область около Ливана (см. выше стр. 99). Благоволеніе имп. Клавдія къ молодому іудейскому царю выразилось также и въ томъ, что Агриппа „ἐπεπίστευτο γὰρ ὑπο Κλαυδίου Καίσαρος τὴν ἐπιμέλειαν τοῦ ἱεροῦ" [3]). О переходѣ къ Агриппѣ права назначенія (=утвержденія) первосвященника мы не имѣемъ указаній у Іосифа. Но это доказывается фактически. Такъ, отъ Іосифа извѣстно, что Агриппа II *утвердилъ въ первосвященническомъ достоинствѣ* слѣдующихъ лицъ: Измаила сына Фабія (59—61 г.г.) [4]), Іосифа Каби (Καβὶ) сына первосвященника Симона (61—62г.г.) [5]),

[1]) Soden, cit. op. ss. 1659, 1660, 1667, 1683, 1770.

[2]) *Antt.* XX, I, 3—*Opera* ed. Niese, vol. IV, p. 279.

[3]) *Antt.* XX, 9, 7. *Opera*, ed. Niese, vol, IV, p. 313.

[4]) *Antt.* XX, VIII, 8. II ср. *Bel. jud.* VI, II, 2 [*Opera*, vol. IV, pp. 306, 309; vol. VI, p. 527].

[5]) *Antt.* XX, VIII, II ср. *Bel. jud.* VI, II, 2 [*Opera*, vol. IV, p 309; vol. VI, p. 527.

Анана сына Анана (62 г.) [1]), Іисуса сына Дамная (62—63 г.г.) [2]), Іисуса сына Гамаліила (63—65 г.г.) [3]), Матѳея сына Ѳеофила (65 и сл. г.г.) [4]).

Не претендуя на особенную свѣжесть матеріала, остановимся нѣсколько на начальномъ воспитаніи св. Павла вообще и на тѣхъ іудейско-фарисейско-раввинскихъ воззрѣніяхъ и упованіяхъ, которыхъ держалась современная Павлу іудейская богословская мысль. Къ стр. 154.

Св. ап. Павелъ въ своей рѣчи съ крѣпостной лѣстницы въ Іерусалимѣ сказалъ: „я іудеянинъ, рожденный въ Тарсѣ Киликійскомъ“ (Ἐγὼ μέν εἰμι ἀνὴρ Ἰουδαῖος, γεγεννημένος ἐν Ταρσῷ τῆς Κιλικίας—**Дн** XXII, 3). Какъ мы видѣли выше (стран. 78—82), родители Павла были люди привиллегированные, владѣвшіе правомъ римскаго гражданства.

Культурный Тарсъ и римское гражданство родителей Павла.

Вотъ эти два обстоятельства—происхожденіе изъ культурнаго малоазійскаго города и весьма возможная и допустимая при привиллегированности имущественная состоятельность—и даютъ возможность хотя приблизительно охарактеризовать начальное воспитаніе Павла.

Въ римскую эпоху Тарсъ былъ большимъ городомъ, крупнымъ культурнымъ центромъ, въ своемъ родѣ митрополіей одной изъ значительныхъ восточныхъ провинцій. Страбонъ [5]) говоритъ о Тарсѣ, какъ объ университетскомъ городѣ, гдѣ было

---

[1]) *Antt.* XX, IX, I [*Opera*, vol. IV, p. 309].

[2]) *Antt.* XX, IX, I и 4 ср. *Bel. jud.* VI, II, 2 [*Opera*, vol. IV, pp. 310 и 312].

[3]) *Antt.* XX, IX, 4. 7 [*Opera*, vol. IV, pp. 311, 313].

[4]) *Antt.* XX, IX, 7 ср. *Bel. jud.* VI, II, 2 [*Opera*,, vol. IV, p. 313; vol VI, p. 527].

[5]) *Geogr.* XIV, 5, 13.

сильно греко-римское образованіе, неуступавшее по своей интенсивности Аѳинамъ и Александріи. Здѣсь было много риторскихъ школъ, въ которыхъ на первый планъ выступало знакомство и изученіе классиковъ на ихъ оригинальномъ языкѣ. Тѣсныя и постоянныя сношенія Тарса съ міровыми интеллектуальными центрами того времени должны были необходимо отражаться на подъемѣ образованія и просвѣщенія тарсянъ. И дѣйствительно, исторически извѣстно, что отсюда вышелъ не одинъ ученый риторъ и философъ [1]). Эллинскій строй просвѣщенія въ Тарсѣ, несомнѣнно, проникалъ и въ начальныя школы, въ которыхъ также греческій языкъ былъ на первомъ мѣстѣ.

Жившіе въ Тарсѣ евреи довольно рѣзко отличались отъ своихъ іерусалимскихъ собратій, которые вообще нетерпимо относились къ эллинскому образованію [2]). Малоазійскіе евреи болѣе свободно относились къ языческой учености и mutatis mutandis подъ вліяніемъ среды должны были перенимать многіе эллинскіе обычаи, языкъ и пр. [3]). Св. ап. Павелъ владѣлъ греческимъ языкомъ, чему удивился римскій офицеръ, считавшій его за обычнаго іерусалимскаго еврея (**Дн** XXI, 37). Можно думать, что этимъ Павелъ былъ обязанъ своимъ родителямъ, которые позаботились дать сыну въ дѣтствѣ эллинское образованіе. Доказательствами этого могутъ служить нѣкоторыя чисто-литературныя особенности св. Писателя. „Въ рѣчахъ Господа Спасителя все дышетъ просторомъ полей и простотой деревни, откуда берутся примѣры иллюстрацій и краски живописаній;—эллинскій благовѣстникъ избѣгаетъ такихъ пріемовъ: у него совсѣмъ иная атмосфера городской жизни и нравовъ, дающихъ матеріалъ для пластической обрисовки. Тутъ замѣтенъ

---

[1]) См. у Hastings'a, vol. IV, p. 687.

[2]) Schürer, II, s. 66.

[3]) Ramsay *St. Paul the trav. and the rom. cit.*, p. 151.

культурный горожанинъ". „Весьма знаменательно, что Апостолъ языковъ не рѣдко пользуется примѣрами ристалищъ и разныхъ зрѣлищъ, между тѣмъ іудеямъ рѣшительно воспрещались посѣщеніе театра и участіе въ состязаніяхъ. Здѣсь неотразимое свидѣтельство, что для Савла было невозможно избѣжать впечатлѣній окружавшей языческой среды и онъ воспринималъ ея вліяніе, хотя бы не прямо и не сознательно, или не по намѣренному усвоенію эллинизма"[1]). Итакъ, въ дѣтствѣ св. ап. Павелъ могъ испытать вліяніе эллинскаго образованія—если и не чрезъ пребываніе въ той или другой школѣ какого-нибудь тарсійскаго ритора, то чрезъ соприкосновеніе съ эллинской средой.

Наука не имѣетъ данныхъ, которыя съ полной очевидностью и опредѣленностью говорили бы объ обученіи св. Павла въ какой-нибудь тарсійской эллинской школѣ. Здѣсь приходится только констатировать наличность въ немъ эллинской интеллектуальной складки, по вопросу же объ источникѣ этой послѣдней—предполагать возможность, въ крайнемъ случаѣ, непрямого вліянія эллинскаго просвѣщенія.

Національно-іудейское воспитаніе Павла.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ вопросомъ о національномъ образованіи Апостола въ дѣтствѣ.

Въ своей рѣчи въ Синедріонѣ, послѣ ареста въ храмѣ, Павелъ опредѣленно заявилъ, что его отецъ—*фарисей* (**Дн** XXIII, 6). Это очень важное обстоятельство въ нашемъ вопросѣ, потому что оно опредѣляетъ характеръ и направленіе послѣдняго.

Іудаистическая церковность современниковъ Павла.

Выше мы не разъ подчеркивали особенную, исключительную церковность іудеевъ анализируемой эпохи. Эта церковность перешла въ положительное настроеніе сыновъ народа Божія особенно послѣ возвращенія изъ плѣна, когда нѣкогда сильный,

---

[1]) Глубоковскій *Благовѣстіе* II, стр. 882—883.

властный народъ еврейскій увидѣлъ себя совершенно одряхлѣвшимъ, потерявшимъ прежнюю политическую мощь. Всегда чуткое народное чувство познало причину всѣхъ послѣднихъ своихъ истощеній въ слишкомъ легкомъ, свободномъ и неблагодарномъ отношеніи къ Тому, Кто поднялъ небольшое племя на высоту могучаго народа, окружая его своими милостями съ провиденціальными цѣлями. Измѣна такому Завѣту Бога съ избраннымъ народомъ—вотъ причина всѣхъ бѣдствій. Эта реакція свою хорошую сторону имѣла въ томъ, что раскаявшійся народъ началъ стремиться всѣми средствами къ оживленію отношеній къ Іеговѣ. И логическимъ слѣдствіемъ всего этого явилось какое-то фетишистическое вниманіе къ книгѣ Закона, въ которой выражена воля Іеговы. „Кто утверждаетъ, что Тора не съ неба, тотъ не будетъ имѣть никакого участія въ будущемъ мірѣ и кто говоритъ, что Моисей даже одинъ стихъ отъ себя написалъ, тотъ лжецъ и презритель Слова Божія“— громко звучалъ талмудическій трактатъ [1]).

Самая личность Моисея окружалась особеннымъ яркимъ ореоломъ. Онъ считался отцемъ всего знанія, изобрѣтателемъ письма, которое передалъ финикійцамъ, а отъ нихъ оно перешло къ эллинамъ. Египтяне обязаны ему всей своей культурой. Въ пути чрезъ пустыню Моисей вызвалъ изъ скалы воду, и послѣ все время странствованія эта чудная скала двигалась за евреями [2]).

Значеніе изученія Закона.

Въ виду такого высокаго, божественнаго достоинства Закона въ сознаніи послѣплѣннаго іудейства вполнѣ понятны были такія изреченія: „кто не знаетъ Закона, тотъ проклятъ!“ (Iн

---

[1]) Sanhedr. X, I и вав. Sanhedr. 99a. Вз. у Schurer'a, II, s, 307; ср. Бернфельдъ *Іудаизмъ* въ *Евр. Энциклопед.*, т. VIII, стр. 960.

[2]) См. у Schürer'a, II, s, 343.

VII, 49). Отсюда, въ *изученіи* Закона полагалась *жизнь* разумнаго существа. Раввины развили это положеніе въ самыхъ яркихъ краскахъ.

Знаменитый Гиллель изрекаетъ: „невѣжда (въ Законѣ) не можетъ быть истинно благочестивъ“; „чѣмъ больше учить Законъ, тѣмъ больше жизни... Кто знаніе Закона пріобрѣлъ, тотъ и жизнь въ будущемъ мірѣ получитъ“. Раввинъ Хананайя бенъ Терадіонъ говорилъ: „если двое сидятъ и говорятъ не о Законѣ, то у нихъ сборище зубоскаловъ, о которомъ сказано такъ: не сиди, сидятъ зубоскалы. Но если двое соберутся и говорятъ о Законѣ, то Шехина между ними“. Раввинъ Нехорай сказалъ: „я оставляю всякое дѣло въ сторонѣ и учу своего сына только Закону“ [1]). Это послѣднее изреченіе ученаго раввина особенно интересно для насъ, потому что ясно говоритъ о томъ, какъ высоко ставилось изученіе Закона въ семьяхъ представителей законничества. Конечно, вполнѣ допустимо, что эта острота требованій нѣсколько умѣрялась эллинистической средой города Тарса, и отецъ Павла—фарисей—могъ не столь ригористично выполнять *заповѣдь* о наученіи сына Закону, какъ это дѣлалъ іерусалимскій раввинъ Нехорай. Это сказалось, какъ мы допустили выше, прежде всего въ томъ, что онъ не удалялъ Павла отъ знакомства съ эллинизмомъ и, быть можетъ, далъ ему систематическое образованіе въ одной изъ начальныхъ языческихъ школъ Тарса.

Домашнее ученіе у іудеевъ.

Ученіе начиналось у іудеевъ разсматриваемой эпохи въ самую раннюю пору дѣтскаго возраста и продолжалось, строго говоря, всю жизнь. Въ этомъ случаѣ основаніемъ служило слѣдующее изреченіе, которое, несомнѣнно, для большей внушитель-

[1]) Schürer, II, s. 419. См. вообще у I. Iost *Geschichte des Iudentums und seiner Secten*, 1 Abth., Leipzig, 1857, ss. 90—99; С. Бернфельдъ *Галаха* въ *Еврейской Энциклопедіи*, т. VI, С.-Пб. 1910, стр. 36—37.

ности приписывалось Моисею. Его намъ передаетъ Іосифъ. „Дѣти должны учить прежде всего законы, потому что это самое лучшее ученіе и условіе счастья“ (*Antt.* IV, VIII, 12: μανθανέτωσαν δὲ καὶ οἱ παῖδες πρώτους [πρῶτον] τοὺς νόμους, μάθημα κάλλιστον καὶ τῆς εὐδαιμονίας αἴτιον).

Конечно, вполнѣ естественно, что первое знакомство съ основоположеніями жизни іудейства ребенокъ получалъ въ своей семьѣ отъ отца, который долженъ былъ передать ему самое главное и основное изъ теистическаго міросозерцанія. Рекомендовалось въ этотъ возрастъ заставлять ребенка заучивать отрывки изъ кнн. *Второзак.* VI, 4—9, XI, 13—21, *Числ.* XV, 37—41, нѣкоторыя притчи, стихи изъ псалмовъ и пр. [1]) И разумѣется, отецъ Павла, какъ фарисей, могъ выполнить это съ особеннымъ удобствомъ.

Школьно-синагогальное обученіе.

Съ школьнымъ возрастомъ кончалось домашнее воспитаніе, и мальчика отдавали въ особую подготовительную начальную школу. Это не было собственно актомъ желанія или выбора родителей, а было опредѣлено въ качествѣ заповѣди. Извѣстный раввинъ Симонъ бенъ Шетахъ прямо категорически заявляетъ: „дѣти должны посѣщать начальную школу“ [2]). Съ момента поступленія въ такую школу и начиналось собственно ученіе, цѣлью котораго ставилось подготовленіе къ болѣе серьезному и прямому изученію закона.

Мы не имѣемъ подробныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ свѣдѣній объ этихъ начальныхъ школахъ іудейскихъ. Одна талмудическая традиція сообщаетъ, между прочимъ, что Іисусъ сынъ Гамаліила (несомнѣнно, первосвященникъ—ставленникъ Агриппы II 63—65 гг. См. **Addenda** къ стр. 150) распоряцился,

---

[1]) Kennedy у Hastings, I, p. 650.

[2]) Талм. Іер. Kethuboth, VIII. II, p. 32 b.—см. у Kennedy *Education* въ Hastings *Dict.* vol. I, p. 649.

чтобы въ каждой провинціи и каждомъ городѣ были особые учителя, къ которымъ всѣ должны приводить своихъ дѣтей въ возрастѣ 6—7 лѣтъ для обученія Закону. Традиція восхваляетъ этого раввина, такъ какъ безъ него „забыли бы Законъ въ Израилѣ“ [1]).

Schürer не считаетъ возможнымъ признать за этими начальными іудейскими школами какую-нибудь особую опредѣленную организацію, однотипность и т. д. [2]). Вѣроятнѣе всего, что въ каждомъ городѣ съ іудейскимъ населеніемъ нужды обученія дѣтей вызывали къ жизни такія школы, въ которыхъ руководителями бывали часто случайныя лица, но, конечно, съ нѣкоторымъ цензомъ. Это послѣднее было тѣмъ естественнѣе, что вообще начальная іудейская школа для дѣтей 6—7-лѣтняго возраста и выше находилась въ самой тѣсной связи съ синагогой [3]). Мы имѣли случай говорить, что въ этотъ періодъ іудейской исторіи въ каждомъ селеніи была своя синагога, которая и служила школой для дѣтей въ свободное отъ собраній время. Если же гдѣ не было синагоги, школа могла помѣщаться въ домѣ учителя [4]), отъ котораго, конечно, требовалось основательное знакомство съ Закономъ.

Учитель.

Отсюда, съ особымъ удобствомъ, дѣйствительно, функціи учителя могъ исполнять тотъ ὑπηρέτης—служитель, завѣдующій синагогой, на обязанности котораго и лежало хранить книгу закона для субботнихъ чтеній (**Лк** IV, 20).

По мнѣнію Kennedy, чаще всего такими учителями въ синагогальныхъ школахъ были тѣ книжники (γραμματεῖς), о ко-

---

[1]) См. у Schurer'a, II, s. 424, Anm. 29.

[2]) Ib. s. 224.

[3]) Hastings, I, p. 649.

[4]) Ср. Григоровичъ *О воспитаніи еврейскаго юношества въ Ветхомъ завѣтѣ* въ журн. *Вѣра и Разумъ* 1898 г. № 15, стр. 162.

торыхъ выше была рѣчь (стр. 17 сл.). Эти книжники могли также завѣдывать синагогой [1]). Оффиціальнымъ именемъ ихъ было „равви“.

Нѣтъ нужды особенно доказывать, что въ такомъ большомъ и культурномъ центрѣ Киликійской провинціи, какъ Тарсъ, существовали синагоги. Если, по признанію Schürer'а, выходцы изъ Тарсійской области устроили себѣ въ Іерусалимѣ особенную синагогу [2]), то изъ этого можно заключить, что они *не хотѣли* бывать въ іерусалимскихъ синагогахъ. Причину этого можно полагать въ томъ, что эти послѣднія могли разниться отъ ихъ родныхъ синагогъ, на которыхъ, вѣроятно, сказалось эллинистическое вліяніе.

Въ одной изъ этихъ тарсійскихъ синагогъ, т. е. въ синагогальной школѣ, Павелъ и долженъ былъ получить начальное образованіе.

Занятія въ синагогальныхъ школахъ.

Что касается самаго предмета преподаванія въ этихъ начальныхъ іудейскихъ школахъ, то уже апріористически можно догадываться, что оно все свое содержаніе брало исключительно изъ Закона.

Съ поступленіемъ въ школу мальчика прежде всего мѣнялся методъ ученія: устное преподаваніе дополнялось знакомствомъ съ самымъ текстомъ св. Писанія. Начиналось въ собственномъ смыслѣ обученіе грамотѣ, причемъ въ нашемъ смыслѣ *букваремъ* служилъ св. текстъ.

Такимъ образомъ, уже съ самыхъ первыхъ моментовъ пребыванія въ школѣ мальчикъ постепенно свыкался съ св. книгами, знакомился съ текстомъ Торы. И за *чтеніемъ* въ

---

[1]) См. у Hastings, I, p. 650

[2]) Ср. Schürer, II, ss. 65 (особ. Anm. 212), 431_6.

этомъ смыслѣ гораздо строже смотрѣли, чѣмъ за обученіемъ *письму*.

Традиція точно опредѣляла, сколько времени нужно было находиться въ школѣ и что изучать тамъ. Съ пяти-шести лѣтъ начиналось чтеніе Писанія; съ десяти—изученіе Мишны; съ тринадцати—начиналась уже собственно сознательная и отвѣтственная жизнь, когда отъ учениковъ требовалось выполненіе Закона. Въ пятнадцать лѣтъ позволялось знакомство съ Талмудомъ, и въ 18 лѣтъ юноша считался взрослымъ, способнымъ къ браку [1]). Нѣсколько свѣтскій тонъ вносило въ преподаваніе въ іудейскихъ школахъ знакомство учениковъ съ элементами ариѳметики. Въ остальномъ преподаваніе не отступало отъ общецерковнаго духа и настроенія. Даже знакомство съ общей исторіей и естествознаніемъ исключалось [2]).

Итакъ, въ теченіе школьнаго обученія мальчикъ іудейскій все время находился въ близости къ Закону. Въ періодъ домашняго воспитанія онъ, главнымъ образомъ, заучивалъ тѣ отдѣлы изъ св. законоположительныхъ книгъ, въ которыхъ была выражена прямая воля Іеговы. Здѣсь впервые воспріимчивая душа ребенка безсознательно чувствовала строгость номизма, непреклонность воли карающаго за неисполненіе закона Бога. Умѣлый отецъ могъ съ полнымъ успѣхомъ привить дѣтскому сознанію страхъ къ Іеговѣ и священное благоговѣніе къ книгамъ, въ которыхъ выражена эта суровая воля. Но здѣсь еще не было отчетливости въ воспріятіи, велѣнія Іеговы заучивались на память, какъ молитвы, безъ всякаго объясненія. Этотъ недостатокъ и восполнялся, главнымъ образомъ, пребываніемъ въ синагогальной школѣ.

---

[1]) Kennedy у Hastings, I, p. 650.
[2]) Kennedy, pp. 650—651.

Въ этотъ второй періодъ обученія — школьный — законы Іеговы представлялись уже въ другой обстановкѣ. Начиналось изученіе самого текста законоположительныхъ книгъ, т. е., иначе говоря, частичное повтореніе матеріала, уже извѣстнаго по устной передачѣ, чрезъ чтеніе текста.

Характеристика учителей въ синагогальныхъ школахъ.

Переходимъ къ характеристикѣ самихъ учителей въ синагогальныхъ школахъ, которыхъ мы отнесли просто къ γραμματεῖς Само собою понятно и исторически вполнѣ допустимо, что очень часто къ преподаванію юношеству закона приглашались или же сами приступали лица особенно ученыя, уважаемыя въ общинѣ за свой опытъ и талантъ. Мы разумѣемъ здѣсь тѣхъ „законниковъ“, которые въ анализируемую эпоху отдѣлились силою вещей отъ священства въ собственномъ смыслѣ и избрали своей главной задачей изученіе и объясненіе Закона. Іосифъ называетъ ихъ „ἐξηγηταὶ πατρίων νόμων“ (*Antt.* XVII, VI, 2 [1]) ср. *Antt.* XVIII, III, 5—φυλακὴ τῶν πατρίων νόμων [2])), „σοφισταί“ (*Bell. jud.* I, XXXIII, 2 ср. II, XVII, 8, 9 [3])), „ἱερογραμματεῖς“ (*Bel. jud.* VI, V, 3 [4])). У новозавѣтныхъ св. писателей мы встрѣчаемъ болѣе точныя названія этихъ „учителей“, которыя прямо указываютъ на ихъ главное занятіе Закономъ. Это — „νομικοί“ — „знатоки Закона“, „ученые юристы“ (ср. **Мѳ** XXII, 35; **Лк** VII, 30; X, 25; XI, 45. 52; XIV, 3)—опредѣленіе, такъ сказать, по существу. Кромѣ того, встрѣчается и другое названіе (преимущественно у ев. Луки), которое касается уже рода жизни этихъ νομικοί, именно—„νομοδιδάσκαλοι“—„*учителя* Закону“ (**Лк** V, 17; **Дн** V, 34). Такой эпитетъ ев. Лука прилагаетъ къ знаменитому

---

[1]) *Opera*, ed. Niese, IV, p. 96.
[2]) Ib. p. 155.
[3]) *Opera*, VI, pp. 148, 234. 235.
[4]) *Opera*, VI, p. 551.

книжнику своего времени Гамалiилу (**Дн** V, 34), которому ап. Павелъ былъ обязанъ своимъ *законничествомъ* (**Дн** XXII, 3). Эти своеобразные ученые въ глазахъ простой народной массы стояли очень высоко, потому что сами старались подчеркивать свое положеніе „учителей“ [1]). Это удавалось, и въ народѣ ихъ почтительно называли „ῥαββί“ (**Мѳ** XXIII, 7).

Горделивое сознаніе раввинами своего превосходства надъ простымъ народомъ—„невѣждой въ Законѣ“, которое такъ сильно и рѣзко обличалъ Спаситель (**Мѳ** XXIII, 6—7; **Мр** XII, 38—39; **Лк** XI, 43; XX, 46), сказывалось прежде всего въ обращеніи съ учениками. Можно сказать, что такое обращеніе было возведено въ систему, какъ надежное дидактическое средство. Раввины требовали себѣ самаго высокаго и полнаго почтенія. „Почтеніе къ учителю должно быть выше почтительности къ отцу, потому что сынъ и отецъ обязаны почтительностью къ учителю“. И только Богъ выше раввина: „пусть твоя почтительность къ учителю не превосходитъ благоговѣйнаго страха предъ Богомъ“. Интересно объясненіе преимуществъ учителя предъ отцомъ: „отецъ явилъ его (сына) въ *этотъ* міръ. Учитель, научающій его мудрости, готовитъ его къ жизни въ будущемъ мірѣ“ [2]). Характерно, что раввинская казуистика такое положеніе учителя основывала на **Втор** VI, 13: „Господа Бога твоего бойся“. Съ теченіемъ времени раввины начали находить особенный смыслъ даже въ необходимыхъ для рѣчи служебныхъ словахъ и буквахъ. Нахумъ-ишъ-Гимзо училъ, что предлогъ „эт“ въ мѣстоименныхъ формахъ долженъ указывать на какое-нибудь „прибавленіе“ къ существительному, предъ которымъ стоитъ. Исходя изъ этого, рав-

---

[1]) Ср. Hastings, IV, p. 690.

[2]) Schurer, II, s. 317.

винъ Акиба училъ, что „эт“ предъ существительнымъ съ мѣстоименіемъ въ приведенномъ выраженіи—„Господа Бога твоего бойся“—указываетъ на *ученыхъ мужей*, которыхъ нужно бояться наравнѣ съ Богомъ! [1]).

Такъ, отъ ученика раввинъ требовалъ прежде всего безусловнаго послушанія и довѣрія къ себѣ. Учитель—высшій авторитетъ и критерій во всемъ, потому что онъ знаетъ Законъ, а знающему Законъ открыто все [2]).

Предметы изученія въ школѣ.

Между ученикомъ и учителемъ образовывалась такая тѣсная нравственная связь, что ученикъ совершенно терялъ свою волю и свободное отношеніе къ воспринимаемому на урокахъ раввина [3]).

Полный самаго глубокаго почтенія къ своему учителю, ученикъ покорно съ его словъ или же чрезъ чтеніе усваивалъ Тору. Это давало основные принципы, схему, которая, однако, въ системѣ іудейскаго обученія была лишена *главнаго* значенія, потому что Законъ въ своемъ чистомъ видѣ уже не имѣлъ того интереса, какъ въ первые моменты пребыванія въ Землѣ Обѣтованной. Въ анализируемую эпоху достоинство Закона искусственно нужно было поддерживать чрезъ рядъ особыхъ *компромиссныхъ приспособленій* къ жизни [4]). Вотъ изучить всю эту сложную систему *пониманій* и *толкованій* прямыхъ тезисовъ Закона, иначе говоря—*всю сумму мнѣ-*

---

[1]) Каценельсонъ *Евр. Энц.* VIII, стр. 225.

[2]) Ср. Григоровичъ, цит. ст. стр. 163 сл.

[3]) Даже взрослому вмѣнялось въ обязанность никогда не отступать отъ ученія своего учителя. Нельзя было отступать даже отъ буквы, отъ выраженій учителя: «всякій долженъ учить словами своего учителя» (Schurer, II, s. 325).

[4]) См. вообще Л. Каценельсонъ *Интерпретація Моисеевыхъ законовъ въ Еврейской Энциклопедіи* (ред. Л. Каценельсона и Д. Гинцбурга), т. VIII, СПБ. 1911, стр, 210—229.

ній ученыхъ истолкователей о смыслѣ послѣдняго и было цѣлью пребыванія въ синагогальной школѣ. Дѣло усложнялось особенно тѣмъ, что предметомъ подобныхъ толкованій были постановленія и опредѣленія, касавшіяся не только священническаго института, но и всей жизни народа въ его религіозныхъ, нравственныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ [1]). Конечно, такой трудъ былъ очень нелегокъ и требовалъ большихъ затратъ силъ и энергіи, не только не давая никакихъ положительныхъ знаній и пріобрѣтеній, но, наоборотъ, затемняя Законъ самыми подчасъ нелѣпыми и грубоказуистическими мнѣніями.

Такое именно ученіе и разумѣетъ Іосифъ, говоря, что большинство вѣрующихъ и преданныхъ Іеговѣ іудеевъ желало— „μόνοις δὲ σοφίαν μαρτυροῦσιν τοῖς τὰ νόμιμα (а не νόμους) σαφῶς ἐπισταμένοις καὶ τὴν τῶν ἱερῶν γραμμάτων δύναμιν ἑρμηνεῦσαι δυναμένοις“ (*Antt.* XX, XII, I [2])).

Такъ, въ синагогальной школѣ юноша механически заучиваетъ громадные отдѣлы изъ Торы, старательно вбиваетъ себѣ въ голову тысячи самыхъ мелочныхъ и сложныхъ толкованій знаменитыхъ раввиновъ. Его учитель заставляетъ постоянно думать о Законѣ и преисполняться благоговѣйнаго чувства къ толкователямъ Закона. Понятно само собою, что чрезъ подавленіе въ ученикѣ всѣхъ критическихъ способностей постепенно школьное образованіе превращало каждаго юношу въ фанатика съ перегруженной памятью, откуда онъ могъ безъ конца брать чужія мнѣнія о предметѣ, смыслъ котораго для него такъ и оставался неясенъ. Это и не требовалось по самой природѣ вещей, потому что нужно было только *знать* Законъ *по памяти*, чтобы не обращаться къ тексту. Строгой системы при

---

[1]) См. Schurer, II, s. 305.

[2]) *Opera*, ed. Niese, IV, p. 320.

такомъ преподаваніи не могло быть, какъ и вообще раввинизмъ самъ былъ лишенъ системы [1]). Безконечное *повтореніе* одного и того же было на языкѣ раввиновъ вполнѣ тожественно съ „ученіемъ“ [2]).

Св. ап. Павелъ много разъ и особенно подчеркивалъ свое племенное и духовное родство съ еврейскимъ народомъ (ср. **Рим** IV, I; IX, 3; XI, I; **2 Тим** I, 3; **2 Кор** XI, 22). И онъ имѣлъ на это полное право. Въ Тарсѣ Киликійскомъ началось его первоначальное образованіе подъ руководствомъ отца, принадлежавшаго къ фарисеямъ (**Дн** XXIII, 6). Приверженность этой партіи къ строгому *номизму*, при которомъ особенное значеніе имѣло преклоненіе предъ учеными толкователями Торы, хорошо извѣстна. Несомнѣнно, что въ томъ же направленіи началось и первое ученіе юнаго Павла въ одной изъ синагогальныхъ школъ Тарса подъ руководствомъ какого-нибудь раввина. Однако, долго такое пребываніе въ Тарсѣ не могло продолжаться, потому что самъ Павелъ говоритъ, что свое настоящее образованіе онъ получилъ уже въ Іерусалимѣ (**Дн** XXII, 3).

Пребываніе въ Іерусалимѣ у Гамаліила.

Отъ св. ев. Луки мы узнаемъ, что сестра ап. Павла была замужемъ въ Іерусалимѣ (**Дн** XXIII, 16). Эта частность, въ связи съ заявленіемъ Павла объ *окончательномъ* своемъ образованіи въ Іерусалимѣ, а не въ Тарсѣ (**Дн** XXII, 3), позволяетъ намъ предположить, что Павелъ былъ отправленъ въ Іерусалимъ въ раннемъ возрастѣ [3]) для усовершенствованія въ знаніи Закона. Это было вполнѣ естественно для фарисея, от-

---

[1]) Ср. Глубоковскій, II, стр. 13—67.

[2]) См. у Schurer'a, II, s. 324.

[3]) Проф. Глубоковскій соглашается съ возрастомъ въ 12—15 лѣтъ, когда мальчикъ дѣлается «сыномъ заповѣди», т. е. достигаетъ номистической зрѣлости. *Благовѣстіе*, II, стр. 910 сл.

лично понимавшаго все значеніе св. города, какъ высшаго образовательнаго центра для іудеевъ. Пребываніе въ немъ съ этой цѣлью придавало особый лоскъ іудейскому юношѣ [1]). Въ то время особенной извѣстностью и уваженіемъ пользовался въ св. городѣ раввинъ Гамалінлъ I, къ мнѣніямъ и голосу котораго прислушивался даже Синедріонъ (**Дн** V, 34—39) [2]). Іудейская традиція такъ отзывается объ этомъ ученомъ раввинѣ: „послѣ того, какъ умеръ раввинъ Гамалінлъ Первый, нѣтъ больше благоговѣйнаго страха предъ Закономъ, и одновременно умерла чистота и умѣренность", т. е. никто послѣ Гамаліила не имѣетъ такого почтенія къ Закону [3]). Павлу удалось попасть въ число учениковъ этого знаменитаго законника, и у ногъ его (παρὰ τοὺς πόδας Γαμαλιήλ) онъ получилъ воспитаніе, вполнѣ согласное съ нормами отечественнаго Закона (πεπαιδευμένος κατὰ ἀκρίβειαν τοῦ πατρῴου νόμου—**Дн** XXII, 3).

Самъ св. Павелъ заявилъ въ своемъ посланіи къ Филиппійцамъ, что пониманіе и преподаваніе отечественнаго Закона у Гамалінла было строго фарисейское (**Фил** III, 5—κατὰ νόμον Φαρισαῖος), т. е. свободное отъ всякихъ раціоналистическихъ крайностей саддукейской доктрины. Въ то время учительское званіе оспаривалось не одними раввинами фарисейскаго направленія, но и саддукеями. Такъ, на судѣ Павла въ Синедріонѣ часть присутствующихъ, которыхъ св. ев. Лука называетъ „γραμματεῖς τοῦ μέρους τῶν Φαρισαίων", стала на защиту св. узника противъ саддукейскихъ законниковъ (раввиновъ), видѣв-

---

[1]) Ср. G. G. Findlay *Paul the apostle* въ *Hastings Diction.* vol. III, p. 698.

[2]) См. статью *Гамалінлъ I, раббанъ* въ *Еврейской Энциклопедіи*, т. VI, стр. 138—140.

[3]) См. у Schurer, II, s. 365 особ. An. 48.

шихъ преступленіе въ признаніи Павломъ *воскресенія* (**Дн** XXIII, 9).

Такимъ образомъ, на урокахъ Гамаліила молодой тарсійскій юноша, сынъ фарисея, долженъ былъ постепенно дѣлаться строгимъ фарисеемъ-номистомъ, который никогда не долженъ разставаться съ Закономъ и помнить, что отъ него, какъ и отъ каждаго раввинскаго ученика, іудейство ждетъ созидательной работы на уясненіе Закона. Іосифъ такъ, по крайней мѣрѣ, опредѣляетъ это: „только за тѣми признаютъ мудрость, кто точно знаетъ опредѣленное Закономъ и можетъ раскрывать силу священныхъ писаній“ (μόνοις δὲ σοφίαν μαρτυροῦσιν τοῖς τὰ νόμιμα σαφῶς ἐπισταμένοις καὶ τὴν τῶν ἱερῶν γραμμάτων δυναμένοις. *Antt.* XX, XII, 1[1])). Постоянно думать о Законѣ, помнить толкованія ученыхъ мужей—было обязанностью каждаго вѣрнаго іудея. Объ одномъ левитѣ въ Мишнѣ (Iebamoth XVI, 7) разсказывается, что когда онъ внезапно умеръ на дорогѣ, при немъ нашли палку, дорожную сумку и въ ней книгу Закона[2]).

Нѣтъ нужды останавливаться на либеральныхъ тенденціяхъ учителя Павла—раввина Гамаліила, выразившихся въ его наклонностяхъ къ эллинизму [3]): для насъ онъ важенъ, какъ представитель современныхъ Павлу фарисейско-раввинскихъ воззрѣній. Отсюда, чтобы уяснить послѣднія, слѣдуетъ имѣть въ виду главнымъ образомъ фарисейскую доктрину, которая своимъ базисомъ имѣла долгую и упорную работу ученыхъ раввиновъ надъ уясненіемъ отечественнаго Закона. Можно сказать, что раввины дали теорію, схему правильнаго исполненія Закона, и фарисеи, вышедшіе изъ ихъ среды, избрали своимъ жизненнымъ нервомъ исполненіе всей этой массы законническихъ предписаній.

---

[1]) *Opera,* ed. Niese vol. IV p. 320.

[2]) Schürer, II, ss. 424—425.

[3]) См. объ этомъ у Глубоковскаго *Благовѣстіе* I стр. 866 сл.

Раввинистическая методология.

Если вѣрно, что часто характеръ и направленіе богословскихъ воззрѣній въ значительной мѣрѣ обусловливаются самими методологическими пріемами, то это нужно особенно подчеркнуть въ отношеніи фарисейско-раввинскихъ воззрѣній. Фарисейскій раввинизмъ тщательно старался абсорбировать себя отъ раціоналистическаго саддукейства, но въ сущности самъ по своимъ выводамъ становился жертвой собственной фантазіи. Это становится яснымъ послѣ самаго поверхностнаго знакомства съ трудами галахистовъ и аггадистовъ.

Фетишистическое отношеніе къ Закону, естественно, начавшееся съ неумѣреннаго буквализма, скоро встрѣтилось съ такими трудностями, которыхъ можно было избѣжать лишь путемъ непрямого, широкаго экзегеса. Раввинистическія операціи надъ текстомъ Торы скоро покончили съ областью *даннаго* въ ней, съ *правомъ писаннымъ*, такъ какъ оно въ значительной мѣрѣ сдѣлалось уже анахронизмомъ. Необходимость считаться, однако, съ Торой привела къ созданію *права обычнаго*, которое раввинистическая логика казуистики выжимала изъ прямыхъ опредѣленій Закона. Ихъ самымъ неожиданнымъ, подчасъ, образомъ сопоставляла, сравнивала, дополняла иногда совершенно сторонними, къ дѣлу не идущими положеніями Торы, и выводила изъ всего этого матеріала нормы *обычнаго* права, которому и подчиняла современную жизнь. Само собою понятно, что такая, ничѣмъ не стѣсняемая, произвольность метода могла опираться только на одинъ удивительно сильный авторитетъ ученыхъ мужей, которые въ послѣплѣнный періодъ сдѣлались полными идейными вождями іудейства. Авторитетъ галахи въ свою очередь былъ основанъ на ловкомъ умѣньи раввиновъ любое положеніе обычнаго права подтверждать Торой [1]).

[1]) См. Каценельсонъ *Интерпретація Моисеевыхъ законовъ* въ *Еврейской Энциклопедіи*, т. VIII, стр. 209—229.

Галаха. Нѣтъ нужды доказывать и иллюстрировать примѣрами натяжки, искусственную софистику и казуистику, съ которой только и можно было вывести *цѣлую систему* права изъ самыхъ простыхъ, опредѣленныхъ и недопускающихъ часто никакихъ перетолкованій или сторонніхъ выводовъ опредѣленій Закона. Такими герменевтическими пріемами можно было заключить и оправдать многое, на что не имѣлось кодификаціи въ Торѣ. Вотъ примѣръ подобнаго толкованія. Законъ опредѣлялъ, что непослушнаго сына родители должны привести къ судьямъ и пожаловаться на него. Результатомъ этого должно быть побіеніе камнями (**Втор** XXI, 18—21). Раввинистическая мысль такъ толковала это повелѣніе Торы. „Если у кого будетъ сынъ“, сынъ, но не дочь: дочери не подлежатъ этому закону. „Сынъ“, но не мужъ—сынъ старше извѣстнаго возраста не подлежитъ этому закону. Далѣе сказано: „отецъ и мать пусть возьмутъ его“—надо, чтобы оба родителя были въ живыхъ, надо, чтобы оба согласны были на казнь сына. Но этого мало—надо, чтобы отецъ былъ достоинъ матери и чтобы мать была достойна отца; дѣти неравныхъ браковъ этому закону не подлежатъ. Въ этомъ духѣ интерпретація идетъ далѣе и доходитъ до того, что фраза „этотъ сынъ нашъ... не слушаетъ голоса нашего“, толкуется такъ: сказано: нашего голоса, а не „нашихъ голосовъ“—надо, чтобы у отца и матери былъ одинаковый тембръ голоса, въ противномъ случаѣ законъ не примѣняется“ [1]). Такъ, прямое повелѣніе Торы чрезъ работу галахистовъ пріобрѣтало совершенно обратный смыслъ.

Галаха постоянно, отсюда, находилась въ ростѣ, она никогда не была закончена, и мидраши однихъ раввиновъ по-

---

[1]) Сифра къ мѣсту; Мишна. Сангедр., VIII. Взято у Каценельсона *Евр. Энц.* VIII, стр. 223.

стоянно пополнялись и расширялись въ прогрессіи: если одинъ экзегетъ имѣлъ дѣло только съ однимъ текстомъ Торы, различно комбинировалъ параллельныя мѣста, сравнивалъ и выводилъ по 7 правиламъ Гиллеля [1]) нѣчто новое, то послѣдующіе экзегеты имѣли дѣло уже не съ одной Торой, а и съ интерпретаціями своего предшественника. Чаще эти мидраши разсматривались, какъ нѣчто неизмѣняемое, что никогда не теряло своей силы (opus operatum) [2]), и они получали силу, почти равную съ опредѣленіями Торы. Вторые и послѣдующіе толкователи уже вырабатывали свои мидраши на почвѣ изученія Торы и мидрашей своихъ предшественниковъ. Получалось толкованіе на толкованіе, которое въ концѣ концовъ совершенно затемняло первичный смыслъ Писанія.

Однако, такая казуистика могла всегда имѣть предѣлъ, потому что галахисты имѣли дѣло только съ Торой. Она могла давать въ строгомъ смыслѣ юридическій матеріалъ, который могъ имѣть иногда историческій интересъ, но для міросозерцанія въ собственномъ значеніи не давалъ многаго. Здѣсь раввины имѣли дѣло съ предписаніями относительно жертвъ, священныхъ празднествъ, податей въ пользу храма и священства, чистаго и нечистаго. И нужно сказать, что предписанія о чистомъ и нечистомъ могли давать все же относительно большій просторъ разсудочному анализу, чѣмъ все то. Здѣсь можно было безъ конца выдумывать возможныя нечистоты и средства для очищенія. Что же касается права *уголовнаго* и *гражданскаго*, то, по словамъ компетентнаго Schürer'а, раввины также разрабатывали Моисеевъ Законъ, хотя и не совсѣмъ равномѣрно [3]).

---

[1]) См. у Schurer'a, II, s. 335 f.
[2]) Schurer, II, s. 334.
[3]) II, s. 338.

Въ такихъ общихъ чертахъ представляется галахическое штудированіе раввиновъ-фарисеевъ. Собственно для доктрины, въ смыслѣ философскаго построенія міросозерцанія, галаха многаго не давала, что особенно рѣзко отличало бы фарисейскую партію отъ саддукейской.

Галахическіе уроки въ школѣ раввина занимали первое мѣсто: ученики сначала знакомились съ основами и принципами *права* и только позже переходили къ догматикѣ и этикѣ въ собственномъ смыслѣ.

Аггада. Такое знакомство собственно съ философско-теоретической стороной религіи начиналось въ раввинскихъ школахъ позже, когда юноша признавался способнымъ приступить къ аггадическимъ урокамъ. Здѣсь область формальнаго права кончалась, и начиналось знакомство съ историческими и этическими отдѣлами Писанія.

Техническая сторона обращенія съ подлежащимъ матеріаломъ здѣсь была та же, что и въ галахѣ: комбинированіе различныхъ положеній и выведеніе сравнительнымъ путемъ новыхъ понятій. Эти послѣднія имѣли цѣнность не узко-правовую въ тѣсномъ смыслѣ, а назначались главнымъ образомъ для построенія міросозерцанія.

Конечно, въ нашихъ цѣляхъ это послѣднее имѣетъ преимущественный интересъ.

Каждая историческаи личность, каждый фактъ представлялъ много матеріала для уроковъ раввина. Можно было безъ конца идеализировать Адама, Эноха, Авраама, восполняя сравнительно краткія свѣдѣнія объ ихъ жизни собственными догадками и выводя моральныя заключенія. Можно было даже доказывать, что Авраамъ—идеалъ раввинизма, потому что онъ исполнилъ весь Законъ „еще прежде, чѣмъ Іегова далъ его Моисею“ [1]). Но

[1]) Schurer, II, 342.

особенно большой просторъ давали раввинамъ отдѣлы Писаній *религіозно-этическаго содержанія*. Тора и книги историческія заставляли толкователей при всей свободѣ экзегетическихъ пріемовъ въ раввинскихъ академіяхъ держаться текста, какъ основы, и начинать всегда съ текста. Наоборотъ, исторія творенія или таинственное видѣніе пр. Іезекіиля, не отмѣченныя опредѣленностью содержанія, не давали, собственно говоря, никакихъ рамокъ для ума и фантазіи. Можно безъ конца строить догадки, предположенія, привлекать въ экзегесѣ не менѣе темныя мѣста и въ результатѣ—говорить, быть можетъ, о томъ, на что въ текстѣ нѣтъ никакого намека. Богатое воображеніе, пылкая фантазія молодыхъ раввиновъ, полнѣйшая свобода въ изслѣдованіи предмета—все это превращало аггадическіе часы въ словесный экстазъ, когда верхъ брала находчивость и способность ловко комбинировать въ одно вещи совершенно несоединимыя [1]). Здѣсь начиналась въ собственномъ смыслѣ метафизика, которая и служила главнымъ средствомъ выразить свои задушевныя мечты, идеалы, обнажить всю суть іудаистическихъ чаяній и воззрѣній.

Историческое положеніе іудейскаго народа въ анализируемую эпоху было таково, что особенно способствовало развитію такой аггадической литературы, въ которой, говоря вообще, было мало трезваго, фактически обоснованнаго. Прошлое народа не давало ему ничего въ смыслѣ содержанія, потому что настоящія историческія условія были очень далеки отъ обстановки, въ которой народъ чувствовалъ свою политическую и государственную мощь. Настоящее—иго римлянъ—было также слишкомъ безотрадно и пусто. Но обѣтованія Божіи громко говорили о великомъ будущемъ, которое откроетъ Мессія. Вотъ въ этомъ

---

[1]) Ср. Iost *Geschichte des Iudentums und seiner Secten*, B. I. s. 301.

будущемъ и сосредоточивалось для народа іудейскаго въ анализируемую эпоху все свѣтлое, отрадное, подъ фокусомъ чего и настоящая жизнь въ униженіи и презрѣніи теряла свою остроту. Аггадическіе уроки и посвящались *изученію*, какъ бы пророческому *созерцанію* этого будущаго, когда благодать и милости Іеговы силою вещей вернутся къ іудейскому народу.

Фантазировать объ этомъ будущемъ, строить въ связи съ явленіемъ Мессіи самыя неожиданныя, яркія и красочныя эсхатологическія предположенія—все это и составляло суть мессіанской догматики, которая свой raison d'être имѣла главнымъ образомъ въ тѣхъ религіозно-этическихъ отдѣлахъ Писанія, о которыхъ была рѣчь выше. Здѣсь не нужно было вѣрующее, живое чувство, здѣсь все замѣняла ученая, разсудочная рефлексія раввиновъ [1]), которые, опираясь на свой авторитетъ „законниковъ“, могли выдавать свои выдумки за реальное содержаніе Слова Божія. И если галахистъ строго держался традицій и преданія, то аггадисту въ его творческой работѣ ничто не препятствовало свою фантазію выдавать за истину. Правда, и здѣсь раввины пытались установить герменевтическія правила (32 Middoth), однако на практикѣ произволъ бралъ свое. Иначе никакъ нельзя объяснить такія антиципаціи: Богъ дастъ каждому праведнику для обитанія 310 міровъ! [2]).

Въ фарисейско-раввинскомъ образованіи занятіе аггадой занимало центральное мѣсто, какъ въ своемъ родѣ высшая наука, къ ней допускались особенно благонадежные юноши, въ которыхъ учителя видѣли ревность объ отечественной религіи. Въ этомъ случаѣ и сказывался тотъ сепаратизмъ, который исторически выдѣлилъ изъ народа группу, получившую названіе „фарисе-

---

[1]) Ср. С. Бернфельдъ *Іудаизмъ* въ *Евр. Энц.* т. VIII, стр. 960.
[2]) Schurer, II, 349.

евъ". Такое выдѣленіе основывалось не на отрицаніи общенародныхъ чаяній и воззрѣній, а лишь на особенно ревнивомъ отношеніи къ Закону въ раввинской постановкѣ. Фарисеи были вѣрными сынами своего народа, раздѣляли всѣ отечественные идеалы, ихъ отличіе было чисто качественное, по степени, но не въ существѣ [1]).

Павелъ, принадлежавшій къ этой ecclesiola in ecclesia, слѣдовательно, долженъ былъ раздѣлять всѣ воззрѣнія народа о жизни подъ Закономъ, которая въ аггадѣ получала философскую окраску. Конечно, это относилось къ наиболѣе существеннымъ, главнымъ предметамъ, въ которыхъ фарисеи, вмѣстѣ съ народной массой, разнились отъ аристократическаго саддукейства. Само собою понятно, что идейное согласіе фарисеевъ съ народомъ отнюдь не говорило о тѣсномъ сближеніи ихъ съ массой, на которую они вообще смотрѣли пренебрежительно, какъ на невѣждъ. Въ сущности, фарисейско-раввинская мысль давала не очень многое, что можно было бы назвать специфически партійнымъ, выходившимъ изъ кругозора народной массы. Чаще же, что было у народа въ формѣ общихъ, не совсѣмъ отчетливыхъ представленій, идей, іудаистическая аггада объясняла, развивала, дополняла и превращала въ законченную форму, въ которую постепенно и выливалось народное сознаніе.

Мессіанская эсхатологія.

Выше мы говорили, что въ эпоху ап. Павла іудейская теологія вращалась преимущественно въ сферѣ эсхатологическихъ понятій. Мессіанская надежда также приняла своеобразную форму, потому что библейскія пророческія антиципаціи логическимъ путемъ были трансформированы, и пришествіе Мессіи рисовалось, какъ *будущее* въ собственномъ смыслѣ. *Зем-*

---

[1]) Ср. Schürer, II, 396 ff

ного въ *настоящемъ* видѣ, т. е. когда исторія находится не въ рукамъ іудеевъ, тогда не будетъ.

Вотъ, около этой грани и вращалась іудаистическая аггада, когда заходила рѣчь о „мессіанской надеждѣ“.

Намъ нѣтъ нужды излагать всю эсхатологическую догматику раввиновъ, достаточно коснуться той стороны аггады, гдѣ шла рѣчь главнымъ образомъ о царствѣ Мессіи. Это дастъ возможность видѣть также непримиримость позиціи, какую раввинъ занималъ въ отношеніи къ христіанству.

Воскресеніе. Представленіе о будущемъ царствѣ Мессіи въ раввинской постановкѣ своимъ исходнымъ пунктомъ имѣло признаніе безсмертія души. Это положеніе въ свою очередь обосновывало воскресеніе послѣ смерти, безъ чего невозможно было и участіе въ мессіанскомъ царствѣ для умершихъ ранѣе Мессіи. Самое представленіе объ этомъ воскресеніи въ „устномъ ученіи“ раввиновъ не было вполнѣ законченнымъ и опредѣленнымъ, потому что сами источники этого ученія разногласили въ самомъ существенномъ. Можно намѣтить нѣсколько взглядовъ на воскресеніе: *воскресеніе всего Израиля* (Даніилъ, 2 Маккав., кн. Эноха, Апокал. Баруха), *воскресеніе только праведныхъ* (кн. Эноха), *безсмертіе душъ праведныхъ послѣ окончательнаго суда* (кн. Эноха и пр.), *безсмертіе душъ праведныхъ непосредственно послѣ смерти* (кн. Юбилеевъ, Филонъ, кн. Премудр., 4 Макк.) и, наконецъ, признавалось *воскресеніе всего человѣчества* (Апок. Баруха, 4 Эзр., Свидѣт. XII патр. и др.). Такіе различные взгляды на воскресеніе мертвыхъ исповѣдывались раввинистами до самой поздней эпохи [1]).

---

[1]) См. R. H. Charles *Eschatology* въ Hastings *Diction.*, vol. I, p. 748 f. Ср. E. R. Bernard *Resurrection* въ Hastings *Dict.*, vol. IV, pp. 232—233.

Не смотря на существенную разницу такихъ антиципацій, не трудно видѣть, что основой ихъ является признаніе рѣзкой грани между настоящимъ и будущимъ существованіемъ. Воскресеніе, какъ актъ, имѣло значеніе не частное, а всеобщее или, такъ сказать, групповое, если признавалось только воскресеніе праведниковъ или всего Израиля. При такой постановкѣ частное воскресеніе, т. е. нѣкоторыхъ лицъ, разсматривалось іудеями, какъ невозможное и совершенно ненужное. Классическимъ подтвержденіемъ этого служатъ слова Марѳы, которая выразила мнѣніе о *всеобщемъ* воскресеніи (Ін XI, 24). Только саддукейская мысль отвергала въ принципѣ это всеобщее воскресеніе, о которомъ она не имѣла яснаго опредѣленія въ древнебиблейской письменности. Такое признаніе только всеобщаго воскресенія было догматическимъ постулятомъ фарисейско-раввинской доктрины. Иначе она и не могла смотрѣть, поскольку признавала за явленіемъ Мессіи на землю значеніе и смыслъ *окончательнаго* установленія новой формы жизни. Ни о какомъ подготовленіи въ собственномъ смыслѣ не могло быть и рѣчи, потому что *жизнь подъ закономъ по ученію раввиновъ* вполнѣ оправдывала участіе въ этомъ новомъ царствѣ. Если исполненіе Закона „писаннаго“ и „устнаго“ не всегда опредѣляетъ качество жизни въ настоящихъ историческихъ условіяхъ, то нужно логически предположить, что жизнь подъ Закономъ свой главный смыслъ имѣетъ не сейчасъ, а какъ средство для участія въ Царствѣ Мессіи. Отсюда, понятна и мысль объ исключеніи язычниковъ, не имѣющихъ Торы, изъ числа кандидатовъ на блаженство. Они не знаютъ Закона Іеговы, поэтому, когда наступитъ новая эра, гдѣ Мессія также приметъ весь Законъ, какъ въ нѣкоторомъ смыслѣ *цѣль*, ихъ существованіе не будетъ оправдано.

Признаніе за пришествіемъ Мессіи значенія новой *вѣчной*

эры, а не просто открытія новой *жизни*, чрезъ которую человѣкъ и можетъ приготовиться къ участію въ царствѣ Мессіи, это признаніе особенно сильно подчеркивается картинами событій, какія должны, по раввинской догматикѣ, имѣть мѣсто предъ явленіемъ Мессіи. Здѣсь все говоритъ о томъ, что настоящія отношенія кончатся, и начнется совершенно *новая* жизнь въ *новыхъ условіяхъ* и формахъ. Предъ этой гранью будутъ имѣть мѣсто всеобщія бѣдствія, запустѣнія. Солнце и луна померкнутъ, изъ дерева потечетъ кровь, въ сладкой водѣ появится соль, источники остановятся. Люди также будутъ испытывать тяготы. Всѣ союзы, всѣ добрыя родственныя отношенія прекратятся, грѣхъ и безбожіе волной пронесутся по землѣ. Другъ станетъ на друга, сынъ на отца, дочь на мать. Начнутся кровопролитныя войны, различныя катастрофическія явленія на землѣ. Все будетъ предвѣщать гибель стараго міра. И послѣ того, какъ человѣчество сознаетъ смыслъ и значеніе наступающаго момента, явится на землю пр. Илія, какъ предтеча Мессіи. Іудаистическая аггада удѣляетъ особенно много вниманія этому пророку. „Она сдѣлала его героемъ своихъ преданій, создаетъ новую легенду, которая, начинаясь съ его смерти или „исчезновенія“, кончается мессіанскою судьбою всего человѣчества“. Илія возстановитъ чистоту многихъ семействъ, примиритъ ссорящихся, вообще подготовитъ людей къ встрѣчѣ Мессіи. Раввины опредѣляли, что онъ явится за три дня до Мессіи. Въ первый день онъ будетъ оплакивать опустошеніе Палестины и въ заключеніе воскликнетъ: „пусть теперь придетъ миръ въ эту землю“. Слѣдующіе два дня онъ будетъ произносить только утѣшенія [1]). Главная забота пр. Иліи, такимъ образомъ, должна заключаться въ томъ, чтобы человѣчество въ

---

[1]) См. Schurer, II, s. 523 f; Л. К. *Илія* въ *Еврейск. Энц.* т. VIII, стр. 94

страшныхъ катастрофическихъ и моральныхъ явленіяхъ предъ пришествіемъ Мессіи не впало въ отчаяніе и не забыло, какое значеніе и смыслъ имѣетъ все это.

Такіе подготовительные моменты заканчивались собственно крушеніемъ существующаго міра, на развалинахъ котораго Мессія и создастъ въ Палестинѣ іудаистическое царство [1]).

Далѣе, самое явленіе Мессіи обставлялось такъ, что была совершенно исключена мысль о возможности *вторичнаго* явленія Его. Это было совершенно лишнимъ, невозможнымъ. Если, по христіанской догматикѣ, Спаситель приходилъ для того, чтобы Своимъ крестнымъ подвигомъ переродить человѣчество, слишкомъ ушедшее въ земныя отношенія, и указать новые пути для подготовленія себя къ царству Христа, то этотъ мотивъ оказывался совершенно непонятенъ для раввинской эсхатологіи. Она исходила и всецѣло базировалась на признаніи абсолютности своихъ номистическихъ нормъ, хотя бы и обязанныхъ своимъ происхожденіемъ казуистической логикѣ галахистовъ [2]). Этотъ божественный Законъ имѣетъ совершенную, законченную форму, къ которой ни прибавить, ни отбавить ничего нельзя. Онъ будетъ принятъ въ качествѣ такой религіозно-этической нормы и Мессіей.

Слѣдовательно, всякій, живущій въ атмосферѣ этого Закона и исполняющій его, тѣмъ самымъ уже готовъ къ участію въ будущемъ блаженствѣ и не нуждается ни въ какихъ перерожденіяхъ, приготовленіяхъ по *новому ученію*. Нужно лишь явленіе Мессіи, который оснуетъ это іудейское царство и приметъ въ него всѣхъ, исполнявшихъ іудаистическій законъ.

Итакъ, раввинское богословіе признавало лишь *всеобщее*

---

[1]) Глубоковскій *Благовѣстіе*, I, 596_{377}, 632_{517}.

[2]) См. Бернфельдъ *Галаха* въ *Евр. Энц.* т. VI, стр. 36 сл.

воскресеніе, какъ фактъ необходимый, какъ естественное условіе для участія въ мессіанскомъ царствѣ людей умершихъ.

Такое признаніе лишь *общаго* воскресенія исключало всякое понятіе о воскресеніи частномъ или личномъ. Христіанская мысль о необходимости схожденія Воскресшаго Христа въ шеолъ для побѣды надъ смертью и діаволомъ оказывалась безъ всякой почвы въ раввинской эсхатологіи, потому что послѣдняя иначе опредѣляла положеніе душъ умершихъ до пришествія Мессіи. У Іосифа Флавія, котораго можно считать выразителемъ современнаго фарисейскаго іудаизма, мы находимъ такое интересное замѣчаніе: ἀθάνατόν τε ἰσχὺν ταῖς ψυχαῖς πίστις αὐτοῖς εἶναι καὶ ὑπὸ χθονὸς δικαιώσεις τε καὶ τιμὰς οἷς ἀρετῆς ἢ κακίας ἐπιτήδευσις ἐν τῷ βίῳ γέγονεν, καὶ ταῖς μὲν εἱργμὸν ὄίδιον προτοθέσθαι, ταῖς δὲ ῥαστώνην τοῦ ἀναβιοῦν[1]). Здѣсь на почвѣ признанія безсмертія души фарисейская доктрина считаетъ, что послѣ смерти души праведныхъ получаютъ отдыхъ, покой (ῥαστώνη), а души грѣшниковъ—вѣчную темницу (εἱργμὸν ἀίδιον). Болѣе ясныхъ и подробныхъ опредѣленій этого разнаго состоянія душъ умершихъ іудейскій историкъ не даетъ. Однако авторитетный Schürer признаетъ изъ сравнительнаго анализа подлежащей раввинской и апокалипсической литературы, что въ промежуточное состояніе отъ смерти до воскресенія каждая душа испытываетъ состояніе въ зависимости отъ качества своего земного поведенія. Праведники наслаждаются предварительнымъ блаженствомъ, грѣшники испытываютъ состояніе обратное[2]), которое для нихъ собственно обращается въ вѣчное, потому что вообще раввинизмъ соглашался съ воскресеніемъ въ тѣлѣ только праведниковъ[3]). Само собою понятно это положеніе, если сне-

---

[1]) *Antt.* XVIII, 1, 3 [*Opera* ed. Niese, vol. IV, p. 142].

[2]) II, s. 548 ff.

[3]) Ср. Schurer II, s. 550; Глубоковскій *Благов.* II, 1156.

сти его съ номистическими упованіями, которыхъ мы коснулись выше. Человѣкъ подзаконный, исполняющій все, что требуется отъ вѣрнаго іудея, уже, такъ сказать, логически принадлежитъ къ царству Мессіи. Поэтому, и послѣ смерти онъ находится въ какомъ-то особенномъ мѣстѣ, гдѣ испытываетъ начало того блаженства, которое откроется въ царствѣ Мессіи. Слѣдовательно, это промежуточное состояніе есть простой переходъ отъ смерти тѣла земного къ моменту общаго воскресенія въ новомъ тѣлѣ, въ которомъ душа и получитъ участіе въ томъ будущемъ мірѣ.

Не менѣе характерны были воззрѣнія раввинскаго фарисейства и на личность самого такъ ожидавшагося Мессіи.

По свидѣтельству св. ев. **Іоанна** (VII, 27), іудеи, пора- Мессія.
женные чудесными дѣйствіями Христа, были склонны однажды признать въ Немъ Мессію, и только школьная мысль о неизвѣстности, якобы, того, откуда долженъ придти Мессія, помѣшала этому. Отсюда не трудно видѣть, что человѣческій, естественный видъ Іисуса нисколько не препятствовалъ іудеямъ-раввинистамъ относить признаки и черты мессіанскаго достоинства къ Назаретскому Учителю. И дѣйствительно, современная фарисейская доктрина ожидала Мессію въ образѣ естественно-историческомъ.

Существовало собственно нѣсколько представленій о такомъ *палестинскомъ* Мессіи [1]), но всѣ они сходились, однако, на признаніи слѣдующаго.

Современная Павлу фарисейско-раввинская мысль исходила въ данномъ случаѣ изъ назначенія Мессіи. Если основаніе новаго *царства* главнымъ образомъ составляло цѣль пришествія Мессіи, то этимъ уже опредѣлялась и самая личность Его.

---

[1]) См. у R. H. Charles *Eschatology* въ Hastings *Dictionary,* vol. I. p. 748. Ср. V. H. Stanton *Messiah* въ Hastings *Diction.* vol. III, p. 354.

Мессія—прежде всего *царь*, *господинъ*, надѣленный отъ Бога особенными дарами и силами. Онъ—теократическій правитель изъ дома Давидова, который и займетъ престолъ своихъ предковъ. Что же касается собственно божественной природы, сверхестественныхъ качествъ, объ этомъ теологія ничего не говорила, потому что Мессіи надлежитъ исполнить дѣло не высшаго порядка, а дѣло чисто земное: по крайней мѣрѣ, живые іудейскіе праведники, которыхъ застанетъ Мессія, безъ всякаго посредства займутъ свои мѣста въ блаженномъ царствѣ [1]). Ни о какихъ *измѣненіяхъ* въ данномъ отношеніи раввины не учили. Въ іустиновскомъ „*Діалогѣ съ Трифономъ*“ (гл. XLIX) іудеямъ вкладываются такія слова: „πάντες ἡμεῖς τὸν Χριστὸν ἄνθρωπον ἐξ ἀνθρώπων προσδοκῶμεν γενήσεσθαι“ [2]). Конечно, это крайній взглядъ, но во всякомъ случаѣ въ немъ правдиво то, что въ Мессіи не признается божественная природа: онъ не можетъ, напримѣръ, отпускать грѣхи. „Въ своемъ реально-историческомъ бытіи Мессія рисуется носителемъ національныхъ стремленій и проникается политическими чаяніями іудейства. Отсюда исключительно преобладающими являются національно-политическія черты, нерѣдко грубаго свойства. Іудеи ждали и ждутъ Мессію политическаго, какъ царя-мстителя, и въ его устахъ для нихъ совершенно немыслимо „царство не отъ міра сего“. Онъ—конкретная реализація политическихъ мечтаній, всѣ предваренія къ нему политическаго характера и его миссія—просто земная“. „Мессіанское дѣло лишается религіозно-искупительной исключительности. Раввины даже мало трактуютъ о Мессіи, никогда не усвояя ему чисто духовной миссіи. Мессія вовсе не божественный, а только особый человѣкъ, но смертный... Ближайшая задача въ томъ, чтобы собрать и возстановить разсѣяннаго

---

[1]) См. статью *Мессія* въ *Евр. Энц.* т. X, СПБ. 1911, стр. 900 сл.

[2]) Вз. у Schurer, II, s. 530.

Израиля“ [1]). И этому всему вполнѣ отвѣчали воззрѣнія раввиновъ на дѣятельность Мессіи.

Онъ уничтожитъ враждебныя силы, подъ которыми иногда понимался личный противникъ Мессіи (антихристъ), а вообще— всѣ враги іудеевъ политическіе, обновитъ и возстановитъ Іерусалимъ, соберетъ въ Палестину всѣхъ, находящихся въ разсѣяніи, іудеевъ, обновитъ, наконецъ, и весь міръ, который какъ-то непонятнымъ образомъ превратится въ Палестину съ Іерусалимомъ [2]). И уже послѣ этого въ *новое* царство соберутся всѣ воскресшіе, которые съ живыми и образуютъ могущественное, грозное и сильное по прежнему единство. Полный миръ, довольство и все прочее будутъ возмѣщать тѣ несправедливыя страданія, какимъ подвергался народъ іудейскій во всю свою исторію [3]).

Такая *земная* обстановка явленія Мессіи, принятая отъ раввинской науки іудеями послѣплѣнной эпохи, и была причиной того, что іудейская мысль была готова принять за Мессію всякую выдающуюся въ политическомъ отношеніи личность. Особенно интересной здѣсь является ошибка нѣкоторыхъ іудеевъ, принявшихъ за Мессію Александра Македонскаго. Ихъ воображеніе было поражено тѣми политическими успѣхами, которые слѣдовали за этой замѣчательной личностью. И невольно хотѣлось пророческія антиципаціи въ раввинскомъ, конечно, освѣщеніи о побѣдоносномъ шествіи Мессіи прилагать къ этому молодому тріумфатору. Создана была даже легенда о томъ, какъ Александръ встрѣтился съ первосвященникомъ Іаддуемъ, какъ онъ призналъ въ послѣднемъ того незнакомца, который во снѣ обѣщалъ ему покореніе Азіи и великой персидской монархіи. Рас-

[1]) Глубоковскій, II, стр. 1094 сл.; 1266 сл.; ср. Schürer, II, ss. 527—530.
[2]) Глубоковскій, II, стр. 1097; Schürer, II, ss. 533—546.
[3]) Ср. *Мессія* въ *Евр. Энц.* стр. 901.

троганный, онъ покланяется Господу, имя Котораго носитъ первосвященникъ у себя на груди, отправляется съ нимъ въ Іерусалимъ, приноситъ тамъ жертвы. Когда въ кн. пр. Даніила показали Александру пророчества о паденіи Дарія и власти грековъ, онъ принимаетъ это на свой счетъ. Толчокъ къ образованію такой легенды далъ, несомнѣнно, и самъ Талмудъ, въ которомъ есть (Іома, 69а) сказаніе объ этой встрѣчѣ всемірнаго завоевателя съ іудейскимъ первосвященникомъ [1]).

Изъ этой іудео-раввинской легенды самъ собою слѣдуетъ выводъ, что іудаистическая аггада ожидала явленія всѣмъ живымъ и мертвымъ *іудеямъ* Мессіи въ полномъ блескѣ уже послѣ подготовительнаго періода. Откуда явился Александръ, кто онъ по своему міровоззрѣнію—это не имѣло значенія. Важно было одно, что онъ не встрѣчаетъ на своемъ пути препятствій и признаетъ іудейскія антиципаціи за осуществившіяся. Не смущало іудеевъ также то обстоятельство, что до появленія Александра не было еще воскресенія мертвыхъ. Аггадисты могли думать и логически были бы правы, что этотъ Мессія еще только устраиваетъ свое іудейское царство, и встрѣча съ Іаддуемъ есть начало преобразованій Іерусалима и всей земли, о которыхъ была рѣчь выше.

Такова была „мессіанская надежда“ въ постановкѣ современнаго Павлу „устнаго ученія“ раввиновъ.

Нѣтъ нужды въ особенныхъ доказательствахъ того, что послѣ усвоенія подобной мессіанской эсхатологіи у ногъ Гамалиила міросозерцаніе юнаго фарисея Павла стало въ полное и совершенно непримиримое отношеніе къ мессіанской идеологіи христіанъ.

---

[1]) См. *Мессія* въ *Евр. Энц.* стр. 903.

Дѣйствительно, признать прежде всего, что Мессія вовсе не имѣетъ въ виду національно-политическихъ чаяній современныхъ іудеевъ, что его главное дѣло—искупительный подвигъ и указаніе новаго пути къ приготовленію для Царства Мессіи, которое еще имѣетъ открыться при вторичномъ явленіи Мессіи, признать все это—значило для молодого фарисея пойти совсѣмъ противъ аггадической эсхатологіи, принять ученіе совершенно обратное раввинскому. Не менѣе безпочвеннымъ, съ точки зрѣнія раввинской же эсхатологіи, оказывался взглядъ христіанъ на необходимость крестнаго подвига для Мессіи. Мессія аггады, какъ мы видѣли, это—смертный человѣкъ, одаренный отъ Бога лишь особенными дарами и силами, онъ не можетъ даже прощать грѣховъ. Отсюда, о его побѣдѣ надъ смертью не можетъ быть и рѣчи, его смертный подвигъ оказался бы совершенно безрезультатнымъ и вызвалъ бы только соблазнъ, какъ доказательство слабости, безпомощности. Онъ, какъ царь, долженъ увлечь всѣхъ, грозно уничтожить всѣхъ своихъ враговъ и дать торжество своему національно-политическому дѣлу. Позорная казнь—доказательство неугодности дѣла Богу. Но главное—это совершенная ненужность, неумѣстность крестнаго подвига для Мессіи. Онъ былъ оскорбленіемъ самыхъ дорогихъ національно-религіозныхъ чаяній іудаизма. Также и слѣдовавшая затѣмъ смерть и воскресеніе пробивали брешь въ раввинской эсхатологіи молодого фарисея, который признавалъ, какъ мы видѣли, одно групповое или всеобщее воскресеніе, какъ средство для участія въ земномъ царствѣ Мессіи. Правда, въ раввинизмѣ была идея „страждущаго“ Мессіи, но вывести ея точный смыслъ не представляется никакой возможности. Нѣкоторые іудейскіе теологи утверждаютъ даже, что въ древней традиціи нѣтъ этой идеи. Во всякомъ случаѣ, чаще принимаютъ символическій смыслъ

этой идеи, какъ „индивидуальную концентрацію скорбной политической судьбы Израиля“ [1]).

Интересно, что современная іудаистическая мысль нисколько не отходитъ въ этомъ отношеніи отъ послѣплѣнной догматики. Авторъ статьи *Мессія* въ издающейся *Евр. Энц.* пророчество Исаіи о скорбяхъ и ранахъ Мессіи въ LII, 13—LIII, 12 относитъ къ народу іудейскому. „Единственная прерогатива евреевъ—терпѣть за благо всего міра, и для этого они были призваны Господомъ“ [2]). Нѣкоторые іудаисты, правда, разумѣли подъ этимъ „страдальцемъ“, которому Господь опредѣлилъ подвиги, какъ мельничнымъ жерновамъ, или который будетъ даже перевязывать свои раны у воротъ Рима, Мессію, но относили всѣ эти страданія къ начальной порѣ его жизни, когда онъ еще не получитъ отъ Бога силъ на блестящую исторію.

Достаточно и такой краткой характеристики раввинско-фарисейской „мессіанской эсхатологіи“, чтобы видѣть, какая полярность была между пророчески-христіанскими и іудаистическими представленіями объ Іисусѣ изъ Назарета.

Изъ іудейской исторіи эпохи римскихъ прокураторовъ извѣстно, какъ часто появлялись всякіе „египетскіе пророки“ (ср. выше стр. 28 сл.), которые силою своего слова собирали вокругъ себя многочисленныя толпы ожидавшихъ Мессію, поражали своими чудесами, готовились къ сверженію римскаго ига и основанію іудейскаго всемірнаго царства. Во всѣхъ подобныхъ выступленіяхъ подчеркивался національно-политическій характеръ дѣла Мессіи. Эти авантюристы обычно объявляли себя Мессіей, сыномъ Іосифа, потомками Давида и пр. Имъ часто вѣрили, шли за ними толпами, потому что ихъ нѣкоторыя дѣйствія го-

---

[1]) Schurer, II, ss. 553 ff.; V. H. Stanton *Messiah* въ Hastings *Diction.*, vol. III, p. 354; Глубоковскій *Благовѣстіе*, II, стр. 1096.

[2]) Т. X, стр. 902

ворили за ихъ, якобы, высшія силы, полученныя отъ Бога. Одинъ такой лжемессія, по имени Θевда, звалъ за собою къ Іордану народъ, обѣщая, что волны разступятся предъ нимъ[1]), другой собралъ около себя 30,000 послѣдователей, подвелъ къ Масличной горѣ и обѣщалъ, что стѣны города падутъ предъ нимъ [2]). Такія мессіанскія движенія въ исторіи были очень часты и обычно сопровождались страшными избіеніями послѣдователей лжемессіи [3]).

Въ личностяхъ этихъ лжемессій обычно увлекали ихъ громкія обѣщанія, что они посланы Іеговою для освобожденія народа Божія отъ политическаго рабства языческимъ народамъ. И особенно сильно поднимался энтузіазмъ толпы, когда какой-нибудь лжемессія вступалъ въ борьбу съ правителемъ и оказывался побѣдителемъ. Такъ, Менахемъ б. Іуда, объявившій себя мессіей, овладѣлъ Масадой и подступилъ къ Іерусалиму, разбивъ войска Агриппы II[4]). Конечно, такіе подвиги лучше всего отвѣчали тѣмъ національно-политическимъ антиципаціямъ Мессіи, какія развивала раввинская аггада. Здѣсь былъ царь—побѣдитель прежде всего, который имѣетъ всѣ шансы на то, чтобы положить конецъ чужеземному игу и сдѣлаться царемъ-освободителемъ народа Божія. Въ пребываніи Господа Спасителя на землѣ также были моменты, когда жадная до внѣшнихъ обнаруженій силы и нечеловѣческаго могущества толпа готова была объявить Его своимъ національнымъ царемъ съ земными планами. Воскрешеніе Лазаря подготовило торжественный входъ въ Іерусалимъ, когда у іудеевъ ожила надежда на Мессію (Ін XII,

---

[1]) Ios. *Antt.* XX, 5, 1.

[2]) *Antt.* XX, 8, 6.

[3]) См. подробный очеркъ *Мессіанскія движенія* въ *Евр. Энц.* т. X, стр. 912 - 916.

[4]) Ios. *Bel. jud.* II, 17, 9.

9, 11, 17). Только подъ защитой этой надежды Господь и могъ торжественно вступить въ храмъ и изгнать изъ него всѣхъ осквернившихъ его (Мѳ XXI, 12). Но та же толпа іудеевъ кричала „распни Его“, когда увидѣла, что у Него, якобы, не хватило силъ и могущества на то, чтобы поддержать свое царственное достоинство и окончательно свергнуть римское владычество.

Такъ, христіанская мессіологія, имѣвшая своимъ фокусомъ не національно-политическій успѣхъ, а, наоборотъ, торжество духа, кротости и смиренія, оказывалась безъ всякаго эквивалента въ сознаніи современныхъ іудеевъ. Для іудаизма было бы совершенно неожиданно услышать изъ устъ Мессіи проповѣдь смиренія, подчиненія, безразличія въ политическихъ и государственныхъ отношеніяхъ. Ему нужна была проповѣдь возмущенія, протеста, насилія.

Конечно, въ лицѣ Іисуса изъ Назарета іудаистическая аггада не могла видѣть реализацію своихъ упованій. И она логически была права, когда сопоставляла позорную смерть Его на крестѣ съ обычнымъ въ то время концомъ всѣхъ лжемессій, падавшихъ въ безсиліи подъ мечемъ прокураторскихъ солдатъ. Смерть Іисуса изъ Назарета могла и должна была явиться для фарисействующихъ раввинистовъ, чаявшихъ только національно-политическаго Мессію, сильнѣйшимъ доказательствомъ, что это—не Мессія. Онъ не могъ такъ позорно кончить Свою жизнь. Онъ долженъ былъ дать торжество своему народу.

Отсюда, вполнѣ понятно все возмущеніе, негодованіе и раздраженіе іудаистовъ противъ послѣдователей Спасителя, утверждавшихъ, что на крестѣ распятъ истинный Мессія, о Которомъ говорили пророки, и Котораго такъ сильно ожидалъ и ожидаетъ іудейскій народъ. Подобныя утвержденія, исходив-

шія отъ „невѣждъ“ въ Законѣ, отъ простыхъ рыбарей и плотниковъ, были самымъ большимъ оскорбленіемъ для ученаго фарисейства. Оно не признало Его, потому что завѣса на глазахъ отъ чада толкованій не позволила имъ приложить и видѣть полное осуществленіе пророческихъ антиципацій. Но особенно безсмысленнымъ, непонятнымъ казалось имъ утвержденіе христіанъ, что дѣло Мессіи—отнюдь не освобожденіе евреевъ отъ политическаго ига, а дарованіе духовной свободы, которое и совершено чрезъ Его крестный подвигъ и смерть. Это послѣднее, какъ мы видѣли, было совершенно неизвѣстно мессіанской эсхатологіи фарисействующаго раввинизма. Оно было непонятно для него, потому что исходило изъ того, что чрезъ Законъ невозможно получить оправданія, т. е., иначе говоря, подрывалось самое основаніе фарисейскаго іудаизма, который въ условіяхъ узко-земного, внѣшне-формальнаго законничества хотѣлъ имѣть базисъ для блаженства въ Царствѣ Мессіи. Конечно, такое ученіе было совершенно непріемлемо для іудаизма. Іисусъ изъ Назарета, по догматикѣ іудеевъ, дѣйствительно, воскреснетъ при всеобщемъ оживленіи, но это Его воскресеніе будетъ имѣть значеніе только для Него одного, какъ *способъ, форма* для посмертнаго существованія, но отнюдь не *средство* для спасенія человѣчества, которое этимъ средствомъ уже имѣетъ Законъ, приложенный къ жизни учеными раввинами. Что же касается Его личнаго воскресенія на третій день послѣ смерти, которое признаютъ Его послѣдователи, то оно совершенно ненужно и невозможно: только великіе праведники — Энохъ, Илія и др. могли быть воскрешены за свое благочестіе до всеобщаго воскресенія, чтобы участвовать при устройствѣ Мессіей Его царства въ Палестинѣ. Наоборотъ, Іисусъ изъ Назарета Своей позорной смертью на крестѣ показалъ неугод-

ность Своего дѣла Іеговѣ, Который и предалъ Его въ руки римлянъ, какъ грѣшнаго человѣка (ср. выше стр. 202 сл.).

Къ стр. 216. Господь обращается къ Своему гонителю на арамейскомъ языкѣ и называетъ его „Σαούλ“. Кромѣ этого имени, Апостолъ языковъ имѣлъ другое—„Παῦλος“, съ какимъ обращается къ нему, напримѣръ, римскій прокураторъ Фестъ (**Дн** XXVI, 24).

Какой смыслъ имѣло названіе „Σαούλ“ въ настоящемъ случаѣ?

Въ **кн. Дѣяній** эта еврейская форма имени Апостола встрѣчается не разъ съ опредѣленнымъ значеніемъ. Первый разъ употребляетъ ее **св. ев. Лука** въ повѣствованіи о побіеніи св. Стефана, говоря: „свидѣтели положили свои одежды у ногъ юноши, именемъ Савла“ (**Дн** VII, 58). И далѣе это имя употребляется св. Дѣписателемъ 16 разъ вплоть до описанія встрѣчи Апостола съ проконсуломъ Сергіемъ Павломъ (XIII, 7). На протяженіи этихъ шести главъ (VII, 58—XIII, 7) св. Лука повѣствуетъ, между прочимъ, о гонительствѣ христіанъ этимъ ревностнымъ зилотомъ (VIII, 1, 3; IX, 1—2), его обращеніи (IX, 3—9), при которомъ Господь обращается къ нему съ именемъ „Σαούλ“ (IX, 4), о миссіи Ананіи (IX, 10—17), который также называетъ его „Σαοὺλ ἀδελφέ“ (IX, 17), о первыхъ проповѣдническихъ трудахъ новообращеннаго въ Дамаскѣ и Іерусалимѣ между іудеями (IX, 18—29), причемъ св. Дѣписатель именуетъ его опять Савломъ (IX, 22, 24, 26). Далѣе, Варнава находитъ въ Тарсѣ *Савла*, приводитъ его въ Антіохію, задерживается здѣсь на годъ, проповѣдуя, отправляется съ Савломъ въ Іерусалимъ съ „милостыней“, опять возвращается въ Антіохію (XI, 25—30; XII, 25). Изъ Антіохіи Варнава съ *Савломъ*, по повелѣнію Господа, отправляются для проповѣди язычникамъ, на что Господь и

призвалъ ихъ къ Себѣ (XIII, 1—2). Они посѣщаютъ Селевкію, Кипръ, Саламинъ (до Пафа) и встрѣчаются съ проконсуломъ Сергіемъ Павломъ, котораго обращаютъ въ христіанство (XIII, 3—7). Эта встрѣча съ *язычникомъ*, находившимся подъ вліяніемъ какого-то волхва Елима, представляетъ грань въ исторіи еврейскаго имени Апостола языковъ. Съ этой знаменательной встрѣчи мы уже не встрѣчаемъ болѣе еврейской формы „Σαούλ“, ее замѣняетъ греческо-римская „Παῦλος“. Эту грань св. Дѣописатель отмѣчаетъ такъ: „Σαῦλος δὲ, ὁ καὶ Παῦλος“ (XIII, 9). Намъ нѣтъ нужды останавливаться на мнѣніи нѣкоторыхъ экзегетовъ и историковъ, которые повторяютъ оригеновское предположеніе, будто Апостолъ послѣ обращенія проконсула принялъ его имя „Павелъ“ [1]).

Кромѣ произвольности (почему—*Павелъ*, а не *Сергій*?), въ этой гипотезѣ нѣтъ ничего.

Обратимся къ словамъ св. Луки: „Σαῦλος δὲ ὁ καὶ Παῦλος“. Вопросъ возбуждаетъ здѣсь частица „ὁ“ предъ „καὶ“, въ какомъ сочетаніи у классиковъ она обычно имѣетъ значеніе относительное=ὅς. Однако, знатокъ языка Κοινη Winer отказывается принять такое значеніе „ὁ“ въ настоящемъ случаѣ и говоритъ, что эта частица играетъ роль члена masc. gen. при подразумѣваемомъ причастіи „καλούμενος“. Подобныя опущенія partic. встрѣчаются очень часто. Напримѣръ: „Πῖκος ὁ καὶ Ζεύς“, „Ἰούδαν τὸν καὶ Θωμᾶν“, гдѣ само собою при членѣ (ὁ, τὸν) подразумѣвается partic. „καλούμενος (ν)“ [2]). Въ такомъ значеніи мы и принимаемъ въ нашемъ цитатѣ частицу „ὁ“ [3]).

---

[1]) См. у Th. Zahn *Paulus, der Apostel* въ Herzog-Hauck *RE*³, XV, s. 70.

[2]) См. у G. B. Winer's *Grammatik des neutestam. Sprachidioms.* VIII Anfl., bearb. Schmiedel. Götting. 1897, s. 149, Anm. 6.

[3]) W. M. Ramsay считаетъ ‹ὁ γαί›=лат. ‹sive›—см. ст. *Galatia* у Hastings *Dict.* vol. II, p. 90a,3.

Изъ этого краткаго синтаксическаго экскурса видно, что св. Дѣеписатель въ настоящемъ случаѣ хотѣлъ просто подчеркнуть, что Апостолъ Савлъ, „называемый также (καὶ) Павломъ“, съ этого момента получаетъ въ своей миссіи нѣсколько иное направленіе. На самомъ дѣлѣ, съ момента встрѣчи и обращенія Сергія Павла (XIII, 9) имени „Σαούλ“ мы болѣе не встрѣчаемъ въ **кн. Дѣяній** въ *косвенной* рѣчи. Его употребляетъ Апостолъ трижды и именно въ тѣхъ случаяхъ, когда говоритъ о словахъ Господа при обращеніи (XXII, 7; XXVI, 14) и о миссіи Ананіи къ нему (XXII, 13). Въ остальномъ встрѣчается только имя „Παῦλος“ (XIII, 9, 13, 16, 43, 46, 50; XIV, 9, 11, 12, 14 и т. д.). И, вмѣстѣ съ тѣмъ, его проповѣдь направлена главнымъ образомъ къ язычникамъ.

Откуда взялось это имя, которое, несомнѣнно (ὁ καὶ Παῦλος), онъ имѣлъ съ дѣтства?

Предложено было много объясненій на этотъ счетъ [1]). Болѣе основательнымъ нужно считать то, которое базируется въ данномъ случаѣ на той общей привиллегированности Апостола, которая вытекала изъ его civitas Romana. Въ эпоху Павла многіе іудеи, особенно въ эллинистическихъ городахъ, носили по два имени: одно еврейское, дававшееся при рожденіи, а другое греческое или римское [2]). Особенно это должно было имѣть мѣсто въ семьяхъ римскихъ гражданъ. Тамъ, кромѣ національнаго имени (напримѣръ *Савлъ*), сынъ получалъ тройное имя: praenomen, nomen и cognomen. Въ классическомъ мірѣ подъ praenomen разумѣлось обычно особое „предъ-имя“, которое въ нашихъ понятіяхъ не имѣетъ соотвѣтствующаго

---

[1]) См. у И. А. Артоболевскаго *Первое путешествіе св. ап. Павла съ проповѣдью Евангелія*. Серг. Пос. 1900, стр. 121—138.

[2]) Schurer, II, s. 62.

эквивалента. Такъ, напримѣръ, въ имени M. Tullius Cicero первое (M.) и есть praenomen. Nomen было родовымъ именемъ (Tullius). Послѣднее—cognomen представляло собой *личное* имя, которое отецъ давалъ сыну на 9-й день по рожденіи (Cicero). Th. Zahn совершенно справедливо предполагаетъ, что имя „Παῦλος“ и было cognomen Савла, которое ему далъ его отецъ на другой день послѣ нареченія еврейскаго имени. Что-же касается его praenomen и nomen, то они легко могли не сохраниться, какъ несущественныя и рѣдкія въ обычной рѣчи [1]). Итакъ, со времени обращенія проконсула Сергія Павла Апостолъ языковъ начинаетъ именоваться не собственнымъ именемъ, а прозвищемъ по римскому гражданству. Трудно, конечно, вполнѣ точно сказать, почему это было такъ, но можно предположить здѣсь причины моральныя. Съ момента обращенія проконсула Сергія, Апостолъ становится проповѣдникомъ Евангелія среди язычниковъ по преимуществу. Онъ могъ, конечно, обращаться и къ іудеямъ, но главнымъ объектомъ его миссіонерства становятся языческія страны, съ которыми онъ заводитъ близкія сношенія, пишетъ туда посланія и пр. И само собою понятно, что его еврейское имя, къ которому съ такимъ пренебреженіемъ должны были относиться въ греко-римскомъ мірѣ (ср. выше стр. 289 сл.), могло служить только препятствіемъ на его пути. Наоборотъ, римское cognomen было соединено съ личной неприкосновенностью и гарантировало ему опредѣленный успѣхъ. Отсюда, вполнѣ умѣстно было пользоваться имъ, что̀ и зафиксировалъ св. Дѣписатель, всегда строгій въ отношеніи понятій и хронологическихъ рамокъ [2]). И замѣчательно, между прочимъ, что всѣ *соборныя* посланія Апостола начинаются съ этого

---

[1]) См. Th. Zahn въ Herzog-Hauck *RE*³, XV, s. 70.

[2]) Ср. Глубоковскій II, стр. 890.

имени, напримѣръ: „Павелъ, рабъ Іисуса Христа“ (**Рим**). Тогда какъ посланіе къ евреямъ не имѣетъ такого начала. Не служитъ ли это показателемъ того, что самъ ап. Павелъ различалъ объектъ своей проповѣди? Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что къ надписанію посланій онъ относился очень осторожно. И если въ посланіи къ евреямъ такого надписанія нѣтъ, то это объясняется двояко: съ одной стороны, его *языческое* имя могло бы вызвать одно пренебреженіе у фанатичныхъ іудеевъ, съ другой—имя *Савлъ* напоминало о ренегатствѣ и также препятствовало бы довѣрію къ словамъ проповѣди.

Итакъ, употребленіе римскаго имени Παῦλος (=Paulus) началось уже значительно позже обращенія ко Христу, хотя Савлъ и получилъ его одновременно съ еврейскимъ именемъ. И конечно, было бы совершенно непонятно и странно, если бы при обращеніи, т. е. когда зилотизмъ особенно сторонился языческихъ понятій и подчеркивалъ все національное, Господь назвалъ Своего гонителя не исконнымъ именемъ, какъ іудея, а cognomen римскаго гражданина! Имя іудейское *Савлъ* сильнѣе всякихъ укоровъ говорило, какъ несправедливъ его носитель, преслѣдуя Того, Кто лелѣялъ іудейскій народъ, пришелъ спасти его, отъ Него пострадалъ, хотя на Немъ сбылись всѣ пророчества іудейскія.

Index verborum graecorum.

Ἁγιάζω—242, 243.
ἅγιος—187, 243.
ἀδικέω—71, 75, 76.
αἵρεσις—157, 320.
αἰτέω—42, 43.
αἰτίωμα—61, 62.
ἀκούω—127, 212, 213, 214, 215.
ἀκριβεστάτης—157, 161.
ἀκροατήριον — 128, 129, 131, 132, 310.
ἀληθεία 294, 296.
ἄλογον—139.
ἁμαρτία—242.
ἀναγκάζειν—192.
ἀνάθεμα—191.
ἀνάκρισις—139.
ἀναχωρέω—310.
ἀνίστημι—226, 227.
ἀνοίγνομι—237, 240.
ἀντίδικος—52.
ἀντιλέγω—77.
ἄνωθεν—156, 157.
ἄξιος—264.
ἀπειθής—256, 271.
ἀποκτείνω—14.
ἀπολογέομαι—141, 142, 144, 147.
ἀπορούμενος—126.
αποστέλλω—235, 236.
ἀπώλεια—109.
ἀρχιερατικός—40, 186.
ἀρχιερεῖς—17, 18, 37, 39, 40, 41, 50, 51, 184, 186, 187.
ἄρχων—41, 50, 52.
ἀσπάζομαι—96, 97
ἀσφαλές—138, 139.
ἄτοπος—53.
αὔριον—127.

Βασῦειον—16.
βῆμα—56, 58, 59, 72.
βίωσις—154.
βλασφημέω—191, 192.
βοάω—53.
βουλή—15, 19, 50, 92, 196, 316.
βούλομαι (ἄν)—124.

Γάρ—228.
γένος—40.
γεραίτατος—39.
γνώριμος—50, 51.
γνώστης—150.
γράμμα—292, 293.
γραμματεῖς—17, 40, 334
γωνία—297.

Δεισιδαιμόνια—116, 117, 118, 119, 120, 121.
διάγνωσις—123, 323.
διατρίβω—56.
διαχειρίζομαι—268.
δικαστής—52.
διώκω—218.
δοκέω—181.
δυνατός—49, 50, 51, 52, 53.

δωδεκάφυλον—170.

Ἐγείρω—174, 175, 176.
ἐγκαλοῦμαι—173.
ἔθνος—18, 234, 263.
ἔθος—150.
εἰ—174, 272.
εἶδον—205, 211 (ἰδεῖν),
εἰς (=ἐν)—33.
ἐκτένεια—170.
ἐλπις—164, 168, 176.
ἐμμαινόμενος—192.
ἐμφανίζω—36, 42, 322.
ἐνόντιος—183, 184, 193, 221.
ἐνέδρα—45.
ἕνεκα—265, 268.
ἐντυγχάνειν—134.
ἐξαιρέω—233, 234.
ἔξεστιν—14.
ἐξουσία—14, 79, 184, 185, 201, 241.
ἐξοχή (κατά)—128.
ἔξω—193.
ἐπαγγελία—165, 166, 176.
ἐπαρχία—34.
ἔπαρχος—9, 34.
ἐπαύριον—56, 60.
ἔπειτα—259.
ἐπί—67, 70, 84, 139, 164.
ἐπιγινώσκω—74.
ἐπικαλοῦμαι—76.
ἐπιεικρία—270.
ἐπιστολή—60, 194.
ἐπιστρέφω—239, 240.
ἐπιτρέπομαι (σοι)—140.
ἐπιτροπή—201.
ἐπίτροπος—9, 34.
ἔργον—51, 264.
ἕστηκα—270.
εὔχομαι—307.

Ζήτημα—116, 120, 121.
ζήτησις—126.
ζάω—157.

Ἡγεμών—9, 34.

Θρησκεία—38, 162.
θρόνος—59.
θύω—21.

Ἱερόν—21.
Ἱερουσαλήμ—34, 52, 258.
Ἰησοῦς—121, 122, 225.
ἱκανός—262.
ἰσοπολιτεῖα—9, 29.
καθίζω—56.

Καῖσαρ—21, 73.
καί (и τε)—164, 190, 192, 258, 307.
κατά—204.
καταβαίνω—56.
καταγορέω—53.
καταδίκη—108.
καταντάω—96.
κατάρχω—38.
κέντρον—219.
κληρονομία—166.
κλῆρος—242.
κοσμικός—38
κρίνομαι—67, 73, 84.
κτείνω—14
κύριος—138, 223, 224.

Λακτίζω—219.
λαλέω—214, 215, 226, 271.
λαός 52, 234.
λατρεύω—170.
λέγω—214, 215, 271.
λιθόστρωτος—59.
λόγος—51.

Μακροθύμως—152.
μάρτυρος—228, 229.
μαρτυρόω—270.
μεγάλος—271, 307, 308.
μέν—75, 179.
μετάνοια—264.

μή . . . μηκέτι—135.
μικρός—271.

Νεκρός—174, 175, 176, 178.
νομίζω—1, 269.
νόμος—64, 79.

ὅθεν—256.
ὀλίγος—52, 301, 302, 304, 307, 308.
ὀπτασία—256.
ὁράω—228, 229, 230, 231, 232.
οὖν—75, 179, 180, 270.
οὐρανόθεν—205.
ὀφθαλμός—237.

Παθητός—274, 275, 277.
παρακαλέω—42, 43.
παρεκτός—308.
παρρησιαζόμενος—296.
πᾶς—258.
πείθω—301, 303.
περί—67, 112, 151, 168, 176, 297.
περιλαμβάνω—205.
περισσῶς—192.
πιστεύω—18.
πίστις—242.
ποιέω—184, 301.
πόλις (π—ἔξω)—16, 193, 315, 316.
πορεύομαι—87.
πραιτώριον (Ирода)—12, 129.
πράττω—183, 184, 311.
πρεσβύτεροι—17, 40, 51.
προ (γινόσκοντες)—157.
πρός—181, 221.
προσθήκη—11.
προστασία—18.
πρόσωπον (κατά)—109.
προχειρίζομαι—228.
πρῶτος—37, 41, 42, 52, 315.

Σαούλ—216, 362, 363, 364.
σατανᾶς—241.
σεβαστός—123.
σκληρός—219, 220.
σκότος—239, 240.
στρατηγός—80.
συγκαλέω—52.
συμβούλιον—86.
συμπόρευμι—134.
σωφροσύνη—294, 296.

Τηρεῖσθαι—47, 123.
τί—173, 178, 218.
τιμή—79.
τιμωρέω—191.
τυγχάνω—270.

Ὑπάγω—52.
ὑπέρ—205.
ὑπηρέτης—228, 229, 331.

Φαντασία—131.
φαρισαῖοι—18, 339.

Χαρίζομαι—109, 111.
χάρις—43, 44, 67, 68.
χιλίαρχος—131.
χριστιανός—301, 302, 304, 365.
χώρα—258.

Ψῆφον—188.

ὢν (аттр.)—229, 230, 231.
ὡς—106.

Index verborum latinorum.

Ab—beth—din—18, 19.
acta—90.
aerarium—93.
ambitus civitatis—19, 54.
amicus Caesaris—9, 73.
apostoli—24, 88, 97, 138.
appellatio—14, 21.
appellatio per saltum—82, 84, 85.
appello—22, 25, 88, 98.

Breviarium imperii—7.

Civitates foederatae et liberae—90.
cognitio extra ordinem—93, 94, 95, 317, 323.
comites—59.
commercium—90.
conclusio—85, 143, 318.
consilium—60.

Delegatio—25.
denuntiatio—89, 143.

Fiscus - 93.

Gesta—90.

Imago—20.
intercisio—85, 318.

Judex datus—94, 95.
judex pedaneus—93, 94.
judicium—94.
jus—10, 14, 21, 94.
jus appellandi Caesarem—85.
jus appell. Rom.—2, 25, 73, 77, 81, 82, 317.
jus civile—90, 91.
jus gentium—54, 91, 92, 95, 115, 321.
jus gladii — 13, 14, 19, 44, 49, 54, 66, 68, 83, 89, 91, 113, 311, 313.
jus Italicum—79.
jus Latii—78, 81, 318, 320.
jus proconsulare—93.
jus publicum—127.
jus revocandi domum—83, 317, 318.

Legati—8, 11, 60.
lex—20.
lex Julia ambitus—20, 320.
lex Julia majestatis—20, 65.
lex Julia Municipalis—7.
liberae civitates—14.
litis contestatio—89, 143.
litis denuntiatio—89. 143.
litterae dimissoriae — 88, 127, 138, 311.

Magistratus—20, 93.
municipium—20.

Nasi—18, 19.

Ordo judiciorum privatorum — 93, 94.

Praetor peregrinus—91.
potestas gladii — 13, 69. 92, 95, 185.
praefectus urbi—8.
praeses—23, 24, 25, 54, 66, 89, 142, 18[illegible], 196. 317, 321.
praeses provinciae—85, 138.
procurator - 9, 10, 34.
prorogatio juris gentium—91.
provocatio—14.

Quaestor—60.

Sacrilegium—20.
sella—57, 58.
sententia—94.
superstitio barbara—289.

Предметный указатель.

Автономный—53.
аггада—357, 360.
административный—13, 15, 16, 19, 30, 89, 92, 94, 95, 98, 104, 113, 117, 186.
администраторъ—91, 107.
администрація—50, 80, 200, 262.
адъ—51.
аппеллировать—14, 22, 23, 25, 77, 83, 85, 87, 94, 97, 123, 137, 317, 318.
аппеллянтъ—24, 27, 87, 88, 107, 138, 142, 311, 314, 320.
аппелляціонный—19, 24, 319.
аппелляція (—ированіе)—21, 22, 23, 24, 25, 56, 76, 81, 82, 85, 86, 87, 88, 94, 98, 107, 127, 136, 137, 138, 142, 313, 314, 316, 317, 318, 319, 320.
арестъ—49, 62, 188.
аристократія—17, 21, 36, 148, 158.
архисинагогъ—198, 199, 200, 201.
архонтъ (общины)—198.
асидеи—158.

Безсмертіе—158.
благочестіе (іуд.)—85.
богословіе—118.
богословскій—30, 69, 116, 122, 150, 159, 255, 265, 275, 313, 325.
богохульство—19, 70.
бунтовщикъ—23, 67.

Видѣніе (Шехина)—217, 222, 226, 256.
вина (виновность)—11, 14, 23, 43, 53, 62, 74, 89, 91, 92, 121, 138.
виновный—69, 70, 75, 76, 92, 98.
владычество (римское)—29, 34, 58, 65, 195, 360.
возстаніе—65.
вольноотпущенникъ—27.
воскресеніе—122, 158, 165, 166, 168, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 182, 202, 203, 210, 221, 222, 225, 253, 271, 277, 278, 279, 280, 281, 284, 285, 292, 348 сл. 353, 356, 357, 361.
воспитаніе (Павла)—327, 333 (іуд.).
всадникъ—6, 7, 9, 27, 30, 34, 65, 73, 83.

Гонительство—210.
городской—15, 50, 80, 148.
государство (римск.)—6, 26, 69, 71, 85, 90, 92, 110, 111, 113, 118.
гражданинъ (римск.)—14, 21, 22, 67, 70, 71, 73, 74, 77, 78, 79, 80, 81, 85, 92, 103.
гражданскій—13, 16, 19, 21, 71, 79, 80.
гражданство (римск.)—21, 23, 71, 78, 79, 80, 81, 86, 319.

Дата—31, 32, 33.
датировка—30.
дворецъ—12, 44, 59, 99, 101, 105, 126, 129, 130, 132, 142, 290, 298.
делегація—25.

день Очищенія—38.
депутаты—41, 47, 49, 50, 53, 54, 57, 58, 61, 74, 316
депутація—41, 42, 44, 45, 47, 49, 50, 60, 61, 66, 67, 68, 84, 98, 105, 108, 109, 110, 113, 114, 115, 116, 119, 120, 121, 122, 123, 131, 134, 143, 147, 172, 311, 315.
десятина—29, 35.
должность—50, 91, 107, 117.
духовный — 41, 42, 72, 122, 132, 134.
дѣлопроизводство (Синедр.)—189.

Жалоба—24, 25, 36, 37, 42, 66, 97, 98, 108, 111, 147.
жалобщикъ—69, 116.
жертва—20, 171, 172.
живой—354, 355.

Заключеніе—22, 80, 110, 123.
законникъ—85, 88, 89, 150, 165, 197, 203. 334.
законническій—167, 191, 221, 239, 253, 254, 276.
законничество (іуд.)—1, 95, 150, 155, 161, 164, 169, 180, 197, 253, 329, 335, 361.
законодательство—110.
законъ (іуд.)—4, 13, 19, 20, 21, 35, 64, 65, 66, 70, 83, 89, 113, 120, 127, 149, 150, 159, 160, 161, 163, 164, 168, 169, 182, 183, 187, 190, 191, 197, 198, 199, 200, 203, 216, 221, 226, 230, 238, 239, 244, 257, 276, 279, 280, 328, 331, 332, 333. 334, 336, 337.
законъ (культовый)—171.
законъ (римск.)—22, 23, 24, 30, 65, 76, 110, 124.
замыселъ—110, 114.
замѣна (намѣст.)—8.
засѣданіе—95, 151, 189, 317.
заштатный—18, 38, 39.
защита—69, 90, 98, 109, 111, 141, 143, 144, 145, 151.
Иго (римс.)—29.
императорскій—27, 72, 83, 93.
императоръ—6, 7, 11, 16, 20, 21, 22, 24, 25, 27, 28, 29, 83, 85, 87, 93, 102, 139, 143, 294.
инстанція (судебная)—14, 22, 68, 70, 76, 77, 86, 109, 110. (іуд.)—19, 44, 72, 83, 123. (рим. высшая)—24, 25, 73, 82, 83, 85, 87, 94, 138, 142, 185. (низш.)—23, 74, 88, 137, 142, 313, 314.
иродіане—149, 177.
истецъ—94, 95, 97, 99, 109, 143.

Іудаизмъ—91, 155, 202, 246, 253, 257, 266, 267, 268, 299, 360, 361.
іудаистическій—68, 183, 244, 250, 254, 275, 327, 348, 351, 358.
іудаистъ—256, 360.
іудей-эллинистъ—197, 199.
іудейство—3, 19, 44, 99, 118, 146, 157, 163, 164, 165, 166, 168, 169, 170, 177, 178, 181, 182, 196, 197, 200, 205, 282, 284, 300, 305, 306, 307, 313, 330.
іудео-талмудическія представленія — 274.

Казнь—13, 44, 49, 68, 77, 313, 318, 357.
квесторъ—60.
кесарь—64, 65, 67, 72, 73, 74, 76, 77, 81, 82, 83, 85, 86, 87, 98, 113, 123, 136, 137, 138, 139, 320.
классическій процессъ (суд.)—59, 60, 62, 109.
классы (провинц.)—7, 9, 11, 34.
кліэнты—59.
книжники—89, 255, 331.
компетентность—163, 296.

компетенція—12, 15, 19, 23, 25, 45, 66, 69, 70, 72, 73, 82, 87, 88, 109, 123, 135, 142, 150, 184.
консервативность—13.
консулъ — 7, 8, 9, 10, 11, 14, 39, 83.
консульство—6, 10, 83.
криминальный—84, 92
крестный (подвигъ)—357, 361.
кружокъ (политич.)—27.
культъ—20, 103, 118, 119, 170, 172, 280.
культъ Цезаря—10, 65.

Легатъ—6, 10, 60.

Магистратъ—89, 91, 93, 94.
мертвый—356.
мессіанскій—12, 120, 121, 203, 347.
Мессія—120, 159, 165, 166, 168, 169, 172, 176, 178, 182, 187, 224, 225, 251, 253, 267, 272, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 284, 285, 296, 238, 299, 304, 305, 306, 346 сл., 353, 354, 355, 356, 357—366.
монеты—4, 27, 195.
мораль іудейская—264, 265, 266.

Надзоръ (прокураторскій) — 12, 15, 21, 22, 37, 53, 70, 81, 97, 125.
надзоръ (церковный, іудейскій)—19, 40, 42, 45, 66, 99, 110, 184, 186, 193.
«Назорейская ересь»—120, 148, 200, 244, 256.
наказаніе—21, 23, 67, 76, 80, 82, 92, 98, 110, 122, 140, 311.
намѣстникъ (римскій)—1, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 19, 20, 25, 26, 29, 34, 37, 59, 60, 72, 73, 74, 82, 83, 84, 87, 88, 90, 92, 94, 95, 103, 105, 107, 116, 124, 142, 143, 294, 313, 318.
намѣстничество—11.
народъ (римск.)—20, 21.
населеніе—13, 26, 27, 30, 43, 45, 80, 87, 94, 107, 118, 134.
національностическій—29, 118, 162.
національный—15, 21, 27, 41, 65, 88, 89, 90, 91, 92, 95, 98, 100, 101, 113, 118, 125, 131, 154, 161, 168, 185, 198, 201, 327, 354, 356, 357, 360.
начальный (школа)—330.
неавтономный—19, 24, 26.
неблагонадежность—114.
невиновность—22, 75, 77, 80, 136, 141, 143, 311, 312, 318.
невиновный—68, 69, 72, 74, 76, 83, 85, 137, 138, 143, 164, 313.
некомпетентный—84, 115, 122, 126.
неподсудность—66, 318.
неприкосновенность—80, 81.
неримскій—14.
неэллинистическій—15.
низшій судъ—22, 87, 142.
номизмъ—333, 353.

Обвиненіе—60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 72, 74, 76, 83, 88, 91, 113, 114, 115, 116, 122, 141, 147, 189, 269.
обвинители—47, 53, 61, 62, 66, 76, 84, 97, 109, 111, 112, 113, 136, 143, 148, 157, 317, 318.
обвиняемый—72, 74, 83, 84, 85, 87, 97, 98, 109, 111, 112, 113, 116, 137, 139, 141, 189, 317.
область—15, 23, 34, 72, 79, 83, 91, 92, 98.
обученіе—331, 332, 334.
обычай (римс.)—47, 53, 70, 80, 111, 127, 134.
общественный порядокъ—67.
община (іуд.)—19, 81, 196, 263.
община (христианская) — 262, 263, 316.

община (эллинистическая іуд.)—199, 200.
обѣтованіе—164, 166, 167, 168, 169, 172, 176, 177.
округъ—16.
оправданіе—68, 72, 115, 121, 147, 189.
ораторъ—59.
орелъ (на монетахъ)—5.
осужденіе—47, 61, 65, 70, 84, 98, 105, 109, 110, 111, 113.
отеческое преданіе—154.

Паломникъ—28.
партія—28, 29.
патріотическій—26, 27.
патріотъ-сикарій—28.
патронатъ (римс.)—1, 95.
первосвященникъ (скій)—17, 18, 28, 29, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 45, 99, 103, 110, 125, 126, 150, 158, 172, 182, 184, 185, 186, 187. 194, 195, 200, 301, 324, 330.
повстанецъ—19.
подсудимый—23, 25, 88.
подсудность—68
подчиненіе (іуд. намѣстн. сир.)—11, 82.
показанія—98.
поклоненіе (общ. культовое)—171.
покушеніе—22.
политика—6, 26, 27, 45, 66, 67, 74, 92, 98, 100, 159.
политическій—28, 29, 49, 65, 66, 67, 68, 83, 90, 101, 113, 114, 115, 121, 125, 144, 150, 159, 161, 165, 168, 198, 354, 355, 357, 360.
полномочія—14, 83, 89, 98, 113, 186, 190, 191.
послѣдователь—28, 62, 99, 114, 115, 133, 173, 180, 203, 221, 224, 225, 255, 291, 299, 305, 312.
правитель—11, 19, 26, 91, 93, 94.
правленіе—5, 16, 39, 115.
право (іуд.)—19, 21, 22, 88, 89, 90. 92, 95, 110, 127, 321, 341, 343.
правовой—13, 14, 17, 21, 89, 91, 95.
право римскаго гражд. — 23, 79. 319, 325.
право (римское)—21, 72, 77, 84, 86, 88, 90, 110, 111, 137, 138, 141, 292, 293.
право охраненія храма—125, 324.
право утверждать синедр. выборы—99, 125, 126, 324.
правомочный (ность)—23, 86, 88.
представитель—27, 36, 40, 41, 42, 43, 44, 61, 62, 68, 85, 89, 90. 91, 99, 111, 115, 117, 123, 125, 132, 134, 146, 147, 148, 162, 200, 292, 306, 313.
преступникъ — 66, 67, 83, 89 109, 110, 111, 113, 121, 127, 138, 147, 161, 167, 311.
преступленіе—19, 46, 48, 49, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 81, 85, 89, 91, 92, 113, 114, 122, 313, 320.
преторъ—7, 8, 91.
префектъ—73.
предсѣдатель—18, 61.
привиллегія—14.
привиллегированность (ный)—79, 80, 81, 82, 325.
приговоръ—13, 14, 15, 19, 22, 25, 58, 61, 70, 73, 74, 84, 85, 89, 91, 92, 110, 123, 142, 188, 318.
Принцепсъ (принципалъ)—60, 72, 78, 79, 93, 94.
принципатъ—90.
пристрастность—22, 74, 313.
провинціалъ—21, 14, 24.
провинціальный—22, 25, 26, 27, 78, 90, 92, 93, 100.
провинція—7, 8, 13, 14, 15, 19, 20, 21, 22, 24, 26, 30, 34, 65, 78, 90. 91, 93, 94, 331.
продолжительность (службы)—7.

прозелитъ—54, 306.
произволъ—111.
проконсулъ—60.
прокураторскій—12, 46, 47, 53, 70, 97, 132, 156.
прокураторство—11.
прокураторъ—9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 19, 20, 22, 23, 26, 27, 29, 31, 35, 37, 39, 45, 47, 50, 51, 53, 54, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 81, 82, 83, 84. 85, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 95, 97, 98, 99, 102, 105, 106, 107, 109, 111, 113, 114, 115, 116, 117, 119, 121, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 142, 143, 144, 151, 165, 185, 186, 188, 292, 295, 310, 313, 314, 317, 318, 321, 323, 324.
прокуратура—26, 27, 83, 117, 315.
проповѣдникъ—106, 120, 121, 132.
пророкъ — 19, 29, 70, 298, 299, 300, 304, 306.
протестъ—23, 82, 98, 109, 110, 137.
протоколъ—85.
процессъ (римск.)—94, 61, 111, 317, 318.
процессъ (Ап. Павла) — 16, 21, 22, 33, 63, 68, 72, 77, 85, 86, 87, 89, 92, 97, 98, 103, 106, 107, 112, 137, 185, 320.
процессъ in jure—93, 94, 95.
процессъ in judicio—93, 94, 95.
процессъ формулярный—90, 93.
процессъ (синедр. гражд.)—189.
процессъ (синед. уголов.)—189.
публичный—23.

Равванъ—155.
раввинъ—65, 154, 155, 160, 161, 163, 168, 189, 191, 236, 239, 255 267, 329, 335, 336, 337, 338, 339, 341, 344, 345, 346, 348, 350.
раввинизованное іудейство—276.
раввинистическая традиція — 154, 155, 342.
раввинское толкованіе — 120, 191, 197, 297.
разбойникъ—23, 45.
расправа—28.
распятіе—21, 121.
ревнитель—28, 83. 85, 182.
религіозный—15, 28, 29, 65, 66, 68. 69, 83, 91, 98, 99, 101, 106, 114, 115, 116, 119, 121, 125, 126, 145, 147, 151, 153, 154, 158, 159, 161, 168, 170, 184, 186 190, 196, 198, 200, 237, 299.
религія (іуд.) — 4, 65, 117, 118, 119, 121, 126, 153, 154, 155, 162, 163, 169, 173, 178, 180, 187, 199, 234, 289, 299, 306.
религія—49, 92, 116, 118, 119, 144, 145, 153, 177, 291, 292.
республиканскій—93, 143.
римскій юристъ—26, 45, 90, 98.
ритуалъ—170.
романизація—10, 13, 21, 27, 81, 90, 94, 98, 102.

Саддукей—17, 18, 158, 159, 177, 186. 278.
саддукейскій—62, 157, 158, 159, 161, 177, 339.
саддукейство—157, 158, 161, 177, 341, 347.
самостоятельный—16, 83, 93, 94.
самоуправленіе—15.
свидѣтель—98.
свита—59, 151.
свѣтскій—17, 19, 41, 42, 50, 69, 72.
святилище—101, 126, 149, 268.
священникъ—17, 35, 100, 158, 171, 182.
священство—29.
секта—157, 162, 163, 177, 182, 231, 257.

сектантъ — 83, 121, 122, 178, 185, 290, 292.
сенатскій—93, 94.
сенаторъ—6, 7, 42, 83, 186
Сенатъ—7, 81, 90, 93, 186.
сикарій—45, 46, 66, 113, 185
синагога—149, 161, 163, 190, 191, 193, 198, 199, 200, 201, 236, 259, 278, 331, 332.
синагогальный—199, 200, 275, 331, 332, 333, 337.
синедріалъ—72, 187, 316.
синедріальный—69, 70, 74, 84, 99, 125, 185, 200, 201, 300.
Синедріонъ—3, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 37, 38, 40, 41, 45, 46, 51, 54, 66, 69, 70, 72, 74, 83, 84, 87, 103, 108, 109, 110, 113, 120, 123, 125, 154, 155, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 193, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 205, 216, 218, 221, 227, 244, 255, 266, 267, 269, 316, 317, 339.
сирійскій—10, 11, 29, 39.
сирійцы—29, 32.
смертный приговоръ—13, 15, 54, 69, 84, 114, 185, 188, 189, 190, 193.
собраніе (у Феста)—130, 131, 132, 134, 138, 140, 141, 142, 143, 144, 147, 148, 151, 187, 266, 301, 311.
сообщники—28.
соціальный—23, 49, 114, 115, 168.
старѣйшины—15, 16, 42, 49, 126.
судебная власть—13, 15, 86, 317.
судебное кресло—58, 72.
судейское мѣсто—112.
судебная палата—25.
судебный протоколъ—85.
судебное разслѣдованіе (разбирательство)—95, 110, 141, 142.
судопроизводство (римск.) — 21, 22, 23, 58, 73, 74, 87, 89, 92, 93, 94, 95, 109, 142, 317, 318.
судья—1, 22, 58, 60, 61, 74, 93, 94, 109, 114, 122, 126, 132, 142, 143, 148, 150, 157, 189, 316, 318.
судъ (іуд.)—13, 44, 45, 54, 66, 69, 70, 71, 78, 87, 110, 118, 123, 136, 185, 188, 190, 200
судъ (Кесаря)—14, 21, 22, 24, 25, 72, 76, 77, 82, 85, 86, 87, 88, 98, 138, 142, 312, 314, 317, 318.
судъ (надъ ап. П.)—1, 22, 30, 46, 48, 53, 81, 87, 88, 97, 112, 113, 124, 143, 151, 156, 166, 167, 184, 266, 315, 317.
судъ (римск.)—14, 25, 44, 58, 59, 61, 88, 93, 94, 95, 109, 111, 323.
суевѣріе—116, 117, 118, 119.

Тамидъ (жертва)—171, 172
теократическій—13, 15, 19, 84, 101, 170.
тетрархія—99.
толкованія—337, 342, 343.
топархія—15, 16, 19, 196.
трехдневный срокъ—22.
трибуна—83.
трибуналъ (римск. прокур.)—47, 61, 65, 66, 68, 84, 115, 136, 295, 299.
тюрьма (темница) — 37, 44, 46, 80, 89, 97, 105, 107, 133, 139, 185, 186, 188, 190, 193, 202, 217, 292.
тысяченачальники—151.

Убійство—28, 46, 84.
уголовный—13, 21, 69, 73, 82, 88, 138, 343.
уполномоченный—74.
управленіе (пров.)—6, 7, 28, 72, 93.
устный (законъ)—348, 349.

Фанатизмъ—28, 36, 113.
фанатикъ—23, 26, 61, 63, 155, 184, 188, 203, 210, 216, 238, 244, 255.
фарисей (скій)—17, 18, 62, 64, 65, 155, 157, 158, 159, 160, 161, 162,

163, 165, 166, 168, 169, 176, 179, 181, 182, 183, 184, 185, 187, 188, 190, 191, 200, 202, 203, 210, 218, 221, 222, 225, 227, 230, 236, 239, 243, 245, 246, 251, 252, 256, 259, 266, 267, 327, 329, 338, 339, 340, 344, 346, 347, 352.

фарисей-зилотъ—255.

фарисей (шехемитъ, никфи, кинай, медоркія, «скажи мнѣ еще обязанность», боязливый, «фарисей любви»)—160.

фарисейство—156, 157, 158, 160, 161, 162, 168, 177, 203.

философскій—23.

фискъ (имп.)—7, 15, 72.

Храмъ — 20, 21, 40, 64, 65, 89, 95, 99, 101, 125, 126, 149, 158, 171, 190, 197, 301, 324.

хронологическій—30, 31, 33, 103.

хронологія—30, 31.

Царство (мессіанское)—279, 280, 353 сл.

Цезарь — 3, 4, 5, 7, 8, 14, 20, 21, 22, 25, 52, 56, 59.

цензурный—69.

цензъ—27, 50, 70.

центуріонъ—311.

церковный — 19, 38, 40, 41, 45, 69, 101, 103, 121, 150, 163, 186, 199 201, 324.

Шеолъ—282, 352.

Шехина—212, 213.

Юридическій—17, 23, 47, 85, 88, 89, 90, 92, 95, 104, 109, 110, 123, 139.

юрисдикція (іуд.) — 54, 72, 135, 199 (іуд элл.).

юрисдикція (неримск.)—14.

юрисдикція (римская) — 11, 49, 73, 76, 83, 97, 110, 125.

юристъ (іуд.)—21.

юристъ (римск.)—26, 44, 45, 90, 94, 98, 114.

Явленіе (Господа Ап. Павлу) — 205, 208, 209, 210, 211, 218, 221, 222, 223, 228, 229, 230, 231, 232, 251, 252, 254, 255, 256

язычество—146, 305

язычники — 237, 239, 240, 241, 242, 263, 264, 265, 268, 274, 279, 282, 283, 284, 288, 289, 291, 324, 349.

Эллинизмъ—2, 3, 5, 197.

эллинистическій — 2, 17, 198, 199, 200, 316, 326, 327.

эсхатологія—347, 351, 352.

эсхатологическія (мессіанскія) представл.—280, 285.

Указатель именъ.

Августъ—5, 6, 7, 8, 21, 22, 73, 79, 118, 135, 136, 138.
Агриппа I—9, 11, 99, 149, 150, 161.
Агриппа II—32, 38, 47, 56, 69, 99, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107. 109, 110, 116, 117, 122, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 134, 135, 137, 138, 139, 140, 143, 144, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 155, 176, 177, 178, 187, 204, 208, 209, 216, 235, 257, 262, 263, 266, 268, 272, 273, 275, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 304, 305, 306, 307, 308, 310, 311, 312, 313, 314, 321, 324.
Агриппина—27.
Азисъ, царь Эмесскій—32, 101.
Азія Малая—78, 269.
Акрабата (топархія)—16.
Акиба-бен-Іосифъ—267.
Александра Саломея—2.
Александръ (первосвященникъ)—40.
Александръ Северъ 138.
Александръ (сынъ Аристовула)—3.
Альбинъ—31.
Ананъ (градоначальникъ)—14.
Ананъ (первосвящ.)—38, 40.
Анамія (Дамасскій)—194, 211, 235, 236, 252, 257.
Анамія (первосвящ.)—14, 37, 38, 39, 41.
Анна (первосвящ.)—18, 39, 158.
Антигонъ (послѣдній Асмоней)—3.
Антіохія—164, 305.
Антіохъ IV Епифанъ—5, 38, 171.
Антоній—3, 4, 118.
Аполлосъ—52.
Аравія—195, 261.
Арефа—23, 195, 201.
Аристовулъ—2, 3, 32.
Арменія Малая—32.
Архелай—5, 6.
Асмонеи (династія)—2, 150.

Баркохеба—267.
Боэтъ—40.

Валерій Максимъ—78.
Варнава (Ап.)—211, 258, 263.
Веенна (галл.)—5.
Вереника — 56, 69, 100, 101, 102, 131, 144, 310, 321.
Веспасіанъ—100.
Вителлій (конс.)—10.
Виелефтеда или Пелла (топархія)—16.

Галилея—15, 16, 99, 120, 196, 298.
Гамаліилъ—154, 155, 158, 162, 179, 182, 201, 221, 244, 262, 266, 269, 339, 340
Гиллель—160.
Гирканъ II—2.
Гофна (топархія)—16.

Дамаскъ—2, 156, 193, 194, 195, 196, 197, 200, 201, 205, 210, 211, 212, 216, 235, 244, 245, 252, 254, 255,

257, 258, 259, 261, 262, 263, 268, 277.
Діоклетіанъ—90.
Домиціанъ—139.
Друзилла—101.

Египетъ—28.
Елеазаръ (мятежн.)—14.
Елеонская гора—28.

Идумея—5, 6, 76.
Измаилъ (первосвящ.)—35, 37, 38, 39, 41.
Илія (пр.)—350.
Иродъ (Вел.)—2, 3, 4, 5, 12, 16, 17, 19, 29, 44, 58, 129, 130, 177, 298, 300.
Иродъ Антипа—5, 201, 316.
Иродъ Халкидскій—32, 37, 99, 100, 125, 324.
Иродіонъ (топархія)—16.
Итурея—301.

Іерихонъ—16.
Іоаннъ (первосвящ.)—40.
Іоаннъ Гирканъ—5.
Іонафанъ (первосвящ.)—28, 32, 39.
Іосифъ (бен-Ханинъ)—40.
Іосифъ (первосвящ.)—38.
Іоппе (городъ)—6.

Каіафа—39.
Каій—10, 60, 149.
Калигула—138, 195.
Кассій Лонгинъ (сирійск. консулъ)—10, 11.
Квадратъ Уммидій (консулъ Сиріи)—14, 28.
Квиринъ (намѣстн.)—6.
Клавдій (импер.)—9, 10, 11, 27, 99, 100, 195, 301, 324.
Клавдій Лизій (коменд. Іерусал.)—37, 44, 45, 47, 49, 80, 81, 104, 269, 270.
Киликія (область)—262.
Копоній (намѣстникъ)—6.
Коринѳъ—64.
Критъ—31.
Куспій Фадъ (намѣстн.)—10, 11.
Куманъ (прокур.)—10.

Лентулъ (консулъ)—78.
Лидда—16.
Лизаній (тетрархъ)—99.
Лидда—16.

Моисей—51, 211, 290, 297.
Миѳра (культъ)—118.

Недебаія—38.
Неронъ—1, 32, 88, 99, 110, 126, 127, 195, 301, 305.
Неронида—100.
Никодимъ (фарисей)—158, 162, 165, 168, 176, 203, 225.

Октавіанъ Августъ—93.
Октавій—4.

Палласъ—27.
Перея—15, 16, 99.
Петроній—10, 60.
Петръ (ап.)—19.
Пилатъ Понтій—10, 14, 23, 49, 58, 59, 71, 84, 111, 313.
Плиній—73, 144.
Полемонъ, царь Киликійскій—100, 101.
Поппея—126.

Самарія—5, 6, 9, 16, 263.
Сардинія—60.
Сераписъ—118.
Сила—(ап.) 57, 80.
Симеонъ (отецъ Гамалиила)—154.
Сирія—3, 6, 7, 10, 11, 14, 60, 78, 82, 83, 195, 259, 262.

Скавръ (римск. легатъ)—2, 3, 195.
Созій—3.
Стефанъ (іерод.)—155, 184, 188, 196.

Тарсъ Киликійскій—79, 154, 155, 162, 325, 326, 338.
Тиверіада—316.
Тиверій—118, 138.
Титъ (имп.)—100.
Траянъ—73.
Трахонида (обл.)—301.
Троада—57, 104.
Трофимъ изъ Тарса—268, 269.

Фабій—37, 38, 40.
Феликсъ (прокур.)—1, 9, 14, 21, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 44, 57, 58, 61, 65, 80, 81, 104, 105, 107, 165
Филонъ (лег.)—60.
Филиппы—56, 78, 80, 81, 104.
Филиппъ (Трах.)—59.
Финикія—263.
Флоръ (прок.)—51, 57, 58.

Халкида—301.

Юлій Цезарь—6.
Юстиніанъ—73

Язонъ (перв.)—5.

Ѳамна—16.

Эммаусъ—16.
Энгадди—16.
Эфесъ—142.

«40»—66.

ADJUMENTUM LIBRARIUM [1]).

Novum Testamentum Graece pr. Tischendorf, vol. II, ed. oct. crit. major. Lipsiae. 1872.

Novum Testamentum Graece cur. E. Nestle, Stuttgart, 1910.

Της καινης Διαθηκης απαντα. Londini (Brit. soc.), ετει ,αωος'

Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа на слав. и русск. языкъ. СПБ. 1893, изд. 4 (синод.).

Іоанна Златоуста *Бесѣды на кн. Дѣяній,* СПБ. 1896—1897, чч. 1 и 2.

Οἰκουμενίου *Comment. in act. apost.* Migne *Patrol. curs. compl.* ser. gr. t. 118, c c. 284—293.

Θεοφυλάκτου *Expos. in act. apost.* Migne, ser. gr. t. 125, c.c. 813—828.

I. Cramer *Catenae gr. patr. in act. apost.* Oxonii, 1838, pp. 381—396.

Arator *De actibus apostolor.* Migne, ser. lat. t. 68, p. 232, vol. 1055.

Cassiodoris *Compexion. in act. ap.* Migne, ser. lat. t. 70, pp. 1402—1403.

Baeda *Super act. apost. expos.* Migne, ser. lat. t. 92, pp. 990—991.

S. Tregelles *The greek new Testament.* London, 1870.

Westcott - Hort *The new Testament in original greek,* Oxford, 1907.

I. I. Wetstenii *Novum Testamentum Graecum* (proleg.) Amstelodami, 1752.

---

[1]) Указанія на менѣе важную и случайную литературу—въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Барсовъ *Сборникъ статей по истолк. Дѣян.* Симбирскъ, 1894.

F. Bethge *Die Paulinischen Reden in der Apostelgeschichte.* Göttingen, 1887.

F. Blass *Acta apostolorum.* Göttingen, 1895.

I. Felten *Die Apostelgeschichte,* Freiburg, 1892.

Holtzmann *Hnd.-Komment. zum Neues Testament.* Freiburg, 1892, B. 1.

Хронологія В. и Н. З. перев. съ англійск. подъ редакціей проф. Н. Глубоковскаго, Кіевъ, 1911.

Проф. Богдашевскій *Хронологія книги Дѣяній* въ *Труд. Кіевск. Духовн. Академіи.* 1911, январь.

I. Knabenbauer *Comment. in Act. Apostol.* Parisiis, 1899.

A. Kònig *Die Echtheit der Apostelgeschichte,* Breslau, 1867.

Lange-Lechler *Der Apostel Geschichten.* Bielefeld, 1860.

I. Lightfoot *Horae hebraicae et talmudicae in Acta apostolorum.* Amstelodami, 1679

H. Meyer *Krit.—exeget. Handb. über. d. Apg.* Götting, 1861.

Meyer-Wendt. *Krit—exeget. Handb. üb. d. Apostg.* Götting. 1888.

Арх. Михаилъ *Толковый Апостолъ.* Москва, 1876.

Николинъ *Дѣянія св. Апостоловъ.* Серг. Посадъ, 1895.

Olshausen-Ebrard *Die Apostelgeschichte.* Königsb. 1862.

Soden *Die Schriften des Neuen Testament.* Berlin, 1910, T. I. Abth. III.

R. Stier *Die Reden der Apostel,* Leipzig, 1861, Th. 1—2.

Arnold *The roman system of provincial administration.* Oxford, 1906.

Аѳаксадовъ *Іерусалимскій Синедріонъ.* Казань, 1903.

F. Bénoit *L'Architecture. Antiquité.* Paris, 1911.

Волковъ-Филипповъ *Словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ.* СПБ. 1901.

A. Deissmann *Licht vom Osten.* Das. N. T. und die neuendecte Texte der hellenistisch-römischen Welt. Tubingen, 1909.

A. Deissmann *Paulus.* Eine kultur-und religionsgeschichtliche Skizze. Tubingen, 1911.

Свящ. Г. Добронравовъ *Гоненіе Ирода Агриппы на христ.* Серг. Посадъ, 1911.

Еврейская Энциклопедія. Подъ общ. редакціей д-ра Л. Каценельсона и бар. Д. Г. Гинцбурга. СПБ. Т.т. I—VIII.

Flavii Iosephi *Opera* edidit et apparato critico instruxit Benedictus Niese.

Vol. IV—Berolini, MDCCCLXXXX.

Vol. VI—Berolini, MDCCCXCIV.

L. Friedlander *Darstellung. aus d. Sittengesch. Roms.* Lpz. 1873, Th. 1, 2, 3.

Проф. Н. Н. Глубоковскій *Благовѣстіе со. ап. Павла по его происхожденію и существу.* СПБ. 1905—1910. Кнн. 1 и 2.

Гольцманъ *Паденіе іудейскаго государства*, перев. съ нѣм. Москва, 1899.

А. Горскій *Исторія евангельская и церкви апостольской.* Тр.-Серг. Лавра, 1902.

A. Harnack *Lukas der Arzt.* Lepzig, 1906.

Iam Hastings *A Dictionary of the Bible dealing with its language, literature, and contents including the biblical theology.* Edinburgh voll. I—IV, 1898—1902.

O. Hirschfeld *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten.* Berlin, 1905.

H. Holtzmann *Judenthum und Christenthum.* Lpz. 1867.

U. Holzmeister *Der hl. Paulus vor dem Richterstuhle des Festus* (A G 25, 1—12) въ *Zeitschrift f. kathol. Theolog.* 1912, III.

I. Jelsky *Die innere Einricht. d. gr. Synedr. zu Jerus.* Breslau (sine anno).

Арх. Иннокентій *Сочиненія.* Т. XI, Москва, 1872.

I. M. Iost *Geschichte des Iudenthums und seiner Secten.* Abtt. I—III. Leipzig, 1857—1859.

Lingenthal *Geschichte d. griechisch.—römisch. Rechts*, Berlin, 1877.

Lübke-Semrau *Die Kunst des Alterthums.* Stuttgart, 1899.

T. Mommsen *Römisches Strafrecht.* Lpz. 1899.

T. Mommsen *Römisches Staatsrecht.* Leipzig, 1877, B. II, Abth. 1.

T. Mommsen *Romisches Staatsrecht.* Leipzig, 1877. B. II, Abth. 2.

T. Mommsen *Römisches Staatsrecht.* Leipzig, 1887. B. III, Abth. 1.

T. Mommsen *Die Rechtsverhältnisse des Ap. Paulus (Zeitschrift für. N.—Testamentlichen Wissenschaft.* 1901, s. 81 ff.).

T. Mommsen'омъ ed. *Corpus juris civilis* (Digesta). Berol MCMV.

A. Neander *Geschichte d. Pflanz. u. Leit. d. chr. Kirche.* Hamburg, 1838.

Nösgen *Geschichte der apostolisch. Offenbarung.* München, 1893.

C. Plinii *Epistolae et Panegyricus,* Halae, 1748.

Э. Ренанъ *Апостолъ Павелъ,* съ франц. Москва, 1907.

D. Emil Schürer *Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Iesu Christi.* III и IV Aufl. B. I. Lpz. 1901. III Aufl. B. II. Lpz. 1898. III Aufl. B. III. Lpz. 1898.

Sieffert *Pharisäer* въ Herzog-Hauck *Realencyclop. für protest. Theol. und Kirche.* XV^3, Lpz. 1904.

Пр. Смирновъ *Мессіанскія ожиданія и вѣрованія іудеевъ времени Іисуса Христа.* Казань, 1899.

Strabonis *Geographia.* Amstelodami, MDCCVII.

C. Taciti *Opera* ed. Ruperti, Hannoverae, 1834—1839. Volum. II (*Annal.* libri sex poster.), Volum. III (*Historiarum* quinque libri).

Б. Флетчеръ *Исторія архитектуры.* Перев. съ англ. Т. I. СПБ. 1911.

T. Weber *Judische Theologie a. Gr. d. Talm. m. verw. Schr.* Lpz. 1897.

K. Wieseler *Chronologie d. apost. Zeitalt.* Gotting., 1848.

G. Winer *Biblisch.—Realwörtb.* Lpz. 1838. B. II.

Th. Zahn *Paulus der Apostel* въ Herzog-Hauck *Real-En-*

cyclop. für protest. Theol. und Kirche. Aufl. III. B. XV, Lpz. 1904.

Проф. Хвостовъ *Исторія римскаго права.* Москва, 1911.

F. Blass *Grammatik der neutestam. Grăcität.* Gotting. 1896.

C. Bruder Ταμιειον τ. τ. καιν. διαθηκ. λεξεων. Lpz. 1888.

H. Cremer *Bibl.—theologisch. Wörterb. d. nt. Grăcit.* Gotha, 1902.

Ebeling. *Griechisch-Deutsches Wörterbuch zum Neuen Testamente.* Han-Lpz. 1913.

Schirlitz-Eger *Griechisch.—deutsch. Wörterb. z. N. T.* Giessen, 1908.

Fr. Zorell *Novi Testamenti Lexicon Graecum* (изъ *Cursus Scripturae Sacrae* auct. R. Cornely, I. Knabenbauer, Fr. de Humelauer), Parisiis, 1911.

G. B. Winer's *Grammatik d. neutestam. Sprachidioms.* VIII Aufl. bearb. P Schmiedel. Gotting. 1897.

K. Kautsky *Der Ursprung des Christenthums.* Stuttgart, 1908—отрицательное, но богатое по даннымъ изъ императорской эпохи исторіи Рима и Іудеи сочиненіе.

CORRIGENDA.

5 (пр. 3) βασιλευς	βασιλεύς
11 (пр 2) της	τῆς
13 (пр. 2) Staatsrescht	Staatsrecht
21 (9 стр. св.) ἐτίρασεν	ἐπείρασεν
33 (10 стр. сн.) ημέρας	ἡμέρας
35 (9 стр. сн.) ἐνεφανισαν	ἐνεφάνισάν
36 (12 стр. св.) ἐνεφανισαν	ἐνεφάνισαν
41 (11 стр. св.) замѣняется	замѣняются
43 (1 стр. св.) αἰτουμενοι	αἰτούμενοι
— (16 стр. св.) Дѣписателя,	Дѣписателя.
47 (4 стр. сн.) συγναταβαντες	συγναταβάντες
— — εστὶν	ἐστὶν
50 (8 стр. св.) συν	σὺν
52 (1 стр. св.) δυνατος	δυνατὸς
— (3 стр. св.) ων	ὢν
— (14 стр. св.) κατεστησεν	κατέστησεν
— (16 стр. св.) ἀρχῶν	ἄρχων
59 (8 стр. сн.) τα	τὰ
— (4 — —) επαύριον	ἐπαύριον
70 (1 стр. св.) αὐτου	αὐτοῦ
63 (2 стр. св.) αὕτοῦ	αὐτοῦ
67 (14 стр. св.) στασιν	στάσιν
— (21 стр. св.) ἔιπεν	εἶπεν
71 (5 стр. св.) Ἰουδαῖοις	Ἰουδαίοις
73 (2 стр. сн.) Καίσαρός	Καίσαρός
79 (3 стр. сн.) tra eller	traveller
81 (9 стр. св.) [2]	[1]
— (прим.) [2]	[1]
84 (17 стр. сн.) ἐμου	ἐμοῦ
96 (22 стр. сн.) ϛα	ναὶ
102 (10 стр. сн.) δε	δὲ
108 (1 стр. св.) ου	οὗ
— (10 стр сн.) προς	πρὸς

113 (1 стр. св) характеризируетъ	хяракгеризуетъ
128 (16 стр. сн.) πόλεως	πόλεως"
133 (15 стр. св.) μη	μή
— (6 стр. сн.) ανευ	ἄνευ
136 (1 стр. св.)	ℵ*
138 (2 стр. св.) добавляетъ,	добавляетъ
140 (6 стр. св.) δε προς τον	δὲ πρὸς τὸν
141 (13 стр. св.) 2),	2)),
147 (6 стр. св.) ἑμαυτον	ἐμαυτόν
149 (15 стр. св) 'πι	ἐπί
154 (1 стр. сн) См. Addenda.	3) См Addenda.
— (2 стр. сн.) Bethge	2) Bethge.
156 (8 стр св.) ανωθεν	ἄνωθεν
— (10 стр. св.) εζησα	ἔζησα
167 (2 стр св) ημῶν . . . . νυκτα	ἡμῶν . . . . νίκτσ
170 (19 стр. св) λατρευον	λατρεῦον
183 (10 стр сн) παλλα	πολλὰ
200 (18 стр. св) синедріона	недріона
206 (пр. 1) межетъ	можетъ
222 (8 стр. сн.) ε πα	εἶπα
223 (8 стр. сн.) νύρις	κύριε
230 (12 стр. сн) ὀφθήσμαι	ὀφθήσομαι
234 (9 стр. сн.) φως	φῶς
265 (4 стр. св.) διαχειρίσασθαι.	διαχειρίσασθαι.
272 (4 стр. св.) εθνεσιν.	ἔθνεσιν.
277 (9 стр. сн) свободнымъ	свободными
293 (12 стр. сн) κρατιστε	κράτιστε
306 (16 стр. св) cAB	ℵcAB

